

АКАДЕМИЯ НАУК СССР  
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

С. Л. Утченко

КРИЗИС  
И ПАДЕНИЕ  
РИМСКОЙ  
РЕСПУБЛИКИ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»  
Москва, 1965

Предлагаемая работа трактует, в основном, проблемы социальной и политической истории последних лет существования Римской республики; проблем экономического характера автор касается лишь в той мере, какая, с его точки зрения, необходима для понимания явлений общественной жизни.

В работе, посвященной гибели республики, нельзя не говорить о рождении империи. Сознвая и учитывая это обстоятельство, автор тем не менее стремится исходить не столько из своих (или установившихся в научной литературе) представлений о Римской империи, сколько из данных анализа различных симптомов кризиса и разложения самой республики. Такой путь, на взгляд автора, предоставляет более благоприятные возможности для того, чтобы избежать столь частого (хотя иногда и невольного) налета телеологизма. Однако и в этом случае — в особенности при постановке некоторых общих проблем — приходится отправляться от «конечного факта» и искать его объяснения «во всей совокупности условий предшествующей поры»<sup>1</sup>. Так мы вынуждены поступить в данном введении при рассмотрении двух проблем, подробный исторический анализ которых не может быть включен в хронологические рамки исследуемого нами периода. Это — проблема полиса и проблема социальной революции (применительно к условиям римского общества). Без освещения этих проблем не могут быть выяснены полностью причины падения республики, а следовательно, и становления империи.

Кстати сказать, понятие «Римская империя» издавна выступает перед нами в двух значениях. Первое из них — более пространное, но и более «узкое» — употребляется в исторической литературе чуть ли не со времен аббата Тиллемона, т. е. с конца XVII в. (если не раньше). В соответствии с привычными и глубоко укоренившимися представлениями Римская

<sup>1</sup> Р. Виппер. Очерки истории Римской империи. Берлин, 1923, стр. 1.

империя «начинается» с момента установления императорской власти абсолютистского типа (и сопутствующей этому явлению деградации республиканских учреждений). У сторонника подобной точки зрения основной тезис всегда остается без изменения, известны лишь варианты хронологического и формально-юридического порядка: начинать ли «эпоху империи» со времени правления Августа или диктатуры Цезаря (или даже — с диктатуры Суллы), считать ли с государственно-правовой точки зрения принципат Августа монархией или «дидархией»<sup>2</sup>.

Второе — более «широкое» — значение понятия империи с начала века начинает все чаще и чаще встречаться в литературе. Мы имеем в виду прежде всего известный труд Р. Ю. Виппера «Очерки истории Римской империи». С точки зрения названного автора, Римская империя начинает складываться одновременно с развитием римской «империалистической» политики и превращением Рима в средиземноморскую державу. С этого времени уже можно и следует говорить о «Римской империи». Примерно так же подходят к вопросу о становлении Римской империи — на их взглядах мы еще остановимся подробнее — М. Ростовцев, Р. Сайм и некоторые другие авторы<sup>3</sup>.

Какое же из этих двух значений интересующего нас понятия следует принять? В известном смысле (и с известными оговорками) приемлемы оба (кстати сказать, вовсе не исключают друг друга) значения. Однако, с нашей точки зрения, совершенно неприемлема их обычная (и вкратце изложенная выше) мотивировка.

Если иметь в виду первое, т. е. более «узкое» значение, то для историка-марксиста на главное место выдвигается не вопрос о замене республиканского строя абсолютистским, монархическим, но вопрос о переходе политической власти в руки новых социальных слоев, новых фракций господствующего, т. е. рабовладельческого, класса. Однако трансформация самого гос-

<sup>2</sup> Монархический характер правления Августа наиболее настойчиво подчеркивал Гардтхаузен (V. Gardthausen, Augustus und seine Zeit, I, 1—3; II, 1—3. Leipzig, 1891—1904); теорию «дидархий» ввел впервые Моммзен (Th. Mommsen, Römisches Staatsrecht, II, Leipzig, 1887; он же, Abriss des römischen Staatsrechts, Leipzig, 1893). Что же касается представления принципате Августа как о res publica restituta, то подобную точку зрения привал Эдуард Мейер (Ed. Meyer, Caesars Monarchie und das Prinzipat Pompeius. Stuttgart—Berlin, 1922; он же, Kleine Schriften, I, Halle, 1910, Kaiser Augustus), однако довольно непоследовательно. Так, из его изложения неясно, сохраняется ли res publica restituta при преемниках Августа. Высказывалось даже мнение, что республиканский строй в Риме существовал вплоть до Коммода (Г. Ферреро, Величие и падение Рима, V. М., 1923). Таким образом, и здесь дело сводится лишь к хронологическим «передвижкам».

<sup>3</sup> Ср., например, J. Vogt, Römische Geschichte, I, Freiburg, 1932; G. Giannelli e S. Mazzarino, Trattato di storia Romana, I, Roma, 1953.

подступающего класса могла быть подготовлена и могла произойти только в новых социальных и политических условиях. Созревание же этих условий — достаточно длительный процесс. Таким образом, мы подходим к более «широкому» значению понятия империи. Но и его содержание для историка-марксиста опять же не столько в римской экспансии (или римском «империализме») и территориальном расширении римской державы, сколько в выходе Рима за рамки полиса, в замене «города-государства» новым типом социальной и политической организации, новым типом государства. В этом смысле (но только в этом смысле) можно сказать, что кризис республики равнозначен кризису полиса (в римских условиях).

Очевидно, подобная постановка вопроса требует прежде всего определения (или, по крайней мере, определенного понимания) природы античного полиса. Попытаемся, по возможности, выполнить эту задачу, причем скорее описывая и анализируя некоторые характерные признаки, чем отыскивая какую-то единую и вместе с тем исчерпывающую дефиницию.

Проблема полиса всегда занимала чрезвычайно важное место в политическом мышлении самих древних. Для них полис — единственно возможное и даже единственно мыслимое средоточие государственной жизни, гражданских прав и привилегий. Только тот, кто приобщен к полису — как правило, в силу своего рождения — только тот и есть полноправный гражданин, πολίτης, и как таковой только он и может принимать более или менее значительное участие в государственной жизни πολιτεία.

Поэтому политическое мышление греков, во всяком случае в «классический» период, никогда не выходило за рамки полиса. Любая конструкция базировалась на представлении о государстве как полисе. Даже в своем наивысшем развитии (у Платона и Аристотеля) политическая мысль древности вращается все в тех же пределах: идеальное государство Платона не что иное, как полис, к тому же — и это явление отнюдь не случайное — спартанского образца.

Как же сами древние понимали и определяли сущность полиса?

Первоначально словом πόλις очевидно, обозначалось укрепленное место, цитадель (=oppidum). Так, акрополь в Афинах, по свидетельству Фукидида, довольно долгое время назывался полисом<sup>4</sup>. Столь же «узкое» толкование термина можно встретить и у лексикографов<sup>5</sup>. Однако, если иметь в виду понятие πόλις в государствоведческих теориях древних,

<sup>4</sup> Thuc., 2, 15, 6.

<sup>5</sup> А т т о п., s. v. ἄστυ; ср. Etym. magn. и, в особенности, Etym. gud., s. v. πόλις.



то это понятие всегда выступает как несравненно более сложная категория.

Прежде всего полис — не только (и даже не столько) территория, но люди, некая общность людей. Тот же Фукидид устами Никия говорит, что полис это — люди, а вовсе не сами по себе стены города или корабли<sup>6</sup>.

Более того, полис — это не только некая общность людей (граждан). В понятие «полис» древние включали еще ту сумму материальных (и духовных) ценностей, которые эту общность создают. Так, Платон считал, что возникновение полиса как такового обусловлено необходимостью удовлетворения потребности в пропитании, жилище и одежде, потребности, которую человек в состоянии удовлетворить не единолично, но лишь в сообществе с другими людьми<sup>7</sup>. Аристотель к необходимым условиям существования полиса относил пропитание и владение землей<sup>8</sup>. Интереснейшее определение полиса дано в Псевдоаристотелевой «Экономике»: полис есть совокупность жилищ, территории, имущества, способная сама обеспечить свое благополучие<sup>9</sup>. И, наконец, развернутое определение — как подчеркивающее общность людей, так и перечисляющее те ценности, которые эту общность создают, мы встречаем у Цицерона

Много есть степеней общности людей, говорит Цицерон в De officiis, например, людей объединяет общность языка и происхождения, но еще более тесной связью следует считать принадлежность людей к одной и той же гражданской общине, к civitas (= πόλις). Ибо очень многое является здесь общим достоянием граждан: форум, святилища, портики, улицы, законы, права, суды, голосование, кроме того, обычаи и дружеские связи, а также всякие взаимные дела и расчеты<sup>10</sup>. Все это создает ту общность, которая наиболее близка и дорога каждому (omnium societatum nulla est gravior, nulla carior), которая есть не что иное, как государство, родина и которая одна только вмещает в себя все общие привязанности (sed omnes omnium caritates patria una complexa est)<sup>11</sup>.

В другом месте Цицерон говорит, что государства и общины (res publicae civitatesque) основаны главным образом для того, чтобы каждый оставался владельцем того, что ему принадлежит (ut sua tenerentur). Если общежитие людей было

<sup>6</sup> Thuc., 7, 77, 7: ἀνδρες γὰρ πόλις καὶ οὐ τεῖχος οὐδὲ νῆες ἀνδρῶν κεναί.

<sup>7</sup> Plato. Resp., II, 369, B—C.

<sup>8</sup> Arist., Pol., VII, 7, 1, 1328 a 17.

<sup>9</sup> [Arist.], Oec., I, 1, 2: πόλις μὲν οὖν οἰκιῶν πλῆθος ἐστὶ καὶ χώρας καὶ κτημάτων ἀπάρχης πρὸς τὸ εὖ ζῆν. Кстати, дальше в тексте вместо слова πλῆθος употребляется еще более выразительный термин ἡ κοινωμία.

<sup>10</sup> Cic., de off., I, 17, 53.

<sup>11</sup> Ibid., I, 17, 57.

пень демократизации каждого конкретно взятого полиса — как это и подтверждается широко известными примерами — может быть совершенно различной.

В чем же принципиальное значение народного собрания как основного элемента полисной демократии? Народное собрание античного полиса являлось отражением в сфере общественной жизни господства той экономической категории, которая и была материальной базой полиса и которую мы, говоря словами Маркса, определяли как коллективную (совместную) частную собственность. Это означает, что народное собрание осуществляло право каждого собственника — члена гражданского коллектива — управлять своею собственностью и охранять ее, причем осуществление данного права — и в этом весь смысл деятельности народных собраний — происходило совместно, в коллективе. Народное собрание — орган коллективного волеизъявления корпорации собственников.

Что же касается связей и соотношения народного собрания как такового с другими обязательными элементами полисного устройства — советом и магистратами, то, как правило, совет существовал наряду с народным собранием и был органом, вообще говоря, самостоятельным и независимым. Во многих греческих полисах члены совета облекались пожизненными полномочиями. Так, в Массилии существовал совет, состоящий из 600 пожизненных членов (τιμοῦχοι), причем комиссия из 15 членов совета решала все текущие дела<sup>31</sup>. В Коринфе герусия состояла из 80 человек<sup>32</sup>. Подобного же рода совет имелся и в Аргосе<sup>33</sup>. Спартанская и критская герусии состояли из пожизненных членов, как и афинский ареопаг<sup>34</sup>. Кстати сказать, в Афинах, даже в период наивысшего расцвета демократии, когда выборный совет (βουλῆ) оттеснил на задний план ареопаг, роль этого нового совета — хотя он, несомненно, в большей степени зависел от экклесии, чем советы несменяемые, — все же была настолько велика, что постановления народного собрания облекались, как известно, в формулу: ἐῶσα τῇ βουλῇ καὶ τῷ δήμῳ. Подобная формула свидетельствует о разделении в какой-то степени верховной власти (во всяком случае, в принципе) между народным собранием и советом. Мы уже не говорим о выдающейся роли римского сената, состав которого не был выборным и комплектовался без всякого участия комиций. Формула же *senatus populusque Romanus* резко подчеркивает «диархический аспект» воззрений самих римлян на характер верховной власти в государстве<sup>35</sup>.

<sup>31</sup> Strab., 4, 179.

<sup>32</sup> Diod., 16, 65.

<sup>33</sup> Thuc., 5, 47.

<sup>34</sup> Arist., *Аф. пол.*, 3, 6.

<sup>35</sup> Liv., 10, 7; 21, 40—41.

Об этом с достаточной убедительностью свидетельствует хотя бы «политический идеал» Саллюстия, пропагандируемый им от ранних «Писем к Цезарю» и вплоть до его последнего произведения — до «Историй»<sup>36</sup>.

Роль магистратов в подавляющем большинстве греческих полисов (быть может, за исключением эфората в Спарте) была второстепенной<sup>37</sup>. Это нашло свое отражение и в государственной теории древних. Так, Аристотель, находя в каждом государственном устройстве три фактора (*μὲρις*), от различного соотношения которых зависит и самое различие государственных форм<sup>38</sup>, безусловно выдвигает на первое место коллегиальную «законосовещательную» власть (*τὸ βουλευόμενον*), которая является истинной носительницей государственности (*κύριος τῆς πολιτείας*), и только во вторую очередь говорит о значении магистратур (*τὸ περὶ τὰς ἀρχάς*)<sup>39</sup>. Из его определяет их «функциональное» и ограниченное значение<sup>40</sup>. Конечно, если иметь в виду не греческие полисы, но Рим, где характер власти высших магистратов определялся наличием империя, то здесь положение и роль магистратов были совершенно особыми<sup>41</sup>.

И, наконец, последней общей (и необходимой) «гарантией» права собственности следует считать полисную военную организацию. Не рассматривая эту организацию во всех деталях, укажем лишь на ее принципиальную связь с народным собранием, а также с избирательными правами. В основе этой связи всегда лежала земельная собственность, причем в зависимости от величины земельного участка дифференцировалась и доля того или иного члена гражданской общины в совместном распоряжении собственностью (политические права) и степень участия в совместной ее защите (военные обязательства и привилегии). Этот принцип был осуществлен не только в Солоновой конституции Афин или в центуриатном устройстве Рима, что известно достаточно широко, но он — с определенными особенностями и своеобразными чертами — лежал в основе полисного устройства целого ряда греческих государств (например, Мантиней<sup>42</sup> и т. п.).

Таковы наиболее характерные черты полисного устройства. Конечно, они не исчерпываются вышерассмотренными четырьмя

<sup>36</sup> См. ниже, стр. 101.

<sup>37</sup> Конечно, в олигархических полисах магистраты на деле могли иметь достаточно обширные полномочия (например, космы в критских городах), но в принципе их роль и функции все же были служебными.

<sup>38</sup> Arist., Pol., IV, 41—43, 1298a—1301a.

<sup>39</sup> Ibidem. В качестве третьего фактора Аристотелем выдвигаются органы судебной власти. Ср. ibid., VI, 1, 8, 1317b.

<sup>40</sup> См. Л. С. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 23.

<sup>41</sup> Там же, стр. 24—26.

<sup>42</sup> Arist., Pol., VI, 2, 2—3, 1318 b 21; ср. Plato. Legg., 744 b.

«гарантиями», но если говорить о других типичных чертах, то следует иметь в виду, что они носят уже более специальный характер и поэтому свойственны далеко не каждому полису.

Определяющее значение, очевидно, принадлежит здесь тому обстоятельству, в каких конкретных формах проступает в данном полисе его материальная основа, т. е. преобладают ли моменты коллективной или частной собственности (на землю). Если подходить к вопросу именно с этой точки зрения, то следует считать, что идеальнее всего право собственности гарантировалось в Спарте, где, как известно, земля и илоты были просто распределены между членами «общины равных» без права отчуждения<sup>43</sup>. Недаром лакедемонское государственное устройство наиболее соответствовало идеалам Платона, а Полибий, говоря о том, что законы Ликурга превосходно обеспечивали единодушие граждан, охрану Лаконики и прочность свободы, прежде всего отмечал такой момент Ликургова устройства, как равенство земельных участков<sup>44</sup>. В тех же полисах, где проблема собственности не решалась столь прямолинейно, где преобладали моменты частного владения (Афины, республиканский Рим), но все же право собственности неуклонно обуславливалось принадлежностью к гражданской общине, там необходимо было создание специальных, дополнительных «гарантий», как, например, запрещение эндогенного рабства<sup>45</sup>, замена родовых фил делением населения по территориальному признаку<sup>46</sup> и т. п. В связи с этим конституирование гражданской общины в Афинах и Риме шло, согласно традиции, во многом сходным путем, т. е. путем установления подобных «дополнительных гарантий».

И, наконец, еще один момент, который имел, до известной степени, теоретическое значение. Это — вопрос о размерах территории и численности населения полиса. Теоретически считалось, что и площадь и население полиса должны быть невелики<sup>47</sup>. Широко известно указание Платона относительно 5040 земельных участков<sup>48</sup>. Аристотель в «Политике», обстоятельно разбирая этот же вопрос, приходит к выводу, что как население, так и территория государства, во всяком случае, должны быть «легко обозримы»<sup>49</sup>.

Конечно, и на деле подавляющее большинство греческих полисов было совсем невелико как по своей территории, так

<sup>43</sup> Plut., Lyc., 8; 16; Agis, 5; 8; ср. [Heraclides Ponticus], II, 7 (FHG, II, 211).

<sup>44</sup> Polyb., 6, 48, 3.

<sup>45</sup> Arist., 'Αφ. πολ., 6, 1; Plut., Solon., 15; ср. Liv., 8, 28.

<sup>46</sup> Arist., 'Αφ. πολ., 21, 2; Pol., VI, 2, 11, 1319 b 32; Her., 5, 66; 69; ср. Liv., 1, 43; Dion., 4, 14.

<sup>47</sup> Plato. Legg., 742 d.

<sup>48</sup> Ibid., 737 e; 745 c.

<sup>49</sup> Arist., Pol., VII, 5, 2, 1326 b 18.

и по населению. Вот несколько примеров. В Фокиде на территории в 1650 кв. км умещалось 22 полиса, на о-ве Эвбее территорию в 3770 кв. км занимало 6 полисов, территория Аргоса равнялась 1400 кв. км, территория Аттики — около 2550 кв. км<sup>50</sup>. Но теоретические соображения о количестве населения и территории, как и сугубо теоретический тезис автаркии, т. е. экономически самодовлеющего полиса, никогда не были реальным препятствием для экстенсивного развития полисов. С другой стороны, полис, значительно расширивший в результате своей экспансионистской политики территорию, возглавивший в той или иной форме крупную державу, либо сравнительно недолго сохранял подобное положение, как то доказывает двукратный распад афинской архе, либо превращался из полиса в какое-то иное государственное образование, как это подтверждается примером самого Рима.

Таковы «гарантии» права собственности, определяющие наиболее характерные черты античного полиса. Нам представляется, что перечисление этих «гарантий» и попытка понять их внутреннее содержание может скорее приблизить нас к пониманию истинной природы античного полиса, чем поиски каких-то исчерпывающих и точных дефиниций.

Теперь нам, очевидно, следует вернуться к Риму. Республиканский Рим до определенной степени своего развития был типичным полисом. Поэтому мы имеем право рассматривать вопрос о кризисе республики в плане развития или, вернее, разложения тех характерных элементов полисной организации, которые были перечислены выше. Каково же направление этого процесса?

Прежде всего проблема земельной собственности в ее специфической форме, вскрытой К. Марксом, т. е. в форме античной собственности. Применительно к Риму Маркс писал: «Собственность — это собственность квинритская, римская; частный земельный собственник является таковым только как римлянин, но как римлянин он обязательно — частный земельный собственник»<sup>51</sup>. И, действительно, категория квинритской собственности в Риме — *dominium ex iure Quiritium* — в силу своей специфики может считаться наиболее близким и вместе с тем наиболее ярким и полным выражением материальной основы Рима-полиса.

На проблеме *ius Quiritium* мы остановимся в своем месте<sup>52</sup>; сейчас же следует подчеркнуть лишь факт разложения античной собственности в Риме. В предлагаемой работе будет сде-

<sup>50</sup> См. К. М. Колобова. Возникновение и развитие рабовладельческих полисов Греции. Л., 1956, стр. 43—44.

<sup>51</sup> К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству, стр. 41.

<sup>52</sup> См. стр. 110—112.

политическом отношении группировкой, к тому же, пострадав от проскрипций больше, чем все другие слои римского общества, они в этот период были поглощены сугубо меркантильными интересами и активного участия в политической борьбе не принимали. Впрочем, рядом со старым всадничеством, с детьми сенаторов, с выходцами из муниципиев уже поднималась новая группа служилого всадничества, которой предстояло в дальнейшем играть заметную роль<sup>58</sup>.

Таким образом, сенаторское и всадническое сословия (в их «классическом выражении») представляли собой сходящиеся со сцены фракции господствующего класса. Выступают новые социальные группировки, которые все в большей и большей степени претендуют на ведущее положение в сфере политической жизни и борьбы. Это — представители муниципальной знати, а затем и провинциальной знати, богатые вольноотпущенники, армейские ветераны из числа командного состава. Следует отметить, что это именно те слои общества, которые, как мы стараемся показать в своем месте, были в наименьшей степени связаны с полисной (античной) формой собственности и с полисными традициями Рима. Господствующий класс в значительной степени разбавляется этими *homines novi*. Наблюдается любопытное явление: процесс обоюдных уступок и приспособлений. Всем этим «провинциалам», *homines novi*, импонирует возможность влиться в ряды «староримской знати»; представителям же прежних привилегированных сословий поневоле приходится несколько потесниться и приспособиться к новой обстановке. Господствующий класс фактически трансформируется, и политическая власть переходит в руки уже этого, изменившего свою социально-политическую физиономию, «трансформированного» класса.

В этой связи возникает вопрос о характере самого перехода от республики к империи. Можно ли считать подобный переход — как это утверждает ряд исследователей — революционным? Если же это так, если это революция, то каков ее тип? Может ли она считаться революцией социальной?

Остановимся прежде всего на точках зрения, существующих в современной историографии. Наш краткий обзор, очевидно, следует начать с историка, чьи взгляды оказали наиболее заметное влияние на буржуазную историографию последних десятилетий, — с М. И. Ростовцева.

Его концепция становления Римской империи, в общих чертах, выглядит следующим образом. Во II в. до н. э. Рим, в результате развития экономики и изменившихся условий жизни, перестает быть крестьянским государством, руководимым земельной аристократией. Происходят чрезвычайно важные

<sup>58</sup> Н. А. М а ш к и н. Принципат Августа. М.—Л., 1949, стр. 447—449.

социальные сдвиги. В масштабе всей Италии возникает теперь не просто влиятельное сословие купцов, но крупная городская буржуазия. Это явление тесно связано с общей урбанизацией Италии во II в. до н. э.<sup>59</sup>

Состоятельная городская буржуазия не принимает вначале активного участия в политической жизни. Она достаточно занята решением ряда хозяйственных и финансовых проблем. Помимо этого ее вполне устраивает политика староримской аристократии, политика сената, в особенности по отношению к провинциям. Но растущее богатство двух высших сословий римского общества и привлечение крупных капиталов в сельскохозяйственное производство (виноградники и оливковые плантации) приводят к вздуванию цен на землю, к разорению крестьянства, чему, безусловно, содействуют и бесконечные войны. Эти процессы имеют своим результатом острый кризис в Италии. Традиционное правление римской аристократии, опиравшейся на крестьянское войско, вырождается ныне в олигархию знатных и богатых фамилий, а военная мощь Рима начинает заметно идти на убыль<sup>60</sup>.

Таковы общие соображения М. Ростовцева о причинах кризиса. С этих позиций он оценивает движение Гракхов, Союзническую войну (в довольно традиционных тонах), реформу Марка, которая приводит к решающему, с его точки зрения, результату — к созданию армии из пролетариев и разоряющихся крестьян. Эта последняя, полагает он, превращается ныне в более действительного представителя массы римских граждан, нежели народное собрание, и, вместе с тем, в более приспособленное оружие для достижения целей честолюбивых политиков. Задачей же тех, кто стремится использовать это орудие, становится, в первую очередь, изменение структуры города-государства, приспособление ее к нуждам мировой державы<sup>61</sup>.

Первым, кто осознал, считает Ростовцев, изменившуюся ситуацию и использовал новый фактор (т. е. армию) в политической жизни Рима, был Л. Корнелий Сулла. Его политическое кредо, которое превращало его в ярого врага программы Гракхов, заключалось в том, чтобы приспособить к нуждам государства власть сенаторского меньшинства. Возобновившаяся после его смерти гражданская война была лишь борьбой за власть, за первое место в государстве — боровшиеся стороны не имели особой политической программы, не стремились к радикальным реформам. Гражданская война благодаря этому все более превращалась в состязание хорошо организованных и тренированных армий под руководством честолюбивых политиков. Вот по-

<sup>59</sup> M. Rostovzeff. Gesellschaft und Wirtschaft im römischen Kaiserreich, I. Leipzig, 1929, S. 19.

<sup>60</sup> Ibid., S. 19—21.

<sup>61</sup> Ibid., S. 21—23.

чему следующий акт трагедии гражданской войны — борьба между Цезарем и Помпеем — представляется Ростовцеву столь запутанным и неясным в своих основных моментах. Цезарь выиграл войну, ибо был лучшим организатором и военным гением. Он, несомненно, имел широкую программу реформ, но не успел ее осуществить, а мы не можем ее реконструировать.

Борьба после смерти Цезаря, продолжает Ростовцев, снова носила хаотический характер. Ветераны Цезаря, безусловно, поддерживали Антония и Октавиана. Некоторые энтузиасты, главным образом из числа интеллигентов, бывшие ярыми противниками тирании Цезаря, стали на сторону Брута и Кассия. Основная масса принимала участие в борьбе, будучи к этому вынужденной, веря в обещанные земли и награды, надеясь на восстановление мира и спокойствия. Но в ходе борьбы, приведшей к соперничеству между Октавианом и Антонием, ситуация существенно изменилась. Постепенно Октавиан в глазах представителей высших сословий Рима, а также общегаллийской муниципальной буржуазии начинает олицетворять собою идею борьбы против восточного варварства и рабства за свободу и самое существование римского государства. Вот почему, с точки зрения Ростовцева, битва при Акции была первой битвой в гражданских войнах, которую выиграл не вооруженный пролетариат, боровшийся за свои интересы, но вся масса италийских граждан, а Октавиан выступал в этой битве не только как революционный вождь, стремившийся к личной власти, но и как борец за прошлое и будущее Рима. Он боролся против грозного призрака восточной монархии<sup>62</sup>.

Таковы взгляды М. И. Ростовцева. В их свете переход от республики к империи предстает в виде своеобразно понимаемой революции, основной движущей силой которой была новая римская армия — вооруженный пролетариат. Революционный характер этой армии автор подчеркивает неоднократно<sup>63</sup>; ее вожди — Марий, Цезарь, Антоний и Октавиан выступают как вожди революционного движения<sup>64</sup>. Недаром в одной из своих более ранних работ Ростовцев признавался, что его концепция становления империи, продуманная им «до конца», навеяна пережитыми событиями<sup>65</sup>, т. е. событиями Великой Октябрьской революции, к которой он, как известно, отнесся крайне враждебно. Таким образом, автор сам не скрывает модернизаторского характера своей концепции. Кроме того, он широко пользуется такими понятиями, как буржуазия (муниципальная)<sup>66</sup>,

<sup>62</sup> Ibid., S. 24—26.

<sup>63</sup> Ibid., S. 29.

<sup>64</sup> Ibid., S. 30.

<sup>65</sup> М. И. Ростовцев. Рождение Римской империи. Пг., 1918, стр. V, (Предисловие).

<sup>66</sup> M. Rostovzeff. Gesellschaft..., S. 19, 22, 26, 28, 30, 32.



капитализм<sup>67</sup> и т. п., т. е. терминами и понятиями, типичными для всех модернизаторов античности.

Не менее определенно и последовательно понимание перехода от Римской республики к империи как некоей революции проводится в известной работе Р. Сайма, которая, кстати говоря, так и называется — «Римская революция». В первой же главе, посвященной характеристике римской олигархии, автор подчеркивает ту мысль, что политическая жизнь в Риме определялась не борьбой партий или программ современного парламентского типа, не мнимой оппозицией и противоречиями между сенатом и народом, *optimates* и *populares*, *nobiles* и *populi homines*, но спором за власть, богатство, славу. Соперничество развивалось в среде самого нобилитета; знатные фамилии определяли историю республики, давая свои имена эпохам. Так, например, были век Сципионов, век Метеллов<sup>68</sup>.

Политические партии, подчеркивает Сайм, основывались на родстве, дружбе (*amicitia*), клиентских связях. Эти специфические черты определяли, в известной степени, характер римской олигархии. Последняя была отнюдь не фикцией политической теории, но реальным явлением. В любой период истории республики около 20—30 человек, выходцев из господствующих фамилий, держали в своих руках монополию на власть и господство. Знатные фамилии то возвышались, то сходили на нет, по мере распространения римского влияния на Италию круг семей, из числа которых нобилитет рекрутировался и обновлялся, становился шире. Но хотя состав правящей олигархии постепенно трансформировался вместе с трансформацией самого римского государства, однако приемы и методы динамической политики менялись весьма незначительно<sup>69</sup>.

В этой связи Сайм дает краткий обзор смены знатных фамилий, игравших ведущую роль в определенные периоды римской истории. Тут называются Валерии и Фабии, Корнелии и Эмилии, Клавдии и Ливии и, наконец, Цецилии Метеллы — сердцевина и опора сулланской «партии». Однако именно после диктатуры Суллы начинается кризис правящей аристократии<sup>70</sup>.

Затем автор обращается к рассмотрению периода возвышения Помпея, от которого он переходит к Цезарю. Пожалуй, наиболее интересны соображения, высказываемые Саймом о диктатуре Цезаря и о характере его власти. Во-первых, он считает Цезаря не «революционером», но на основании его «дел и поступков» скорее «реалистом и оппортунистом», который был «более консервативен и в большей степени римлянин, чем обычно считают». Во-вторых, Сайм не видит необходимости допу-

<sup>67</sup> M. Rostovzeff. Gesellschaft..., S. 32.

<sup>68</sup> R. Syme. Roman Revolution. Oxf., 1939, p. 11—12.

<sup>69</sup> Ibid., p. 12—18.

<sup>70</sup> Ibid., p. 18—24.

скать, что Цезарь хотел основать «эллинистическую монархию». Он понимал, конечно, что правление *pobiles* с тех пор, как все италики могли принимать участие в голосовании, становилось в мировой державе анахронизмом, так же как и господство римского плебса. Однако и в этих условиях Цезарь вполне мог удовлетвориться диктатурой как таковой; его автократическая позиция была вынужденной<sup>71</sup>.

Но, подчеркивает автор, «государственный деятель без партии — ничто». Поэтому Сайм переходит к рассмотрению вопроса о «партии» Цезаря. Он подчеркивает ее довольно разнообразный характер, говорит о личных и фамильных связях, перечисляет ряд имен сенаторов, нобилей, всадников, банкиров, примкнувших по тем или иным соображениям к Цезарю. Общий вывод автора о составе цезарианской партии таков: это — сенаторы, всадники и центурионы, деловые люди (*business men, bankers*) и провинциалы, наконец, цари и династы. Последнее не должно удивлять: судьба Рима и Италии ныне была тесно связана с провинциями, в значительной мере даже зависела от них<sup>72</sup>.

Гражданскую войну после убийства Цезаря, борьбу между Октавианом и Антонием Сайм рассматривает как дальнейшее углубление революции. «Наследник Цезаря» — так даже названа специальная глава — квалифицируется автором как революционный вождь<sup>73</sup>, а передел земель италийских городов как социальный переворот<sup>74</sup>. Однако в ходе дальнейшей борьбы Октавиан из *dux partium* превращается в *princeps civitatis*<sup>75</sup>. На последнем этапе гражданской войны Октавиану удается создать единый фронт против своего соперника и он уже выступает как вождь *tota Italia*. После победы при Акции термин вождь (*dux*), поскольку он имел некий «военно-политический» оттенок, заменяется республиканским «титолом» принцепса<sup>76</sup>. Оценивая характер и объем власти Августа как принцепса, Сайм категорически возражает против попыток определить юридические основания этой власти. Из всех привилегий и полномочий принцепса он выдвигает на первый план *auctoritas*. И хотя он в одном месте утверждает, что принципат, по существу, не поддается определению<sup>77</sup>, свое общее рассуждение о принцепсе он заканчивает следующим пассажем: «Вот каковы были полномочия Августа как консула и проконсула — открытые, публичные и общепризнанные. За ними стояли

<sup>71</sup> Ibid., p. 52—59.

<sup>72</sup> Ibid., p. 63—76.

<sup>73</sup> Ibid., p. 113, 121, 122.

<sup>74</sup> Ibid., p. 207.

<sup>75</sup> Ibid., p. 288.

<sup>76</sup> Ibid., p. 311—312.

<sup>77</sup> Ibid., p. 323.

всеподавляющий престиж его *auctoritas* и огромные возможности личного господства над мировой державой»<sup>78</sup>.

Такова, в общих чертах, концепция «римской революции» Р. Сайма. Как было в свое время замечено<sup>79</sup>, Сайм еще более широко, чем Ростовцев, пользуется терминами «революция», «революционный» и т. п. По существу, весь отрезок римской истории с 60 г. до н. э. по 14 г. н. э. рассматривается им как эпоха революции. Сайм значительно меньше, нежели Ростовцев, уделяет внимание чисто экономическим проблемам, его интересует главным образом социальная и политическая история. На отдельных принципиальных положениях в работах как Р. Сайма, так и М. Ростовцева мы будем еще останавливаться по мере надобности, теперь же следует отметить, что обе рассмотренные работы оказали в свое время — и продолжают оказывать поныне — большое влияние на всю буржуазную историографию. Не только ряд основных выводов и положений, но и общее понимание перехода от республики к империи, как некоей революции, революционного переворота, принимается большинством современных исследователей на Западе без каких-либо существенных возражений<sup>80</sup>. Таким образом, концепция Ростовцева — Сайма (ибо между взглядами этих двух историков нет принципиальных противоречий), концепция римской революции I в. до н. э., до сих пор остается весьма распространенной, если не господствующей, среди буржуазных историков, занимающихся историей переходного (к империи) периода.

Из советских историков наиболее решительно выступил против этой точки зрения Н. А. Машкин. В своей известной и уже упоминавшейся монографии он справедливо критикует буржуазных историков за то, что во всех их построениях самое понятие «революция» остается без определения. Поэтому всякий переворот, независимо от его целей, его движущих сил, квалифицируется ими как революция. Такое понимание революции является механистическим и, по существу, даже реакционным<sup>81</sup>.

С этой критикой нельзя не согласиться, но, к сожалению, сам Н. А. Машкин также не дает четкого определения понятия «революция». Указывая, что революцией следует считать такой переворот, который вносит в жизнь «качественные изменения» и устанавливает «новые порядки», он утверждает, что поскольку ни Октавиан, ни его союзники не ставили своей задачей установление качественно нового социального строя, то переход к империи нельзя считать революцией<sup>82</sup>. Но дело, конечно,

<sup>78</sup> М. Rostovzeff. Gesellschaft..., p. 330.

<sup>79</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 292—293.

<sup>80</sup> Частные замечания или «уточнения», вроде тех, что высказаны в рецензии Момильяно (JRS, XXX, 1940, p. 75), конечно, не в счет.

<sup>81</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 293—294.

<sup>82</sup> Там же, стр. 294—296.

не в задачах, которые в данном случае ставились Октавианом или кем-либо из его «союзников». Это обстоятельство вообще не может служить критерием революционности движения. Таким образом, если переход от республики к империи действительно не следует считать революцией, то почему не следует — остается все же неясным и необъясненным.

Поневоле рождается мысль, что исследователь выступает против оценки событий II—I вв. до н. э. как революции лишь потому, что подобная оценка исходит от буржуазных историков. Но ведь нужен ответ по существу, обусловленный не точкой зрения (пусть отвергаемой) буржуазных ученых, но собственным пониманием проблемы социальной революции.

В советской историографии существует и другая, правда, не очень последовательно и не очень четко выраженная концепция перехода к империи. Сторонники этой концепции трактуют переход от республики к империи наподобие «переворота», причем даже подчеркивают революционный характер этого переворота, хотя и не признают его революцией в полном смысле слова. Так, А. Б. Ранович пишет: «Возникновение империи было общественным переворотом»<sup>83</sup>, а несколько ниже, повторяя утверждение о перевороте, он намекает и на революционный характер данного переворота: «Республиканские идеи, учреждения, методы управления, формы гражданственности не были начисто отменены новой императорской властью. Ведь даже коренная революция многое сохраняет от прежнего режима. Империя многое унаследовала от республики»<sup>84</sup>.

О революционном характере событий II—I вв. до н. э., которые, однако, не могут быть оценены как революция, говорит и С. И. Ковалев. Но его соображения не отличаются большой последовательностью. В своих более ранних работах он развивал концепцию двух фаз или двух этапов «революции рабов». Первым этапом этой революции следует считать гражданские войны конца республики, но на этом этапе революция была разбита и началась реакция, завершившаяся установлением империи<sup>85</sup>. Однако С. И. Ковалев пересмотрел свою собственную оценку гражданских войн и пришел к выводу, что «гражданские войны II—I вв. не были социальной революцией. Они являлись очень сложным революционным движением, направленным против всей системы социально-политических отношений той эпохи. Это были восстания рабов против господ, восстания провинциалов против римских угнетателей, это была борьба за землю деревенской бедноты, борьба италиков за

<sup>83</sup> А. Р а н о в и ч. Восточные провинции Римской империи в I—III вв. М.—Л., 1949, стр. 7.

<sup>84</sup> Там же, стр. 9.

<sup>85</sup> С. И. К о в а л е в. Две проблемы римской истории. «Вестник ЛГУ», 1947, № 4, стр. 92.

права гражданства, борьба римской демократии, городской и сельской, против олигархии нобилей. Это было мощное, сложное и длительное революционное движение, но оно не могло перерасти в революцию... Оно было подавлено и, в конечном счете, привело только к созданию военной диктатуры, к новой политической системе, известной под именем „империи“»<sup>86</sup>.

Таким образом, по С. И. Ковалеву, переход от республики к империи обусловлен сложным и длительным революционным движением, которое, однако, не могло перерасти и не переросло в революцию. Общее впечатление от рассуждений и выводов С. И. Ковалева таково, что он фактически рассматривает гражданские войны как революцию, но опасается применить это понятие к событиям, которые не привели к гибели рабовладельческой формации и рабовладельческого способа производства. Поэтому он и находит такую уклончивую формулировку: революционное движение, не перерастающее в революцию.

Итак, по интересующему нас вопросу были высказаны, как вытекает из вышеизложенного, три точки зрения. Приверженцы одной из них — широко принятой в среде буржуазных ученых — определенно утверждают, что переход от Римской республики к империи следует понимать как революцию (М. Ростовцев, Р. Сайм). Странники другой точки зрения (Н. А. Машкин) столь же определенно не считают этот переход революцией. И, наконец, существует третья точка зрения (А. Б. Ранович, С. И. Ковалев), согласно которой переход к империи является переворотом, даже революционным движением, однако не перерастающим и не могущим перерасти в подлинную революцию.

Какая же из этих точек зрения представляется нам наиболее приемлемой? Предопределен ли наш выбор только этими тремя точками зрения?

На первый взгляд — если исходить из развиваемой нами концепции кризиса римского полиса — может показаться, что для нас ближе понимание перехода к империи как революции. Но, с другой стороны, если иметь в виду наше понимание *итога* развития общественных движений I в. до н. э., т. е. режима, сложившегося при Августе, как политической реакции (о чем более подробно будет сказано в заключительной части работы), то очевидно, что мы никак не можем считать гражданские войны революцией, а Цезаря или его преемника Октавиана — ее вождями. Но вместе с тем мы отнюдь не разделяем той странной и малообоснованной боязни перед словом «революция», боязни, которая на протяжении ряда лет ощущалась в нашей историографии античности.

Поэтому, прежде чем изложить собственное понимание и оценку событий римской истории II—I вв. до н. э., мы считаем

---

<sup>86</sup> С. И. Ковалев. Две проблемы..., стр. 96

нужным как можно более четко определить свое отношение к проблеме социальной революции. Сделать это тем более необходимо, что, как указано выше, четкое и ясное определение понятия революции отсутствует не только у буржуазных, но иногда и у советских историков.

Между первой точкой зрения, которая распространена в буржуазной науке, и двумя другими, которые выдвигались советскими историками, на наш взгляд, существует принципиальное различие, но заключается оно не в том, что одни признают революцию, другие ее отрицают, а третьи говорят лишь о «революционном движении». Оно заключается в принципиально различном отношении советских историков, с одной стороны, и буржуазных, с другой, к самому понятию «социальная революция».

В предисловии к «К критике политической экономии» К. Маркс писал: «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»<sup>87</sup>.

Из этих широко известных слов К. Маркса вытекает прежде всего тот вывод, что социальная революция — это такая революция, которая приводит к гибели той или иной формации, к смене одной формации другой, к утверждению нового способа производства. Конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями не может быть преодолен в пределах данной формации. Социальная революция — закон перехода от одной общественно-экономической формации к другой.

Эти выводы и положения предельно ясны и не вызывают никаких сомнений. Но они, на наш взгляд, не исчерпывают проблему социальной революции полностью. Возникает ряд вопросов, ряд дополнительных аспектов этой проблемы. Нас интересует, в частности, вопрос о широте и, если так можно выразиться, о масштабе понятия «социальная революция». К какого рода историческим событиям приложимо это понятие? К каким революционным явлениям? Могут ли социальной революцией считаться те крупные социальные движения, вторжения в область собственности, которые, несомненно, двигали развитие того или иного общества вперед<sup>88</sup>, но не приводили

<sup>87</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 7.

<sup>88</sup> Из этого ясно, что мы исключаем из понятия социальной революции контрреволюционные перевороты, а также узкие заговоры, путчи, дворцовые перевороты и т. п.

к смене формации и способа производства? Исключать ли их по этому признаку — как то делают некоторые историки<sup>89</sup> — из числа социальных революций? Но не обедним ли мы таким образом революциями мировую историю, не обедним ли и самое понятие социальной революции? Конечно, конфликт между новыми производительными силами и старыми производственными отношениями не может быть *полностью* преодолен в пределах одной формации. Но разве он бывает когда-нибудь сразу, т. е. в результате единичного революционного акта, преодолен полностью? Разве невозможны частичные (предварительные или, наоборот, дополнительные) решения этого конфликта? Или, говоря другими словами, разве невозможны социальные революции в пределах одной общественно-экономической формации?

Ключ к решению вопроса может быть найден в цитированных выше словах Маркса. Не случайно Маркс говорит здесь не просто о социальной революции, но об *эпохе* социальной революции. Следовательно, речь идет не о единичном революционном акте, но о каком-то длительном периоде революционных потрясений. Это значит, что смена формаций и утверждение нового способа производства никогда (или почти никогда) не происходят в результате однократной революции, но, как правило, в результате целой серии социальных переворотов, которые или готовят революцию, наносящую решающий удар, или, наоборот, продолжают, дополняют эту революцию. Ибо даже революция, наносящая смертельный удар старой формации, не может обычно уничтожить полностью все элементы старого строя, все пережитки предшествующего общества.

Ряд революций, происходивших в эпоху империализма, решал задачи буржуазной революции, но одновременно и в силу того, что в этих революциях в качестве класса-гегемона выступала уже не буржуазия, а пролетариат, они были подготовкой революции социалистической. Таковы, например, революция 1905—1907 гг. и Февральская революция 1917 г. в России. Недаром Ленин писал, что «без „генеральной репетиции“ 1905 года победа Октябрьской революции 1917 года была бы невозможна»<sup>90</sup>. Но, как известно, ни революция 1905 г., ни Февральская революция 1917 г. еще не знаменовали собой победу нового способа производства.

Революция 1830 г. во Франции и революции 1848 г. в ряде стран Европы, происходившие в период расцвета капиталистических отношений, продолжали и дополняли дело предшествующих буржуазных революций, так как они (в особенности, революции 1848 г.) были объективно направлены на ликвидацию сохранявшихся еще препятствий на пути развития капитализма (в каждой стране эти препятствия имели свой особый

<sup>89</sup> См., например, С. И. Ковалев, История Рима. Л., 1948, стр. 337.

<sup>90</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 41, стр. 9—10.

специфический характер). Но и революция 1830 г. во Франции и европейские революции 1848 г. происходили в пределах одной формации.

Крестьянскую войну XVI в. в Германии Ф. Энгельс называет «самой величественной революционной попыткой немецкого народа» и сравнивает ее с революцией 1848 г.<sup>91</sup> Он говорит о крестьянской войне как о первой из трех крупных решающих битв буржуазии, первой из трех великих буржуазных революций<sup>92</sup>. С этой оценкой солидаризуется В. И. Ленин<sup>93</sup>. Таким образом, Крестьянская война в Германии, хотя она, как и вышеупомянутые революции, не привела к смене формации, была все же, безусловно, «полноценной» революцией.

Что касается античного общества, то К. Маркс и Ф. Энгельс неоднократно говорили о революции, применительно к этой формации. Маркс сопоставлял «великую социальную революцию», вызванную падением стоимости благородных металлов в Европе, с революцией «в раннюю эпоху древнеримской республики», которая, наоборот, была следствием повышения стоимости меди<sup>94</sup>. Энгельс тоже, как известно, не раз прилагал термин «революция» к событиям античной истории. Он говорит о революции, «произведенной Солоном»<sup>95</sup>, о революции Клисфена<sup>96</sup> и, наконец, о революции, «которая положила конец древнему родовому строю» в Риме и причина которой «коренилась в борьбе между плебсом и *populus*»<sup>97</sup>. Иногда обращают внимание на то, что, говоря о Солоне, Энгельс отмечает: «Солон... открыл ряд так называемых политических революций»<sup>98</sup>. Из этих слов делается вывод, что «политические революции» не являются социальными, и Энгельс в данном случае будто бы противопоставляет один тип революций другому. Однако подобный вывод явно незаконочерчен. Контекст высказывания Энгельса по поводу революции Солона может подтвердить лишь обратное заключение. Речь идет не только о политическом перевороте, но и о серьезном вторжении в отношения собственности. В этом плане революция, «произведенная Солоном», сравнивается с Великой французской революцией. И, наконец, говорится, что все политические революции «были совершены ради защиты собственности *одного* вида и осуществлялись путем конфискации, называемой также кражей, собственности

<sup>91</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 432; 436—437.

<sup>92</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 22, стр. 307—308.

<sup>93</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 46.

<sup>94</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 13, стр. 130.

<sup>95</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 115.

<sup>96</sup> Там же, стр. 117.

<sup>97</sup> Там же, стр. 128. Последняя из упомянутых революций может рассматриваться как знаменующая переход от первобытнообщинной формации к рабовладельческой.

<sup>98</sup> Там же, стр. 114—115.



другого вида»<sup>99</sup>. Все это достаточно определенно свидетельствует о том, что под «политическими революциями» Энгельс имел в виду общественные перевороты, не ограничивающиеся лишь сферой экономики. Таким образом, «политическая революция» не противопоставляется революции социальной, но входит в это более широкое понятие как пример революционного переворота, при котором наряду с вторжением в отношения собственности решается также и вопрос о политической власти.

Итак, какое содержание мы должны вкладывать в понятие *социальная революция*? Под социальной революцией мы должны понимать не только ту революцию, которая наносит главный, решающий удар отживающей формации — это разумеется само собой, — но и те революции, которые или еще только готовят этот удар или, наоборот, доводят его до логического конца. Они могут происходить (и происходят) в пределах одной формации. В каждой стране и в каждую эпоху эти революции решают особые, специфические для данной страны (или эпохи) задачи, но они, несомненно, обладают и некоторыми общими чертами.

Все социальные революции имеют прежде всего исторически прогрессивное значение, поскольку они приближают гибель старой формации, отживающего способа производства, сходящих с исторической арены классов и содействуют утверждению новой, более прогрессивной формации и нового способа производства. Эта историческая смена происходит, как правило, не в результате одновременного и однократного революционного акта, но как итог целой (иногда достаточно длительной) эпохи революционных взрывов и потрясений («эпоха социальной революции»).

Все социальные революции, независимо от своих конечных результатов, предполагают участие широких народных масс, которые выступают в качестве движущих сил революции. Тот факт, что во всех революциях прошлого политическая власть, как известно, в итоге оказывалась не в руках народа, но господствующих классов, которые использовали плоды и завоевания революции в своих интересах, говорит лишь о внутренней противоречивости тех революций, которые совершались ради защиты «собственности одного вида» против «собственности другого вида». Из этого следует, что только социалистическая революция может быть — и на самом деле является — свободной от этого внутреннего противоречия.

Не каждая социальная революция приводит к полной и окончательной смене способа производства, но каждая содействует этой смене и потому, в той или иной степени, влияет на

---

<sup>99</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 114—115.

экономический базис общества. И, наконец, каждая социальная революция в своем итоге неизбежно вызывает изменения в расстановке и соотношении классовых сил, вызывает переход политической власти, если не к новым классам, то во всяком случае к новым фракциям господствующего класса.

Таково наше понимание проблемы социальной революции. Все вышесказанное подтверждает, на наш взгляд, правомерность и допустимость употребления понятия социальной революции в приложении к некоторым событиям римской истории. Но к каким именно? К гражданским войнам I в. до н. э.? К диктатуре Цезаря? Ко второму триумvirату и правлению Августа?

Мы полагаем, что понятие революции следует применить не к гражданским войнам второй половины I в. до н. э., непосредственно приведшим к установлению политического режима империи, но к более ранним событиям, начиная от движения Гракхов и вплоть до Союзнической войны. Причем есть все основания считать Союзническую войну — грандиозное восстание италийского крестьянства — высшим этапом развития этой революции.

Каков был характер революции? Начавшись в среде римского крестьянства, движение ширилось и росло, достигнув ко времени Союзнической войны общеиталийского размаха. Это была революция против Рима-полиса, против его (т. е. староримской) аристократии, против крупного землевладения или, говоря иными словами, борьба италийского крестьянства за землю и политические права. Это была — *mutatis mutandis* — та же борьба, которую вели некогда римские плебеи против патрициев, но теперь она повторялась на новой и расширенной основе, в общеиталийском масштабе. И если борьба патрициев и плебеев окончилась в свое время отнюдь не победой широких слоев римского плебса, но, как известно, весьма компромиссным результатом, т. е. образованием нобилитета (слияние патрицианской и плебейской верхушки), то нет ничего удивительного в том, что и ныне плодами и завоеваниями, достигнутыми в ходе революционной борьбы италийского крестьянства, воспользовались вовсе не сами широкие массы, но некоторые — в это время наиболее «перспективные» — фракции господствующего класса.

В чем заключались завоевания и итоги революции? Во-первых, италийское крестьянство получило доступ к земле (*ager publicus*) на условиях, равных с римлянами. Затем италийское население приобрело римские права, а следовательно, и право участия в комициях<sup>100</sup>. Более глубокие результаты революции

<sup>100</sup> Ниже будет сказано о том, насколько эти права урезывались и насколько не совпадали в этом вопросе интересы широких масс италичков и муниципальной верхушки.

состояли в том, что она подорвала полисную организацию, полисные институты, подорвала положение староримской аристократии, т. е., говоря другими словами, действительно нанесла сокрушительный удар Риму-полису. В этом смысле дело революции принципиально было завершено Союзнической войной, а гражданские войны второй половины I в. до н. э.— это уже последствия революции, ибо теперь борьба шла за то, в интересах какой группировки или фракции господствующего класса будут использованы и окончательно «приспособлены» завоевания революции.

Как известно, на этот же период гражданских войн (если начинать их от Гракхов) приходится крупнейшие выступления рабов — от сицилийских восстаний и вплоть до великой «рабской войны» под руководством Спартака. Подобное совпадение не могло быть случайным. Поэтому невольно встает вопрос — в каком соотношении находились рабские восстания и движение италийского крестьянства. Есть ли это две самостоятельные линии, два направления борьбы, не перекрещивающиеся друг с другом, или одно из названных направлений, будучи более широким, включало в себя другое, как некую составную часть?

Этот вопрос требует специального рассмотрения, и потому более подробно мы остановимся на нем в соответствующем месте<sup>101</sup>. Сейчас же ограничимся лишь некоторыми общими соображениями. Прежде всего следует отметить, что гипноз известной формулы Сталина о «революции рабов» приводил к тому, что в нашей историографии самостоятельная роль рабов в революционной борьбе сильно переоценивалась. Она переоценивалась настолько, что в тезисе о революции рабов не замечали ни прямого противоречия фактам, ни противоречия с точкой зрения Маркса, писавшего о рабах как о «пассивном пьедестале» классовой борьбы в Риме<sup>102</sup>, или с указанием Ленина на то, что рабы «даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»<sup>103</sup>. Иные историки приписывали рабам классовую сознательность и революционную зрелость в степени, которая свойственна, пожалуй, лишь промышленному пролетариату.

В этой связи делались попытки трактовать революционное движение римско-италийского крестьянства как некое, если не второстепенное, то, во всяком случае, подчиненное направление борьбы, а рабов рассматривать как своеобразного гегемона революции. Ставилась даже проблема «союза» между рабами и угнетенными слоями свободного населения, в первую очередь, пауперизованным крестьянством<sup>104</sup>.

<sup>101</sup> См. ниже, стр. 154—155.

<sup>102</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 375.

<sup>103</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

<sup>104</sup> А. В. Мишулин. Революция рабов и падение Римской империи. М., 1936; он же. Спартакосское восстание. М., 1936; он же. История Рима. М., 1946; С. И. Ковалев. Две проблемы Римской истории.

Совершенно ясно, что подобная «концепция» как целиком вытекающая из пресловутой формулы «революция рабов», но отнюдь не из реальных фактов римской истории, должна быть самым решительным образом отвергнута. Но, опять-таки, не вдаваясь пока в подробности вопроса, мы считаем необходимым подчеркнуть, что не менее ошибочным было бы трактовать рабские выступления как составную (и подчиненную) часть крестьянской революции. Это были две самостоятельные линии борьбы, и если они, в конечном счете, даже определялись общими причинами, то в тех исторических условиях они никоим образом не могли слиться воедино. Как уже сказано, этот вопрос будет рассмотрен ниже, в заключение же лишь отметим, что подобное обстоятельство отнюдь не умаляет исторического значения классовой борьбы рабов.

Каковы же были дальнейшие судьбы крестьянской революции, ее последствия и каково направление дальнейшего развития социально-политической борьбы в Риме?

Революция, направленная против Рима-полиса, переросла в революцию против полиса вообще. Тем самым она оказалась таким переворотом, который объективно расчищал путь для дальнейшего развития рабовладельческих отношений. В сфере экономики — налицо начинающийся процесс разложения старой формы собственности, связанной с полисом. В сфере политической жизни и борьбы — не только разрыв узких рамок полиса, но и «дезаурирование» полисной демократии, полисных институтов.

Широкие массы италийского населения, как уже говорилось, к политической власти, конечно, не были допущены. Представители господствующего класса — староримская аристократия, удерживавшая эту власть в своих руках не одно столетие, — вовсе не собирались сдавать давно завоеванные позиции без боя. Происходит переворот Суллы. Контрреволюционный характер этого переворота не вызывает сомнений, ибо «конституция» Суллы учитывала интересы весьма узкой социальной группировки — верхушки римского нобилитета. Это была последняя и, по существу, уже безнадежная попытка сходящих с исторической сцены фракций господствующего класса сохранить свое положение, власть, привилегии.

Столь откровенно контрреволюционный характер сулланского переворота, пожалуй, оказался тем основным фактором, который обусловил крайне непрочный, недолговременный характер нового режима. Но и восстановление досулланской конституции, имевшее место в 70 г., не было в свою очередь решением назревших вопросов, ибо оно не учитывало коренных изменений в социально-политической обстановке и, в первую очередь, интересов новых, «перспективных» группировок (*homines novi*) господствующего класса. Однако в движение уже

были приведены такие силы, борьба достигла такого накала, противоположность интересов и честолюбий определилась настолько резко, что все это, вместе взятое, делало неизбежным новый переворот.

И он, как известно, произошел. Под новым переворотом мы подразумеваем диктатуру Цезаря. Этот переворот был произведен в более гибких формах, его инициатор был окружен неким «демократическим» ореолом. Роль армии в этом перевороте тоже была несколько иной, по сравнению с временами Суллы. Кроме того, Цезарь уже во многом шел навстречу интересам новых группировок господствующего класса, пусть иногда вынуждаемый самой обстановкой и требованиями текущего момента. Диктатура же Цезаря оказалась недолговечной и столь трагически оборвалась вовсе не потому, что она по сути своей не соответствовала «духу времени» (наоборот она целиком была порождением эпохи), но лишь потому, что в острой и напряженной атмосфере гражданских войн складывание нового режима в некое прочное государственное образование могло произойти далеко не сразу и далеко не безболезненным путем.

Это полностью подтверждается тем обстоятельством, что определенная тенденция, еще не очень явно и «бессознательно» намечавшаяся в реформаторской деятельности Цезаря, была подхвачена и с учетом ее государственной целесообразности развита Августом. То, что у Цезаря было намеком, у Октавиана Августа превращается в систему.

Что же касается общей оценки этого режима, то ей будет уделено соответствующее место и внимание в заключительной части предлагаемой работы. В данный момент мы лишь присоединимся к выводам Н. А. Машкина, который, подчеркивая не только политический, но и общественный характер переворота при переходе к империи, вместе с тем констатирует, что «принципат не явился результатом революции, он был реакцией против революционного движения»<sup>105</sup>.

Таковы наши общие установки и принципиальные позиции, с которых мы подходим в настоящей работе к рассмотрению проблемы перехода от полиса к римской державе, от республики к империи.

---

<sup>105</sup> Н. А. М а ш к и н. Принципат Августа, стр. 606.

## Глава I

### От подавления «заговора» Катилины до трибуната Клодия

---

Когда вечером 5 декабря 63 г. до н. э. Цицерон, с присущим всем присяжным ораторам пристрастием к риторическим эффектам, бросил собравшейся на форуме затихшей в напряженном ожидании толпе одно лишь слово «vixerunt», он, конечно, и сам менее всего предполагал, что этот эвфемический оборот может быть применен не только к тем пяти римским гражданам, которые несколько минут тому назад были по его приказанию удушены рукой палача, но и к тем традиционным устоям римской республики, к тем республиканским учреждениям, которые они якобы пытались подорвать и ниспровергнуть.

Дальнейшие события этого вечера были описаны более чем через 150 лет другим — но не меньшим — любителем театральных эффектов в следующих выражениях: «Было уже темно, когда он (Цицерон.— С. У.) через форум двинулся домой. Граждане не провожали его в безмолвии и строгом порядке, но на всем пути приветствовали криками и рукоплесканиями, называя спасителем и новым основателем Рима. Улицы и переулки сияли огнями факелов, выставленных чуть ли не в каждой двери. На крышах стояли женщины со светильниками, чтобы почтить и увидеть консула, который с торжеством возвращался к себе в блистательном сопровождении самых знаменитых людей города. Едва ли не все это были воины, которые не раз со славою завершали дальние и трудные походы, справляли триумфы и далеко раздвинули рубежи римской державы и на суше, и на море, а теперь они единодушно говорили о том, что многим тогдашним полководцам римский народ был обязан богатством, добычей и могуществом, но спасением своим и спокойствием — одному лишь Цицерону, избавившему его от такой великой и грозной опасности»<sup>1</sup>.

---

<sup>1</sup> Plut., Cic., 22, 3 (пер. С. П. Маркиша).

Так, в результате торопливой и противозаконной казни пяти человек, был, по существу говоря, ликвидирован «грандиозный заговор», ибо, по единодушному свидетельству ряда авторов<sup>2</sup>, подавляющее большинство сторонников Катилины покинуло его лагерь, как только стала известна судьба Лентула и Цетега. Исход движения, таким образом, был предсказан. Даже сам Цицерон, который по вполне понятным причинам не упускал случая удесятерить масштабы грозившей опасности, счел возможным буквально через несколько дней после расправы над заговорщиками довольно пренебрежительно отозваться о вооруженных силах повстанцев<sup>3</sup>.

Кстати, так называемый «заговор» Катилины может служить небезынтересной иллюстрацией к вопросу о значении (а иногда и о своеобразной судьбе) исторического факта. Непомерно раздутый и в значительной мере спровоцированный самим Цицероном «заговор» вовсе не был столь выдающимся или исключительным событием в ту перенасыщенную различными потрясениями эпоху, как это принято считать. По своим масштабам и значению «заговор» Катилины был ничуть не более выдающимся явлением, чем, скажем, восстание Лепида или движение Целия Руфа, которое, кстати сказать, иногда — и не без основания — сравнивают с событиями 63 г.<sup>4</sup> Но если наши сведения о движениях Лепида и Целия Руфа ограничиваются разрозненными и довольно мимолетными упоминаниями историков<sup>5</sup>, то благодаря темпераменту врагов Катилины (а враг, очевидно, всегда имеет сказать больше, чем любой доброжелатель) мы получили чрезвычайно подробное, хотя и тенденциозное изложение хода «заговора» и непомерно преувеличенную оценку его значения. Только этим и может быть объяснена та своеобразная аберрация, которая характерна для традиционного восприятия этого «заговора».

Может быть, и самый облик главного героя разоблачения и подавления «заговора» — хотя его противоречивым характеристикам *im Wandel der Jahrhunderte* посвящена в общей сложности не одна сотня страниц — также искажен определенной исторической аберрацией, почему и возникает возможность, если не необходимость, его переосмысления.

Кто он? Беспринципный политик, *levissimus transfuga*<sup>6</sup>, или один из последних республиканцев, чье имя «тираноубийцы»

<sup>2</sup> См., например, Sall., Cat., 57, 1; Plut., Cic., 22, 4; ср. Dio Cass., 39, 2.

<sup>3</sup> Cic., pro Mur., 37, 79; ср. in Cat., II, 3, 5.

<sup>4</sup> См. Р. Ю. Виллер. Очерки истории римской империи, стр. 297—298.

<sup>5</sup> См., например, App., b. c. I, 107; Sall., Hist., 1, 48; Flor., 3, 23; Liv., ep. 90; Plut., Pomp., 16 или Caes., b. c., 3, 20; Cic., fam., 8, 17; Dio Cass., 42, 22; Liv., ep. 111; Vell., 2, 68 и т. п.

<sup>6</sup> Declam. in Cic., 4, 7.

выкрикивали как синоним свободы<sup>7</sup>, а в дальнейшем с уважением вспоминали даже могущественные противники<sup>8</sup>? Кто он? «Политический лицемер», сторонник «партии материальных выгод»<sup>9</sup>, «трус»<sup>10</sup> или человек, смерть которого «означала одновременно гибель республики, и это совпадение — отнюдь не случайное — окружило для потомков его образ ореолом не только славы, но и святости»<sup>11</sup>? Думается, что эти противоречивые суждения как самой древности, так и нового времени едва ли способны удовлетворить запросы современного историка, даже не в силу своей взаимоисключаемости, но по той простой причине, что все они, в конечном счете, основаны на субъективном подходе и субъективных критериях. Поэтому для нас в данном случае может представить интерес характеристика несколько иного рода — социальная оценка, выявление тех черт в облике Цицерона, которые могут определить его как выразителя нужд и чаяний определенных слоев римского общества.

Но распространенная, в частности, и в нашей историографии<sup>12</sup> схема, согласно которой Цицерон был выразителем интересов римского всадничества, едва ли может быть безоговорочно признана удовлетворительной. Она в общем плане верна, но не учитывает некоторых деталей и «оттенков», которые, собственно говоря, только и могут превратить ее из общей схемы в конкретную и живую характеристику. Так, и Красс тоже достаточно типичный представитель интересов всадничества, но много ли общего найдется между этими двумя политическими деятелями?

Цицерон, на наш взгляд, представлял — и, пожалуй, наиболее ярко — ту своеобразную социальную прослойку, которая впервые в истории сформировалась именно в античном обществе и которая может быть определена термином «интеллигенция». Само собой разумеется, что, говоря об этой античной «интеллигенции», мы имеем в виду, в первую очередь, представителей привилегированных слоев римского общества, занятых, в основном, умственной деятельностью, причем такого рода деятельностью, которая была для них — в большей или меньшей степени — профессиональной.

Подобные слои населения имелись не только в эллинистических государствах, но и в Риме. Стоит лишь вспомнить период «завоевания побежденной Грецией своего сурового

<sup>7</sup> Dio Cass., 44, 20.

<sup>8</sup> Plut., Cic., 49.

<sup>9</sup> Т. Моммзен. История Рима, III. М., 1941, стр. 145.

<sup>10</sup> Там же, стр. 153.

<sup>11</sup> Th. Zielinski. Cicero im Wandel der Jahrhunderte. Leipzig — Berlin, 1908, S. 10.

<sup>12</sup> См., например, В. Н. Дьяков и С. П. Ковалев. История древнего мира. М., 1956, стр. 571.



завоевателя», тот период, когда, после македонских войн, в Рим хлынула широкая волна эллинистических влияний, чтобы понять, что подобное «завоевание» стало возможным, лишь поскольку оно встречало созвучный отклик в определенных слоях самого римского общества. Не говоря уже о знаменитом Сципионовом кружке, своеобразном политическом клубе римской рабовладельческой интеллигенции, следует отметить такие, более массового характера явления, как, например, образовательные путешествия, распространившиеся среди молодых римлян из богатых фамилий. Особенно модными становятся поездки в Афины или на Родос. В самом Риме неуклонно растет число постоянно живущих здесь греческих риториков и философов. Целый ряд «интеллигентных» профессий был в это время как бы монополизирован греками<sup>13</sup>.

Конечно, во всем этом была своя специфика. Представители «интеллигентных профессий» долгое время не пользовались в Риме таким признанием и почетом, как в эллинистическом мире. Волна культурных влияний, идущая из эллинистических стран, нередко наталкивалась в римском обществе на стену *mos maiorum* и разбивалась о нее<sup>14</sup>. Нам известно, что еще в 161 г. до н. э. из Рима была выслана группа философов и риториков<sup>15</sup>, а в 155 г. Катон настойчиво предлагал удалить философское посольство<sup>16</sup>. Само собой разумеется, что ко времени Цицерона подобные ригористические настроения в значительной мере выветрились, однако ему самому еще приходилось доказывать<sup>17</sup>, что занятия философией совместимы с достоинством римлянина<sup>18</sup>.

Следует также отметить наличие значительного слоя — в особенности в последние годы существования республики — интеллигенции, вышедшей из рабов. Это, как правило, актеры, педагоги, грамматики и риторы, врачи. Их положение в римском обществе было довольно привилегированным; слой рабской интеллигенции был многочисленным, а вклад, внесенный ею в создание римской культуры, огромен<sup>19</sup>.

Интеллигентные рабы часто отпускались на волю. Но и те, которые оставались на положении рабов, фактически отрывались от своего сословия. Как правильно отметила Е. М. Штаерман, нам неизвестно, чтобы рабы или отпущенники интелли-

<sup>13</sup> W. Kroll, *Die Kultur der ciceronischen Zeit*, I, 1933, S. 117—134.

<sup>14</sup> *Ibid.*, S. 124.

<sup>15</sup> Gell., 15, 11, 1.

<sup>16</sup> Plut., *Cato maior*, 22; ср. Plin., h. n., 7, 30, 112.

<sup>17</sup> Cic., *de fin.*, 1, prooem; *Tusc.*, 1, prooem.

<sup>18</sup> Обо всем этом более подробно см. С.-Л. Утченко. Идейно-политическая борьба..., стр. 53—62.

<sup>19</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964, стр. 131.

гентных профессий когда-либо выступали с осуждением рабства как социального института или с протестом против рабовладения и рабовладельцев<sup>20</sup>.

Таким образом, наличие определенного слоя античной интеллигенции в Риме не вызывает сомнений. По всему своему облику, по всему складу своей ораторской и общественно-политической деятельности, Цицерон может быть причислен к этой интеллигенции, конечно, если иметь в виду ее высшие и наиболее привилегированные круги (что ни в коей мере не противоречит представлению о нем как о выразителе интересов римского всадничества). Более того — вся общественно-политическая карьера Цицерона, на наш взгляд, убедительно свидетельствует об одной из первых попыток указанной социальной прослойки прийти к политической власти и руководству. Насколько этот эксперимент оказался удачным и какие он имел под собой реальные основания — вопрос особый, но, во всяком случае, в подобном аспекте личность Цицерона и его историческая роль могут быть подвергнуты определенной переоценке. Все «положительные стороны» и все «недостатки» Цицерона как политического деятеля получают более широкое, социальное толкование, оказываясь, в какой-то мере, типическими чертами уже не только отдельной личности, но и представляемой этой личностью определенной общественной прослойки.

Вернемся, однако, под этим углом зрения к самому Цицерону. Его едва ли следует упрекать в том, что он не понимал всей глубины и принципиального значения исторического перелома, который совершался в римском обществе на его глазах. Этого, конечно, не понимали и другие его современники, причем не только рядовые, но и наиболее дальновидные и выдающиеся политические деятели. Но в данном случае пойдет не о каком-то телеологическом прозрении или глубоком анализе стратегической перспективы, а лишь об элементарном умении разобраться в текущей, злободневной, тактической обстановке.

Цицерон как будто и достаточно умен, и остер, он «все понимает» (см., например, его блестящую оценку: «Все мы рабы Цезаря, сам же Цезарь — раб обстоятельств»<sup>21</sup>), учитывает различные «за» и «против», он — достаточно прожженный и «тертый» политик, иногда даже циничный (см., например, его отзыв о собственной речи, посвященной воспоминаниям о ликвидации «остатков заговора»<sup>22</sup>), не говоря уже о его образованности, находчивости, остроумии. Но все это — качества, пригодные скорее для хорошего адвоката, отнюдь не для госу-

<sup>20</sup> Там же, стр. 135.

<sup>21</sup> Cic., ad fam., 9, 17, 3.

<sup>22</sup> Cic., ad Att., 1, 14, 3—4.

дарственного деятеля. В душе такого адвоката-интеллигента — несмотря на весь внешний лоск, опыт и даже «прожженность» — где-то в самой глубине всегда таится наивная уверенность в том, что разум, убеждение могут и должны быть противопоставлены силе, что *arma cedant togae*<sup>23</sup> и что основой и высшей мудростью политического руководства является известный набор моральных и правовых норм (которые по «правилам игры» — непреложны и неприкосновенны), дополняемых иногда по требованию обстановки дипломатией интриг. И наряду с этим полное непонимание той простой истины, что главным и наиболее реальным фактором в борьбе за власть, за политическое руководство является *организация* (в той или иной форме) *масс*, т. е. применительно к римским условиям того времени — сложившаяся в мощную и наиболее спаянную корпорацию римская армия.

Личная карьера Цицерона (до определенного момента) развивалась именно так, чтобы активно поддерживать его во всех этих заблуждениях. Ему вскружили голову первоначальные успехи: дело Верреса, легкое получение городской претуры, первая политическая речь *pro lege Manilia*, эффектный лозунг *concordia ordinum* и, наконец, самым роковым образом — консульство и шумная победа над Катилиной. Последний успех был особенно опасен, внушив иллюзию, правда, весьма кратковременную, что действительно *arma cedant togae* и что именно таким путем уже достигнуто осуществление лозунгов *concordia ordinum* и *consensus bonorum omnium*.

Но разговор о политической власти пошел всерьез именно после подавления «заговора» Катилины. И вот в этой новой обстановке — сплошная цепь ошибок и поражений: жалкая роль в борьбе с Клодием, неудачный выбор между Помпеем и Цезарем, детский просчет с Октавианом, нелепая смерть. И все это отнюдь не из-за принципиальных (пусть слишком прямолинейных и даже туповатых, как, например, у Катона) соображений, которых у него не было, а лишь из-за просчетов в политической игре, из-за неумения разобраться в обстановке.

Эксперимент явно не удался. На примере жизненного пути и карьеры Цицерона выдвинувшая его общественная прослойка достаточно наглядно продемонстрировала свою политическую незрелость, отсутствие опоры в широких слоях населения, полную беспомощность в вопросах государственного руководства.

В связи с этим снова встает вопрос о так называемом «заговоре» Катилины. Нас могут упрекнуть в противоречивости оценок. Вначале было сказано, что значение «заговора» раз-

---

<sup>23</sup> Cic., de off., I, 22, 77.

дуто вследствие пристрастного и необъективного характера источников, а в конце только что изложенного рассуждения о Цицероне указывалось, что вопрос о захвате политической власти встал по-новому именно после подавления «заговора». Таким образом, «заговор» Катилины выступает уже в качестве некоего переломного момента истории последних десятилетий Римской республики. Однако это противоречие лишь кажущееся. Утверждая, что так называемый «заговор» Катилины не был исключительным явлением тех бурных лет, мы вовсе не хотели утверждать, что он лишен какого бы то ни было исторического значения. Но его значение вовсе не в том, на что нас ориентируют источники и согласная (или, напротив, несогласная) с ними новая литература.

«Заговор» Катилины возник в обстановке крайнего разложения старинной полисной демократии: коррумпированный сенат уже давно утратил свой прежний непререкаемый авторитет, значение республиканских магистратур было подорвано исторически данным антиконституционным образцом неограниченной определенным сроком диктатуры, комиции, основанные в свое время на системе народного ополчения, после замены последнего корпоративной армией находились в состоянии глубокого кризиса. Однако не все еще было ясно. История «заговора» и, в особенности, его подавления могла значительно «прояснить» обстановку для самих современников.

При подавлении «заговора» был беззастенчиво поправ последний, почти уже символический пережиток полисной демократии — право *rogatio ad populum*, которое Моммзен называет палладиумом древней римской свободы<sup>24</sup>, а новейшая историография, вслед за ним, единодушно признает доказательством идеи народного суверенитета, якобы лежавшей в основе неписаной римской конституции.

Подавление «заговора» показало крайнюю слабость так называемой римской «демократии»: распыленность ее сил, отсутствие достаточной организации.

Подавление «заговора» достаточно ярко подчеркнуло безнадежность попыток захвата политической власти при опоре на эти распыленные, неустойчивые, неорганизованные слои населения. Следовательно, через два десятилетия после сулланского переворота снова напрашивался вывод о замене этих бесформенных сил какой-то более определенной, более четкой организацией. Если к тому же она была еще и вооруженной, то в данных условиях это можно было рассматривать как лишний (и, кстати сказать, решающий) козырь.

---

<sup>24</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 154.

Последовавшие непосредственно за казнь заговорщиков события, как это обычно и бывает, едва ли могли сразу подтвердить только что изложенные выводы. Ситуация прояснялась постепенно и далеко не для всех.

Видимо, через несколько дней после расправы над катилинариями (во всяком случае, до 10 декабря) состоялся процесс кандидата в консулы на 62 г. Л. Лициния Мурены, обвиненного в подкупе избирателей<sup>25</sup>.

Еще до формального обвинения дело Мурены было предметом обсуждения в сенате. Катон поддержал инициатора обвинения, неудачливого конкурента Мурены на выборах, Сервия Сульпиция, который и пригласил его в качестве субскриптора. Другими субскрипторами были Гай Постум и Сервий Сульпиций Младший<sup>26</sup>. Защита была представлена Квинтом Гортензием, М. Лицинием Крассом и Цицероном. Цицерон, видимо, выступал последним, и центр тяжести его речи лежал все же не на разборе юридической стороны дела. Его ответы Постуму и Сульпицию Младшему даже не были опубликованы. Поэтому нам до сих пор неизвестно, насколько серьезны были выдвинутые против Мурены обвинения и приходилось ли Цицерону по существу выступать против своего собственного закона или в данном случае он мог не кривить душой. Оправдание Мурены не служит безусловным доказательством его невиновности; никто в переживаемой ситуации — кроме только донкихотствующего Катона — не был заинтересован в организации новых выборов, а следовательно, и новых беспорядков, когда еще существовал Катилина с его отрядами<sup>27</sup>.

Речь Цицерона в защиту Мурены на редкость бессодержательна, его плоские остроты по поводу значения юриспруденции или *inventa* стойков никакого серьезного значения не имеют. Единственное, что в дашной речи может предвидеть для нас какой-то интерес, это лишь один-два дополнительных штриха к намеченной выше характеристике самого Цицерона.

<sup>25</sup> Эд. Мейер (op. cit., S. 39, Anm. 1), как и некоторые другие исследователи, считает, что процесс Мурены происходил в ноябре, т. е. после удаления Катилины из Рима, но еще до казни заговорщиков. На первый взгляд такие ламентации Цицерона в его речи за Мурену, как *intus, intus, inquam est equus Troianus* (pro Mur., 37, 78), или упоминание о людях, которые намерены разрушить город, перебить граждан, стереть с лица земли самое имя Рима (37, 80), говорят в пользу этого предположения. Но упоминание в той же речи (38, 81) о выступлении Метелла Нелота в *contio* с нападками на Цицерона и дальнейшее разъяснение в письме к Метеллу Целеру (ad. fam., 5, 2, 8) по поводу того, что в этом выступлении уже говорилось о расправе с катилинариями, дают некоторые основания усомниться в возможности датировки процесса Мурены ноябрем. Однако вопрос неясен.

<sup>26</sup> C. i. c., pro Mur., 26, 54; Plut., Cato min., 21.

<sup>27</sup> C. i. c., pro Mur., 37, 79; 39, 84; 41, 90.

Так, издеваясь над сухой юриспруденцией, этой «скудной наукой»<sup>28</sup>, и сопоставляя ее с военным делом, Цицерон говорит, что для государственного деятеля, для консула, конечно, предпочтительнее эта последняя область, но вместе с тем оказывается, что рядом с нею (т. е. с военной славой) может быть поставлена *dicendi consuetudo*<sup>29</sup>, и принципиальная часть всего этого рассуждения заканчивается следующим пассажем: «Есть два рода деятельности, которые могут вознести человека на высшую ступень достоинства: одна из них — деятельность полководца, другая — выдающегося оратора. От последнего зависит сохранение благ мирной жизни, от первого — отражение опасностей войны»<sup>30</sup>. Несмотря на этот странный способ защиты, Мурена был оправдан, и это была одна из последних «удач» Цицерона. Над ним уже начинали сгущаться тучи.

10 декабря 63 г. вступили в должность вновь избранные трибуны. Среди них был и Кв. Цецилий Метелл Непот — один из представителей некогда могущественной, а ныне в значительной степени деградировавшей «династии» Метеллов<sup>31</sup>. Он прибыл в Рим еще летом 63 г. непосредственно из армии Помпея, легатом которого состоял. Кроме того (и это обстоятельство имело не меньшее значение в условиях политической жизни Рима), он был еще его шурином. Задачей Метелла была соответствующая подготовка общественного мнения накануне возвращения Помпея с Востока, или, по выражению Эд. Мейера, «расчистка» ему дороги<sup>32</sup>. Однако эта акция, нехитрый смысл которой был слишком очевиден, сразу же вызвала ответные меры сенатских кругов, и одновременно с Метеллом народным трибуном был избран Катон<sup>33</sup>, давно уже известный как один из наиболее непримиримых ревнителей конституционных традиций.

Метелл Непот с первых же дней своего вступления в должность начал активную кампанию против Цицерона<sup>34</sup>. Для последнего это не было неожиданностью, так как еще и до 10 декабря Метелл позволял себе резкие выпады против консула<sup>35</sup>, а все попытки Цицерона сначала добиться от Помпея одобрения расправы с катилинариями<sup>36</sup>, а затем найти путь к примирению с враждебным ему трибуном, используя для этого тривиальный, но часто эффективный способ — действовать

<sup>28</sup> Cic., pro Mur., 11, 25.

<sup>29</sup> Ibid., 13, 29.

<sup>30</sup> Ibid., 14, 30.

<sup>31</sup> R. Syme. The Roman Revolution, p. 20, 23—25.

<sup>32</sup> Ed. Meyer. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius, S. 37.

<sup>33</sup> Plut., Cato min., 20.

<sup>34</sup> Cic., pro Sest., 5, 11; pro Sulla, 10, 31.

<sup>35</sup> Cic., pro Mur., 38, 81.

<sup>36</sup> Cic., ad. fam., 5, 7, 1—3; pro Sulla, 24, 67.

через женщин<sup>37</sup>, не дали на сей раз ожидавшихся результатов. Поэтому после 10 декабря Метелл Непот вместе со своим коллегой, бывшим катилинарием Л. Кальпурнием Бестией, стали открыто обвинять Цицерона в незаконной казни римских граждан, а когда последний по окончании срока своих полномочий накануне январских календ пожелал обратиться с речью к народу, ему было в этом отказано и позволено произнести лишь обычную в этих случаях клятву, что он за время своей магистратуры не нарушал законов. Со свойственной ему изворотливостью в подобных делах, Цицерон фактически обошел запрет и превратил произнесение клятвы в речь, в которой восхвалял свои действия по подавлению заговора, и сумел добиться одобрения собравшегося народа<sup>38</sup>.

Тем не менее Метелл Непот снова обрушился на Цицерона 1 января 62 г. в заседании сената, а 3 января — в *contio*<sup>39</sup> с явным намерением подготовить привлечение его к суду. На сей раз Метелл опирался на поддержку не только своего коллеги Кальпурния Бестии, но и претора Цезаря<sup>40</sup>, вступившего в исполнение своих обязанностей с 1 января 62 г. Цицерон отвечал на яростные нападки Метелла произнесенной им в *contio* и не дошедшей до нас *oratio Metellina*<sup>41</sup>; кроме того, в его защиту выступил Катон; который, если верить Плутарху, сумел в своей речи перед народом настолько возвеличить консулат Цицерона, что именно тогда ему были оказаны небывалые почести и он был провозглашен *pater patriae*<sup>42</sup>. В это же время сенат принял решение о том, что всякий, кто попытается требовать отчета от участников казни катилинариев, будет объявлен врагом государства<sup>43</sup>.

Однако агитационная кампания, проводившаяся Метеллом Непотом, а ныне и объединившимся с ним Цезарем, отнюдь не исчерпывалась выступлениями против Цицерона, который был в данный момент лишь наиболее уязвимой мишенью. Помпеянец Метелл и к данному моменту — в силу сложившихся обстоятельств — еще более ярый помпеянец Цезарь стремились подготовить и облегчить условия для того грядущего государственного переворота, который по их — а, кстати, и не только по их<sup>44</sup> — мнению должен был произвести Помпей,

<sup>37</sup> Через Клодию — жену Кв. Метелла Целера, брата Непота и через Муцию, сводную сестру Метеллов, жену Помпея, см. *Cic.*, ad *fam.*, 5, 2, 6.

<sup>38</sup> *Cic.*, ad *fam.*, 5, 2, 7; ad *Att.*, 6, 1, 22; pro *Sulla*, 11, 34; in *Pis.*, 3, 6 sq.; *Plut.*, *Cic.*, 23; *Dio Cass.*, 37, 38.

<sup>39</sup> *Cic.*, ad *fam.*, 5, 2, 8; ср. *Dio Cass.*, 37, 42.

<sup>40</sup> *Plut.*, *Cic.*, 23.

<sup>41</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 1, 13, 5; *Schol. Gron.*, p. 412.

<sup>42</sup> *Plut.*, *Cic.*, 23; см. также *App.*, b. c., 2, 7.

<sup>43</sup> *Dio Cass.*, 37, 42.

<sup>44</sup> Ср., например, поведение Красса (*Plut.*, *Pomp.*, 43; ср. *Cic.*, pro *Flacco*, 32).

вернувшись со своей армией с Востока. Имея эту общую цель, каждый из них, конечно, действовал по-своему: Метелл прямолинейно и беззащитно «расчищал дорогу», Цезарь же, считая, видимо, победу и господство Помпея неизбежным фактом ближайшего будущего, стремился всеми силами не допустить его сближения с сенатскими кругами, сохранить его для «демократии», а тем самым спасти и свое собственное, весьма пошатнувшееся политическое положение.

В этой связи он сразу же после вступления в должность внес явно провокационное предложение относительно того, чтобы *cura restituenti Capitollii*, которая после смерти Суллы в 78 г. была передана консулу того года Кв. Лутацию Катулу и так с тех пор и оставалась за ним, теперь была бы отнята у Катула и препоручена Помпею<sup>45</sup>.

Предложение, конечно, не прошло, так как оптиматы, по словам Светония, даже отказавшись приветствовать вновь избранных консулов, толпами устремились в собрание, дабы поддержать одного из своих вождей и дать отпор Цезарю<sup>46</sup>. Но Цезарь вовсе и не настаивал на своем предложении; тактическая цель была им уже достигнута: с одной стороны, он эффектно продемонстрировал свою преданность Помпею, с другой, был бит новый клин между Помпеем и оптиматами<sup>47</sup>.

Еще больше беспокойства вызвали предложения Метелла Непота, опять-таки поддержанные Цезарем. Непот предлагал, чтобы Помпею было разрешено заочно баллотироваться в консулы<sup>48</sup> и чтобы он был вызван с войском из Азии для ведения войны против Катилины<sup>49</sup>. Это фактически была неприкрытая агитация за военную диктатуру. Обсуждение этих предложений в народном собрании проходило в ожесточенной борьбе.

Метелл и Цезарь привели в собрание толпу вооруженных приверженцев и даже гладиаторов. Однако Катон и его коллега Кв. Минуций Терм, рассчитывая на свою трибунскую неприкосновенность, предприняли смелую попытку интерцессии. Когда Метелл хотел зачитать письменное предложение, Катон вырвал у него манускрипт, а Терм даже зажал ему рот<sup>50</sup>. Произошла свалка, во время которой Катона чуть не убили — его спас консул Мурена, тот самый, обвинителем которого Катон выступал всего несколько дней тому назад. Шум и суматоха были таковы, что Метелл не смог довести дело до голосования<sup>51</sup>.

<sup>45</sup> Suet., Iul., 15; Dio Cass., 37, 44; 43, 14.

<sup>46</sup> Suet., Iul., 15.

<sup>47</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 40.

<sup>48</sup> Schol. Bob., p. 302, Orelli ad Cic., pro Sest., 62.

<sup>49</sup> Plut., Cic., 23; Cato min., 26; Dio Cass., 37, 43.

<sup>50</sup> Dio Cass., 37, 43; Plut., Cato min., 27; Cic., 23; Suet., Iul., 16; Cic., pro Sest., 29, 62.

<sup>51</sup> Plut., Cato min., 28.



После этого сенат облачился в траурные одежды. Был принят *senatus consultum ultimum*, и консулам вручены чрезвычайные полномочия<sup>52</sup>. Метелл и Цезарь были отрешены от своих должностей<sup>53</sup>. Метелл, выступив с обвинительной речью против Катона и сената, уехал из Рима к Помпею<sup>54</sup>, Цезарь же решил игнорировать решение сената и продолжал выполнять свои обязанности претора. Но узнав, что против него готовы применить силу, он распустил ликторов и заперся в своем доме<sup>55</sup>. Когда же к его дому явилась возбужденная толпа, готовая любой ценой восстановить его в должности, он уговорил ее разойтись. Сенат, убедившийся на этом примере в лояльности, а главное, в популярности Цезаря и опасаясь новых волнений, выразил ему благодарность, пригласил в курию и, отменив свой прежний декрет, восстановил его в должности<sup>56</sup>. Более того, когда, используя, как им казалось, выгодный момент, Луций Веттий и Квинт Курий выступили с показаниями относительно участия Цезаря в заговоре Катилины, сенат решительно отклонил эту попытку и доносчики понесли суровое наказание<sup>57</sup>.

Очевидно, в это же время<sup>58</sup> сенатом была предпринята акция и несколько иного рода: по предложению Катона число тех, кто на основании *lex Terentia Cassia frumentaria* получал хлеб, было настолько увеличено, что ежегодный расход государства на эти раздачи возрос на 7,5 млн. денариев<sup>59</sup>. Плутарх не скрывает, что это мероприятие было проведено с целью вырвать городской плебс из-под влияния Цезаря<sup>60</sup>.

Таковы были события, развернувшиеся в самом Риме в течение января 62 г. В этом же месяце на севере Италии, под Писторией, разыгрался последний акт трагедии, именуемой заговором Катилины. Растеряв значительную часть сторонников, но вместе с тем, как истый патриций, отказываясь принимать в свое войско беглых рабов, которые, по свидетельству Саллюстия, вначале стекались к нему огромными толпами<sup>61</sup>, Катилина, теснимый, с одной стороны, Метеллом Целером, а с другой, Гаем Антонием<sup>62</sup>, наконец, решил померяться

<sup>52</sup> Dio Cass., 37, 43.

<sup>53</sup> Suet., Iul., 16, ср. Plut., Cato min., 29.

<sup>54</sup> Dio Cass., 37, 43; Plut., Cic., 26; Cato min., 29.

<sup>55</sup> Suet., Iul., 16.

<sup>56</sup> Ibidem.

<sup>57</sup> Suet., Iul., 16—17.

<sup>58</sup> Плутарх относит действия Катона к более раннему времени, к концу 63 г. (Cato min., 26; Caes., 8), но еще Г. Ферреро («Величие и падение Рима», стр. 268, прим. 3) сомневался в правильности такой датировки. Ср. Ed. Meyer. Op. cit., S. 40.

<sup>59</sup> Plut., Cato min., 26; Caes., 8.

<sup>60</sup> Plut., Caes., 8.

<sup>61</sup> Sall., Cat., 56.

<sup>62</sup> App., b. c., 2, 7; Dio Cass., 37, 39.

силами с последним. Антоний, которому приходилось в этом сражении выступить против бывших союзников и единомышленников, передал, под предлогом болезни, командование своему легату Марку Петрею<sup>63</sup>. В столь драматически описанной тем же Саллюстием битве<sup>64</sup> Катилина был разбит и погиб.

После этих бурных событий, пришедшихся на самое начало года, остальные месяцы протекли довольно спокойно<sup>65</sup>. Правда, на протяжении всего 62 г. не прекращались политические процессы против бывших катилинариев. Так, были обвинены Луций Варгунтей<sup>66</sup>, затем Сервий и Публий Корнелий Сулла, Марк Порций Лека, Гай Корнелий<sup>67</sup>, а также Публий Автролий<sup>68</sup>. Одним из последних процессов подобного рода был, очевидно, процесс Публия Корнелия Суллы, племянника диктатора. Он обвинялся в том, что принимал участие еще в 65 г. в так называемом первом заговоре Катилины<sup>69</sup>. Защитниками его были Квинт Гортензий и Цицерон. Последний находился в несколько шекотливом положении, так как было известно, что он занял у Публия Суллы крупную сумму денег при покупке дома на Палатине<sup>70</sup>. Однако Цицерона это обстоятельство не остановило. Процесс Суллы окончился его оправданием.

Но гораздо важнее всех этих процессов был вопрос о предстоящем возвращении Помпея с его войском. Однако и здесь напряженность ситуации в значительной мере разрядилась: Катилина был разбит, на провал своего агента Метелла Помпей реагировал лишь тем, что обратился с просьбой отложить консульские выборы до его прибытия, дабы он мог оказать поддержку кандидатуре своего легата М. Пупия Пизона. Конечно, после этого — и опять-таки не без участия Катона — в просьбе было отказано, хотя на состоявшихся затем выборах кандидатура Пизона все же прошла<sup>71</sup>.

Но Помпей сумел удивить даже тех, кто, может быть, и не связывал его возвращения с угрозой гражданской войны: высадившись в декабре 62 г. со своим войском в Брундизии, он, даже не ожидая какого-либо решения сената или комиций по поводу возвращения с победоносной войны, распустил свою армию и в самом строгом соответствии с существовавшим

---

<sup>63</sup> Sall., Cat., 59; Dio Cass., 37, 40; Cic., pro Sest., 5, 12.

<sup>64</sup> Sall., Cat., 59—61.

<sup>65</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 41.

<sup>66</sup> Cic., pro Sulla, 2, 6.

<sup>67</sup> Ibidem.

<sup>68</sup> Cic., pro Sulla, 2, 7.

<sup>69</sup> Cic., pro Sulla, 19, 54; 20, 56.

<sup>70</sup> Gell., 12, 12.

<sup>71</sup> Plut., Cato min., 30; Pomp., 44; cp. Dio Cass., 37, 44.

обычаем в качестве рядового гражданина направился к Риму, чтобы за чертой померия ожидать соответствующего разрешения на триумф<sup>72</sup>. Такого примера лояльности и законопослушания в Риме не видывали со времен господства ныне ставших уже только красивой фразой «обычаев предков».

\* \* \*

Поведение Помпея в декабре 62 г. вызывало удивление и разноречивые оценки не только у современников или древних авторов, но и у новейших историков. Так, Моммзен, со свойственной ему яркостью и безапелляционностью характеристик, писал: «Если может считаться счастьем получить корону без труда, то ни одному смертному счастье не улыбалось так, как Помпею, но человеку, лишенному мужества, не поможет и милость богов»<sup>73</sup>. В другом месте он снова подчеркивает тот же момент: «Но когда нужно было сделать решительный шаг, ему опять изменяло мужество»<sup>74</sup>. Для Моммзена — на стоящем все время перед его глазами фоне гениального Цезаря — Помпей всего лишь человек из тех, «притязания которых превышают их способности»<sup>75</sup>, человек, стремящийся в одно и то же время быть честным республиканцем и властелином Рима, с неясными целями, бесхарактерный, уступчивый, у которого были «все качества, чтобы завладеть короной, кроме самого главного — царственной смелости»<sup>76</sup>. Моммзен отмечает его, по существу, безразличное отношение к политическим группировкам<sup>77</sup>, его мелкие эгоистические интересы, его стремление и, вместе с тем, боязнь сойти с почвы законности<sup>78</sup>. Для Моммзена это — «человек совершенно заурядный во всем, кроме своих притязаний»<sup>79</sup>.

Эд. Мейер, не столь восторженный поклонник Цезаря, как его знаменитый предшественник, пытается, хотя бы в силу этой причины, подойти к Помпею объективнее. Он специально выписывает тираду Моммзена о короне и дарах богов для того, чтобы ее оспорить. Он считает, что Моммзен исходит здесь из совершенно неправильной предпосылки, ибо Помпей вовсе и не стремился к короне, наоборот, если бы она ему была предложена, он бы отверг ее с непритворным возмущением<sup>80</sup>. Рассуждая о поведении Помпея в декабре 62 г.,

<sup>72</sup> Dio Cass., 37, 20; 41, 13; Plut., Pomp., 43; Vell., 2, 40; Zon., 10, 5.

<sup>73</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 166.

<sup>74</sup> Там же, стр. 165.

<sup>75</sup> Там же, стр. 83.

<sup>76</sup> Там же, стр. 88.

<sup>77</sup> Там же, стр. 82—84; ср. стр. 162—163.

<sup>78</sup> Там же, стр. 164—165.

<sup>79</sup> Там же.

<sup>80</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 43, Anm. 1.

Эд. Мейер признает, что подготовка, проведенная Метеллом, и, в особенности, история отрешения его от должности давали предлог для начала гражданской войны, кстати сказать, аналогичный тому, который был использован Цезарем в 49 г. Но одновременно Эд. Мейер подчеркивает, что для Цезаря вопрос шел о жизни и смерти и потому он был готов ухватиться за любой предлог, тогда как положение Помпея в 62 г. было совершенно иным, и еще неизвестно, начал ли бы гражданскую войну Цезарь, если б он находился в таком же положении<sup>81</sup>.

Свою общую оценку деятельности и личности Помпея Эд. Мейер начинает со слов о том, что справедливая оценка побежденного<sup>82</sup> — одна из труднейших задач, которые могут быть поставлены перед историком. Характеристику Помпея, данную Моммзенем, он признает блестящей, но не соответствующей действительности. Затем он отмечает ряд недостатков, свойственных Помпею как человеку и как государственному деятелю: ограниченность, бесцеремонность в переходах от «партии» к «партии», равнодушие к своим приверженцам, лицемерие, показную преданность законам и морали, и соглашается с тем, что эти недостатки характеризуют Помпея как личность некрупную, не соответствующую той роли, к которой Помпей стремился<sup>83</sup>. Здесь он пока солидарен с Моммзенем, однако считает, что последний неправ, отказывая Помпею в военных дарованиях и, в особенности, извращая (как, впрочем, и многие другие) его политические цели. В этой связи Моммзен столь же неправильно и столь же извращенно оценивает вообще всю обстановку политической борьбы последних десятилетий Римской республики<sup>84</sup>.

Эд. Мейер утверждает, что политические взгляды и цели Помпея на всем протяжении его жизненного пути совершенно ясны и недвусмысленны. Мысль о ниспровержении республики и о том, чтобы самому занять положение монарха, была Помпею абсолютно чужда. Он дважды (в 70 и 62 гг.) удержался от искушения возглавить преданную ему целиком армию с целью захвата единоличной власти. Поэтому и война между Цезарем и Помпеем вовсе не была, как это обычно трактуют, борьбой двух претендентов на престол, скорее это было составление трех возможных типов государственного устройства: старой сенатской республики (так называемая демократия была окончательно подавлена и не играла ныне никакой политической роли), абсолютной монархии Цезаря и, наконец, той политической формы, выразителем которой и был Помпей, т. е.

<sup>81</sup> Ibid., S. 42.

<sup>82</sup> Ibid., S. 3.

<sup>83</sup> Ibidem.

<sup>84</sup> Ibid., S. 4.

«принципата». И дальше Эд. Мейер развивает свое основное воззрение на «принципат» Помпея, который якобы предвосхищал режим, установленный Августом<sup>85</sup>.

Однако несколько ниже и в некотором противоречии с представлением о Помпее как о выразителе нового типа государственного устройства, Эд. Мейер утверждает, что Помпей если и был энергичным организатором, то никоим образом не должен считаться выдающимся государственным деятелем: творческая мысль и высокие цели были ему недоступны. В этом смысле он, безусловно, уступает Цезарю<sup>86</sup>.

На наш взгляд, вышеприведенные характеристики страдают общим недостатком. В них вольно (как у Моммзена) или невольно (как у Эд. Мейера) Помпей — образец «посредственности», ограниченности — сопоставляется с Цезарем или, вернее, в более общем и широком смысле с неким эталоном гения. Причем оба историка исходят из постулата, согласно которому истинно выдающийся государственный деятель всегда стремится к единоличной власти; более того, что именно это стремление и делает того или иного политического деятеля выдающимся, гениальным. В этом плане небезынтересно отметить парадоксальное обстоятельство: Помпею обычно вменяются в вину те самые моральные качества, об отсутствии которых у других политических деятелей (Марий, Сулла, Цезарь) говорят с сожалением.

Очевидно, если отказаться от подобного предвзятого и неприемлемого для нас в методологическом отношении противопоставления «гения» и «посредственности», личность Помпея без особого труда может занять подобающее ей место. Это был крупный римский вельможа, в меру образованный и просвещенный — его последняя фраза, обращенная к жене и сыну за несколько минут до трагической гибели, была цитатой из Софокла<sup>87</sup> — и, видимо, с ранних лет воспитанный в духе аристократического уважения к римским законам и обычаям. Его наиболее характерной чертой было отсутствие авантюризма, т. е. того качества, которое импонирует многим историкам, как древним, так и новейшим. Отсюда — безусловная лояльность, выполнение всего, что должно и как должно. Он, действительно, дважды — по *lex Gabinia*<sup>88</sup> и *lex Manilia*<sup>89</sup> — получал *imperium infinitum* и пользовался таким объемом и широтой власти, каких не имел до него ни один римский военна-

---

<sup>85</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 4—5.

<sup>86</sup> Ibid., S. 91.

<sup>87</sup> Plut., Pomp., 78.

<sup>88</sup> Dio Cass., 36, 23; Plut., Pomp., 25; App., Mithr., 94; Vell., 2, 31; Zon., 10, 3.

<sup>89</sup> Dio Cass., 36, 42; Plut., Pomp., 30; Luc., 35; App., Mithr., 97; Liv., ep. 100; Vell., 2, 33; Zon., 10, 4.

чальник, но оба раза это было сделано «законно» в соответствии со всеми требованиями римской конституции. Он также дважды — в 70 г.<sup>90</sup> и 62 г.<sup>91</sup> — распускал свои войска вопреки всем ожиданиям (во всяком случае, в 62 г.), что опять-таки диктовалось обычаем и неписаными положениями римской конституции. Наконец, он еще раз получил фактически неограниченную власть, когда был в 52 г. избран консулом *sine collega*<sup>92</sup>, но и на сей раз, хотя сама магистратура была неслышанной и, вообще говоря, противоречащей римской конституции, избрание его было обставлено вполне «законно».

Таким образом, сам Помпей по своей собственной инициативе ни разу не нарушил ни законов, ни традиции. Конечно, ему иногда приходилось искать «окольные пути», но он ни разу не действовал «антиконституционно», что с удивлением отмечалось еще самими древними<sup>93</sup>. Кстати сказать, «как должно» он поступал не только в подобных случаях. Таким же образом он действовал во время кампании на Балканском полуострове: одержав победу над Цезарем при Диррахии и считая, что все, что должно и как должно, уже сделано<sup>94</sup>, он не развивал успеха и получил затем Фарсал. Думается, что эта гипертрофированная лояльность не может быть признана сама по себе ни чертой гениальности, ни чертой посредственности. Она характеризует только самого Помпея, и потому из того, что было сказано о Помпее Моммзенем, наиболее меткой является, пожалуй, следующая фраза: «Он... охотно поставил бы себя вне закона, если бы только это можно было сделать, не покидая законной почвы»<sup>95</sup>. Вместе с тем Моммзен совершенно неправ, рисуя Помпея деятелем и человеком более чем посредственным, бесхарактерным, к тому же лишенным мужества. И все это лишь потому, что Помпей не протянул руку к короне в тот момент, когда она, по мнению Моммзена, лежала от него так близко.

Но, с другой стороны, едва ли более прав и Эд. Мейер, считающий, что Помпей отказался бы — да еще без всякого приворства! — от царской короны и в том гипотетическом случае, если бы она была ему преподнесена. Пожалуй, нет смысла гадать, как поступил бы в этой маловероятной ситуации Помпей, но какие у нас могут быть основания считать, что, если бы все было проведено и оформлено «должным образом», он вел бы себя иначе, чем после принятия законов Габиния и

<sup>90</sup> App., b. c., 1, 121; ср. Plut., Pomp., 23; Crass., 12.

<sup>91</sup> См. стр. 47.

<sup>92</sup> Dio Cass., 40, 50; Plut., Pomp., 54; Caes., 26 Cato min., 47; App., b. c., 2, 23; Suet., Iul., 26; Val. Max., 8, 15, 8; Zon., 10, 7.

<sup>93</sup> Plut., Pomp., 46.

<sup>94</sup> Plut., Pomp., 66; ср. Caes., 40.

<sup>95</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 164—165.

Манилия или после предложения Бибула, поддержанного Катона, об избрании консула *sine collega*?

Но основное не в этом. Представляется весьма мало вероятным основание Помпеем «принципата», если, конечно, понимать под этим термином некую телеологически организованную политическую систему, ибо в этом плане «принципат» — такая же конструкция новейших исследователей, как и «эллинистическая монархия» Цезаря<sup>96</sup>. Следует иметь в виду, что и принципат Августа — не говоря уже о Помпеевом «принципате» — представлял собою, на деле, отнюдь не заранее начертанную или целесообразно измышленную «систему», но некое политическое образование, сложившееся, во-первых, постепенно, а во-вторых, под влиянием совершенно конкретных факторов.

И, наконец, совершенно неосновательны упреки — кстати сказать, в этом вопросе солидаризуются и Моммзен и Эд. Мейер — адресуемые Помпею в связи с его «перебежками» от одной «партии» к другой. Справедливость требует отметить, что подобного рода упреки могут быть отнесены — и неоднократно относились — к целому ряду крупнейших деятелей республиканского Рима: к Папирию Карбону, Марию, Цицерону, Гаю Меммию<sup>97</sup> и, наконец, к Цезарю. Эти упреки свидетельствуют лишь о том, что ни понятия партии в современном смысле слова, ни вытекающего отсюда понятия партийной принадлежности в Риме не существовало.

В заключение можно согласиться с утверждением Эд. Мейера, что Помпей не был политическим мыслителем. Но, с другой стороны, ведь и политические мыслители не так уж часто бывают выдающимися государственными деятелями. Помпей же, как и многие военные люди, имел определенное понятие (и чувство) долга, был человеком дела, а не дальних политических расчетов и комбинаций. Он поступал в каждый данный момент так, «как должно» и, вероятно, мало задумывался над тем, что из этого впоследствии для будущего. Если учесть, что именно так действуют не только посредственности, но гораздо чаще, чем это принято думать, и выдающиеся деятели, с той лишь разницей, что последним историки, мастера *vaticinium post eventum*, приписывают затем провиденциальное значение, образ Помпея становится для нас более ясным.

Однако вернемся к событиям конца 62 г. Поведение Помпея и его действия после прибытия в Италию не принесли ему, как и следовало ожидать, никакой славы и не ввели новых лавров в его венок даже в глазах современников. Ближайшим результатом этих действий оказалось лишь то, что возвраще-

<sup>96</sup> R. Syme. *Op. cit.*, p. 54, 59.

<sup>97</sup> См. С. Л. Утченко. Идейно-политическая борьба..., стр. 22.

ние, ожидавшееся с таким напряженным вниманием и с такими разнообразными опасениями, через несколько дней было почти забыто и вытеснено другими, более злободневными и яркими событиями.

К числу таких событий относилось, в первую очередь, дело Клодия, которое обычно изображается как характерный пример римской *chronique scandaleuse*, но которое с самого начала приобрело явно выраженный политический характер. По существу, это была первая, после разгрома движения Катилины, попытка «демократических» или, точнее говоря, антисенатских сил снова поднять голову и взять некий реванш за последние неудачи и поражения.

Клодий, который к тому моменту, когда он совершил свое галантное преступление — он, как известно, в день праздника в честь *Vona Dea*, переодетый в женское платье, проник в дом Цезаря, где и происходило это празднование, на свидание с его женой<sup>98</sup>, — был *quaestor designatus*, кроме того имел уже довольно широкую известность как представитель антисенатских кругов, как любимец «народа»<sup>99</sup>. Этим, очевидно, объясняется и шумно организованный поход сената против него, и более чем странное поведение Цезаря<sup>100</sup> во всей истории.

Дело Клодия рассматривалось в сенате в январе 61 г. Было принято решение обратиться к коллегии понтификов для выяснения вопроса о том, имело ли место в данном случае оскорбление святыни (*sacrilegium*). Коллегия понтификов дала утвердительный ответ и сенат поручил консулам 61 г. М. Пупию Пизону и М. Валерию Мессале подготовить закон о назначении чрезвычайного трибунала для суда над Клодием<sup>101</sup>. *Rogatio Pupia Valeria de incestu Clodii* предусматривала выбор судей самим претором. Против рогации выступил народный трибун Кв. Фуфий Кален, который пытался вовлечь в борьбу вокруг всего этого дела даже Помпея<sup>102</sup>. Сам Клодий как квестор собирал *contiones*, нападая в них на наиболее видных представителей сенатских кругов<sup>103</sup>. *Rogatio Pupia Valeria* в народном собрании не прошла. Сенат решил оказать дополнительный нажим; было принято постановление не рассматривать вопроса о назначении преторов в провинции и других важных текущих дел, пока не состоится голосование предложе-

<sup>98</sup> Cic., ad Att., 1, 12, 3; 13, 3; de dom., 39, 104 sqq.; de har. resp., 3, 4; 5, 8; 17, 37; 21, 44; pro Sest., 54, 116; in Pis., 39, 25; pro Mil., 22, 59; 27, 72; Ascon., p. 52; Schol. Bob., p. 329; 336; Suet., Iul., 6; Vell., 2, 45; Dio Cass., 37, 45; Plut., Caes., 9 sqq.; Cic., 28.

<sup>99</sup> Plut., Cic., 29; Caes., 10; App., b. c., 2, 14.

<sup>100</sup> Dio Cass., 37, 45; Plut., Caes., 10; Suet., Iul., 6.

<sup>101</sup> Cic., ad Att., 1, 13, 3; pro Mil., 5, 13; 22, 59; 27, 73; Suet., Iul., 6.

<sup>102</sup> Cic., ad Att., 1, 14, 1—2.

<sup>103</sup> Cic., ad Att., 1, 14, 5; 16, 1.



ния сената в народном собрании<sup>104</sup>. Однако по инициативе Гортензия сенат пошел на некоторую уступку и разрешил народному трибуну Фуфию внести законопроект (*lex Fufia de religione*), по которому судьи для разбора Клодиева дела назначались уже не претором, но избирались обычным путем, т. е. по жребию<sup>105</sup>. Это, несомненно, более благоприятное для Клодия предложение и было принято народным собранием.

После этого — в мае 61 г. — состоялся суд над Клодием. Он был обвинен Л. Корнелием Лентулом Крусом и еще двумя Лентулами<sup>106</sup>, защищал же его консул 76 г. Г. Скрибоний Курион<sup>107</sup>. Просенатские свидетели обрушились на Клодия с обычным в таких случаях набором обвинений в разврате. Лукулл, например, дошел до того, что обвинял Клодия в кровосмесительной связи с собственной сестрой, которая, кстати сказать, была замужем за самим Лукуллом<sup>108</sup>. Цицерон, под нажимом своей жены Теренции, ревновавшей его к другой сестре Клодия<sup>109</sup>, дал наиболее неблагоприятное для обвиняемого показание: когда Клодий пытался уверить суд в том, что в день праздника *Вопа Деа* его вовсе не было в Риме, Цицерон опроверг его алиби, сообщив, что Клодий в этот день заходил к нему домой<sup>110</sup>. Цезарь же, напротив, заявил, что о существе дела ему ничего не известно, а на вопрос о причине развода с женой отвечал, что его жена должна быть даже вне подозрений<sup>111</sup>.

Во время судебного разбирательства толпа на форуме настолько явно выражала свое сочувствие Клодию, что судьи потребовали от консулов вооруженной охраны<sup>112</sup>. Но ее так и не пришлось пустить в ход, ибо, к негодованию и растерянности просенатских деятелей, Клодий был оправдан 31 голосом против 25<sup>113</sup>. Конечно, после этого немедленно был распушен слух о подкупе судей<sup>114</sup>. О полной растерянности просенатских кругов свидетельствуют отчаянные заявления Цицерона, что из-за оправдания Клодия «укрепление» государства, *consensus bonorum omnium*, авторитет его консульства — все это повержено в прах одним ударом<sup>115</sup>.

<sup>104</sup> Cic., ad Att., 1, 14, 5.

<sup>105</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 2; ср. pro Mil., 5, 13.

<sup>106</sup> Cic., de har. resp., 17, 37; pro Mil., 15, 39; Schol. Bob., p. 330; 336.

<sup>107</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 1; Schol. Bob., p. 330.

<sup>108</sup> Cic., pro Mil., 27, 73; Plut., Cic., 29.

<sup>109</sup> Plut., Cic., 29.

<sup>110</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 4; de dom., 30, 80; pro Mil., 17, 46; Asc on., p. 49; Schol. Bob., p. 330; Plut., Cic., 29.

<sup>111</sup> Plut., Caes., 10, Cic., 29; App., b. c., 2, 14; Suet., Iul., 74.

<sup>112</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 5; Schol. Bob., p. 330.

<sup>113</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 5; Schol. Bob., p. 330.

<sup>114</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 5; 18, 3; pro Mil., 32, 87; Schol. Bob., p. 331, 346; ср. с более осторожными высказываниями Plut., Cic., 29.

<sup>115</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 6; 18, 3.

Дело Клодия, занявшее почти всю первую половину 61 г., для сената еще имело тот смысл, что оно давало возможность под различными предложениями оттягивать рассмотрение тех требований, которые настойчиво выдвигались Помпеем. Речь шла об утверждении ряда сделанных им в Азии распоряжений и о наделении его солдат землей<sup>116</sup>. Сам Помпей в первые дни после своего возвращения пытался установить контакт с сенатом, его выступления — и перед народом и в сенате — в связи с делом Клодия были выдержаны, по словам Цицерона, «в весьма аристократическом духе»<sup>117</sup>.

Однако очень скоро ему пришлось убедиться в том, что, действуя таким образом, он ничего не сможет добиться. Следовало, как это уже стало обычаем в политической жизни Рима, искать окольных путей. Приближались консульские выборы на 60 г. Одним из кандидатов был Кв. Цецилий Метелл Целер, с сестрой которого, Муцией, Помпей только что развелся<sup>118</sup>. Очевидно, не считая, что эта кандидатура может его в данной ситуации устроить, Помпей выдвигает нового претендента — Луция Афрания, бывшего его легатом в Азии<sup>119</sup>, причем не останавливается перед самым беззастенчивым подкупом<sup>120</sup>. Вообще в развернувшейся предвыборной кампании подкупы достигли таких масштабов, что последовало два сенатусконсульта, а затем и рогация трибуна М. Ауфидия Луркона *de ambitu*<sup>121</sup>. На состоявшихся 27 июля 61 г. выборах прошли кандидатуры Метелла Целера и Луция Афрания.

Через два месяца после этих выборов, в последних числах сентября, состоялся пышный двухдневный триумф Помпея. Он красочно описан Плинием Старшим, Аппианом, Плутархом и другими авторами<sup>122</sup>. В первый день триумфа в процессии были пронесены две огромные таблицы, на которых были перечислены крупнейшие деяния Помпея: его победы над 22 царями, распространение римских владений до Евфрата, увеличение годового дохода римского государства (благодаря податям с новых провинций) с 50 до 80 млн. драхм, празднование триумфа за победы во всех трех частях света. За этими двумя таблицами двигались нескончаемым потоком колесницы и мулы, нагруженные военными доспехами, золотом, сокровищами, художественными изделиями, драгоценной утварью, произведениями искусства. На следующий день процессия

<sup>116</sup> Dio Cass., 37, 49; Vell., 2, 40.

<sup>117</sup> Cic., ad Att., 1, 14, 2.

<sup>118</sup> Cic., ad Att., 1, 12, 3; Plut., Pomp., 42.

<sup>119</sup> Plut., Pomp., 34; 36.

<sup>120</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 12; Dio Cass., 37, 49; Plut., Pomp., 44.

<sup>121</sup> Cic., ad Att., 1, 16, 12—13.

<sup>122</sup> Plin., n. h., 37, 2; 6; 12; App., Mithr., 116—117; Plut., Pomp., 45; ср. Dio Cass., 37, 21; Liv., ep. 103; Vell., 2, 40; Val. Max., 8, 15, 8; Zon., 10, 5.

состояла из «живых трофеев»: сначала были проведены толпы пленных из различных стран, затем шли знатные лица и заложники, среди которых было семь сыновей Митридата, Аристокбул с сыном и двумя дочерьми, сын Тиграна, вожди пиратов, албанские и иберийские князья. Наконец, окруженный блестящей свитой из своих легатов и трибунов, на украшенной жемчугом колеснице следовал сам триумфатор, облаченный в тунику, которую, по преданию, носил еще Александр Македонский.

Но все это было лишь красочным спектаклем в пышных декорациях. Ни сам Помпей, ни его влиятельные противники из сенатской среды не имели на этот счет никаких иллюзий. Обстановка в сенате была в данное время малоблагоприятной, и Помпей едва ли мог рассчитывать на удовлетворение своих главных требований. Ухудшались взаимоотношения между сенаторским и всадническим сословиями<sup>123</sup>, кроме того, в сенате — после провала осуждения Клодия — открыто господствовали ультраконсервативные лица и настроения. Помпей вынужден был снова искать окольных путей: он старается сблизиться с Цицероном<sup>124</sup> и с Катонем; у последнего он даже просит двух племянниц (или дочерей) с тем, чтобы на одной из них жениться самому, а другую выдать за своего старшего сына, однако получает отказ<sup>125</sup>.

Обсуждение требований, выдвинутых Помпеем, состоялось в сенате лишь в начале 60 г. Не говоря уже о Метелле Целере, и другой консул, Луций Афраний, на которого Помпей возлагал такие надежды, оказался недостаточной опорой. Враждебную кампанию открыл Лукулл, который получил, наконец, возможность свести старые счеты с Помпеем. Он выступил против суммарного утверждения сделанных Помпеем распоряжений и предложил обсуждать их в отдельности, по пунктам, что, конечно, открывало простор нескончаемым дискуссиям. Его немедленно поддержали Кв. Метелл Критский, Красс и Катон<sup>126</sup>.

Убедившись на этом примере, насколько длительной, а скорее всего и бесплодной будет борьба в сенате за осуществление его требований, Помпей решил в отношении аграрного вопроса действовать иным путем. В самом начале 60 г. близкий ему трибун Луций Флавий внес проект аграрного закона<sup>127</sup>. Проект затрагивал земельные наделы сулланского и даже гракханского времени; вопрос ставился так, что земля

<sup>123</sup> Cic., ad Att., 1, 17, 8—9; 2, 1, 7—8.

<sup>124</sup> Cic., ad Att., 1, 12, 3; 1, 14, 3; 1, 16, 11; 1, 17, 10; 1, 19, 7.

<sup>125</sup> Plut., Cato min., 30; Pomp., 44.

<sup>126</sup> Dio Cass., 37, 49; Plut., Luc., 42; Pomp., 46; Cato min., 31; App., b. c., 2, 9; Vell., 2, 40; Suet., Iul., 19.

<sup>127</sup> Cic., ad Att., 1, 18, 6.

должна покупаться в течение пяти лет на доходы от *vestigalia* с тех новых провинций, которые были завоеваны Помпеем<sup>128</sup>. Цицерон выступил в защиту аграрного законопроекта, оговорив в нем, однако, ряд существенных изменений<sup>129</sup>. Но против закона ополчился на сей раз не только вечный оппозиционер из консервативного лагеря — Катон, но и консул 60 г. Кв. Метелл Целер<sup>130</sup>. Борьба вокруг законопроекта была столь ожесточенной, что Флавий, желая сломить упорное сопротивление Метелла, прибег к крайнему средству: заключил консула в тюрьму<sup>131</sup> и запретил ему сношаться с сенатом. Помпею пришлось исправлять промах своего не в меру ретивого сторонника и отказаться от проведения аграрного закона<sup>132</sup>.

Таким образом, Помпей пока терпел неудачу за неудачей. Положение его становилось критическим: контакт с сенатскими кругами не налаживался, более того, пропасть заметно расширялась, и казалось, ничто не может ее заполнить. С другой стороны, он не мог и не хотел отказаться от своих требований, реализация которых была тесно связана со всей его репутацией и его положением в государстве, даже если это положение определять как *primus inter pares*. Помпей, кстати сказать, проявил в этой столь неблагоприятно сложившейся для него ситуации политическую осмотрительность, гибкость и целеустремленность. Очевидно, теперь следовало искать других возможностей. И эти возможности были им найдены.

\* \* \*

В июне 60 г. возвратился из Испании в Рим Юлий Цезарь<sup>133</sup>. Он возвратился оттуда богатым человеком, хотя перед своим отъездом был настолько опутан долгами, что кредиторы не хотели выпускать его из Рима, и только после того, как Красс поручился за него на сумму в 830 талантов, ему удалось отправиться в свою провинцию<sup>134</sup>. В Испании он вел удачные военные действия, подчинил непокорные еще Риму племена лузитанов и каллаиков<sup>135</sup> и активно действовал в области внутреннего управления: урегулировал отношения между кредиторами и должниками (не забыв при этом и собственных интересов)<sup>136</sup> и добился через сенат отмены податей, налоговых на местное население при Кв. Метелле Пие<sup>137</sup>.

<sup>128</sup> Plut., Cato min., 31.

<sup>129</sup> Cic., ad Att., 1, 19, 4.

<sup>130</sup> Plut., Cato min., 31; Dio Cass., 37, 50.

<sup>131</sup> Dio Cass., 37, 50; cp. Cic., ad Att., 2, 1, 8.

<sup>132</sup> Dio Cass., 37, 50.

<sup>133</sup> Cic., ad Att., 2, 1, 9.

<sup>134</sup> Plut., Caes., 5; 11; Crass., 7; App., b. c., 2, 1; 8.

<sup>135</sup> Dio Cass., 37, 52; 44, 41; Plut., Caes., 12; Liv., ep. 103.

<sup>136</sup> Plut., Caes., 12.

<sup>137</sup> [Caes.], b. Hisp., 42.

«Совершив эти дела, получившие всеобщее одобрение,— лишет Плутарх,— Цезарь выехал из провинции, где он и сам разбогател и дал возможность обогатиться во время походов своим солдатам, которые провозгласили его императором»<sup>138</sup>.

Цезарь вернулся из Испании весьма успешно, не дождавшись даже своего преемника по управлению провинцией<sup>139</sup>. Причина его торопливости заключалась в том, что он решил выставить свою кандидатуру на предстоящих консульских выборах. Однако существовало обстоятельство, которое осложняло вопрос о баллотировке его кандидатуры: Цезарь, поскольку он был провозглашен императором, мог претендовать на триумф, но в этом случае он не имел права вступать в город, считался «отсутствующим» (*absens*) и потому, в свою очередь, не имел права выставлять собственную кандидатуру на выборах<sup>140</sup>. Стремясь найти выход из положения, Цезарь обратился в сенат с просьбой разрешить ему заочно домогаться консульского звания, и так как на сей раз имелись основания рассчитывать на благоприятное отношение многих сенаторов, то неутомимый ревнитель республиканских традиций Катон выступил с явно обструкционистской речью, которая продолжалась целый день. Сроки истекали и больше терять времени было нельзя. Поэтому Цезарь принял решение отказаться от триумфа, получив, таким образом, возможность войти в город и выдвинуть свою кандидатуру<sup>141</sup>.

Наиболее непримиримая по отношению к кандидатуре Цезаря группа сенаторов во главе с Катонем выдвинула в качестве противовеса кандидатуру М. Кальпурния Бибула, который уже был коллегой Цезаря по эдилитету и претуре. Их отношения были далеко не дружественными<sup>142</sup>. Кроме того, желая обезвредить Цезаря на будущее время и вместе с тем считая, что он, несомненно, будет избран, сенат еще до выборов принял решение, согласно которому будущим консулам после истечения срока их полномочий назначалось не управление той или иной венецианской областью или страной, как это обычно делалось, но лишь наблюдение за лесами и пастбищами<sup>143</sup>. В результате выборов прошли обе кандидатуры — и Цезарь, и Бибул — причем сами кандидаты и их сторонники беззастенчиво занимались покупкой голосов — на сей раз не оказался безупречным даже Катон<sup>144</sup>.

<sup>138</sup> Plut., Caes., 12.

<sup>139</sup> Dio Cass., 37, 54; Suet., Iul., 18.

<sup>140</sup> Plut., Caes., 13; Suet., Iul., 18.

<sup>141</sup> Dio Cass., 37, 54; 44, 41; Plut., Caes., 13; Cato min., 31; Suet., Iul., 18; App., b. c., 2, 8.

<sup>142</sup> Suet., Iul., 10.

<sup>143</sup> Suet., Iul., 19. См. Ed. Meyer. Op. cit., S. 58, Anm. 3.

<sup>144</sup> Suet., Iul., 19.

Незадолго до выборов или вскоре после них возникло обстоятельство, имевшее решающее значение для дальнейшего хода событий: заключение между тремя политическими деятелями Рима — Помпеем, Цезарем и Крассом (инициатива обычно безоговорочно приписывается Цезарю) — тайного соглашения, известного в литературе под именем первого триумvirата<sup>145</sup>.

Вопрос о дате этого соглашения чрезвычайно неясен. Безусловно прав Эд. Мейер, когда он указывает на то, что именно тайный характер соглашения вообще не дает возможности точного решения вопроса<sup>146</sup>. Он был неясен уже для самих древних. Свидетельство единственного современника событий — Цицерона, в силу своей лапидарности<sup>147</sup>, ничего не разъясняет. Все остальные сведения, во-первых, идут от позднейших писателей, а во-вторых, довольно противоречивы. Правда, почти все древние авторы, за исключением Веллея Патеркула<sup>148</sup>, высказываются за 60 г., но Плутарх<sup>149</sup>, Аппиан<sup>150</sup>, Ливий<sup>151</sup> и Дион Кассий<sup>152</sup> считают, что тайное соглашение состоялось еще до выборов Цезаря в консулы, тогда как Светоний<sup>153</sup> относит его к осени 60 г., т. е. ко времени вскоре после выборов.

Неудивительно, что и в новейшей историографии существуют различные точки зрения на дату образования первого триумvirата. Каркопино<sup>154</sup>, Корнеманн<sup>155</sup>, Сайм<sup>156</sup> и Чачери<sup>157</sup> стоят за лето 60 г., Эд. Мейер, хотя и не считает возможным, как уже говорилось, точно определить дату, склонен отодвинуть ее ближе к концу года<sup>158</sup>. Однако Э. Шварц<sup>159</sup> и некоторые другие исследователи относят образование триумvirата даже к 59 г.

Все эти вопросы довольно подробно рассмотрены в специальной статье Ханслика<sup>160</sup>, но основной вывод исследования,

<sup>145</sup> Cic., ad Att., 2, 3, 3; 2, 9, 2; ad fam., 6, 6, 4; Dio Cass., 37, 54—58; Plut., Caes., 13; Pomp., 47; Crass., 7; 14; Luc., 42; Suet., Iul., 19; App., b. c., 2, 9; Liv., ep. 103; Vell., 2, 44; Zon., 10, 6.

<sup>146</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 59—60.

<sup>147</sup> Cic., ad Att., 2, 3, 3.

<sup>148</sup> Vell., 2, 44.

<sup>149</sup> Plut., Caes., 13 sqq.; Cato min., 31.

<sup>150</sup> App., b. c., 2, 9.

<sup>151</sup> Liv., ep. 103.

<sup>152</sup> Dio Cass., 37, 54.

<sup>153</sup> Suet., Iul., 19.

<sup>154</sup> J. Carcopino. Histoire Romaine, II, 1936, p. 676 ff.

<sup>155</sup> E. Kornemann. Römische Geschichte, I, 1938, S. 572.

<sup>156</sup> R. Syme. Op. cit., p. 35.

<sup>157</sup> E. Ciaceri. Cicerone e i suoi tempi, II<sup>2</sup>, 1941, p. 3.

<sup>158</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 60.

<sup>159</sup> E. Schwartz. RE, s. v. Cassius Dio.

<sup>160</sup> R. Hanslik. Cicero und das erste Triumvirat. «Rheinisches Museum für Philologie», N. F., 98, 4, 1955, S. 324—334.

согласно которому образование триумvirата следует отнести к февралю 59 г., представляется, на наш взгляд, малоубедительным. Остановимся несколько подробнее на соображениях автора. Ханслик, сопоставляя в своей статье противоречивые данные источников (и ссылаясь также на разную в современной историографии), возводит показания Ливия, Аппиана, Плутарха и Светония к одному общему источнику — к Азинию Поллиону. Однако последний, по мнению Ханслика, не заслуживает доверия: он — любитель театральных эффектов и ради них готов грешить исторической точностью<sup>161</sup>. Что касается Диона Кассия, то он, очевидно, контаминировал Ливия и Поллиона с неизвестным нам источником, причем, будучи сам тоже чрезвычайно склонен к «эффектам», дату заимствовал у Поллиона<sup>162</sup>.

Ханслик отдает предпочтение свидетельству Веллея Патеркула, который относит образование триумvirата к 59 г. и который, по мнению Ханслика, опирается на хронологические данные, идущие, возможно, от Т. Помпония Аттика, т. е. от современника событий<sup>163</sup>. В сопоставлении с показаниями другого современника, Цицерона, свидетельство Веллея о 59 г. приобретает для Ханслика решающее значение. Из трех-четырех строк письма к Аттику<sup>164</sup> Ханслик пытается выжать все, что только можно (и даже то, чего нельзя). Прежде всего он ссылается на обычную датировку письма концом декабря 60 г. Из письма видно, что Цицерона приглашают примкнуть к союзу, но также видно, что союз еще не существует, а Цезарь даже не добился примирения Помпея с Крассом. Цицерон думает отклонить предложение, но хочет советоваться с Аттиком. Итак, заключает Ханслик, к 1/1 59 г. Цицерон еще не дал ответа Цезарю, а последний еще не примирил Помпея с Крассом. Трудно предположить, что Цезарь в данном случае обманывал Цицерона и триумvirат уже существовал. Письму Цицерона, настаивает Ханслик, можно верить; следовательно, примирение Помпея и Красса, т. е. заключение соглашения, произошло в начале 59 г.<sup>165</sup> Дальше идет рассуждение о том, что изложение событий начала 59 г. может лишь подтвердить высказанное соображение о датировке триумvirата, и на основании некоторого анализа действий Цезаря и «двух фаз» его тактики Ханслик находит возможным еще более «уточнить» эту датировку и высказывается за февраль (даже за вторую половину февраля) 59 г.<sup>166</sup>

<sup>161</sup> R. Hanslik. Op. cit., S. 326—327.

<sup>162</sup> Ibid., S. 328.

<sup>163</sup> Ibidem.

<sup>164</sup> Cic., ad Att., 2, 3, 3.

<sup>165</sup> R. Hanslik. Op. cit., S. 329—331.

<sup>166</sup> Ibid., S. 331—334.

По существу говоря, главный и решающий аргумент Ханслика — соображение о том, что Цезарь не обманывал Цицерона, когда направил к нему для переговоров своего шурина М. Аттия Бальба. Если предположить обратное — все построение Ханслика падает. Трудно, конечно, гадать, «обманывал» или «не обманывал» Цезарь Цицерона; допустимы обе возможности, тем более, что союз создавался в глубокой тайне и Цезарю не было никакого расчета до поры до времени полностью раскрывать свои карты даже перед эвентуальным участником соглашения, который, как мы знаем, все же в дальнейшем от него отказался. Во всяком случае, соображение об «искренности» или «неискренности» Цезаря никоим образом не может служить опорным пунктом при решении вопроса о датировке триумvirата.

Да едва ли этот вопрос и может быть решен. К приведенному выше соображению Эд. Мейера мы можем лишь добавить сомнение в целесообразности попыток найти решение вопроса. Скорее всего дело обстоит так: точная датировка «основания» первого триумvirата невозможна (да и не нужна), поскольку он складывался постепенно, к тому же в тайне, и мы можем определить сравнительно точно лишь тот момент, когда он себя впервые «обнаружил»<sup>167</sup>.

Гораздо существеннее, на наш взгляд, вопрос о причинах, обусловивших складывание подобного союза, и об его историческом значении. Объединение трех политических деятелей Рима было, конечно, не случайным явлением, а диктовалось определенными политическими интересами, причинами, событиями, т. е. определенной политической обстановкой. Укажем здесь лишь на наиболее характерные черты этой обстановки, которые позволяют понять, как и почему совпали в данный момент интересы членов триумvirата.

Помпея привела в триумvirат крайне «твердолобая» политика сената. Мы имели возможность проследить в общих чертах развитие этой политики после подавления «заговора» Катилины. Никакой гибкости, никакого учета реальной обстановки, никакой позитивной инициативы. Это была даже не политика наступления, но лишь политика глухой, упорной обороны, проводимая с помощью запретов, интриг, обструкций. Единственное мероприятие из числа проведенных за это время сенатом, которое имело какое-то более широкое, общественное значение и смысл, — увеличение хлебных раздач, и то было предпринято, как уже указывалось выше<sup>168</sup>, в целях узкопартийных интриг. И наряду со всем этим — резко выраженная, часто даже без нужды подчеркиваемая консервативность, которая открыто

<sup>167</sup> Ср. H. A. Sanders. The So-Called First Triumvirate, «Mem. of the Amer. Acad. in Rome», X, 1932, p. 55 ff.

<sup>168</sup> См. стр. 44.



и демонстративно провозглашалась как приверженность к пресловутым *toges maiorum* — понятие, давно превратившееся для рядового римлянина в пустой звук.

Так было в период трибуната Метелла Непота, в период претуры Цезаря, так же было и после возвращения Помпея с Востока, когда началась его длительная тяжба с сенатом. Однако этому не приходится удивляться, если только вспомнить, каковы были фигуры людей, считавшихся в то время *principes* сената. Это — старый сулланец Квинт Катул; бездарный и твердолобый коллега Цезаря по эдилитету, претуре, а затем и консулату Марк Бибул; Луций Лукулл, который проявлял интерес к общественным делам как будто лишь тогда, когда он мог сделать какую-либо неприятность своему старому сопернику Помпею, и, наконец, Марк Катон, о котором Цицерон, будучи в общем почти его единомышленником, тем не менее с иронией говорил, что тот забывает, что находится не в государстве Платона, а среди подонков Ромула<sup>169</sup>. Это были люди, с которыми невозможно было найти общий язык (попытка Помпея породниться с Катонем — и та не удалась), это была политика, которая не имела никаких перспектив.

Что касается Красса, то на его решение примкнуть к триумвирату, несомненно, должна была оказать определенное влияние позиция всадников. Мы вскользь упоминали выше<sup>170</sup> о наметившемся расхождении между всадниками и сенатом. Суть разногласий состояла в том, что всадникам пришелся не по вкусу внесенный по инициативе Катона вскоре после Клодиева процесса проект постановления Сената о следствии над судьями, которых подозревали в том, что они брали деньги<sup>171</sup>. Еще большее недовольство вызвала реакция сената на обращение откупщиков с просьбой отменить существующее соглашение относительно провинции Азии, так как в свое время они, увлеченные алчностью, взяли откуп по слишком высокой цене<sup>172</sup>.

Несмотря на поддержку (и даже инициативу в этом деле) Красса, а также содействие Цицерона, который хотя и считал требования откупщиков постыдными<sup>173</sup>, тем не менее по тактическим соображениям выступал за них, из попытки откупщиков ничего не получилось, а Катон окончательно провалил все дело<sup>174</sup>. Это и привело, как неоднократно утверждает тот же Цицерон<sup>175</sup>, к тому, что всадники «отвернулись» от сената,

<sup>169</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 2, 1, 8.

<sup>170</sup> См. стр. 54.

<sup>171</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 1, 17, 8; 2, 1, 8.

<sup>172</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 1, 17, 9.

<sup>173</sup> *Ibidem*.

<sup>174</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 2, 1, 9.

<sup>175</sup> *Cic.*, ad *Att.*, 1, 17, 8; 1, 18, 3; 2, 1, 7—8.

«порвали» с ним. В подобной ситуации Крассу, который вообще никогда не отличался особой лояльностью по отношению к сенату, был прямой расчет примкнуть к намечавшемуся соглашению. Во всяком случае, этот его шаг вполне совпадал с настроениями, сложившимися в данный момент среди всаднических кругов.

И, наконец, Цезарь. Сторонники телеологического подхода к историческим событиям считают, конечно, что Цезарь — инициатор и организатор так называемого первого триумvirата — уже в этот период своей деятельности преследовал вполне определенные цели, а именно цели захвата единоличной, монархической власти. Подобные взгляды высказывались и в древности. Так, Цицерон (но, само собой разумеется, не в период возникновения триумvirата, а уже после смерти Цезаря) уверял, что Цезарь долгие годы вынашивал идею захвата царской власти<sup>176</sup>, а Плутарх писал, что Цезарь под прикрытием человеколюбивого поступка (т. е. примирения Помпея с Крассом) совершил настоящий государственный переворот (*μεταστήσας τὴν πολιτείαν*)<sup>177</sup>. В новое время providенциально-монархические устремления приписывали Цезарю Друман<sup>178</sup>, конечно, Моммзен<sup>179</sup>, а позже и Каркопино<sup>180</sup>. Но все это, в том числе и оценка самого Цицерона, — лишь позднейшие выводы *ex eventu*.

У нас нет никаких серьезных оснований предполагать, что, примыкая к союзу трех или даже организуя его, Цезарь, кроме тех насущных и злободневных вопросов, которые подсказывались самой политической обстановкой, уже ставил перед собой какие-то более далеко идущие цели. К первым могут быть отнесены: удовлетворение требований Помпея, умиротворение всадников, стабилизация собственного политического положения. Конечно, последнее было для Цезаря первоочередной и наиболее актуальной задачей, но приступить к ее реализации он мог лишь после удовлетворительного решения двух первых вопросов.

Однако из всего вышеизложенного отнюдь не вытекает, что созданный для решения ближайших тактических задач «союз трех» не мог эти задачи перерасти. Так оно фактически и получилось. Нам кажется вполне вероятным мнение Н. А. Машикина, считавшего, основываясь на определении Дионом Кассием «союза трех» как *φιλία*, что прецедентами данного союза

<sup>176</sup> Cic., Phil., 2, 45, 116.

<sup>177</sup> Plut., Caes., 13.

<sup>178</sup> См. Drumann-Groebe, I—VI, 1899—1929.

<sup>179</sup> Т. Моммзен, История Рима, III, стр. 168—170.

<sup>180</sup> G. Glotz, Histoire générale. Hist. ancienne, 3-me partie hist. Romaine, т. II, G. Bloch et J. Carcopino. La République romaine de 144 à 33 avant J. C., Paris, 1935, passim.

можно считать неофициальные предвыборные соглашения, довольно частые и обычные для Рима того времени. Разница лишь в том, что подобные соглашения были всегда кратковременными, в данном же случае политическая обстановка сложилась так, что «временное соглашение превратилось в постоянное и, в конечном итоге, сыграло большую роль в истории Римской республики»<sup>181</sup>.

С нашей точки зрения, историческое значение так называемого первого триумvirата заключалось в том, что он был воплощением — в лице трех политических деятелей Рима — консолидации всех антисенатских сил. Таким образом, его возникновение, независимо от тех целей, ради которых он был создан, оказывается чрезвычайно важным и даже переломным моментом в истории Рима I в. до н. э. Если и не правы те, кто считает это событие концом республики и началом монархии, то, во всяком случае, следует со вниманием отнестись к словам Катона, который в свое время говорил, что не столь была страшна для римского государства внутренняя борьба политических группировок и их главарей или даже гражданская война, сколь объединение всех этих сил, союз между ними<sup>182</sup>. Если вместо слов «римское государство» подставить слова «сенатская республика» — ибо именно ее имел в виду Катон, — то, пожалуй, его оценку можно принять полностью.

\* \* \*

Более или менее откровенные выразители телеологической точки зрения склонны видеть не только в организации так называемого первого триумvirата, но и в консулате Цезаря цепь мероприятий, сознательно проводившихся с «дальним прицелом». Даже в сравнительно недавних работах встречаются иногда утверждения вроде того, что первый консулат Цезаря следует рассматривать как прототип его диктатуры<sup>183</sup>.

Однако с подобными утверждениями никоим образом нельзя согласиться. Не говоря уже о том, что напряженная политическая обстановка и борьба, развернувшаяся в первые же месяцы 59 г., приковывали все силы и все внимание к текущим, злободневным вопросам, Цезарь в то время был настолько еще второстепенной фигурой не только среди политических деятелей Рима вообще, но и среди членов триумvirата в частности, что говорить о каких-то мероприятиях, проводившихся им в расчете на будущее единовластие, не приходится. Да и объективный анализ законодательной деятельности Цезаря за

<sup>181</sup> Н. А. Машкин. *Принципат Августа*, стр. 21—22.

<sup>182</sup> Plut., *Rom.*, 47; Caes., 13.

<sup>183</sup> См., например, S. I. Oost. *The Date of the Lex Iulia de repetundis*. «*American Journal of Philology*», 77, 1956, p. 19—27.

время его первого консулата не дает никаких оснований для подобных телеологических выводов.

Цезарь, когда он еще был *consul designatus*, заявил о своем намерении выступить с проектом аграрного закона<sup>184</sup>. Очевидно, следует говорить о двух аграрных законах Цезаря, на чем настаивает Эд. Мейер, с которым можно согласиться и в том, что эти законы объединяли основные положения проектов Сервилия Рулла с теми требованиями, которые в предыдущем году столь неудачно пытался провести в интересах Помпея трибун Флавий<sup>185</sup>.

Несмотря на умеренный характер первого аграрного закона, несмотря на все попытки Цезаря сохранить лояльность по отношению к сенату<sup>186</sup> и его заигрывание с отдельными влиятельными сенаторами, вплоть до Цицерона и Бибула<sup>187</sup>, законопроект был встречен резко отрицательно. Сенаторов шокировало уже то обстоятельство, что, в нарушение давних традиций, консул вносит аграрные законопроекты (прецедент, неслыханный со времен полубогородного Спурия Кассия), т. е. занимается делами, совершать которые, по словам Плутарха, более подобало бы «какому-нибудь дерзкому народному трибуну, а отнюдь не консулу»<sup>188</sup>.

Однако первый аграрный закон Цезаря действительно был умеренным и осторожным. Он имел в виду раздел государственных земель, за исключением *ager Campanus*<sup>189</sup> (а также *Campus Stellatis* и *ager Volaterranus*<sup>190</sup>). Кроме того, предполагалась покупка земли за счет средств от податей с новых провинций и военной добычи Помпея, но лишь у лиц, согласных продавать ее по цене, установленной при составлении цензовых списков<sup>191</sup>. Земельные наделы, которые могли быть получены по этому закону, нельзя было отчуждать в течение 20 лет<sup>192</sup>. Для проведения закона в жизнь предлагалось создать комиссию из 20 человек, в которую, кстати говоря, Цезарь решительно отказался войти и в составе которой руководство поручалось коллегии из пяти человек<sup>193</sup>.

Внося свой проект аграрного закона в сенат, Цезарь заявил, что он даст ему ход лишь при условии одобрения проекта сенатом и что он согласен пойти на приемлемые изменения и дополнения к проекту<sup>194</sup>. Вместе с тем, чтобы поставить сенат

<sup>184</sup> Cic., *ad Att.*, 2, 3, 3; *de prov. cons.*, 17, 41.

<sup>185</sup> Ed. Meyer. *Op. cit.*, S. 62—63, Anm. 1.

<sup>186</sup> Suet., *Iul.*, 20; Dio Cass., 38, 1—2.

<sup>187</sup> Cic., *in Pis.*, 32, 79; App., *b. c.*, 2, 10.

<sup>188</sup> Plut., *Caes.*, 14; *ср.* Pomp., 47; *Cato min.*, 52.

<sup>189</sup> Dio Cass., 38, 1.

<sup>190</sup> Cic., *ad fam.*, 13, 4, 2.

<sup>191</sup> Dio Cass., 38, 1.

<sup>192</sup> App., *b. c.*, 3, 2, 7.

<sup>193</sup> Cic., *ad Att.*, 2, 7, 3—4; *Schol. Bob.*, p. 263; Dio Cass., 38, 1.

<sup>194</sup> Dio Cass., 38, 1—2.

под контроль общественного мнения, Цезарь впервые ввел регулярную публикацию отчетов о сенатских заседаниях и народных собраниях<sup>195</sup>. Однако все эти меры не помогли. Когда, после длительных проволочек, все же в сенате, наконец, состоялось обсуждение аграрного законопроекта, то ряд сенаторов высказался против, а Катон, применив излюбленный им способ обструкции — выступление с речью, длящейся до конца заседания, — пытался вовсе сорвать голосование законопроекта. Цезарь отдал распоряжение об аресте Катона, но поскольку вслед за этим большинство сенаторов стало покидать заседание, Цезарю пришлось фактически отменить (через одного из трибунов) свое распоряжение и распустить заседание, заявив, что отныне ему ничего не остается, как обратиться к народу<sup>196</sup>.

Сенатские круги, верные своей тактике, попытались и в данном случае организовать «глухую оборону». Бибул и трое поддерживавших его трибунов<sup>197</sup> на основании наблюдений за небом говорили о неблагоприятных знаменьях и со дня на день откладывали созыв комиций; наконец, Бибул объявил, что вообще все дни текущего года являются *feriae*, следовательно, не годятся для проведения народных собраний<sup>198</sup>. Цезарю пришлось назначить день голосования вопреки этим запретам. Сенаторы, сбравшись в доме Бибула, решили оказать противодействие в самом народном собрании. Однако, когда Бибул появился на форуме еще в тот момент, пока Цезарь выступал с речью перед народом, произошла свалка: консульские фасцы Бибула были сломаны, сопровождавшие его трибуны ранены, а Катона, пытавшегося говорить с трибуны, дважды выносили на руках<sup>199</sup>. После этого закон был принят. Попытка Бибула на следующий день добиться сенатусконсульта, объявляющего, на основании формальных моментов, закон недействительным уже не имела никакого успеха<sup>200</sup>. Более того, когда Цезарь обязал сенаторов дать клятву в соблюдении принятого закона, то после недолгого колебания даже самые ярые противники как закона, так и лично Цезаря — в том числе и Катон — вынуждены были поклясться<sup>201</sup>. После этого были проведены выборы комиссии 20, в которую вошли Помпей, Красс, М. Теренций Варрон и др.<sup>202</sup> Войти в состав этой комиссии — даже в ее

<sup>195</sup> Suet., Iul., 20.

<sup>196</sup> Dio Cass., 38, 3; Plut., Caes., 14; Cat. min., 31; App., b. c., 2, 10; Suet., Iul., 20. Плутарх, кстати, относит эпизод с Катонюм то к стычке в народном собрании, то к обсуждению вопроса о Цезаревых провинциях.

<sup>197</sup> Cic., de har. resp., 23, 48; pro Sest., 53, 113; in Vat., 7, 16.

<sup>198</sup> Dio Cass., 38, 6.

<sup>199</sup> Dio Cass., 38, 6; Plut., Pomp., 48; Cato min., 32; Caes., 14; App., b. c., 2, 11; Suet., Iul., 20.

<sup>200</sup> Dio Cass., 38, 6; Suet., Iul., 20.

<sup>201</sup> Dio Cass., 38, 7; Plut., Cato min., 32; App., b. c., 2, 12.

<sup>202</sup> Cic., ad Att., 2, 6, 2; 2, 7, 3; ср. 2, 12, 1, а также Plin., n. h., 7, 52; 53; 176.

руководящую пятерку — было предложено и Цицерону, но он, псколебавшись, не дал согласия<sup>203</sup>.

Вероятно, в ходе борьбы, развернувшейся вокруг принятия первого аграрного закона, тайный союз между Помпеем, Цезарем и Крассом «самообнаружился», во всяком случае Красс и Помпей впервые выступили в поддержку Цезарева закона «единым фронтом», причем Помпей даже угрожал применением оружия<sup>204</sup>. Нам известно также, что в апреле 59 г. Цицерон уже писал о «союзе трех», как о само собой разумеющемся и всем известном факте<sup>205</sup>.

В том же апреле был принят второй аграрный закон Цезаря, согласно которому под раздел попадали *Ager Campanus* и *Campanus Stellatis*, изъятие которых специально оговаривалось первым законом. При наделении землей предпочтение отдавалось отцам семейств, имеющим трех и более детей<sup>206</sup>. И хотя Цицерон писал, что, узнав об этой новости, он не смог спокойно спать после обеда<sup>207</sup>, второй закон Цезаря прошел, видимо, не встретив серьезного сопротивления<sup>208</sup>. Цезарю же благодаря проведению этого второго закона удалось значительно укрепить собственное положение: в первую очередь были удовлетворены Помпей и его ветераны<sup>209</sup>, а затем, по словам Аппиана, Цезарь создал себе таким путем огромное число приверженцев, так как одних только отцов, имевших трех детей, оказалось 20 тыс. человек<sup>210</sup>.

Цезарь довольно энергично воспользовался растерянностью, царившей в сенатских кругах после поражения, испытанного во время борьбы вокруг первого аграрного закона. Бибул, проявивший неожиданное мужество в момент схватки на форуме, теперь окончательно сник, заперся в своем доме, продолжая сообщать о неблагоприятных небесных предзнаменованиях и понося Цезаря в своих эдиктах, на что сам Цезарь не обращал серьезного внимания<sup>211</sup>. В ближайшие дни после принятия первого аграрного закона прошли *lex Iulia de rege Alexandrino* и *lex Iulia de publicanis*<sup>212</sup>, которые были внесены Цезарем непосредственно в комиции (минуя сенат)<sup>213</sup>. По первому из этих законов Птолемей Авлет, оказавший в свое время существен-

<sup>203</sup> Cic., ad Att., 2, 7, 4.

<sup>204</sup> Dio Cass., 38, 5; Plut., Pomp., 47; Caes., 14.

<sup>205</sup> Cic., ad Att., 2, 9, 1—2.

<sup>206</sup> Dio Cass., 38, 7; Plut., Cato min., 33; App., b. c., 2, 10; Suet., Iul., 20.

<sup>207</sup> Cic., ad Att., 2, 16, 1; ср. 2, 17, 1.

<sup>208</sup> Vell., 2, 44.

<sup>209</sup> Cic., Phil., 2, 39, 101.

<sup>210</sup> App., b. c., 2, 10.

<sup>211</sup> Dio Cass., 38, 6; Plut., Pomp., 48; Caes., 14; App., b. c., 2, 12; Suet., Iul., 20; Vell., 2, 44.

<sup>212</sup> Cic., ad Att., 2, 16, 2.

<sup>213</sup> Schol. Bob., p. 259

ную поддержку Помпею, провозглашался *socius et amicus populi Romani*, однако далеко не бескорыстно: Птолемей уплатил за эту честь 6 тыс. талантов, которые и были поделены между собой Помпеем и Цезарем<sup>214</sup>. По второму закону, проведенному, видимо, в угоду Крассу, решался — и весьма благоприятно для публиканов — вопрос, с которым они в свое время безуспешно обращались в сенат<sup>215</sup> — с них снималась треть откупной суммы<sup>216</sup>. Аппиан пишет, что благодаря этому ловкому политическому ходу Цезарь завоевал всадников, политическую силу более значимую, чем «народ»<sup>217</sup>.

Вскоре было выполнено последнее обязательство по отношению к Помпею: через народное собрание прошел *lex Julia de actis Pompeii*, который, наконец, утвердил столь долго не признававшийся сенатом распоряжения Помпея на Востоке<sup>218</sup>. Попытку Лукулла противодействовать этому закону, Цезарь моментально пресек, пригрозив ему судебным преследованием за ведение войны в Азии. Лукулл был так напуган, что, если верить Светонию, бросился Цезарю в ноги<sup>219</sup>.

Цезарь безукоризненно выполнил все обязательства, взятые на себя по отношению к коллегам. Союз трех заметно окреп и из тайного соглашения превратился в весьма существенный и явный фактор политической действительности. Теперь стали реальностью и некоторые мероприятия, рассчитанные на ближайшее будущее, в частности, вставал вопрос не только о сохранении уже завоеванных позиций, но и об определенном обеспечении политического положения каждого из членов триумvirата в связи с предстоящими консульскими выборами. Проще всего это можно было сделать при помощи династических браков. Дочь Цезаря, Юлия, была выдана замуж за Помпея, несмотря на то, что она уже была обручена с Сервилием Цепионом. Последнему же была обещана дочь Помпея, кстати сказать, тоже уже обрученная с Фавстом, сыном Суллы. Сам Цезарь женился на Кальпурнии, дочери Пизона<sup>220</sup>. В результате этих матримониальных комбинаций наметились и кандидатуры для предстоящих выборов: тесть Цезаря Кальпурний Пизон и фаворит Помпея Авл Габиний. Катон, который, может быть, в этот момент всерьез пожалел, что он, в свое время, так нерасчетливо отверг сватовство Помпея, с тем

---

<sup>214</sup> Dio Cass., 39, 12; Suet., Iul., 54.

<sup>215</sup> См. выше, стр. 60.

<sup>216</sup> Cic., ad fam., 2, 16, 2; Schol. Bob., p. 259; 261; Dio Cass., 38, 7; Suet., Iul., 20; Val. Max., 2, 10, 7.

<sup>217</sup> App., b. c., 2, 13.

<sup>218</sup> Dio Cass., 38, 7; Plut., Luc., 42; Pomp., 48; App., b. c., 2, 13.

<sup>219</sup> Suet., Iul., 20.

<sup>220</sup> Dio Cass., 38, 9; Plut., Caes., 14; Pomp., 47; Cato min., 31; 33; App., b. c., 2, 14; Suet., Iul., 21; Vell., 2, 44.

большим негодованием заявлял, что нельзя выносить этих людей, которые сводничеством добывают высшую власть в государстве и вводят друг друга с помощью женщин в управление провинциями и различными должностями<sup>221</sup>.

Цезарь, удовлетворив все притязания своих коллег по триумвирату, мог теперь, рассчитывая, в свою очередь, на их поддержку, подумать и о своем ближайшем будущем. Конечно, то незначительное и даже оскорбительное поручение, которое, как уже говорилось, предусмотрел сенат для консулов 59 г., его не устраивало. Вместе с тем сложилась такая ситуация, которая давала возможность, с большими шансами на успех, ставить вопрос о Галлии.

В 62 г., когда в связи с движением Катилины, аллоброги сделали попытку отложиться от Рима, против них был направлен Гай Помптий во главе карательной экспедиции: ему удалось восстановить положение<sup>222</sup>. Однако в Трансальпийской Галлии было неспокойно. В 61 г. в Рим прибыл Дивитиак, вождь эдуев, который обратился в сенат с просьбой о помощи и поддержке против секванов<sup>223</sup>. В 60 г. в Риме вообще опасались войны с галлами и даже был принят ряд предупредительных мер<sup>224</sup>. После этого наступило временное затишье и по инициативе Цезаря вождь германского племени свевов Ариовист, призванный арвернами и секванами, был даже признан в Риме царем и провозглашен союзником и другом римского народа<sup>225</sup>.

По проекту закона, внесенному трибуном 59 г. Публием Ватинием<sup>226</sup>, предлагалось передать Цезарю (в связи со смертью Метелла Целера, который получил эту провинцию по жребию в 60 г.) в управление Цизальпийскую Галлию вместе с Иллириком. Срок управления провинцией определялся в пять лет (с 1 марта 59 г.), Цезарю разрешался набор трех легионов и назначение легатов в преторском ранге по собственному усмотрению, без согласования с сенатом<sup>227</sup>. Когда *lex Vatinia de provincia Caesaris* прошел в комициях, сенату пришлось «сделать хорошую мину при плохой игре» и под давлением Помпея и Красса<sup>228</sup> присоединить к Цезаревой провинции также

<sup>221</sup> Plut., Caes., 14; ср. App., b. c., 2, 14.

<sup>222</sup> Dio Cass., 37, 47 sqq.; Liv., ep. 103.

<sup>223</sup> Caes., b. G., 1, 31; 6, 12.

<sup>224</sup> Cic., ad Att., 1, 19, 2.

<sup>225</sup> Caes., b. G., 1, 35; 40; 43; Dio Cass., 38, 34; Plut., Caes., 19.

<sup>226</sup> О датировке *lex Vatinia* см. Chr. Meier. Zur Chronologie und Politik in Caesars erstem Konsulat. «Historia», X, 1961, Hf. 1, S. 69—75.

<sup>227</sup> Caes., b. G., 1, 10; 1, 21; Cic., in Vat., 15, 35 sqq.; pro Sest., 64, 135; de prov. cons., 15, 36; Dio Cass., 38, 8; Plut., Pomp., 48; Caes., 14; Crass., 14; Cato min., 33; App., b. c., 2, 13; Suet., Iul., 22; Vell., 2, 44.

<sup>228</sup> Cic., ad Att., 8, 3, 3; Plut., Crass., 14.



Нарбонскую Галлию, с правом набора еще одного легиона<sup>229</sup>. Катон считал, что этим своим решением сенат сам «вводил тирана в акрополь»<sup>230</sup>.

Благодаря всем перечисленным выше мероприятиям ближайшие задачи и неотложные претензии всех членов триумvirата были, по-видимому, удовлетворены. Не случайно поэтому законодательная деятельность Цезаря как консула носила столь злостный, краткосрочный, вызванный практическими потребностями момента, характер. В этом смысле лишь одно мероприятие Цезаря стоит в данном ряду особняком и имеет более принципиальное и в собственном смысле слова *государственное* значение — *lex Iulia de repetundis*.

Новейшие исследователи вообще чрезвычайно высоко расценивают этот законодательный акт Цезаря. Эд. Мейер считает, что наряду с аграрными законами *lex Iulia de repetundis*, регулирующий провинциальное управление, «был выдающимся творением государственного деятеля, заключавшим в себе многообещающее будущее»<sup>231</sup>. Автор специальной работы о *lex Iulia de repetundis* — Уст расценивает интересующий нас закон как один из наиболее важных памятников государственной деятельности Цезаря. Он считает, что *lex Iulia de repetundis* более пятисот лет служил руководством для римских магистратов в провинциях<sup>232</sup>.

По существу говоря, об этом законе мы знаем лишь из косвенных данных источников<sup>233</sup>. Он был тщательно разработан и содержал не менее 101 пункта<sup>234</sup>. Закон устанавливал ряд новых правил деятельности провинциальных наместников. Так, им запрещалось покидать свои провинции и вести военные действия вне их территории по своей инициативе; в законе содержались положения, охраняющие так называемые *populi liberi*, строго регламентировались и ограничивались поставки провинциалов наместникам и их свите. Все прямые и косвенные подкупы во время судебных процессов или при наборе войск, лже-свидетельства и т. п. — все это подлежало самому суровому преследованию и штрафам. Запрещался прием золотых венков, которые обычно подносились наместнику городами провинций,

<sup>229</sup> Cic., de prov. cons., 15, 36; Dio Cass., 38, 8; Plut., Pomp., 48; Caes., 14; Cato min., 33; App., b. c., 2, 13; Suet., Iul., 22; Vell., 2, 44.

<sup>230</sup> Plut., Cato min., 33; cp. Crass., 14.

<sup>231</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 91. Сопоставление в указанном смысле с аграрными законами, на наш взгляд, неправомерно. Аграрные законы Цезаря, будучи в смысле срока своего действия более «долгосрочны», чем остальные из перечисленных выше мероприятий, все же были вызваны к жизни сугубо «злостными» соображениями и причинами.

<sup>232</sup> S. I. Oost. Op. cit., p. 19.

<sup>233</sup> Cic., in Vat., 12, 29; pro Sest., 64, 135; in Pis., 16, 37; 21, 50; 37, 90; pro Rab. Post., 4, 8; 5, 12; Schol. Bob., p. 310, 321; cp. Dig., 48, 11 — de lege Iulia repetundarum.

<sup>234</sup> Cic., ad fam., 8, 8, 3.

если только не предстоял разрешенный сенатом триумф. Сокращался ход судебного процесса, так как и обвинительная, и защитительная речи ограничивались определенным сроком. Во избежание случайных или намеренных искажений текста закона, было предусмотрено, чтобы помимо оригинала, хранящегося в эрарии, в Риме, копии его, заверенные претором, находились не менее чем в двух городах каждой провинции<sup>235</sup>.

Таково было основное содержание закона, который, действительно, следует рассматривать уже не как закон, продиктованный узко эгоистическими интересами сенатской верхушки, но как результат влияния тех групп и слоев римского общества, которые более широко и ясно представляли себе общие интересы римской державы. Что касается даты этого закона, то она нам точно не известна, но ряд соображений — как, например, тщательность его обработки и ряд других, более частных моментов — заставляют нас отнести его к последним месяцам консулата Цезаря и считать приемлемым вывод Уста, который датирует *lex Iulia de repetundis* сентябрем 59 г.<sup>236</sup>

К концу консулата Цезаря наблюдается некоторое изменение в положении триумвиров. Если их политические позиции в общем не были ослаблены — скорее, напротив, усилились — то все же можно заметить определенный поворот в общественном мнении. Пока союз трех воспринимался как смелая оппозиция правительству, т. е. держащему в своих руках власть сенату, он мог пользоваться известным кредитом, но когда он сам начал превращаться в фактическое правительство, а сенат был вынужден уйти чуть ли не в подполье, то это, естественно, вызвало определенную реакцию. Бесконечные эдикты Бибула, в которых он не стеснялся касаться темных сторон частной жизни Помпея и Цезаря, возбуждали любопытство римского населения и в какой-то степени влияли на настроения. Появился политический памфлет Варрона ' *Τριχάρωνες* <sup>237</sup>. Цицерон в своих письмах к Аттику с удовольствием сообщает о том, как было встречено рукоплесканиями смелое выступление молодого Куриона против триумвиров и как, напротив, был освистан сторонник Цезаря трибун Кв. Фуфий Кален<sup>238</sup> или о том, как во время игр в честь Аполлона публика восторженно реагировала на «дерзкие» намеки по адресу Помпея, встретила Цезаря холодным молчанием, а молодого Куриона рукоплесканиями<sup>239</sup>. Не менее характерным признаком некоторого поворота в общественном мнении был инцидент с переносом дня консульских выборов. Цезарем они были намечены на конец июля, но Бибул

<sup>235</sup> Cic., in Pis., 25, 61; pro Flacc., 9, 21; Schol. Bob., p. 238; Cic., ad Att., 6, 7, 2; ad fam., 2, 17, 2—4; 5, 20, 2.

<sup>236</sup> S. I. Oost. Op. cit., p. 20—23.

<sup>237</sup> App., b. c., 2, 9.

<sup>238</sup> Cic., ad Att., 2, 18, 1.

<sup>239</sup> Cic., ad Att., 2, 19, 3.

своим эдиктом перенес комиции на 18 октября<sup>240</sup>, и ни специальное выступление Помпея в *contio de edictis Bibuli*<sup>241</sup>, ни попытка Цезаря организовать демонстрацию перед домом Бибула с требованием отменить его эдикт<sup>242</sup> никакого успеха не имели. Ватиний был уже готов применить силу и арестовать Бибула, но Цезарь, памятуя, очевидно, неудачный опыт с арестом Катона, удержал его от этого рискованного шага<sup>243</sup> и согласился на перенос избирательных комиций.

Тем не менее Цезарь сам совершил другую — и значительно более крупную — ошибку. Была сделана попытка обвинить и привлечь к суду несколько человек из сенатской верхушки. Имелся благоприятный прецедент: осуждение коллеги Цицерона по консулату Гая Антония, которое состоялось в марте 59 г., несмотря на то, что Цицерон выступал в качестве защитника. Теперь был сделан опыт привлечения к суду (за вымогательства в азиатской провинции) Л. Валерия Флакка, бывшего в консульство Цицерона претором<sup>244</sup>. Но обстановка осенью 59 г., когда и обсуждалось дело Флакка<sup>245</sup>, оказалась уже не той, что была в начале года. Флакк, которого защищали Гортензий и опять-таки Цицерон, был оправдан<sup>246</sup>. Тогда-то Цезарь и решил предпринять более далеко идущую акцию, которая, в случае успеха, сулила соблазнительную возможность устранить одним ударом целый ряд нежелательных для триумвиров лиц. Таким образом возникло так называемое дело Веттия.

История с Веттием была настолько авантюрно и настолько неуклюже разыграна, что поклонники Цезаря — Моммзен<sup>247</sup>, Каркопино<sup>248</sup> — вообще считают Цезаря к ней непричастным. Однако другой точки зрения и, на наш взгляд, с достаточным основанием придерживаются Эд. Мейер<sup>249</sup> и новейший исследователь вопроса Лили Росс Тейлор<sup>250</sup>. Если «дело Веттия» и является, по выражению Эд. Мейера, «одним из самых грязных пятен на облике Цезаря», то это еще не может служить причиной для того, чтобы всю ответственность за неудавшуюся авантюру вваливать, как это не раз делалось, на Ватиния.

---

<sup>240</sup> Cic., ad Att., 2, 20, 6; 2, 21, 5.

<sup>241</sup> Cic., ad Att., 2, 21, 3.

<sup>242</sup> Cic., ad Att., 2, 21, 5.

<sup>243</sup> Cic., in Vat., 9, 21 sqq.; Schol. Bob., p. 318 sqq.; Dio Cass., 38, 6.

<sup>244</sup> Cic., pro Flacc., 1, 2; Schol. Bob., p. 228; 230.

<sup>245</sup> S. I. Oost. Op. cit., p. 21—22.

<sup>246</sup> Масгроб., Sat., 2, 1, 13.

<sup>247</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 175—176.

<sup>248</sup> J. Carcopino. Op. cit., II, p. 681 sq.

<sup>249</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 84—87, особенно S. 87, Anm. 1.

<sup>250</sup> L. R. Taylor. The Date and the Meaning of the Vettius Affair. «Historia», 1950, N. 1, p. 45—51, особенно p. 50—51; ср. Chr. Meyer. Op. cit., S. 89—96.

Цезарь для проведения задуманной им акции решил использовать того самого Веттия, который вскоре после подавления «заговора» Катилины выступил — но неудачно — с обвинением Цезаря как соучастника заговорщиков<sup>251</sup>. Ныне Веттий должен был обратиться к молодому Куриону с предложением принять участие в покушении на жизнь Помпея. План, видимо, состоял в том, что, когда Веттий попытается организовать покушение, он будет схвачен и тогда сможет назвать в числе своих сообщников и Куриона, и еще ряд деятелей сенатской партии, возможно, в том числе даже Лукулла и Цицерона. Однако план не удался и был сорван в самом начале благодаря действиям Куриона.

Курион сообщил о готовящемся покушении на Помпея своему отцу, тот — Помпею и дело было вынесено на обсуждение сената. Веттий сначала все отрицал, затем заявил, что знатные юноши во главе с Курионом Младшим составили заговор для покушения на жизнь Помпея, в числе заговорщиков он назвал Л. Эмилия Павла, который в это время находился в качестве квестора в Македонии, Лентула, сына кандидата в консулы, молодого Брута, будущего убийцу Цезаря, и даже заявил, что он сам получил для организации покушения кинжал от Бибула. Все это было настолько неправдоподобно, что сенат принял решение об аресте Веттия<sup>252</sup>.

На следующий день Цезарь попытался спасти положение. Он вывел Веттия на ростры, чтобы тот повторил свои показания перед народом. На сей раз Брут уже не был упомянут — по мнению Цицерона, из-за вероятной связи его матери Сервилии с Цезарем, — но зато был назван ряд новых имен: Л. Лукулла, Г. Фанния, Л. Домиция Агенобарба, а после сходки, под нажимом трибуна Ватиния — М. Латеренсия и Цицеронова зятя Г. Пизона. Однако и эти обвинения были снова настолько не аргументированы и произвели столь странное впечатление, что организаторы всей этой авантюры предпочли вовремя поставить точку и Веттий был попросту убит в тюрьме<sup>253</sup>.

«Дело Веттия» происходило, видимо, незадолго до выборных комиций, скорее всего в начале октября<sup>254</sup>, и несомненно было связано с попыткой скомпрометировать некоторых кандидатов как на консульские, так и преторские должности<sup>255</sup>. На состоявшихся 18 октября комициях консулами были все же избраны

<sup>251</sup> См. выше, стр. 44.

<sup>252</sup> Cic., ad Att., 2, 24, 2—3.

<sup>253</sup> Cic., ad Att., 2, 24, 2—4; in Vat., 10, 24; 11, 26; Schol. Bob., p. 308; 320; ср. Cic., pro Sest., 63, 132; Dio Cass., 38, 9; Plut., Luc., 42; App., b. c., 2, 12; Suet., Iul., 20.

<sup>254</sup> Cic., in Vat., 10, 25.

<sup>255</sup> В этом можно согласиться с Лили Росс Тейлор (op. cit., p. 48), однако совершенно непонятна ее попытка датировать дело Веттия серединой июля; см. S. I. Oost. Op. cit., Appendix I, p. 25 или Chr. Meier. Op. cit., S. 89—93.

ставленники триумвиров: Авл Габиний и Л. Кальпурний Пизон, но в числе избранных преторов были такие ярые приверженцы сенатской «партии», как Л. Домиций Агенобарб и Гай Меммий.

Консулат Цезаря едва ли укрепил «союз трех» в целом. Хотя с момента «демаскировки» триумvirата Цезарь стал в сенате предоставлять всегда первое слово Помпею (до этого он обычно давал его Крассу), чем подчеркивалось теперь его официальное положение принцепса сената, первого гражданина Римской республики<sup>256</sup>, все же это положение — к которому Помпей столь долго стремился и которого он, наконец, достиг — досталось ему в значительной степени ценой потери прежнего авторитета и популярности<sup>257</sup>. Положение Красса вообще мало в чем изменилось. Пожалуй, наиболее окрепшей политической фигурой из «союза трех» к концу 59 г. следует считать самого Цезаря, хотя и его положение было далеко не бесспорным<sup>258</sup>.

Консулат Цезаря нельзя считать осуществлением традиционной программы римской «демократии». Если его аграрные законы и были выдержаны еще в духе этих традиций, то они (т. е. традиции) давали себя здесь знать только в области внешней формы, а не существа проводимых мероприятий. Кроме того, другие законы и мероприятия Цезаря, проведенные за время его консулата, даже и по форме не приближаются к традиционному законодательству вождей популяров. Может быть и не столь уже наивно приводившееся выше высказывание Аппиана, который усматривал в *lex Iulia de publicanis* попытку найти новую опору, более сильную и значимую, чем «народ»<sup>259</sup>. Мы не хотим и не стараемся на основании всего вышесказанного утверждать, что Цезарь уже в период своего консульства отошел от «демократии», но, очевидно, определенное понимание того, что недостаточно организованная масса «народа» не может служить прочной и надежной опорой, было ему уже не чуждо. Те «выводы», которые мы пытались сформулировать, говоря о подавлении «заговора» Катилины, и которые лишь постепенно могли прийти до сознания современников, хотя они должны были носиться в воздухе, теперь, подкрепленные печальным опытом Помпея и опытом собственного консулата, вероятно, и толкали Цезаря к основному итоговому решению: получению провинции и четырех легионов солдат.

Вместе с тем, консулат Цезаря было бы неправильно рассматривать как некое «провиденциальное» событие или, по меньшей мере, прототип его будущего единодержавия. Цезарь, как и многие другие политические деятели его времени, сгре-

<sup>256</sup> Suet., Iul., 21; Gell., 4, 10, 15.

<sup>257</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 82.

<sup>258</sup> См. выше, стр. 61, а также Chr. Meier. Op. cit., S. 95—96.

<sup>259</sup> См. выше, стр. 66.

мился к власти и руководящему положению, но в 59 г. он еще не мог реально ставить перед собой столь далеко идущих целей. Да и все мероприятия, проведенные им за время его консульства, как уже указывалось<sup>260</sup>, в силу необходимости имели лишь злободневный, текущий и «краткосрочный» характер. Единственное мероприятие несколько иного плана — *lex Iulia de repetundis* — может свидетельствовать о чем угодно, но только не о монархических устремлениях Цезаря.

\* \* \*

Последним крупным политическим событием рассматриваемого периода был трибунат Клодия. Нам представляется, что движение, возглавленное Клодием (продолжавшееся, кстати сказать, и вне хронологических рамок его трибуната), не получило еще должной оценки.

Первые попытки Клодия добиться трибуната, а в связи с этим перейти в сословие плебеев, относятся к 60 г. Он начал говорить об этом вскоре после своего процесса<sup>261</sup>. Однако вместо того, чтобы избрать более или менее обычный путь, т. е. усыновление какой-либо плебейской *familia* — что, между прочим, требовало содействия Цезаря как верховного понтифика, — он пытался в 60 г. добиться через трибуна Геренния решения центуриатных комиций о его переводе в плебеи<sup>262</sup>. Эта попытка была поддержана консулом Кв. Метеллом Целером, который был женат на сестре Клодия<sup>263</sup>. Однако другие трибуны наложили запрет<sup>264</sup>. Тогда Клодий публично отрекся от своего патрициата в *concilium plebis*. Но на сей раз и Метелл Целер не признал этот акт достаточным основанием для представления Клодием своей кандидатуры, и, таким образом, в 60 г. он не был и не мог быть избранным в трибуны<sup>265</sup>.

В следующем году, в консулат Цезаря, обстановка сложилась более благоприятно для Клодия. Когда во время процесса Антония (победитель Катилины, который после своего управления Македонией был обвинен в вымогательствах)<sup>266</sup> защищавший его Цицерон не удержался от резких высказываний о положении дел в государстве и намеков на Цезаря, то Цезарь, по свидетельству Светония, в этот же самый день провел в куриатных комициях усыновление Клодия плебеем Фонтеем<sup>267</sup>.

<sup>260</sup> См. выше, стр. 68.

<sup>261</sup> Schol. Bob., p. 330; 333.

<sup>262</sup> Cic., ad Att., I, 18, 4.

<sup>263</sup> Cic., ad Att., I, 18, 5.

<sup>264</sup> Cic., ad Att., I, 19, 5.

<sup>265</sup> Cic., ad Att., 2, 1, 4—5; Dio Cass., 37, 51.

<sup>266</sup> Dio Cass., 38, 10; Liv., ep. 103.

<sup>267</sup> Suet., Iul., 20; ср. Dio Cass., 38, 10.

На состоявшихся в октябре 59 г. выборах Клодий был избран народным трибуном.

Большинство новейших исследователей считает, что Клодий был в это время лишь «орудием» Цезаря или его «агентом-provокатором». Такой точки зрения придерживались Моммзен<sup>268</sup>, Покок<sup>269</sup> и Каркопино<sup>270</sup>. Модификацию той же оценки мы находим у Эд. Мейера — Клодий вовсе не собирался быть лишь орудием в руках триумвиров; если они его и использовали в своих интересах, то то же самое делал Клодий в отношении триумвиров<sup>271</sup>. Таким образом, хотя и с определенной оговоркой, Эд. Мейер все же признает Клодия «агентом» или «орудием» триумвиров и, в частности, Цезаря.

Однако, на наш взгляд, это общераспространенное мнение неосновательно. И так как оно действительно не подтверждается всей дальнейшей деятельностью Клодия, то вышеназванные исследователи, включая и Эд. Мейера, считают, что по заданию и в интересах Помпея и Цезаря Клодием была проведена операция по удалению из Рима Катона, а также Цицерона.

Но подобное заключение, если в нем внимательно разобраться, не выдерживает критики. Какую опасность для Цезаря или Помпея таило в себе пребывание Цицерона в Риме? Какую для них опасность представлял сам Цицерон? Более того, нам хорошо известно, что Помпей неоднократно заверял Цицерона в своей поддержке и защите<sup>272</sup>; Цезарь начал с того, что предложил ему присоединиться к триумвирату, а затем предлагал ему ряд почетных постов<sup>273</sup> и, наконец, вместе с Помпеем защиту против Клодия<sup>274</sup>. Конечно, было бы наивно основываться на всех этих акциях как показателях истинно «хорошего отношения», но во всяком случае они являются бесспорным свидетельством отсутствия *враждебного* отношения триумвиров к Цицерону, а решающим коррективом служит благоприятная реакция как Помпея, так и Цезаря на возвращение Цицерона, как только этот вопрос стал в порядок дня<sup>275</sup>. Во всяком случае, поскольку Помпей, а в особенности Цезарь были достаточно реальными политиками и умели для «пользы дела» отвлекаться от личных симпатий или антипатий, то достаточно ясно, что в вопросе об изгнании Цицерона они не были, да и не могли быть инициаторами, но им пришлось в силу определенных по-

<sup>268</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 176—178.

<sup>269</sup> P. Rosok. Clodius and the Acts Caesar, «Class. Quart.», XVIII, 1924, p. 52—65; A note of the Policy of Clodius. Ibid., XIX, 1925, p. 182—185.

<sup>270</sup> J. Carcopino. Op. cit., II, p. 729.

<sup>271</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 103.

<sup>272</sup> Cic., ad Att., 2, 19, 4; 2, 20, 2; 2, 21, 6; 2, 22, 2; 2, 24, 5; ad Q. fr., 1, 2, 16.

<sup>273</sup> Cic., ad Att., 2, 3, 3; 2, 19, 5; de prov. cons., 41.

<sup>274</sup> Cic., ad Q. fr., 1, 2, 16.

<sup>275</sup> Cic., ad Att., 3, 13, 1; 3, 14, 1; 3, 15, 1; 3, 18, 1; Plut., Pomp., 49.

литических соображений пойти в этом деле на *уступку* Клодию, что сделать им было не так уж трудно (как это, кстати, повторилось через 16 лет в ситуации Антоний — Октавиан), поскольку в их политических расчетах Цицерон не занимал теперь никакого места.

Что касается Катона, то бесспорно, что взаимоотношения между этим рыцарем «без страха и упрека», с одной стороны, и Помпеем или Цезарем, с другой, были гораздо более напряженными. Но тем не менее, что мог дать Помпею, а в особенности Цезарю, который покидал Рим минимум на пять лет, отъезд Катона с недолговременным поручением? Как и в чем это могло повлиять на их положение или на их основные политические расчеты? Конечно, никак и ни в чем, зато в данном случае было не только не трудно, но даже приятно пойти еще на одну *уступку*.

И это действительно были только уступки (о причине их мы скажем позже), ибо единственным человеком, который по многим причинам мог быть кровно заинтересован в изгнании и диффамации Цицерона, а также хотя бы в недолговременном устранении из Рима Катона — эвентуального и непримиримого оппозиционера первым же его мероприятиям — был, конечно, сам Клодий. И поэтому он — вовсе не «орудие» и не «агент-provocатор» триумвиров и даже едва ли можно говорить, как Эд. Мейер, о «взаимноиспользовании», а скорее всего, Клодий — вполне самостоятельная и даже враждебная триумвирам сила, как на это намекал сам Цицерон еще до трибуната Клодия<sup>276</sup> и как это показали конфликты с Помпеем и Цезарем<sup>277</sup> уже во время самого трибуната.

Клодий вступил в исполнение своей должности народного трибуна 10 декабря 59 г. и сразу же вслед за этим обратился к народу с предложением четырех новых законов<sup>278</sup>. Первый из них — *lex Clodia Iumentaria* — отменял всякую плату за ежемесячно раздаваемый беднейшему населению хлеб<sup>279</sup>, второй — *lex Clodia de collegiis* — восстанавливал запрещенные сенатус-консультом 64 г. так называемые квартальные коллегии и разрешал основывать новые<sup>280</sup>, третий — *lex Clodia de iure et tempore legum rogandarum* разрешал проводить голосование в законодательных собраниях даже в *dies fasti non comitiales* и одновременно запрещал в эти дни наблюдение небесных знамений<sup>281</sup> и, наконец, четвертый — *lex Clodia de censoria notione*

<sup>276</sup> См. об отношении триумвиров к Клодию: Cic., ad Att., 2, 7, 3; об отношении Клодия к триумвирам — ad. Att., 2, 12, 2.

<sup>277</sup> См. ниже, стр. 78.

<sup>278</sup> Dio Cass., 38, 13.

<sup>279</sup> Cic., pro Sest., 25, 55; Asc on., p. 9; Schol. Bob., p. 300; Dio Cass., 38, 13.

<sup>280</sup> Cic., pro Sest., 25, 55; in Pis., 4, 9; Asc on., p. 9; Dio Cass., 38, 13.

<sup>281</sup> Cic., pro Sest., 15, 33; in Vat., 7, 18; de prov. cons., 19, 46; de har. resp., 27, 58; Asc on., p. 9; Dio Cass., 38, 13.



ограничивал права цензоров при составлении списков сенаторов, запрещая вычеркивать кого-либо из этих списков, если только тот или иной сенатор не подвергся формальному обвинению, которое единогласно признавалось самими цензорами<sup>282</sup>.

Все эти четыре законопроекта были приняты комициями 3 января 58 г., а слабая попытка интерцессии со стороны трибуна Л. Нинния Квадрата, сторонника Цицерона, была легко сведена Клодием. Он пообещал, что, если не будет оказано сопротивления принятию четырех вышеназванных законопроектов, он не станет выступать с какими-либо предложениями, направленными против Цицерона, и Нинний по просьбе самого Цицерона<sup>283</sup> отказался от своего намерения.

Однако в самом недалеком будущем, очевидно, в феврале 58 г., Клодий выступил с новыми законопроектами. Один из них, по существу, сводился к вопросу об устранении Катона, хотя это устранение должно было быть проведено под видом почетного и ответственного задания. Катону поручалось отправиться на остров Кипр, который по завещанию Птолемея Александра отходил Риму. Поручение мотивировалось безупречной порядочностью Катона, поскольку речь шла о конфискации крупных сумм и имуществ в пользу римской казны, значительно истощенной в результате проведения аграрных законов Цезаря и *lex frumentaria* Клодия<sup>284</sup>.

Закон, направленный против Цицерона, не называл его имени. В нем говорилось лишь о наложении кары *aquae et ignis interdictio* на тех магистратов, которые были повинны в казни римских граждан без суда<sup>285</sup>. Но направленность этого закона была ясна для всех и прежде всего для самого Цицерона.

Одновременно с этими двумя законопроектами был выдвинут *lex Clodia de provinciis*, весьма прозрачной целью которого был своеобразный подкуп консулов. Консулам назначались новые, более выгодные для них провинции, чем те, которые были намечены сенатом, а именно: Пизону — Македония, а Габинию — Сирия<sup>286</sup>. Любопытно, что этот новый закон уже предполагал нарушения недавно принятого *lex Iulia de repetundis*, так как по предложению Клодия консулам разрешалось вести военные действия вне территории провинций, отправлять суд среди *populi liberi* и давалось право распоряжаться весьма крупными денежными суммами<sup>287</sup>.

<sup>282</sup> Asc. on., p. 9; Schol. Bob., p. 300; Dio Cass., 38, 13.

<sup>283</sup> Cic., ad Att., 3, 15, 4; Dio Cass., 38, 14.

<sup>284</sup> Cic., de dom., 8, 20; pro Sest., 26, 57; 27, 59; Schol. Bob., p. 301; 302; Dio Cass., 38, 30; Liv., ep. 104; ср. App., b. c., 2, 23.

<sup>285</sup> Dio Cass., 38, 14; Vell., 2, 45.

<sup>286</sup> Cic., pro Sest., 25, 55; de prov. cons., 2, 3; Plut., Cic., 30.

<sup>287</sup> Cic., de dom., 9, 23; 21, 55; 23, 60; 47, 124; in Pis., 16, 37; 24, 57; de prov. cons., 4, 7; pro Sest., 10, 24; de har. resp., 27, 58.

Цицерон после опубликования этих проектов впал в полное отчаяние. Он облачился в траур, униженно просил Пизона<sup>288</sup> и Помпея о защите. Помпею он даже бросился в ноги<sup>289</sup>, но в обоих случаях получил отказ, в первом — со ссылкой на Габиния, во втором — на Цезаря. Тогда, по словам Алпиана, он, одетый в бедную и грязную одежду, не постеснялся останавливаться на улицах Рима всех, кто ему попадался навстречу, ища сочувствия и поддержки<sup>290</sup>.

Всадники и часть сенаторов также облачились в траур. Была отправлена специальная депутация к консулам. Однако даже Пизон, на которого Цицерон возлагал большие надежды и который еще совсем на днях предоставлял в сенате слово Цицерону *tertio loco*<sup>291</sup>, считал единственным выходом для Цицерона добровольный отъезд из Рима, не говоря уже о Габинии, который запретил депутации доступ в сенат, выслал из Рима особенно активного ходатая за Цицерона всадника Л. Элию Ламию, а сенаторам предписал немедленно снять траур<sup>292</sup>. Когда же ряд сторонников Цицерона и депутация, направлявшаяся к Габинию, подверглись нападению вооруженных людей Клодия<sup>293</sup> и когда сам Катон посоветовал Цицерону добровольно уехать из Рима, дабы избежать бесполезного кровопролития<sup>294</sup>, последнему уже ничего не оставалось делать, как только последовать этому совету.

Клодий собрал в цирке Фламиния за чертой померия *contio*, в котором оба консула выступили с осуждением расправы над катилинариями и были поддержаны Цезарем<sup>295</sup>. Закон, направленный против Цицерона, был принят, очевидно, 20 марта<sup>296</sup>, одновременно с ним был принят и *lex Clodia de provinciis*, а вскоре после этого и закон, согласно которому Катон делегировался на Кипр<sup>297</sup>. Цицерон покинул Рим, как известно, до принятия решения<sup>298</sup>, затем отбыли Катон и Цезарь, который отправился теперь в свою провинцию<sup>299</sup>.

Устранение этих трех лиц окончательно развязывало руки Клодию. Он развивает бурную деятельность. В день принятия

<sup>288</sup> Cic., in Pis., 6, 12.

<sup>289</sup> Cic., ad Att., 10, 4, 3; ср. Plut., Cic., 31; Pomp., 46.

<sup>290</sup> App., b. c., 2, 15; ср. Plut., Cic., 30.

<sup>291</sup> Cic., in Pis., 5, 11; p. red. in sen., 7, 17; pro Sest., 8, 19.

<sup>292</sup> Cic., ad fam., 11, 16, 2; 12, 29, 1; pro Sest., 11—14; de dom., 43, 113; p. red. in sen., 5, 12; 12, 31; in Pis., 8, 17; 27, 64; Asc on., p. 10; Schol. Bob., 249; 271; 296; Dio Cass., 38, 16; Plut., Cic., 31.

<sup>293</sup> Cic., pro Mil., 14, 37; Dio Cass., 38, 16.

<sup>294</sup> Plut., Cato min., 35; Cic., 31.

<sup>295</sup> Cic., in Pis., 6, 14; pro Sest., 14, 33; p. red. in sen., 6, 13; 7, 17; Dio Cass., 38, 16; 17; Plut., Cic., 30.

<sup>296</sup> См. Ed. Meyer. Op. cit., S. 101.

<sup>297</sup> Cic., pro Sest., 29, 63; de dom., 25, 65.

<sup>298</sup> Dio Cass., 38, 17.

<sup>299</sup> Plut., Caes., 14; Caes., b. G., 1, 6; 7.

закона, направленного против Цицерона, его дом в Риме был сожжен, его виллы были разграблены<sup>300</sup>, и Клодий заявил о своем желании на месте разрушенного дома воздвигнуть храм Свободы<sup>301</sup>. Затем, чтобы превратить добровольное изгнание Цицерона в акт, имеющий уже юридическое значение и силу, Клодий проводит новый, открыто направленный против Цицерона закон — *lex Clodia de exilio Ciceronis*<sup>302</sup>. Последний гласил, что именно Цицерон подпадает под более ранний, сформулированный в общем виде закон, что решение сената, на основании которого казнили катилинариев, было фальшивкой; под страхом смертной казни запрещалось предоставлять убежище изгнаннику в том случае, если он окажется на расстоянии менее чем 500 миль от Рима, и запрещалось когда-либо в будущем ставить вопрос о пересмотре или отмене закона<sup>303</sup>.

Клодий и его сторонники пользовались в это время безусловной поддержкой широких слоев населения Рима или, как выражается Плутарх, «разнуздавшегося народа»<sup>304</sup>. Но Клодий не собирался, тем более в момент своих наивысших успехов, ограничивать поле своей деятельности только Римом. Он начинает активно вмешиваться в дела внешнеполитического характера. Еще в 59 г. он интересовался Арменией и собирался отправить туда в качестве посла<sup>305</sup>, теперь же он начинает оказывать покровительство отдельным общинам и династам, например, Византию и Галатии (*lex Clodia de Deiotaro et Bregitaro*)<sup>306</sup> и, наконец, устраивает скандальный побег молодому Тиграну, находившемуся под охраной претора Л. Флавия<sup>307</sup>. Однако эта последняя акция, как и некоторые другие попытки взять под сомнение распоряжения Помпея на Востоке<sup>308</sup>, послужили началом серьезного и длительного конфликта с Помпеем. Клодий открыто выступил против Цезаря, призывая кассировать его законы<sup>310</sup>. Все это, наконец, вскрывает истинный характер отношений между Клодием и триумвирами.

<sup>300</sup> Cic., pro Sest., 24, 54; p. red. in sen., 7, 18; cp. Plut., Cic., 33.

<sup>301</sup> Cic., pro Mil., 32, 87; in Pis., 11, 26; Dio Cass., 39, 11; Plut., Cic., 33; App., b. c., 2, 15.

<sup>302</sup> Cic., de dom., 18, 47; 19, 50; 31, 83; in Pis., 29, 72; Schol. Bob., p. 253; Dio Cass., 38, 17; Plut., Cic., 32; Liv., ep. 103.

<sup>303</sup> Cic., ad Att., 3, 23, 2—4; pro Sest., 32, 69; p. red. in sen., 4, 8; de dom., 26, 68; 27, 70.

<sup>304</sup> Plut., Cic., 33.

<sup>305</sup> Cic., ad Att., 2, 7, 2.

<sup>306</sup> Cic., pro Sest., 25, 56; de har. resp., 13, 28; 27, 58 sqq.; de dom., 50, 129.

<sup>307</sup> Cic., de dom., 25, 66; pro Mil., 6, 18; 14, 37; Asc., p. 47, Schol. Bob., p. 284; Dio Cass., 38, 30; Plut., Pomp., 48.

<sup>308</sup> Plut., Pomp., 38; Cic., 33; App., b. c., 2, 15.

<sup>309</sup> Cic., in Pis., 12, 27; Dio Cass., 38, 30; Plut., Pomp., 38.

<sup>310</sup> Cic., de dom., 15, 39; de har. resp. 23, 48.

Необходимо дать, хотя бы в общих чертах, оценку трибуната или, говоря шире, движения Клодия. Со времени Моммзена весьма распространен взгляд на Клодия как анархиста и беспринципного демагога<sup>311</sup>. Так, Хитон в своей работе, посвященной римской «черни», говорит, что Клодий опирался на «бандитские элементы»<sup>312</sup>.

Примерно такой же точки зрения придерживаются многие из современных исследователей. В отличие от них Эд. Мейер считает, что Клодий, не желая быть только «орудием» в руках триумвиров, имел собственные цели и стремился достичь власти по образцу Гракхов или Сатурнина, но с той разницей, что за этим стремлением не стояло никакой четкой политической идеи или убеждения<sup>313</sup>. Пожалуй, наиболее серьезная попытка дать оценку движению Клодия в социальном аспекте принадлежит Н. А. Машкину<sup>314</sup>. Он указывает на то, что квалификация движения Клодия как анархического ничего не дает для выяснения его сущности. Н. А. Машкин довольно подробно разбирает вопрос о составе «отрядов» Клодия и об участии рабов в его движении и заключает, что оно не имело «освободительно-демократического характера», но было «движением люмпен-пролетарских слоев городского римского населения в условиях кризиса римского государства». Самого Клодия Н. А. Машкин считает беспринципным политиком.

Нам кажется, что с этими выводами едва ли можно полностью согласиться. Движение Клодия, на наш взгляд, имело более широкую социальную основу, чем городские, люмпен-пролетарские слои населения.

Если проанализировать первые законодательные мероприятия Клодия, то их «демократический» характер — в смысле их верности традициям — едва ли может вызвать какие-либо сомнения. В этом отношении на первое место должен быть поставлен *lex Clodia frumentaria*, который был логическим развитием хлебных законов «великих трибунов», начиная с Гая Гракха. Но и закон, касающийся квартальных коллегий — этих политических «клубов» римского плебса — как и *lex Clodia de iure et tempore legum rogandarum* не в меньшей степени соответствовали оживлению антисенатских или, как принято их называть, «демократических» сил и настроений. Конечно, можно констатировать, что все три названные закона удовлетворяли политические запросы городского плебейского населения и никак не касались интересов сельского плебса. Но, во-первых, не следует забывать, что перечисленные законодательные мероприятия

<sup>311</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 248—250.

<sup>312</sup> J. W. Heaton. *Mob' Violence in the Late Roman Republic*, Urbana (Illinois), 1939.

<sup>313</sup> Ed. Meyer. *Op. cit.*, S. 87—88.

<sup>314</sup> Н. А. Машкин. *Принципат Августа*, стр. 28—35.

Клодия проводились вскоре после принятия аграрных законов Цезаря, реализация которых, безусловно, сняла — хотя, конечно, и временно — остроту аграрного вопроса. Во-вторых, мы имеем, хотя и очень беглые, но достоверные указания на то, что Клодий в определенных конкретных случаях вовсе не проявлял равнодушия к аграрному вопросу и к интересам сельского плебса. Мы можем сослаться на краткие (но высказанные в такой форме именно потому, что речь шла, очевидно, о всем известных фактах) упоминания Цицерона о земельных конфискациях, проводившихся Клодием насильственным путем<sup>315</sup>. И, наконец, если даже иметь в виду городской плебс, который в это время был гораздо более активен и играл большую роль, нежели сельское население, то все же нет никаких оснований сводить его полностью к люмпен-пролетарским элементам.

Некоторое, хотя, к сожалению, недостаточно четкое представление о социальной опоре Клодия, дает знакомство с социальным составом организованных им «отрядов», которые были численно настолько внушительны, что Цицерон говорит иногда об *exercitu Clodiano*<sup>316</sup>. Организация этих «отрядов», конечно, стояла в тесной связи с восстановлением плебейских коллегий. Восстановлением коллегий, как и созданием новых, руководил Секст Клодий, клиент Публия Клодия, которому, кстати, была поручена реализация *lex Clodia frumentaria*<sup>317</sup> и который был наделен довольно широкими полномочиями. Совершенно естественно, что в состав упомянутых «отрядов» широко принимались новые получатели хлеба, новые члены коллегий; последние иногда даже возглавляли отдельные отряды<sup>318</sup>. Среди них были, несомненно, ремесленники, большое количество вольноотпущенников, ибо в это время в связи с расширением хлебных раздач сильно возрос отпуск рабов на волю<sup>319</sup>, были в составе «отрядов» также рабы и гладиаторы<sup>320</sup>. Цицерон даже уверял, что Клодий собирается организовать армию рабов, при помощи которой он хочет овладеть государством и имуществом всех граждан<sup>321</sup>. Но, конечно, участие рабов как в «отрядах», так и в движении Клодия в целом Цицероном сознательно и даже «злонамеренно» преувеличивалось<sup>322</sup>. Мы не имеем прямых указаний относительно участия в Клодиевых «отрядах» сельского плебса, но то, как описывает Цицерон проводимые Клодием

<sup>315</sup> Сис., *pro Mil.*, 27, 74.

<sup>316</sup> Сис., *pro Sest.*, 39, 85.

<sup>317</sup> Сис., *de dom.*, 10, 25; 21, 54; *pro Sest.*, 25, 55; *in Pis.*, 5, 11; *p. red. in sen.*, 13, 33; *Dio Cass.*, 38, 13.

<sup>318</sup> Сис., *pro Cael.*, 32, 78; *Ascon.*, p. 8.

<sup>319</sup> *Dio Cass.*, 39, 24.

<sup>320</sup> Сис., *pro Sest.*, 39, 85.

<sup>321</sup> Сис., *pro Mil.*, 28, 76.

<sup>322</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 33.

земельные захваты, дает возможность предположить наличие какого-то контакта и с сельским населением.

Все сказанное выше позволяет прийти к выводу о движении Клодия как о последнем широком движении, проходившем под лозунгами и в традициях римской «демократии». Как и в случае с Катилиной, мы имеем сведения о Клодии и о всех событиях, связанных с его именем, лишь от его злейшего врага — Цицерона (если говорить о современных данному движению источниках). Поэтому в этих сведениях много наносного, неправдоподобного, извращенного, как традиционно извращен и самый облик Клодия <sup>323</sup>.

В противовес этим традиционным данным есть все основания считать, что в 50-х годах широкое общественное мнение признавало главой демократии скорее Клодия, чем Цезаря, и трибунат Клодия был поэтому своеобразной реакцией на разочаровавшую широкие массы деятельность Цезаря во время его консульства.

Этим же, кстати сказать, и объясняется то странное, на первый взгляд, малопонятное и слишком «бережное» отношение Цезаря к Клодию, начиная со скандального случая во время праздника в честь *Vopae Deae*. Клодий уже тогда, несмотря на свою молодость, пользовался, как об этом согласно свидетельствует ряд источников <sup>324</sup>, большой популярностью среди «народа». Таким образом, именно это обстоятельство, а отнюдь не то, что Цезарь еще в то время «упадал» в Клодию весьма пригодное для него «политическое орудие» <sup>325</sup>, дает нам возможность попытаться поведенье Цезаря как в данном конкретном случае, так и в истории его дальнейших взаимоотношений с Клодием. Цезарь оказывался в щекотливом положении. Открытый конфликт с Клодием по мере роста популярности последнего мог привести к утрате всяких связей с римской «демократией». Хотя Цезарь, как мы видели, не переоценивал ее сил и значения, но такой оборот дела его никак не устраивал. Поэтому в сложившейся ситуации было для обоих политических деятелей куда выгоднее сохранять «вооруженный нейтралитет» или даже идти иногда на частные и временные соглашения, тем более, что Клодий был достаточно умен, чтобы до поры до времени ни в чем серьезном не мешать Цезарю.

Но как в подобной ситуации Цезарь мог рискнуть на то, чтобы надолго оставить Рим? В этом решении, однако, нет ничего нелогичного. Опасности существовали, конечно, и помимо Клодия, в конце концов его коллеги по «союзу трех» были одновременно его соперниками. Но, очевидно, корень вопроса был

---

<sup>323</sup> Все обвинения, касающиеся личной жизни и личных качеств Клодия, настолько трафаретны и настолько часто применялись друг против друга политическими противниками, что их трудно принять всерьез.

<sup>324</sup> См. выше, стр. 51, прим. 99.

<sup>325</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 48.

в чем-то другом. Цезарь, на основании всего предыдущего политического опыта, разуверившийся в неорганизованной народной массе как в достаточно надежной опоре, искал новых путей и методов в борьбе за власть, за упрочение своего положения. В его руках оказалась армия, с которой он, может быть, пока еще не связывал определенных планов, но все же это открывало какие-то новые перспективы. По существу говоря, теперь дело заключалось уже не в соперничестве между отдельными лицами, но в борьбе — хотя сами ее участники едва ли могли это отчетливо понимать — между двумя концепциями: концепцией опоры на широкие, но плохо организованные плебейские массы или опоры на кастовую армию. События самого недалекого будущего показали, за какой из этих двух концепций стояли реальная власть и победа.

# Идея народного суверенитета у римлян

---

Представление о том, что идея народного суверенитета одухотворяла неписаную конституцию древних римлян, идет еще от французских просветителей и деятелей Великой французской революции, о которых Маркс справедливо и остроумно заметил, что они «осуществляли в римском костюме и с римскими фразами на устах задачу своего времени»<sup>1</sup>. Однако это представление превратилось в своего рода аксиому, в безусловную и никем всерьез не оспариваемую истину, и в качестве таковой приобрело широкое распространение в специальной научной и популярной литературе со времени Моммзена и благодаря Моммзену.

В «Римской истории», в труде, который оказал в свое время столь глубокое влияние не только на специалистов, но и на самые широкие круги читающей публики, Моммзен настойчиво проводит мысль об исконной суверенности римского гражданства. Так, описывая характер римских народных собраний в царскую эпоху и подчеркивая известную ограниченность их прав, он говорит: «...Но тем не менее римская гражданская община (die römische Bürgergemeinde) ...была вообще подлинной (eigentliche) и конечной носительницей идеи суверенного государства»<sup>2</sup>. Далее Моммзен поясняет, при каких условиях граждане (die Bürgerschaft) осуществляли свою суверенную власть (die souveräne Staatsgewalt)<sup>3</sup>. И весь раздел, посвященный описанию прав римских граждан, заканчивается утверждением, что «народное собрание (Gemeindeversammlung), как бы оно ни казалось стесненным и связанным, является исконным конституционным элементом римского общественного бытия (des römischen Gemeinwesens) и стоит по праву (dem Rechte nach) скорее над царем, чем рядом с ним»<sup>4</sup>. В этой последней фразе

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 8, стр. 120.

<sup>2</sup> Th. Mommsen. Römische Geschichte, I. Berlin, 1888, S. 72.

<sup>3</sup> Ibid., S. 72—73.

<sup>4</sup> Ibid., S. 74.



не только подчеркивается идея принадлежности высшей и суверенной власти римскому народу, но и проводится та мысль, что эта власть реализуется в деятельности комиций, или, как принято выражаться в юридических руководствах, народ осуществляет свою верховную власть только будучи организован особым образом и в определенных формах<sup>5</sup>.

В заключительном разделе данной главы Моммзен, говоря об истинном суверене (von dem wahren Souverän), впервые употребляет термин «народ» (das Volk)<sup>6</sup>, а завершающая фраза всего раздела убедительно доказывает, что для автора понятия «гражданство» (die Bürgerschaft, die Bürgergemeinde) или «народ» (das Volk) отличны от понятия «властей» (в данном случае магистратур и сената) и даже до известной степени противопоставлены ему. Кстати, в этой же фразе высказывается мнение, что подобное государственное устройство воплощало основную идею римского государства за все время его существования<sup>7</sup>.

В «Римском государственном праве» высказаны, по существу, те же самые положения. Римское гражданство объявляется суверенным. Идея, или принцип народного суверенитета, рассматривается как нечто исконно прирожденное римскому государственному правосознанию<sup>8</sup>.

Кроме того, проводится известная уже нам мысль о том, что верховная власть гражданства реализуется в деятельности комиций<sup>9</sup>; более того, права и функции, самый круг компетенции народных собраний — законодательство, выборы, суд — бесспорно свидетельствуют, что в принципе именно комициям, и только им, принадлежит суверенная власть в государстве<sup>10</sup>.

Эти основные положения Моммзена получили, как указывалось выше, всеобщее признание и широкое распространение. Они почти никогда не оспаривались. В отдельных случаях подчеркивалось лишь то обстоятельство, что реальные взаимоотношения между комициями и сенатом или комициями и магистрат-

---

<sup>5</sup> См., например, И. А. Покровский. История римского права. СПб., 1913, стр. 86.

<sup>6</sup> Th. Mommsen. Römische Geschichte, I, S. 79.

<sup>7</sup> Ibid., S. 81.

<sup>8</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1. Leipzig, 1887, S. 300. Здесь сказано: «Diese ideale Gemeindegouveränität dem römischen Staatswesen eingeboren und unverlierbar». Однако под термином «Gemeindegouveränität» Моммзен понимает отнюдь не суверенитет общины вкупе с ее учреждениями (т. е. «властями»), но суверенность граждан, народа. На это указывает и заголовок данного параграфа «Die souveräne Bürgerschaft», да и, кроме того, нет никаких оснований полагать, что понимание народного суверенитета в «Römisches Staatsrecht» отлично от взглядов, высказанных по этому вопросу в «Römische Geschichte».

<sup>9</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1, S. 313—314.

<sup>10</sup> Ibid., S. 326—327.

тами мало содействовали воплощению идеи народного суверенитета в жизнь, но этого, конечно, не отрицал и сам Моммзен.

Так в «Государстве и обществе греков и римлян», в разделе, написанном Кромайером, отмечается, что суверенные права народного собрания были в значительной мере формальными<sup>11</sup>. Сравнивая Рим с Афинами и отдавая предпочтение «истинной» демократии в «греческом смысле», автор приходит к выводу о всевластии сената в республиканское время. Но вместе с тем, пишет он, это лишь фактическое положение дел, в правовом смысле никак не закрепленное, тем более, что римляне никогда не имели писаной конституции. Общий же вывод таков: бесспорно, у римлян жила — пусть в скрытом состоянии — идея народного суверенитета (Volkssouveränität), а также теоретическое представление о том, что значение магистратур превосходит значение сената<sup>12</sup>.

Примерно такую же точку зрения на римское государственное устройство развивает и Р. Хайнце. Конечно, римское государство фактически долгое время управлялось сенатом, от которого зависели консулы и другие магистраты, а народное собрание, с тех пор как Рим превратился в крупную средиземноморскую державу, не представляло собой римского народа и вынуждено было ряд своих важнейших прав и функций уступить тому же сенату<sup>13</sup>. Но в принципе, с государственно-правовой точки зрения (staatsrechtlich betrachtet), Римская республика — это совершенная демократия. Народ является сувереном (das Volk ist souverän), ни один закон не принимается вне народного собрания, ни одно должностное лицо не избирается вне его. Граждане обладают полной прав. Состав сената рекрутируется из бывших магистратов, следовательно, хоть и косвенным путем, но все же через выборы в народном собрании. Сенат в принципе имеет право лишь давать рекомендации высшим должностным лицам, последние же этими рекомендациями никак не связаны<sup>14</sup>.

Не злоупотребляя дальнейшими примерами, укажем лишь на то, что и в литературе последних лет всецело господствует изложенная нами выше точка зрения Моммзена. Так Виршубский в своей работе, посвященной выяснению понятия *libertas*, касаясь вопроса о римском государственном устройстве, пишет: «Суверенность народа — таков основной, кардинальный принцип

---

<sup>11</sup> U. v. Wilamowitz-Moellendorff, J. Kromayer und A. Heisenberg. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. «Die Kultur der Gegenwart», ч. II, вып. VI, 1, Изд. 2-е, Leipzig — Berlin, 1923, S. 246.

<sup>12</sup> Ibid., S. 248—249.

<sup>13</sup> R. Heinze. Die augusteische Kultur. Leipzig — Berlin, 1933, S. 20—21.

<sup>14</sup> Ibid., S. 19; Cp. R. Heinze. Von den Ursachen der Grösse Roms, Leipzig, 1930.

римской республиканской конституции»<sup>15</sup>. Соответствующий раздел в работе Виршубского целиком строится по Моммзену, что признает и даже подчеркивает сам автор.

Сказанного, на наш взгляд, достаточно, чтобы подтвердить широкую распространенность убеждения в том, что идея народного суверенитета одухотворяла собой конституцию Римской республики. Подобная точка зрения, кстати, наличествует не только в специальных трудах, но и в работах более общего или научно-популярного характера<sup>16</sup>.

На какой же основе, на каких источниках базируется эта столь широко распространенная точка зрения? На данный вопрос едва ли может быть дан в какой-то мере позитивный ответ, так как, по нашему глубокому убеждению, единственная «опора» изложенных воззрений — это своеобразный гипноз давности, общепризнанности и «персональный» гипноз самого имени Моммзена.

Представление о народном суверенитете совершенно чуждо римскому публичному правосознанию<sup>17</sup>. И это вполне закономерное явление.

Идея народного суверенитета как таковая могла сложиться и сложилась лишь в определенных условиях, в определенную историческую эпоху. Это была эпоха буржуазных революций в Англии и во Франции. Только в это время и могло возникнуть самое представление о народном суверенитете, так как именно в это время впервые встал чуждый и бессмысленный для древних вопрос о народе как субъекте или объекте права, т. е. по существу идея противопоставления государства, «властей» народу.

Подобного рода вопрос, конечно, никогда не вставал перед римлянами. Само собой разумелось, что народ — вообще единственный источник власти и права. Но все же это было представление, совершенно отличное от наших современных представлений о народном суверенитете. Оно вытекало из общей уверенности в том, что понятия «народ» и «государство»

---

<sup>15</sup> Ch. Wirszubski. *Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate*, Cambridge, 1950, p. 17—18.

<sup>16</sup> См., например, И. А. Покровский. *История римского права*, стр. 86.

<sup>17</sup> Ср. G. Jellinek. *Allgemeine Staatslehre*, Berlin, 1900, S. 398. Здесь говорится: «Как грекам, так и римлянам представление о суверенном государстве оставалось чуждым». Однако в данном случае имеется в виду вопрос о суверенности государства. Это, конечно, совсем особое понятие. С другой стороны, некоторые другие замечания автора (см., например, стр. 128—129) дают возможность считать, что он придерживается такого же мнения и относительно идеи народного суверенитета в древности. Но все это выражено довольно нечетко, и, кроме того, автор никак не развивает и не аргументирует данные положения. Что касается полемики со взглядами Моммзена или других сторонников народного суверенитета в Риме, то она вовсе отсутствует.

не противопоставлены друг другу, а, напротив, в принципе тождественны. Согласно широко известному и, кстати сказать, единственному в римской литературе теоретическому определению государства, принадлежащему Цицерону, *res publica* есть не что иное, как *res populi*<sup>18</sup>. Однако это определение имеет действительно слишком общее и теоретическое значение. Во-первых, оно, как это убедительно доказывается тесно примыкающим к нему рассуждением о государственных формах<sup>19</sup>, является продуктом влияния греческой теоретической мысли и ставит своей задачей определение понятия государства вообще, но отнюдь не римского государства как такового. Во-вторых, интересующее нас определение включает в себя все формы государственного устройства вплоть до монархии, которая оказывается таким образом для Цицерона тоже *res populi*<sup>20</sup>. Уже это заставляет нас предположить, что мы имеем дело с совершенно иным по сравнению с нашими современными понятиями представлением о государстве и роли народа<sup>21</sup>. Скорее всего для Цицерона, как, впрочем, и для всех древних, согласно остроумному наблюдению К. Бюхнера<sup>22</sup>, монархия, демократия и т. д. суть лишь государственные формы, но не принцип; принципом же является сама *res publica*.

Как же в таком случае осмыслили и оценивали римляне характер своего государственного строя? Для того чтобы попытаться дать наиболее полный ответ на этот вопрос, его следует рассмотреть исторически, т. е. в некотором развитии.

Скудость и малая достоверность наших знаний по раннему периоду римской истории не позволяют прийти к каким-либо твердым выводам применительно к этому времени. Бесспорно лишь одно: в эпоху раскола римского общества на *populus* (патрициат) и *plebs* возникновение представлений, подобных идее народного суверенитета, исключается. Это резкое членение и противопоставление *populus* и *plebs*, в частности, как носителей законодательной власти находит свой отзвук даже у поздних юристов. Так Помпоний, рассказывая о происхождении сенатусконсультов, сообщает следующее. Сперва

<sup>18</sup> *Cic., de rep.*, 1, 25, 39.

<sup>19</sup> *Cic., de rep.*, 1, 26, 41—42. Здесь повторяется уже известное нам определение: *omnis civitas, quae est constitutio populi, omnis res publica, quae, ut dixi, populi res est* и затем идет описание различных (простых) форм правления.

<sup>20</sup> *Cic., de rep.*, 1, 26, 42.

<sup>21</sup> Конечно, не следует привлекать для сравнения концепцию надпартийной и надклассовой «демократической монархии» того же Моммзена, которая тесно связана с устроениями, господствовавшими в определенных кругах буржуазии после революции 1848 г. и поэтому ничего общего не имеет и не может иметь с представлениями древних о различных формах правления.

<sup>22</sup> К. Büchner. *Die Römische Republik im römischen Staatsdenken. Freiburg in Breisgau, 1947, S. 5.*

законы принимались народом (*populus*), разделенным Ромулом на трибы. Затем, после сецессии плебеев, к законам были приравнены также плебисциты. Но так как плебсу и *populus* было трудно приходиться к взаимно согласованным решениям, то в силу этих причин *sigta rei publicae* перешла к сенату и таким образом возникли сенатусконсулты<sup>23</sup>.

С другой стороны, известен рассказ Ливия о том, как еще Валерий Публикола, т. е. консул первого года республики, распорядился склонить фасцы перед народным собранием, признав тем самым, что величие и сила народа выше власти консулов (*populi quam consulis maiestatem vimque maiorem esse*)<sup>24</sup>. Однако весь этот рассказ есть, конечно, не что иное, как типичное для Ливия перенесение поздних установлений и понятий (например, в данном случае понятия «*maiestas populi*») на древность. Но вместе с тем, если даже предположить, что все происходило так, как это изображает Ливий, то и в таком случае нет достаточных оснований, в чем мы убедимся несколько ниже, считать, что речь идет о народном суверенитете.

Образование единой патрицианско-плебейской общины привело, в свою очередь, к образованию нового понятия «*populus*». Теперь уже, конечно, стало немыслимо под словом «*populus*» подразумевать лишь патрициат. Дальнейшее развитие социальной борьбы и, в особенности, подъем демократического движения во II в. до н. э. породили еще одно новое понятие — «*maiestas populi*».

Возможно, что это понятие возникло впервые, как считают некоторые исследователи, например Кюблер<sup>25</sup>, несколько раньше — после покорения Италии Римом и первоначально, таким образом, подчеркивало «величие римского народа» по отношению к другим италийским племенам и общинам. Но несомненно, что на развитие этого понятия и на дальнейшее применение его в условиях внутривосточной жизни и борьбы оказали решающее влияние демократические движения второй половины II в. до н. э.<sup>26</sup>

Понятие «*crimen minutae maiestatis*» в законодательной практике римлян оформилось еще позже<sup>27</sup>. Во всяком случае, первым из более достоверных законов *de maiestate* следует

---

<sup>23</sup> Dig., I, 2, 9.

<sup>24</sup> Liv., 2, 7, 7; ср., однако, Cic., de rep., 2, 31, 54.

<sup>25</sup> RE, s. v. *maiestas*.

<sup>26</sup> См. подробный (в значительной мере формальный) анализ, понятия «*maiestas populi Romani*» в ст.: H. G. Gundel. Der Begriff *maiestas* in politischen Denken der Römischen Republik. «Historia», XII, 1963, Hf. 3, S. 283—320.

<sup>27</sup> RE, s. v. *maiestas*, см. критику точки зрения Моммзена на вопрос о происхождении понятия *minutae maiestatis*.

считать *lex Appuleia*<sup>28</sup>, принятый или в 103 г.<sup>29</sup>, или в 100 г. до н. э.<sup>30</sup> На него неоднократно ссылается Цицерон<sup>31</sup>.

Цицерону же принадлежит ряд определений понятия «*crimen minutae maiestatis*». Одно из них гласит: *maiestatem minuere est de dignitate aut amplitudine aut potestate populi aut eorum, quibus populus potestatem dedit aliquid derogare*<sup>32</sup>. В другом сказано: *si maiestas est amplitudo ac dignitas civitatis, is eam minuit, qui exercitum hostibus populi Romani tradidit, non qui eum, qui id fecisset, populi Romani potestati tradidit*<sup>33</sup>. И, наконец, мы находим у Цицерона еще одно определение: *maiestas est in imperii atque in nominis populi Romani dignitate, quam minuit is, qui per vim multitudinis rem ad seditionem vocavit*<sup>34</sup>.

В *Rhetorica ad Herennium*, сочинении, которое, очевидно, не принадлежит Цицерону<sup>35</sup>, но в котором, как известно, многие положения и формулировки почти совпадают с рядом дефиниций, встречаемых нами в *De inventione*, имеются следующие определения: *maiestatem is minuit, qui ea tollit, ex quibus rebus civitatis amplitudo constat, quae sunt ea... suffragia, magistratus, или здесь же: maiestatem is minuit, qui amplitudinem civitatis detrimento adficit*<sup>36</sup>. И, наконец, Тацит дает нам не столько определение, сколько перечисление тех преступлений, которые подпадали под понятия «*crimen minutae maiestatis*» во времена республики: *si quis proditione exercitum aut plebem seditionibus, denique male gesta re publica maiestatem populi Romani minuisset*<sup>37</sup>.

Таковы основные определения понятия «*crimen minutae maiestatis*» доимператорской эпохи. Однако для того, чтобы выявить истинное содержание этого понятия, надо более близко ознакомиться со сферой его приложения и прежде всего уточнить, каково было в то время значение другого термина, а именно «*populus*».

Моммзен устанавливает несколько характерных значений и оттенков понятия «*populus*». «*Populus*» может обозначать государство в целом (*der Staat*), причем как римское, так и нерим-

<sup>28</sup> Что касается закона *de maiestate*, который приписывается трибуну 139 г. Габинию, то наши сведения о нем слишком неопределенны. См. Th. Mommsen. *Römisches Strafrecht*. Leipzig, 1899, S. 563—564, Anm. 4.

<sup>29</sup> *Ibid.*, S. 198.

<sup>30</sup> Rudorff. *Römische Rechtsgeschichte*, I, S. 82.

<sup>31</sup> Cic., *de or.*, 2, 25, 107; 49, 201.

<sup>32</sup> Cic., *de inv.*, 2, 17, 53.

<sup>33</sup> Cic., *de or.*, 2, 39, 164.

<sup>34</sup> Cic., *Part. orat.*, 30, 105.

<sup>35</sup> Если считать, как это обычно принято, что данное произведение следует датировать 86—82 гг. до н. э., то тогда мы сталкиваемся здесь с наиболее ранним определением понятия «*crimen minutae maiestatis*».

<sup>36</sup> Auct. *ad Her.*, 2, 12, 17.

<sup>37</sup> Tac., *Ann.*, 1, 72, 2; ср. Ulp., *Dig.*, XLVIII, 4, 1 слл.

ское, и независимо от того, является ли это государство республикой или монархией<sup>38</sup>. Под словом «*populus*», может быть, когда-либо понималась сумма вооруженных граждан, но войско и народ были тогда понятиями, полностью совпадающими; в более поздние времена специфически военное значение слова «*populus*» было утрачено<sup>39</sup>.

Всегда и безусловно слово «*populus*» означало граждан в их совокупности, а впоследствии оно часто противопоставлялось, как более широкое, понятию «*plebs*», которое исключало, конечно, патрицианскую часть гражданства. В юридическом языке «*populus*» означал партицианско-плебейскую гражданскую общину, а в разговорном языке — простой народ в противоположность знати<sup>40</sup>.

Из всех этих смысловых оттенков термина «*populus*» следует выделить те, которые имели наиболее существенное значение в интересующую нас эпоху, т. е. во II—I вв. до н. э. Таких основных и в то же время принципиально отличных друг от друга оттенков может быть выделено, на наш взгляд, только два: первый, в котором понятие «*populus*» совпадает с понятием «*civitas*», община, государство, и второй, в котором «*populus*» равнозначен «*multitudo*», противопоставлен знати и мыслится, кстати, как некая совокупность *cives privati*.

Первое и, несомненно, идеализированное значение термина «*populus*» включает в себя, таким образом, не только народ как таковой, не только общину граждан, но и неотъемлемые от этой общины институты, как, например, сенат (*publicum consilium*) и магистратуры (*magistratus populi Romani*). Во втором своем значении «*populus*» включает в себя только «народ» и противопоставляется сенату, магистратам и вообще высшим слоям общества.

На основании всего вышеизложенного мы склонны утверждать, что понятие «*maiestas*» прилагалось лишь к тому значению «*populus*», которое включало в себя и сенат, и магистратуры<sup>41</sup>, а отнюдь не к тому, которое противопоставляло «*populus*» «властям» и знати. Остановимся еще раз на некоторых из приведенных выше примеров с этой интересующей нас теперь точки зрения. Вернемся прежде всего к тем определениям *maiestas populi*, которые мы нашли у Цицерона, у неизвестного нам автора *Rhetorica ad Herennium* и у Тацита. Сравнение их может оказаться весьма поучительным.

<sup>38</sup> Ср. с приведенным уже рассуждением Цицерона (*De rep.* I, 26, 41—42) о *res publica—res populi*. См. также G. Jellinek. *Op. cit.*, S. 284; 658.

<sup>39</sup> Th. Mommsen. *Römisches Staatsrecht*, III, 1, S. 3—4; ср. H. G. Gundel. *Der Begriff maiestas...*, S. 303.

<sup>40</sup> Th. Mommsen. *Op. cit.*, S. 4.

<sup>41</sup> О *maiestas populi* и *senatus* см. Cic., *pro Sest.*, 5, 12; о *maiestas populi* и *magistratus* см. *Auct. ad Her.*, 2, 12, 17.

Если сопоставить дефиниции самого Цицерона, то бросается в глаза, что термины «populus» (De inv.) или «populi Romani» (Part. orat.) и «civitas» (De or.) употребляются им совершенно равнозначно. Для нас это имеет решающее значение. Относительно же Rhetorica ad Herennium следует еще раз напомнить, что многие формулировки и определения как в этом трактате, так и в De inventione очень близки друг к другу. То же самое, несомненно, можно сказать и о цитированных выше определениях crimen minutae maiestatis. Однако в тех случаях, когда Цицерон в De inventione употребляет термин «populus», автор Rhetorica ad Herennium неукоснительно пользуется термином «civitas». Но общий смысл и безусловное сходство построений от этого не нарушаются. Очевидно, что и в данном случае, «populus» и «civitas» — понятия взаимозаменяемые.

Что касается определения Тацита, то в нем наиболее интересно для нас утверждение, согласно которому величие римского народа умаляется как другими преступлениями (например, подстрекательством плебеев к возмущению или предательством на войне), так и дурным управлением государственными делами. Опять-таки здесь, может быть, только в более слабой форме, выступает перед нами взаимозаменяемость понятий «populus» и «civitas» (или res publica).

Более того, если мы обратимся снова к знаменитому определению Цицерона, согласно которому res publica есть res populi, то и в нем, как мы уже отмечали, выступает та же самая идея взаимозаменяемости, даже тавтологичности понятий «populus» и «res publica». За данным определением сразу же следует такое пояснение автора: «народ — не всякое собрание людей, каким-то образом сведенных вместе, но собрание большого числа людей, объединенное согласием законов и общностью пользы»<sup>42</sup>. Это объединение, эта связь при помощи iuris consensu, очевидно, предполагает наличие каких-то правовых институтов или, другими словами, органов власти.

Однако для выяснения интересующего нас вопроса о внутреннем содержании понятия «maiestas populi» нельзя ограничиться разбором приведенных выше определений. Нам следует более основательно рассмотреть сферу приложения и истории развития законов о crimen minutae maiestatis.

Несомненно, с этим понятием тесно связано другое, более древнее — perduellio. Правда, то, что нам известно о деятельности duoviri perduellionis, которые якобы вели процессы такого рода, относится, если отвлечься пока от процесса Рабирии,

---

<sup>42</sup> Cic., de rep., I, 25, 39: populus autem non omnis hominum coetus quoquo modo congregatus, sed coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communiione sociatus.



к мало достоверным историческим событиям<sup>43</sup>, вроде процесса Горация при Тулле Гостилии<sup>44</sup> или процесса Манлия Капитолийского<sup>45</sup>, хотя в последнем случае сам Ливий говорит об участии *duoviri perduellionis* лишь предположительно. Возможно, что в процессе Манлия обвинение поддерживалось, как это стало традиционным в более поздние времена республики, уже народными трибунами<sup>46</sup>, тем более что, по словам Ливия, именно трибуны принимали участие в приведении приговора в исполнение<sup>47</sup>.

Но как бы ни обстояло дело с формальной стороной ведения подобных процессов, что для нас сейчас не имеет решающего значения, содержание самого понятия «*perduellio*» представляется довольно ясным. Этим термином обозначалось преступление, совершенное против общины, государства и представлявшее угрозу его существованию или предательство его интересов<sup>48</sup>. Конкретно к таким преступлениям относили стремление к захвату царской власти (*crimen cupiditatis regni*)<sup>49</sup>, подстрекательство врага к нападению на Римское государство или выдачу врагу римского гражданина<sup>50</sup>, оскорбление народного трибуна, злоупотребление властью (в особенности, казнь гражданина)<sup>51</sup> и т. д.

Нетрудно убедиться в том, что многие преступления, рассенивавшиеся как *perduellio*, иногда очень близки к тем, которые, как мы убедились, в более поздние времена подводились под понятие «*crimen minutae maiestatis*». Поэтому, хотя некоторые исследователи и пытаются провести четкую грань между этими понятиями или считают, что речь должна идти о «пересекающихся кругах»<sup>52</sup>, на наш взгляд, более естественным представляется развитие следующего двустороннего процесса: с одной стороны, к *perduellio* относят с течением времени все новые и новые категории проступков, с другой, самое понятие *perduellio* постепенно растворяется в новом и более соответствующем духу времени понятии «*crimen minutae maiestatis*».

Перейдем теперь к рассмотрению содержания и практического применения *leges de maiestate*. К сожалению, те сведения

<sup>43</sup> J. L e n g l e. *Römisches Strafrecht bei Cicero und den Historikern*. «Neue Wege zur Antike», I. Reihe, H. 11, Leipzig — Berlin, 1934, S. 13—14. Здесь же см. о процессе Рабирия, S. 19—24.

<sup>44</sup> Liv., 1, 26; ср. Ed. Meyer. *Caesars Monarchie...*, S. 556—557.

<sup>45</sup> Liv., 6, 20.

<sup>46</sup> J. L e n g l e. *Römisches Strafrecht...*, S. 17—18; ср. RE, s. v. *maiestas*.

<sup>47</sup> Liv., 6, 20, 12.

<sup>48</sup> Th. M o m m s e n. *Römisches Strafrecht*, S. 537 ff.; ср. он же, *Abriss des römischen Staatsrechts*, Leipzig, 1893, S. 227, а также J. L e n g l e. *Römisches Strafrecht...*, S. 18 и RE, s. v. *perduellio*.

<sup>49</sup> Liv., 6, 20, 4—5; Cic., *de rep.*, 2, 27, 50.

<sup>50</sup> M a r c., *Dig.*, XLVIII, 4, 3=XII Tab., IX, 5.

<sup>51</sup> Liv., 1, 26, 5—6.

<sup>52</sup> См. RE, s. v. *maiestas*.

об этих законах, которые могут быть извлечены непосредственно из источников, далеко не исчерпывающих.

Наиболее ранним из известных нам законов *de maiestate* был, как уже указывалось, *lex Appuleia* 103 или 100 г. до н. э. Содержание этого закона сводилось, вероятно, к созданию специальной судебной комиссии для рассмотрения дел такого рода *quaestio perpetua de maiestate* по аналогии с уже существовавшей *quaestio perpetua de repetundis*. В формулировке этого закона, видимо, впервые было применено выражение «*missa maiestas*»<sup>53</sup>. Нам известно, что на основании *lex Appuleia* был обвинен трибун 95 г. Гай Норбан, который ранее в свою очередь привлекал к суду (за измену) Сервилия Цепиона, разбитого кимврами при Араузионе<sup>54</sup>.

Следующим должен быть назван *lex Varia de maiestate* 90 г. до н. э., направленный против тех, кто в той или иной форме побуждал союзников к вооруженной борьбе<sup>55</sup>, и принятый, когда восстание италиков фактически уже началось. Утверждение закона проходило в условиях напряженной внутренней борьбы, он был проведен, несмотря на интерцессию трибунов, при активной поддержке всадников, прозвизвших применением оружия<sup>56</sup>. Интересно отметить, что позднее сам Варий был осужден на основании собственного закона<sup>57</sup>.

*Lex Cornelia de maiestate* 81 г. до н. э. представлял собою попытку Суллы уточнить понятие «*crimen iniuriae maiestatis*», перечислив подпадающие под него проступки<sup>58</sup>. Закон угрожал *aquae et ignis interdicione* за подстрекательство к восстанию, за противодействие магистрату, а также за превышение власти самими магистратами.

*Leges Iuliae de maiestate* были приняты в 46 г. до н. э. и в 8 г. до н. э. Первый из них был проведен Юлием Цезарем<sup>59</sup>, второй — Октавианом Августом<sup>60</sup>. Некоторые из исследователей, впрочем, считают, что существовал лишь один *lex Iulia de maiestate*, который приписывается то Цезарю<sup>61</sup>, то Августу<sup>62</sup>. Как бы то ни было, но эти законы (или закон), несомненно, основывались на *lex Cornelia*. Поэтому перечень *crimina*, сообщаемый нам, как уже указывалось выше, Тацитом — предательство

<sup>53</sup> Cic., de or., 2, 25, 107; 40, 201; Part. orat., 30, 104; cp. RE, s. v. *maiestas*; J. Lenglé. Römisches Strafrecht, S. 28; cp. RE, s. v. *Appuleius*, 29.

<sup>54</sup> Cic., de or., 2, 28, 124; 48, 199; 49, 200—201.

<sup>55</sup> Asc. on. In Scaur., p. 22; 73; 79; Val. Max., 8, 6, 4; App., b. c., 1, 37.

<sup>56</sup> Val. Max., 8, 6, 4; App., b. c., 1, 37.

<sup>57</sup> Val. Max., 8, 6, 4; 9, 2, 2; Cic., de nat. deor., 3, 33, 81.

<sup>58</sup> Cic., in Pis., 21, 50; in Verr., II, 1, 12; pro Cluent., 35, 97; ad. fam., 3, 11, 2; Asc. on., in Cornel., p. 52.

<sup>59</sup> Cic., Phil., 1, 9, 23.

<sup>60</sup> Inst., 4, 18, 3; Dig., XLVIII, 4; Paul., Sent., 5, 29.

<sup>61</sup> См., например, Rudorff. Römische Rechtsgeschichte, S. 183.

<sup>62</sup> Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, S. 541.

войска, подстрекательство к восстаниям и дурное управление государством,— может быть в какой-то мере отнесен ко всем трем (или двум) законам.

В свою очередь, *leges Iuliae* во времена империи послужили основой для преследований за подобные *crimina*, с той лишь разницей, что теперь акцент переносится на такие проступки, которые могли быть истолкованы как неуважение к особе императора<sup>63</sup>. Первые шаги в этом направлении были сделаны уже Августом, а затем и Тиберием<sup>64</sup>.

Подводя итог рассмотрению *leges de maiestate*, следует отметить, что ряд исследователей, начиная с Моммзена, пытался перечислить и обобщить категории проступков, подпадающих под понятие «*crimen minutae maiestatis*»<sup>65</sup>. Для наших целей в данном случае представляется наиболее существенным следующее разграничение. Все *crimina* могут быть подразделены на две категории: а) против римского народа в целом и б) против отдельных лиц, которых римский народ облек властью.

Что касается первой категории *crimina*, то из существа всех рассмотренных выше законов, на наш взгляд, с полной убедительностью вытекает тот вывод, что если они и были направлены на защиту *maiestas populi Romani*, то только при том условии и в том смысле, что под словом «*populus*» понималось римское государство в целом, со всеми его институтами, т. е., другими словами, мы снова имеем здесь дело с идеализированным значением понятия «народ», а отнюдь не с тем, которое противопоставляет его знати и «властям». Поэтому ни о каком отражении идеи народного суверенитета в рассмотренных законах говорить не приходится.

Что касается второй категории *crimina*, т. е. оскорбления *maiestas populi Romani* в лице тех, кто облечен властью (*quibus populus potestatem dedit*), то несомненно, что наряду с понятиями «*imperium*», «*potestas*» магистратов, существовали также понятия «*honor*» и «*maiestas*» магистрата, относящиеся к его должностному достоинству. Магистрат обладал *maiestas* именно как представитель величия римского народа, государства или *Romani populi*<sup>66</sup>. Причем даже низшие магистраты обладали *maiestas*<sup>67</sup>, хотя, с другой стороны, *maiestas* самих консулов была, конечно, меньшей, чем первоначальный и общий источник этого понятия — «*maiestas populi Romani*». Кстати, именно в таком смысле и следует толковать приводившийся выше рассказ Ливия (если отвлечься от его малой достовер-

<sup>63</sup> Dio Cass., 57, 24; Suet., Tib., 58.

<sup>64</sup> Tac., Ann., 1, 72.

<sup>65</sup> См. RE, s. v. *maiestas*; ср. Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, S. 546 и H. G. Gundel. Der Begriff *maiestas*..., S. 297.

<sup>66</sup> См. RE, s. v. *maiestas*.

<sup>67</sup> Gell., 13, 13, 3.

ности) о том, что консул Валерий Публикола отдал распоряжение склонить фасцы перед «народом»<sup>68</sup>. В лучшем случае здесь дело идет о некоей регламентации взаимоотношений магистратов и «народа», но, конечно, ни в малейшей степени не о понятии народного суверенитета.

Итак, понятие «*maiestas populi*» в приложении как к римскому народу в целом, так и к его отдельным полномочным представителям не содержит в себе и следов идеи народного суверенитета. Какое же представление было заложено все-таки в основе этого понятия «*maiestas populi*», каковы источники самого его возникновения?

Этот вопрос требует, очевидно, самостоятельного исследования. Здесь мы выскажем лишь несколько вероятных соображений.

Лежащее в основе понятия «*maiestas populi*» более общее и более абстрактное представление — «*maiestas*» несомненно древнего происхождения и должно было иметь первоначально сакральное значение или определенный сакральный оттенок. Во всяком случае, оно не входило и в дальнейшем в круг понятий, составивших *ius*, но его следует отнести к *fas*<sup>69</sup>.

*Maiestas* была прежде всего атрибутом богов<sup>70</sup>, последующий же ряд был примерно таков<sup>71</sup>: *pater familias* (его *maiestas* по отношению к другим членам *familia*) — *rex* (его сакральные функции) — *magistratus*<sup>72</sup> (особенно сакросанктность трибунов, см. точку зрения Моммзена о возникновении самого понятия «*minutae maiestatis*»<sup>73</sup>) и, наконец, — *princeps*. В этом смысле и *rex*, и магистрат, и принцепс — все они представители и носители величия *Romani nominis*. Может быть, именно поэтому *crimen minutae maiestatis* в своем крайнем выражении, т. е. по мере укрепления представлений о божественности особы императора, начинает приближаться к понятию святотатства<sup>74</sup> (*proximum sacrilegio crimen est, quod maiestatis dicitur*)<sup>75</sup>.

Следует также вспомнить о связи между *crimen minutae maiestatis* и *perduellio*. Хотя это последнее понятие есть главным образом древнейшее обозначение государственной измены, но, как нам уже известно, под *perduellio* подводились также преступления, которые были тесно связаны с кругом

<sup>68</sup> Liv., 2, 7, 7.

<sup>69</sup> Ср. G. Jellinek. Allgemeine Staatslehre, S. 284.

<sup>70</sup> Cic., de div., I, 38, 82; de nat. deor., 2, 30, 77; ср. Dig., IV, 8, 32, 4; см., однако, H. G. Gundel. Der Begriff *maiestas*..., S. 312.

<sup>71</sup> См. RE, s. v. *maiestas*.

<sup>72</sup> Сравнительно редко в республиканское время — сенат; о *maiestas senatus* см., например, Liv., 4, 2, 4.

<sup>73</sup> Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, S. 538—539.

<sup>74</sup> RE, s. v. *maiestas*.

<sup>75</sup> Ulp., (Trib.?), Dig. XLVIII, 4, 1.

сакральных представлений, например, покушение на неприкосновенность народного трибуна<sup>76</sup>. Кр. Брехт, кроме того, относит к категории *perduellio* преступления такого типа, как нарушение в древнейшие времена патроном своих обязательств по отношению к клиенту; он же намечает общую связь между *perduellio* и *leges sacratae*<sup>77</sup>. Небезынтересно указать на то, что в одном из наиболее поздних случаев дуовирального процесса — в деле Рабирия — момент, связанный с *sacrilegium*, играл определенную роль<sup>78</sup>. И, наконец, опять-таки не случайно в эпоху империи возрождается и самое понятие «*perduellio*»<sup>79</sup>.

Общий вывод может быть сформулирован следующим образом. Исследуемое нами понятие «*maiestas populi*», возникшее сравнительно поздно и получившее наибольшее распространение в период подъема демократического движения, конечно, как таковое, сакрального значения уже не имело. Но, кстати сказать, если это понятие, в противоположность *maiestas*, нельзя относить к *fas*, то оно никогда не входило и в круг дефиниций государственного права<sup>80</sup>. Тот же факт, что в основе интересующего нас понятия лежит общее представление о *maiestas*, а *crimen minutae maiestatis* связано с *perduellio* и все эти категории, вместе взятые, имеют, таким образом, сакральные истоки, может, на наш взгляд, пролить некоторый свет на происхождение исследуемого понятия, а также — и это имеет для нас решающее значение — подчеркнуть его принципиальное отличие от новейших конструкций, покоящихся на явно чуждой понятию *maiestas populi* политической идее народного суверенитета.

Все сказанное выше и, в частности, довольно подробный анализ понятия «*maiestas populi*» еще не дают нам ответа на вопрос о том, как определяли характер своего государственного строя сами римляне. Поскольку было высказано намерение рассматривать этот вопрос в его развитии, то, очевидно, сейчас следует перейти к ознакомлению с теми политическими, точнее говоря, государствоведческими теориями, которые в эпоху поздней республики получили распространение в Риме.

К таким теориям должно быть прежде всего отнесено учение о смешанной форме государственного устройства, разработка которого на римской почве связана с именами Полибия и Цицерона. Кстати говоря, учение о смешанном государственном устройстве как бы венчает собой развитие воззрений на госу-

<sup>76</sup> Ср. RE, s. v. *perduellio*.

<sup>77</sup> Ibidem.

<sup>78</sup> Cic., pro Rab., 2, 7; ср. J. Lenglé. Op. cit., S. 21—22, 28; Ed. Meyer. *Caesars Monarchie...*, S. 556.

<sup>79</sup> Ulp., (Trib.?), Dig., XLVIII, 4, 11: «Non quisquis legis Iuliae maiestatis reus est, in eadem condicione est, sed qui perduellionis reus est».

<sup>80</sup> См. RE, s. v. *maiestas*.

дарство в классической древности, ибо вся теория государства того времени, по удачному выражению К. Бюхнера, развивалась, в сущности, только между двумя вопросами, которые она же ставит,— вопросами о государственных формах и о лучшей из этих форм — и ответом, который она в конечном счете находит: смешанная форма государственного устройства<sup>81</sup>.

Проникновение этого учения в Рим связано с усилением эллинистических влияний. В греческой философии идея смешанной формы правления разрабатывалась еще до Платона и Аристотеля.

Так, Архит считал, что наилучшее государственное устройство должно состоять из сочетания всех известных форм, а пифагореец Гипподам писал: «Законы будут особенно прочны в том случае, если государство имеет характер смешанный и составлено из всех форм государственного устройства», и затем пояснял выгоды сочетания этих форм, т. е. царской власти, аристократии и демократии<sup>82</sup>.

Аристотель был также убежденным сторонником смешанного устройства. «Некоторые полагают,— писал он,— что лучшее государственное устройство — смешанное из всех форм». И несколько ниже: «Итак, кто думает, что следует соединять различные формы государственного быта, рассуждает правильнее, ибо государственное устройство, сложенное из многих, действительно лучше»<sup>83</sup>.

В данном случае нет особой нужды более подробно останавливаться на разработке греческой философской мыслью учения о смешанной форме правления<sup>84</sup>. Нас интересует главным образом вопрос о перенесении этого учения на римскую почву и развитие его применительно к государственному устройству римлян.

Первым, кто приложил учение о смешанной форме к римской конституции, был, как известно, Полибий. Эта попытка была данью восхищения могущественной римской державой, которая в глазах грека из аркадского полиса представляла собой небывалое и столь отличное от всех знакомых ему форм государственное образование. Полибий сам подчеркивает это обстоятельство в первых же строках своего рассуждения о государственном строе Рима. Считая, что именно благодаря своим государственным учреждениям римляне примерно за полстолетия покорили почти весь мир и создали величайшую державу, Полибий добавляет: «Раньше не было [известно] ничего подобного (*ὁ πρότερον οὐκ ἐπίστανται γυγόνος*)»<sup>85</sup>.

<sup>81</sup> К. Büchner. Die Römische Republik..., S. 6.

<sup>82</sup> Stob., Flor., p. 251.

<sup>83</sup> Arist., Pol., 2, 6, 17—18, 1265b—1266a.

<sup>84</sup> См. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 165 слл.

<sup>85</sup> Polyb., 6, 1, 3.

Далее у Полибия следует рассуждение о правильных и извращенных формах государственного устройства, причем он уже здесь утверждает, что наиболее совершенной формой надлежит считать такую, в которой соединяются особенности всех простых форм; подобное устройство впервые было создано Ликургом <sup>86</sup>.

Затем следует довольно подробное описание круговорота государственных форм (*ἀνακύκλισις*), главной причиной которого оказывается их неустойчивость и склонность к вырождению <sup>87</sup>. И, наконец, дается знаменитое определение римского государственного устройства, «самого лучшего из всех, какие были на нашей памяти» и в котором с необычайным искусством сочетаются элементы монархии (консулы), аристократии (сенат) и демократии (комиции), причем ни одному из этих составных элементов не отдается видимого предпочтения <sup>88</sup>.

Интересно и важно отметить, что, после того как Полибий объясняет, каковы функции и права консулов, сената, комиций <sup>89</sup>, он довольно подробно останавливается еще на описании римского государственного механизма в действии, т. е. на вопросе о том, каким образом три составные элемента государственного устройства римляни взаимно дополняют, а с другой стороны, взаимно ограничивают и умеряют друг друга <sup>90</sup>.

Полибий несомненно был одним из основных <sup>91</sup>, если не главным, источником Цицерона в *De re publica* <sup>92</sup>. Очевидно, не случайно изложение теории смешанного государственного устройства в этом трактате ведется устами Сципиона, в кружке которого состоял Полибий и где подобные проблемы, видимо, дебатировались.

Первая книга *De re publica*, в основном, посвящена рассуждению Сципиона о государстве (*de optimo statu civitatis*). Это рассуждение начинается со знаменитого и не раз уже упоминавшегося нами определения *res publica* как *res populi*. Затем Сципион переходит к перечислению основных форм государственного устройства. Он устанавливает три простые формы: монархия (*regnum*), аристократия (*civitas optimatium arbitrio regi*) и демократия (*civitas popularis*); ни одну из них он не считает совершенной <sup>93</sup>. Так же как и Полибий, Цицерон (устами Сципиона) усиленно подчеркивает их недостатки и, в особенности, тот их главный порок, что каждая из простых форм не имеет устойчивости и легко переходит в соответствующую

<sup>86</sup> Polyb., 6, 3—4.

<sup>87</sup> Polyb., 6, 5—9.

<sup>88</sup> Polyb., 6, 11.

<sup>89</sup> Polyb., 6, 12—14.

<sup>90</sup> Polyb., 6, 15—18.

<sup>91</sup> См. F. Taeger. *Die Archaeologie des Polybios*, Stuttgart, 1922, S. 1—11.

<sup>92</sup> О влиянии Платона (а может быть, и Дикеарха) см. С. Л. Утченко. *Идейно-политическая борьба...*, стр. 167—173.

<sup>93</sup> Cic., *de rep.*, 1, 26, 42.

шую ей извращенную форму<sup>94</sup>. Так возникают своеобразные круговороты сменяющих друг друга государственных форм, от чего застрахована в силу своей наибольшей устойчивости лишь смешанная форма государственного устройства<sup>95</sup>.

Кстати сказать, в своем представлении о неустойчивости простых форм и их круговороте Цицерон несколько отходит от Полибия. Последний единственную причину «круговоротов» видит именно в этой неустойчивости отдельных форм, для Цицерона же причина коренится глубже — в нравственных основах государства<sup>96</sup>. По справедливому замечанию В. Пёшля, смешанное государственное устройство оценивается Цицероном столь высоко потому, что оно одно, с его точки зрения, вполне выражает идею справедливости<sup>97</sup>. Развернутое определение смешанной формы государственного устройства Цицерон дает в конце первой книги «De re publica»: «...Из трех первоначальных видов (государственного устройства. — С. У.) выше всех, по моему мнению, царская власть, самое же царскую власть превосходит такая (форма правления. — С. У.), которая соединяет элементы трех наилучших видов государственного устройства, уравнивая и умеряя их крайности. Итак, необходимо, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы было и нечто другое, уделенное и предоставленное авторитету первых по положению людей, и, наконец, чтобы некоторые дела были оставлены на суждение и волю большинства»<sup>98</sup>. Преимуществом такого государственного (смешанного) устройства оказываются прежде всего некая соразмерность и стройность (*aequabilitas magna*) и затем прочность (*firmitudo*), т. е. два основания — нравственное и материальное, — которые и не дают смешанной форме вырождаться *in contraria vitia*<sup>99</sup>.

Таково развитие учения о смешанной форме государственного устройства, примененного Полибием, а затем и Цицероном<sup>100</sup> к римским условиям. Обзор всего изложенного выше по этому поводу позволяет, на наш взгляд, прийти к следующим выводам: Во-первых, теория смешанного устройства была продуктом развития греческой философской мысли, т. е. «чужеземным продуктом», занесенным в Рим в то время, когда усилилось проникновение эллинистических влияний. Во-вторых, эта теория

<sup>94</sup> Cic., de rep., I, 28, 44.

<sup>95</sup> Cic., de rep., I, 29, 45.

<sup>96</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 164.

<sup>97</sup> V. Pöschl. Römischer Staat und griechisches Staatsdenken bei Cicero, Berlin, 1936, S. 14.

<sup>98</sup> Cic., de rep., I, 45, 69.

<sup>99</sup> Ibidem.

<sup>100</sup> Вторая книга «De re publica», в основном, посвящена изложению развития и смены простых форм на примере самой римской истории с целью показать, как Римское государство достигло своего могущества и наилучшего государственного устройства.



совершенно не отвечала реальным соотношениям в римском государстве или, как выражается Кромайер, была неверна как с формальной, так и с «технической» стороны. С формальной стороны сенат как совещательный орган при консулах не мог претендовать ни на какие права по отношению к ним или к комициям, фактически же именно сенат имел решающее значение в государстве. Таким образом, по мнению Кромайера, теория смешанного устройства лишь затушевывала то глубокое противоречие, которое исторически сложилось в Риме между формой и содержанием его государственного строя<sup>101</sup>. От себя мы можем лишь добавить, что Цицерон и Полибий не столько применили эту теорию к Риму, сколько искусственно «подтянули» римский государственный строй к ее идеальным категориям и соотношениям. И, наконец, теория смешанного устройства, рассматриваемая как таковая, т. е. именно с ее идеальными соотношениями, с взаимоограничением основных элементов, составляющих, согласно этой теории, суть смешанного устройства, не только не заключала в себе какой-либо идеи народного суверенитета, но, наоборот, всей своей сущностью была направлена против допущения подобной идеи.

Но, может быть, подъем демократического движения и порожденная им демократическая агитация или хотя бы только фразеология дают исследователю какие-нибудь указания, какие-нибудь намеки на зарождение идеи народного суверенитета в римском обществе? Однако, как речи демагогов, вкладываемые Ливием и Дионисием в уста часто полулегендарных персонажей<sup>102</sup>, так и знаменитая речь Тиберия Гракха<sup>103</sup>, или, наконец, программа переворота, приписываемая Катилине<sup>104</sup>, свидетельствуют о том, что демократическая агитация вращалась не вокруг отвлеченных правовых или философских проблем, но вокруг совершенно конкретных насущных вопросов, бывших в тот или иной период злобой дня: задолженности, деятельности ростовщиков, несправедливых захватов земель, тяжелого экономического положения бедняков и т. п. Иногда, но сравнительно редко, к этому примешивается мотив о приниженом, бесправном положении народа, о политическом угнетении его нобилитетом. Этот мотив наиболее сильно звучит в речах, вкладываемых Саллюстием в уста народных трибунов<sup>105</sup>, особенно в речи Лициния Макра<sup>106</sup>. Эта речь вообще интересна тем, что здесь — и это, пожалуй, редкий, если не единственный, случай в литературе — устами Лициния Макра делается попытка обосновать

<sup>101</sup> U. v. Wilamowitz-Moellendorff, J. Kromayer und A. Heisenberg. Staat und Gesellschaft der Griechen und Römer. S. 248.

<sup>102</sup> Например, Dionys., 6, 36, 1; Liv., 6, 18, 5; 36, 10—12.

<sup>103</sup> Plut., Tib., 9.

<sup>104</sup> Sall., Cat., 20, 2—17; 21, 2.

<sup>105</sup> Sall., Jug., 31.

<sup>106</sup> Sall., Hist., 3, 48.

следующий тезис: истинная сила (*vis omnis*) сосредоточена в народе; власть же консулов или постановлений сената имеют реальную силу только в случае выполнения их народом<sup>107</sup>.

Однако от подобных деклараций до идеи народного суверенитета как основы римского государственного строя еще очень далеко<sup>108</sup>. Что дело обстоит именно так, лучше всего доказывается оценкой и характеристикой этого строя, принадлежащей тому же Саллюстию.

Еще в начале своей литературной деятельности, в раннем «Письме к Цезарю», Саллюстий довольно подробно излагает свои воззрения на римское государственное устройство. Он устанавливает деление римского общества на *patres* и *plebs*. *Patres*, средоточием которых является сенат, обладают *summa auctoritas*, а *плебс* обладает *vis*<sup>109</sup>. В эпоху процветания Римского государства, которая для Саллюстия совпадает с периодом от завершения борьбы сословий до III Пунической войны (до разрушения Карфагена)<sup>110</sup>, существовала некая система политического равновесия: сенат при помощи своей *auctoritas* сдерживал *vis* народа, причем иначе и не могло быть, ибо «плебс, как тело душе, повинуется сенату и следует его постановлениям»<sup>111</sup>.

Этот политический идеал Саллюстий пронес через всю свою жизнь. В одном из своих наиболее поздних произведений, в «Югуртинской войне», он снова утверждает, что дела Римского государства процветали, пока «народ и сенат римский спокойно и умеренно распределяли между собой управление государством»<sup>112</sup>. Причем на сей раз Саллюстий, имея в виду «народ», уже упstreбляет термин «*populus*», а не «*plebs*». Следует вообще отметить, что Саллюстий употреблял такие термины, как «*plebs*», «*populus*», «*quirites*», «*multitudo*» (но не «*vulgus*»), всегда равнозначно, т. е. в смысле «народ»<sup>113</sup>, а кроме того — и это для нас представляет главный интерес — понятие «народ» у него во всех случаях противопоставлено *нобилитету* (или сенату).

Таким образом, политический идеал Саллюстия покоится на двучленной основе: сенат+народ, причем правильное распределение между ними функций управления государством

<sup>107</sup> Sall., Hist., 48, 14—17.

<sup>108</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 149—153. Думаю, что данная мною в свое время на указанных страницах оценка речи Лициния Макра как обоснования суверенных прав народа, да и общий вывод относительно «политического идеала» Саллюстия (стр. 157) весьма преувеличены.

<sup>109</sup> Sall., Ep., II, 5.

<sup>110</sup> Ibidem., ср. Sall., Cat., 10; Jug., 41.

<sup>111</sup> Sall., Ep., II, 10.

<sup>112</sup> Sall., Jug., 41, 2—3.

<sup>113</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 81, прим. 5 и стр. 147, прим. 3.

(у народа — *vis*, у сената — *auctoritas*) обеспечивает процветание последнего. Эта диархическая схема представляет для нас особый интерес, как единственная, по существу, попытка выйти за пределы общепринятого в древности представления, согласно которому «народ» (*populus=civitas*) был единственным источником власти. У Саллюстия народ противопоставлен сенату, следовательно, впервые возникает мысль о различных источниках власти. Но она развивается Саллюстием отнюдь не в сторону вывода о народном суверенитете, а в сторону провозглашения некой государственной системы, покоящейся на двух взаимно дополняющих друг друга источниках и носителях верховной власти в государстве: на сенате и на комициях<sup>114</sup>.

Интересно отметить, что «диархическая» схема Саллюстия находит себе параллель в самом процессе формирования некоторых категорий римского государственного права. Подобное представление отражено прежде всего в известной формуле, имевшей официальное государственное значение: *senatus populusque Romanus*. Применение этой формулы свидетельствует о том, что она понималась всегда как выражение высшей инстанции власти в государстве. Так, у Ливия, в речах, которые им вкладываются в уста Деция<sup>115</sup> или Сципиона<sup>116</sup>, обращение к *senatus populusque Romanus* постоянно звучит как апелляция к наивысшей из возможных инстанций. Более того, сенат, очевидно, представляется Ливию столь безусловным и неотъемлемым основанием *res publica*, что именно наличие сената рассматривается им как главный признак, отличающий *libera civitas* от монархических государств<sup>117</sup>.

Можно привлечь и другие примеры, еще ярче отражающие проблему соотношения сената и комиций в государственнопра-

<sup>114</sup> Может возникнуть вопрос о том, каково же значение магистратур в этой двуличной схеме. Сам Саллюстий не отвечает на вопрос, но очевидно, что в данном случае магистратам самостоятельного, «самодовлеющего» значения не отводится. Они лишь кратковременные представители «народа», так сказать, его функционеры. Возможно, что отражение подобной мысли мы встречаем и в приводившемся уже рассказе Ливия о том, как Валерий Публикола распорядился склонить фасы в народном собрании. Такое понимание роли магистратов, конечно, не исключало, что в случае превышения своей власти магистрат мог выйти из отводившейся ему сравнительно скромной роли и фактически встать над народом (и даже над сенатом). Но это было нарушением нормального положения дел в государстве, и такой магистрат уже переставал быть магистратом и превращался в тирана или «царя», причем оба эти термина для римлян имели одинаково отрицательное значение. Так называли Суллу, Помпея и других; обвинение в стремлении к царской власти сыграло, как известно, роковую роль в судьбе ряда политических деятелей, вплоть до Цезаря. Но подобные примеры — явное отклонение от нормального хода вещей, мы же считаем, что диархическая схема, как и всякая идеализированная конструкция, предполагала, само собой разумеется, «незвращенную» форму *res publica*.

<sup>115</sup> Liv., 10, 7.

<sup>116</sup> Liv., 21, 40; 41.

<sup>117</sup> Liv., 23, 3.

новой традиции римлян. Причем, так как в данный момент нас снова интересуют не реальные взаимоотношения между сенатом и комициями на том или ином этапе римской истории, но лишь их принципиальная регламентация догмой публичного права, нам, очевидно, следует избрать такой момент, когда эта догма складывалась и оформлялась.

Возьмем в качестве примера вопрос о компетенции римских комиций, т. е. рассмотрим под определенным углом зрения те три сферы их деятельности, классическое определение которых дано Цицероном: *vel in iudiciis populi, vel in iure legum, vel in creandis magistratibus*<sup>118</sup>. В судебную компетенцию комиций, как известно, входил разбор *provocatio ad populum*<sup>119</sup>, выборные их функции определялись избранием магистратов — как высших, так и низших<sup>120</sup>, — а что касается законодательной деятельности комиций, то закон (*iussus populi, lex*) был необходим, строго говоря, относительно всех тех дел и вопросов, которые не подлежали компетенции сената и магистратов<sup>121</sup>, или, как это несколько иначе формулирует Моммзен, всякое народное решение, не относящееся к судебным или выборным функциям комиций, было законом (*lex*), вплоть даже до решений об объявлении войны (*lex de bello indicendo*)<sup>122</sup>.

Как уже указывалось в начале данной главы, подобная широта компетенции народных собраний рассматривается обычно в качестве доказательства принадлежащей им суверенной власти в государстве, так сказать, по самой догме публичного права. Но этот взгляд едва ли способен выдержать серьезную критику, ибо нам известно, что, когда исторически складывалась компетенция комиций<sup>123</sup>, одновременно складывались и нормы, эту компетенцию ограничивающие, причем применение подобных норм было прерогативой сената. Мы имеем в виду прежде всего так называемую *auctoritas patrum*<sup>124</sup>.

Под *auctoritas patrum* (или *senatus*) подразумевается утверждение (санкционирование) сенатом как решений комиций

<sup>118</sup> Cic., de div., 2, 35, 74; ср. de leg., 3, 3, 10.

<sup>119</sup> *Provocatio* на приговор к смертной казни разбиралась в центуриатных, а на приговор к штрафу — в трибутных комициях. См. В. М. Хвостов. История римского права, М., 1919, стр. 50.

<sup>120</sup> Там же, стр. 56.

<sup>121</sup> Там же.

<sup>122</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1, S. 326—327.

<sup>123</sup> Мы имеем в виду в данном случае начальный период существования республики. Для наших целей вполне допустимо рассматривать вопрос о компетенции и их компетенции в целом, так как распределение компетенции между различными видами комиций или, например, такие факты, как постепенное сосредоточение общезаконодательной деятельности в трибутных комициях, вырождение компетенции куриатных комиций в чисто формальную обрядность и т. п., для нас сейчас значения не имеют. Для сопоставления с сенатом мы даже должны иметь в виду компетенцию (и функции) всех видов народного собрания.

<sup>124</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht., III, 1, S. 155; III, 2, S. 1036.

в области законодательной деятельности, так и выборов<sup>125</sup>. Причем утверждению подлежали решения и куриатных, и центуриатных<sup>126</sup> (а может быть, также трибутных) комиций.

Если мы не знаем точно, каковы были конкретные условия этих проявлений *auctoritas patrum*<sup>127</sup>, а также, можно ли возводить данный обычай к царскому времени, как то неоднократно делает Ливий<sup>128</sup>, то во всяком случае наличие этого обычая в раннереспубликанскую эпоху в качестве определенного элемента догмы римского публичного права не вызывает никаких сомнений. И тот факт, что в дальнейшем ходе политической борьбы эта санкция сената была сведена к пустой формальности<sup>129</sup>, по сути дела, ничего не меняет. В смысле уяснения интересующих нас особенностей римского публичного правосознания принципиальное значение имеет лишь то обстоятельство, что, когда формировалась выборная, а также законодательная компетенция комиций, одновременно с этим та и другая ограничивались, «уравновешивались» определенной санкцией сената, т. е. *auctoritas patrum*.

Однако существовала некая область компетенции народных собраний, которая не подвергалась подобным ограничениям. Это — судебная компетенция (*iudicium populi*), точнее говоря, право разбора комициями *provocatio ad populum*.

Может быть, именно здесь и сохранилось какое-то, хоть слабое, отражение идеи народного суверенитета? Моммзен, конечно, не упускает возможности дать на это утвердительный ответ<sup>130</sup>. Однако и в данном случае с ним нельзя согласиться. Рассмотрим несколько ближе происхождение и характер этого обычая.

Традиция, как известно, возводит *provocatio ad populum* к эпохе царей<sup>131</sup>. В республиканские времена право провокации было подтверждено тремя последовательно проведенными *leges Valeriae*<sup>132</sup>. Первый из них, по свидетельству Ливия, был принят в 509 г. до н. э.<sup>133</sup>, второй — в 449 г.<sup>134</sup> и третий —

<sup>125</sup> Liv., 6, 42, 10; Cic., de rep., 2, 32, 56; de dom., 14, 38.

<sup>126</sup> Liv., 6, 41, 10.

<sup>127</sup> Вопрос спорен, см. Th. Mommsen. Römische Staatsrecht, III, 1, S. 155, Anm. 3. Ср. также мнение, что это была прерогатива не всего сената, но лишь его патрицианской части (например, P. Willems. Le sénat de la République romaine, II, Louvain, 1885, p. 33).

<sup>128</sup> Liv., 1, 17; 22; 32; 41; 47; ср. Dion., 2, 14.

<sup>129</sup> Liv., 8, 12, 15; Sall., Hist., 3, 48, 15; Cic., Brut., 14, 55; ср. Th. Mommsen. Römische Staatsrecht, III, 2, S. 1042.

<sup>130</sup> Th. Mommsen. Römische Staatsrecht, III, 1, S. 351. Он говорит о *iudicium populi*, что оно «считалось у римлян истинным выражением суверенной власти народа (*der Bürgerschaft*) и с полным основанием».

<sup>131</sup> Cic., de rep., 2, 31, 54; Liv., 1, 26, 8.

<sup>132</sup> Liv., 10, 9, 3—6.

<sup>133</sup> Liv., 2, 8, 2.

<sup>134</sup> Liv., 3, 55, 4—7.

в 300 г.<sup>135</sup> Некоторые гиперкритически настроенные исследователи признают достоверность лишь третьего закона<sup>136</sup>, однако, на наш взгляд, такой скептицизм мало чем оправдан, тем более что нельзя сомневаться в том, что провокация была известна уже законодательству XII таблиц<sup>137</sup>.

Очень трудно и даже невозможно определить более или менее точно время возникновения этого института, но он, бесспорно, должен быть отнесен к древним установлениям, восходящим в конечном счете к исконным правам народного собрания. Эти исконные права древнейших комиций сводились примерно к следующему: 1) утверждение вождя (*rex*) общины, 2) объявление войны и заключение мира и 3) принятие в общину или исключение из нее<sup>138</sup>.

В ходе дальнейшего развития и усложнения общественных отношений первые две функции постепенно превратились в «конституционные» права комиций (избирательные и законодательные), т. е. вошли в сферу их государственноправовой компетенции. Третья же функция развилась в категорию гражданского права, в некий частноправовой акт, но того типа, который требовал санкции комиций. В исторические времена к таким актам относился, например, близкий по своему содержанию к приему в общину акт усыновления лица *sui iuris*, т. е. *argogatio*, также требовавший санкции комиций и происходивший в собраниях по *curiam*<sup>139</sup>.

Смертный же приговор, который и был поводом для *provocatio ad populum*, есть по самому своему существу нечто диаметрально противоположное приему в общину, это, если угодно,—наиболее радикальная форма исключения из нее. Но по аналогии с *argogatio* и другими формами приема в общину, исключение из нее тоже продолжало оставаться частноправовым (во всяком случае «внеконституционным») актом, хотя и особого порядка, т. е. требующим санкции комиций. Вот почему и возникло *ius provocationis*.

Но, очевидно, ко всему этому примешивались еще сакральные моменты<sup>140</sup>. Так, из Ливия мы знаем, что казнь за *reduellio* была не просто казнью, но сложным и «ужасным» обрядом, имевшим сакральные черты<sup>141</sup>. Голова осужденного

<sup>135</sup> Liv., 10, 9, 3.

<sup>136</sup> См., например, G. de Sanctis. Storia dei Romani, I—II. Torino, 1907, т. I, p. 411; т. II, p. 231; E. Pais. Storia di Roma, I, 1, Torino, 1899, p. 489; Ср. статью Эд. Мейера в «Rheinisches Museum». N. F., 37, 1882, S. 626 ff.

<sup>137</sup> XII Tab., IX, 1—2. Ср. Cic., de leg., 3, 4, 11; 19, 44; de rep., 2, 31, 54.

<sup>138</sup> Ср. U. v. Wilamowitz-Moellendorff, J. Kromayer und A. Heisenberg. Staat und Gesellschaft..., S. 230.

<sup>139</sup> Th. Mommsen. Römische Geschichte, I, S. 73; он же. Abriss des römischen Staatsrechts, S. 8—9.

<sup>140</sup> Th. Mommsen. Römisches Strafrecht, S. 900—904.

<sup>141</sup> Liv., 1, 26, 6.

покрывалась, что символизировало посвящение его подземным богам, его вешали на «несчастном дереве», т. е. на таком дереве, которое находилось под охраной опять-таки подземных богов<sup>142</sup>; его бичевали внутри и вне померия. С другой стороны, такой мирный и невинный обряд, как упоминавшаяся уже выше *argratio*, тоже был связан с участием в нем понтификов<sup>143</sup>. Поэтому можно предположить, что и в возникновении обычая *provocatio ad rostrum* в случае угрозы смертной казни какую-то роль играли сакральные моменты.

Все это вместе взятое объясняет, на наш взгляд, с достаточной ясностью, почему именно *ius provocationis* было единственной функцией комиций, никак не ограничиваемой сенатом. С не меньшей ясностью изложенное доказывает, что ни обычай *provocatio ad rostrum*, ни содержание этого понятия нельзя связывать с идеей народного суверенитета.

Итак, эта идея была чужда римлянам. Ни в понятии «*maiestas populi*», ни в «*crimen minutae maiestatis*», ни в государствоведческих теориях, имевших хождение в Риме, ни в компетенции римских комиций мы не обнаружили сколько-нибудь ощутимых ее следов. Но исследование привело нас и к другому выводу. Если говорить о попытке римских мыслителей или политических деятелей как-то осмыслить и охарактеризовать государственный строй Римской республики, то на этот вопрос следует искать ответа или в теории смешанного устройства Полибия—Цицерона, или в «диархической» схеме римского государственного устройства Саллюстия. В известном смысле мы отдаем предпочтение концепции Саллюстия. В противовес занесенной извне теории смешанного государственного устройства, насквозь искусственной и не находящей себе опоры в римской действительности, схема Саллюстия, стоящая особняком и несколько примитивная, все же ближе к реальным соотношениям политических величин и сил в Римском государстве и порождена чисто римскими условиями общественно-политического развития.

---

<sup>142</sup> Plin., 16, 26, 108.

<sup>143</sup> Gell., 5, 19, 5—9; Gaius, 1, 99; Cic., de domo, 13, 34; 14, 36; 38. См. G. Wissowa. Religion und Kultus der Römer<sup>2</sup>. München, 1912, S. 145 ff.; 187 ff.; 334 ff.

## Глава III

### Кризис комициального устройства в Риме

---

Одним из наиболее характерных симптомов кризиса политических форм республики следует считать разложение комициального устройства, падение политической роли комиций, а в дальнейшем и фактическое прекращение их деятельности. Однако вопрос о разложении комиций, насколько нам известно, до сих пор подробно не рассматривался в советской историографии. Высказывавшиеся нашими историками — главным образом в трудах общего характера — соображения о роли комиций в эпоху кризиса и падения республики, по большей части, чрезвычайно лапидарны. Они, в основном, сводятся к тому, что Октавиан Август без особого труда лишил комиции всякого политического значения, превратил их в «пустую формальность»<sup>1</sup> или настолько «приручил» их, что комиции оказались не в состоянии помешать тому же Августу «проводить свою реакционную политику»<sup>2</sup>.

Подобный взгляд на Августа, как на «душителя» комиций, разделяется также Н. А. Машкиным. В своем капитальном труде он говорит, что «комиции становятся послушным орудием принцепса», что они «потеряли свое политическое значение»<sup>3</sup>. А так как ущемление прав комиций рассматривается автором как одно из составных звеньев общей политики Августа по отношению к плебсу, а эта общая политика, в свою очередь, определяется как «политика цезаризма»<sup>4</sup>, то, следовательно, утеснение комиций, лишение их политической роли возводятся автором еще к Цезарю<sup>5</sup>.

<sup>1</sup> История древнего мира. Под ред. В. Н. Дьякова и С. И. Ковалев а. М., 1956, стр. 587; ср. также стр. 597.

<sup>2</sup> С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948, стр. 505.

<sup>3</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 403—404. Подобные же утверждения, но в еще более категорической форме, высказаны автором в его общем труде. См. Н. А. Машкин. История древнего Рима. Изд. 3-е. М., 1956, стр. 349.

<sup>4</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 458.

<sup>5</sup> Там же, стр. 101.



Однако эта столь распространенная точка зрения едва ли может быть подтверждена источниками. Отнюдь не считая Августа или Цезаря сторонниками укрепления политического значения комиций, что было бы, конечно, абсурдом и нелепостью, мы хотим лишь сказать, что сомневаемся в той исключительной роли, которая приписывается Цезарю и Августу в связи с упадком комиций, считая, что ни тот, ни другой не могли бы столь быстро и безболезненно «удушить» комиции, если бы к этому времени комициальное устройство не находилось в стадии далеко зашедшего разложения, фактически уже изжив себя.

На самом деле мероприятия Цезаря, а затем и Августа, касавшиеся комиций, были чрезвычайно умеренными, осторожными и менее всего походили на «лобовую атаку».

Если иметь в виду не мало доступные нам замыслы Цезаря или Августа, но их истинные, реальные действия, то только что высказанная точка зрения находит подтверждение в источниках. Так, нам известно, что Цезарь, проведя реформу календаря, все же сохранил *dies comitiales*<sup>6</sup>, а в 54 г. на *Comptus Martius* он заложил для трибутных комиций *saepa martioea*, которые были закончены уже Августом<sup>7</sup>. Конечно, нам также не менее хорошо известно, что наряду с этими перечисленными мероприятиями в отношении комиций Цезарем предпринимались и совершенно иные действия, как, например, присвоение себе права рекомендовать комициям кандидатов при выборах<sup>8</sup>. Эти действия Цезаря, как и *ius commendationis* Августа, служат, очевидно, ряду исследователей основанием, которое позволяет им говорить о «превращении комиций в послушное орудие принцепса». Отнюдь не отрицая того факта, что *ius commendationis* диктатора серьезно умаляло и ограничивало политическую роль комиций, мы хотели бы лишь указать на то, что ни Цезарь, ни тем более Август (ни даже Сулла<sup>9</sup>) не были пионерами в этой области. Известно, что еще в более раннюю эпоху видные оптиматы или, наоборот, популяры рекомендовали своих кандидатов трибам<sup>10</sup>. Таким образом, отнюдь не Цезарем впервые был совершен подобный акт насилия над комициями — он должен быть возведен к более раннему времени.

Октавиан Август не только завершил постройку *saepa martioea*, но и соорудил в 8 г. до н. э. *diribitorium*<sup>11</sup>, специальное здание для подсчета голосов. Он же, как известно, раз-

---

<sup>6</sup> Macr., Sat., 1, 14, 12.

<sup>7</sup> Dio Cass., 53, 23; 55, 8; Cic., ad Att., 4, 16.

<sup>8</sup> Suet., Jul., 41; Dio Cass., 43, 51; Eutrop., 4, 25.

<sup>9</sup> Sall., Hist., 1, 41; 21 D.

<sup>10</sup> См. Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 403.

<sup>11</sup> Dio Cass., 55, 8; Suet., Claud., 18.

решил жителям муниципиев и колоний голосовать в римских комициях, не присутствуя на них. Они голосовали письменно и избирательные бюллетени отсылались в запечатанном пакете в Рим<sup>12</sup>. Таким образом, эта часть италийского населения могла теперь реализовать свое право голоса, которое до этого нововведения зачастую было лишь формальным. Возможно, что Август ввел еще одно усовершенствование в практику комиций, а именно отменил ставшее уже явным пережитком голосование по цензовым классам в *comitia centuriata*<sup>13</sup>. Что касается утери комициями при Августе их судебной компетенции<sup>14</sup>, то это было лишь завершением и, быть может, всего навсего юридическим оформлением длительного процесса, так как еще во времена республики с введением *quaestiones perpetuae* судебные функции комиций постепенно перешли именно этим судам.

Таким образом, краткий обзор мероприятий, проведенных Цезарем и Августом в отношении комиций, отнюдь не свидетельствует о том, что в это время произошел какой-то резкий, принципиальный перелом в положении и политической роли народных собраний в Риме. Наоборот, все сказанное выше позволяет, на наш взгляд, сформулировать два основных положения:

а) процесс разложения и упадка комиций — постепенный и длительный процесс, который начался задолго до Цезаря и Августа, во всяком случае еще в эпоху республики;

б) причины этого явления коренятся отнюдь не в сознательной деятельности отдельных личностей — Августа, Цезаря или их предшественников, но восходят к более глубоким закономерностям в развитии римского общества.

Попытаемся прежде всего выяснить вопрос о причинах разложения и упадка комиций. Выше нами уже была отмечена принципиально важная роль народного собрания как основного элемента полисной демократии. При этом было отмечено, что народное собрание следует рассматривать как отражение (несомненно, опосредствованное) в сфере общественной жизни той своеобразной категории, которая и была материальной базой полиса — античной формы собственности<sup>15</sup>. Говоря о римских комициях, мы, очевидно, для правильной оценки их значения и их исторической судьбы также должны исходить из этого общего представления.

Если республиканский Рим до определенной степени своего развития представлял собою типичный полис, то, следовательно, он был такой гражданской общиной (коллективом),

<sup>12</sup> Suet., Aug., 46.

<sup>13</sup> См., например, Dion., 4, 21.

<sup>14</sup> Dio Cass., 56, 40.

<sup>15</sup> См., выше, стр. 11.

принадлежность к которой гарантировала ее членам право собственности. В уже цитированном<sup>16</sup> высказывании Маркса о римской квинритской собственности акцентируется именно этот момент: собственником земли может быть только римлянин (т. е. член гражданской общины), но, как римлянин, он обязательно — частный земельный собственник. И, действительно, категория квинритской собственности в республиканском Риме — *dominium ex iure Quiritium* — в силу своей специфики может считаться наиболее близким, а вместе с тем наиболее полным и ярким выражением материальной основы Рима-полиса.

*Ius Quiritium* занимает особое место в системе римского права. Его — даже с точки зрения формально-юридической — было бы незаконмерно включать, как это обычно делается, в систему *ius privatum*. Бесспорно, что при своем зарождении *ius Quiritium* носило публичноправовой характер. Поэтому имеют резон те юристы, которые считают, что распределение земель в римской общине между отдельными родами и семьями покоилось в принципе на волеизъявлении всего коллектива собственников, всей общины в целом и, следовательно, должно рассматриваться как выражение публичного права. «*Fundus meus est ex iure Quiritium*» означало: «участок — мой в силу моего права гражданства, в силу публичного порядка распределения земли между членами общины»<sup>17</sup>.

Бесспорно и то, что по мере развития и усложнения социально-экономических отношений в древнеримской общине, понятие «*dominium ex iure Quiritium*» претерпело существенные изменения. Не касаясь сейчас сложных и все еще недостаточно ясных вопросов, связанных с древнейшим делением имущества на *familia* и *rescipia*, а также вопроса о соотношении этих терминов с *res mancipi* и *res mancipi* в гражданском праве<sup>18</sup>, мы можем, с большей или меньшей степенью достоверности, утверждать, что понятие «*dominium ex iure Quiritium*» применяется и к земельной собственности, и к движимостям (они теперь защищаются не только на деликтном основании, но на них переносится виндикационный принцип), и *ius Quiritium* начинает употребляться для обозначения права собственности вообще<sup>19</sup>. Но и теперь, превратившись в абсолютное право собственности, понятие «*dominium ex iure Quiritium*» не утрачивает своего публичноправового значения, поскольку его субъектом по-прежнему остается римский гражданин<sup>20</sup>.

<sup>16</sup> См. выше, стр. 14.

<sup>17</sup> И. А. Покровский. История римского права, СПб., 1913, стр. 329. Однако Покровский включает *dominium ex iure Quiritium* в систему гражданского права.

<sup>18</sup> См. В. М. Хвостов. История римского права, М., 1919, стр. 107—108, а также прим. 1 на стр. 108.

<sup>19</sup> И. А. Покровский. История римского права, стр. 330.

<sup>20</sup> Там же, стр. 332, ср. стр. 330.

В этом смысле мы можем сказать, что *dominium ex iure Quiritium* приобретает значение основополагающей категории права, включающей в себя в принципе все остальные права собственника — члена гражданской общины. Данный тезис может быть подтвержден более наглядно, если мы обратим внимание на соответствие между *ius Quiritium* и понятием «*caput*», т. е. тем понятием, которым римляне и определяли полную правоспособность гражданина как такового.

*Caput* римского гражданина, как известно, складывался из трех элементов (или *status*): *status libertatis*, *status civitatis* и *status familiae*. Любая перемена статуса приводила к так называемой *capitis deminutio*<sup>21</sup>. Для нас сейчас наиболее интересны первые два статуса, поскольку оба они относятся, в первую очередь, к сфере *ius publicum*. Кстати сказать, в римском правосознании понятия «*libertas*» и «*civitas*» были очень близки друг к другу, так как *libertas* всегда рассматривалась не как врожденное, естественное право человека, но как право гражданское, право благоприобретенное<sup>22</sup>.

*Status libertatis* предопределял деление на свободных и рабов. Конечно, личная свобода была первой и само собой разумеющейся предпосылкой римского гражданства. Собственно, для римлянина его свобода (*libertas*) и его гражданство (*civitas*) были понятиями почти идентичными, во всяком случае оба термина воспринимались как характеристика или определение именно гражданского состояния. *Libertas* — это гражданское состояние свободнорожденного римлянина как такового, *civitas* — его гражданское состояние в отношении ко всему коллективу свободнорожденных римлян<sup>23</sup>.

*Status civitatis* предопределял деление на полноправных и неполноправных, т. е. на римских граждан, с одной стороны, и на либертинов, *cives sine suffragio*, латинян и перергинов, с другой. В состав полной *civitas* входили такие *iura*, которые обеспечивали римскому гражданину его политическую правоспособность, например *ius suffragii* и *ius honorum* (т. е. активное и пассивное избирательное право), а также права, обеспечивающие его имущественную и семейную гражданскую правоспособность — *ius commercii*, *ius conubii*<sup>24</sup>.

Таким образом, нетрудно убедиться в том, что *status libertatis* и *status civitatis* предусматривали гарантии по охране гражданства, сохранению его замкнутости и гарантии участия в коллективном волеизъявлении собственников, т. е. участия в комициях. Дополнительно к этому *ius commercii* давало гаран-

<sup>21</sup> Dig., 4, 5, 11: *Capitis deminutionis tria genera sunt, maxima, media, minima: tria enim sunt quae habemus, libertatem, civitatem, familiam.*

<sup>22</sup> Ch. Wirszubski. *Libertas as a Political Idea at Rome...*, p. 3.

<sup>23</sup> Ibid., p. 3—4.

<sup>24</sup> См. В. М. Хвостов. История римского права, стр. 85.

тию имущественной правоспособности. В целом можно сказать, что *status libertatis* и *civitatis* гарантировали римскому гражданину права управления (распоряжения) собственностью. Что касается прав защиты собственности, то в римских условиях они также осуществлялись через комиции, во всяком случае до тех пор, пока существовало гражданское ополчение и сохранялись элементы сервианской организации<sup>25</sup>.

Но все эти права распоряжения и защиты собственности являются в значительной степени производными, функциональными, требующими в качестве необходимой предпосылки наличие самой собственности и юридического титула, гарантирующего право обладания этой собственностью. Такой юридической нормой и было *ius Quiritium*, которое следует признать лежащим в основе всех остальных прав римского гражданина и даже в какой-то мере определяющим данные права. В этом смысле мы можем сказать, что если *caput* с его статусами определял и регламентировал права римского гражданина, предполагая его наличие, его гражданское бытие, как нечто уже данное, то *ius Quiritium*, отражая материальную основу совокупности всех прав, создавало римского гражданина как такового.

Изложенное выше дает нам возможность вернуться к нашему основному вопросу и перейти к некоторым выводам относительно внутренних причин разложения римского полисного устройства и его важнейшего составного элемента — комиций.

Выше было дано принципиальное определение народного собрания как выразителя воли коллектива земельных собственников и рабовладельцев. Исходя из этого определения, мы, очевидно, должны сделать вывод, что основной внутренней причиной разложения комиций в Риме был факт разложения самой римской общины, самого коллектива собственников. Но нам также известно, что материальной базой этого коллектива была особая форма собственности, которую мы определяли как коллективную (совместную) частную собственность и которая в римских условиях выступает перед нами в виде *dominium ex iure Quiritium*. Очевидно, что если теперь пойдет речь о внутренних причинах разложения комиций, то мы должны прежде всего выяснить вопрос о том, имели ли место какие-то изменения, затрагивающие именно эту материальную основу коллектива римских собственников.

Такие изменения имели место в действительности и они должны рассматриваться как проявление основного противоречия и как наиболее глубокая внутренняя причина кризиса римской полисной организации. Существование этих изменений состояло в том, что по мере развития римского общества, по мере усложнения социально-экономических отношений и обострения

---

<sup>25</sup> Th. Mommsen. *Römisches Staatsrecht*, III, 1, S. 295.

классовой борьбы, модифицируется самая материальная основа общества, возникают и утверждаются новые виды собственности.

Если некогда Рим представлял собою такое общество, где полноправным собственником мог быть только полноправный член узкого и замкнутого гражданского коллектива, то и собственность в то время могла существовать лишь в форме коллективной (совместной) частной собственности. Кстати сказать, эта же форма собственности обуславливала развитие институтов полисной демократии. Когда же в Риме,— само собой разумеется, что речь идет о довольно длительном процессе, к тому же отнюдь не мирного характера,— условием права собственности перестает быть условие принадлежности к этой старой замкнутой гражданской общине или, точнее говоря, это условие становится сугубо формальным, то изменяется и самая форма собственности, а следовательно, неизбежно приходят в несоответствие с экономической базой политические формы (т. е. органы полисной демократии и, прежде всего, комиции).

Этот процесс во всех его внутренних проявлениях и опосредствованиях едва ли может быть здесь прослежен. Бесспорно лишь то, что он выражался в напряженной социальной и политической борьбе и что начало его следует искать, не говоря о точных датах и событиях, в те времена, когда начинается в широких масштабах пауперизация носителей полисной демократии — римского крестьянства, что и следует признать основным социальным содержанием самого процесса. Что касается конечной датировки, то и здесь, бесспорно, нельзя ограничиться указанием на какой-либо единичный исторический факт или событие, однако, на наш взгляд, достаточно ярким выражением того, насколько далеко зашел интересующий нас процесс и каковы были его ощутимые результаты, является Союзническая война.

Значение Союзнической войны — этой кульминационной точки развития крестьянской, «антиримской» революции — состоит прежде всего в том, что она нанесла сокрушительный удар полисной организации Рима. Рим как полис, строго говоря, перестает существовать после Союзнической войны. Распространение прав римского гражданства по *lex Julia* и *lex Plautia Papiria* на всех италиков<sup>26</sup> взорвало изнутри узкий и замкнутый коллектив полноправных собственников — римлян. Условие принадлежности к римской гражданской общине как условие права собственности становится пустой формальностью. Римские комиции, до сих пор олицетворявшие *populus Romanus*, превращаются в юридическую фикцию. Таким образом,

---

<sup>26</sup> *Cic.*, *pro Balbo*, 8, 21; *pro Arch.*, 4, 7; *App.*, *b. c.*, 1, 49; 53; *Vell.*, 2, 16, 17; *Gell.*, 4, 4, 3.

Союзническая война нарушила, разбила те основные гарантии, которые поддерживали и охраняли полисную организацию Рима как таковую<sup>27</sup>.

Но Союзническая война была лишь формой, в которую вылилось социальное движение. Объективной задачей этого движения была борьба за распространение прав и привилегий узкого, замкнутого коллектива собственников на широкую массу италийского населения. Однако распространение этих прав и привилегий на более широкие слои населения было невозможно по самому их существу и характеру. Подобное распространение приводило лишь к самоизживанию этих привилегий, к превращению их в юридические фикции. Все это, в конечном счете, не могло не отразиться на материальной основе рассматриваемых прав и привилегий.

Юристы не считают возможным точно установить время, когда на смену *ius civile* приходит *ius gentium*<sup>28</sup>. Но для нас сейчас это и не важно, так как нет сомнений в том, что в эпоху, следующую за Пуническими войнами, *ius gentium* разрабатывалось уже достаточно интенсивно<sup>29</sup>.

Во всяком случае старое квинритское право перестало удовлетворять запросам жизни. Квинритская собственность тоже теряет свое исключительное положение, какое она имела в эпоху *ius civile*, и наряду с нею возникают другие виды собственности, как, например, собственность перегринов, собственность провинциальная и собственность преторская или бонитарная. Причем, по сравнению с некоторыми из этих новых видов собственности, собственность квинритская занимает второстепенное положение и вынуждена в определенных случаях, как, например, перед бонитарной собственностью, отступать на задний план, теряя свое реальное значение (*nudum ius Quiritium*)<sup>30</sup>. Все это, несомненно, достаточно ярко отражало в сфере юридических норм те существенные изменения, которые коснулись самой материальной основы римского общества. Суть же этих изменений состояла в том, что коллективная частная собственность имела тенденцию эволюционировать в сторону абсолютной, неограниченной собственности, хотя еще в то время, и особенно в римских условиях, эта тенденция не только не могла получить беспрепятственного развития, но даже встречала упорное противодействие.

Таковы, на наш взгляд, основные внутренние причины, приведшие к кризису римской полисной организации и ее важнейшего составного элемента — комиций.

---

<sup>27</sup> См., например, A. N. Sherwin—White. The Roman Citizenship. Oxford, 1939, p. 129—130.

<sup>28</sup> В. М. Хвостов. История римского права, стр. 211.

<sup>29</sup> Там же. См. также Cic., de off., 3, 17, 69.

<sup>30</sup> В. М. Хвостов. История римского права, стр. 280.

Попытаемся теперь дать ответ на другой вопрос, поставленный в начале этой главы, и обрисовать общую картину постепенного упадка комициального устройства.

Как указано выше, разложение комиций следует рассматривать как длительный процесс. Куриатные комиции потеряли всякое политическое значение еще в эпоху между первой и второй Пуническими войнами. Выборы магистратов в них более не производятся. *Lex curiata de imperio* превращается в простую формальность. Главной функцией куриатных комиций становится совершение актов гражданского права: *agrogatio* и *testamentum* и выполнение обряда *transitio ad plebem*. Этот вид комиций настолько теряет свое реальное значение, что гражданам просто перестают собираться по куриям и 30 курией заменяются 30 ликторами<sup>31</sup>.

Поэтому наиболее важное значение приобретают такие виды народного собрания, как центуриатные и трибутные комиции. С эпохи Гракхов роль народных собраний в политической жизни Рима вообще чрезвычайно возрастает. Это был период (как известно, сравнительно короткий) подъема демократического движения в Риме и Италии. Народное собрание становится центром и средоточием борьбы против сенатской олигархии. Еще Тиберий Гракх, решившись на свой знаменитый революционный акт и проведя через комиции лишение своего коллеги трибунских полномочий, фактически поставил авторитет народного собрания выше конституционных традиций<sup>32</sup>. В дальнейшем народным собранием не раз принимались решения вопреки воле сената и даже несмотря на его открыто проявляемое противодействие<sup>33</sup>.

Народные собрания в то время проходили активно и многолюдно. Иногда они были настолько многолюдны, что форум не вмещал всех участников собрания, как, например, в день выборов младшего Гракха народным трибуном<sup>34</sup>. Активные, политические страсти, кипевшие на форуме, нередко перерастали в вооруженную борьбу. Так случалось и во времена Гракхов и несколько позже, например, при проведении через комиции законов Сатурнина<sup>35</sup>. Это были первые вспышки гражданской войны на улицах Рима.

В скором времени после окончания Союзнической войны картина довольно резко меняется. Во-первых, развивается абсентеизм, который, очевидно, нужно рассматривать как прямое следствие распространения гражданских прав на италиков, ибо теперь вопрос о народном представительстве в комициях

<sup>31</sup> Cic., de leg. agr., 2, 12, 31.

<sup>32</sup> App., b. c., 1, 12; Plut., Tib. Gr., 11—12.

<sup>33</sup> См., например, Plut., Tib. Gr., 14; G. Gr., 5—6; App., b. c., 1, 21—22.

<sup>34</sup> Plut., G. Gr., 3.

<sup>35</sup> App., b. c., 1, 30—33.



неизбежно превращался в юридическую фикцию. Что это было так на самом деле, свидетельствуют неоднократные высказывания Цицерона. Так, говоря о своем возвращении из изгнания, Цицерон указывает на то, что для обеспечения достаточного в количественном отношении представительства в центуриатных комициях, потребовался специальный сенатусконсульт, приглашающий граждан из всех муниципиев и колоний<sup>36</sup>. Не лучше в этом смысле обстояло дело и в трибутных комициях. Доходило до того, что при голосовании законов в каждой из 35 триб присутствовало не более 5 голосующих, да и к тому же подававших голоса не по своим трибам<sup>37</sup>. Недаром тот же Цицерон не без иронии замечает, что гладиаторские игры посещаются куда лучше, чем комиции, и потому зрители игр могут считаться более полномочным представительством римского народа<sup>38</sup>.

Затем развивается в широких масштабах коррупция. Это было прямым следствием изменения социального состава комиций. Учитывая растущий абсентеизм сельских избирателей и фактическую невозможность посещения комиций в Риме избирателями, живущими в отдаленных от Рима местностях Италии, приходится в этой связи констатировать преобладание городских элементов среди наиболее активной части избирателей. Этот факт отмечен самими древними, которые, как правило, не упускают случая дать самую нелестную характеристику «городской черни»<sup>39</sup>. Некоторые новейшие исследователи считают, что роль городского плебса в комициях слишком преувеличивается<sup>40</sup>, однако скорее всего в этом случае невольно ставится знак равенства между понятиями «городской плебс» и «люмпен-пролетариат», что, как мы постараемся показать ниже, неправомерно.

Что касается подкупа, развивавшегося в крайне беззастенчивых формах, то об этом единодушно свидетельствует ряд авторов. Первые законы против злоупотреблений при выборах, если верить Ливию, относятся к эпохе ранней республики<sup>41</sup>; но закон, направленный уже прямо против подкупов, был принят впервые в 181 г.<sup>42</sup> Несколько позже, после принятия *lex Cornelia Fulvia* (166 г.)<sup>43</sup>, учреждается постоянный суд для разбора дел по обвинению в *ambitus*. В последующие годы про-

<sup>36</sup> Cic., in Pis., 15; p. red. in sen., 10.

<sup>37</sup> Cic., pro Sest., 51, 109.

<sup>38</sup> Ibid., 59, 125.

<sup>39</sup> См., например, Sall., Cat., 37; Cic., ad Att., 1, 16, 11.

<sup>40</sup> L. R. Taylor. The Voting Districts of the Roman Republic. «American Academy in Rome», 1960.

<sup>41</sup> Liv., 4, 25; 7, 15.

<sup>42</sup> Liv., 40, 19.

<sup>43</sup> Liv., ep. 47.

водится целый ряд законов *de ambitu*, но само количество их свидетельствует о том, что они, видимо, были мало эффективны.

Цицерон как в своих речах, так и в письмах неоднократно упоминает о подкупах избирателей, а также о законах, направленных против коррупции<sup>44</sup>. Более того, нам хорошо известно, что Цицерон в бытность свою консулом провел закон *de ambitu*<sup>45</sup>, получивший его имя и представлявший собой развитие и уточнение закона Кальпурния от 67 г. Тем не менее, как уже говорилось, это не помешало тому же Цицерону защищать Мурену, обвиненного с довольно серьезными основаниями как раз в таком преступлении.

Аппиан, рисуя положение в Риме в середине 50-х годов, говорит о том, что в это время царили бесстыдный подкуп и взятки — народ приходил на выборы подкупленным — и прямо называет сумму, до которой доходила плата за высшие магистратуры<sup>46</sup>. Кстати сказать, совершенно конкретные суммы называл в аналогичных случаях и Цицерон<sup>47</sup>. Плутарх признает подкуп избирателей настолько установившимся и общераспространенным обычаем, что, по его мнению, сами римские граждане рассматривали получаемые ими — и, видимо, довольно регулярно — суммы как причитающееся им «жалованье» (*μισθός*)<sup>48</sup>. В дальнейшем дело дошло до того, что Август в дни выборов раздавал в двух своих трибах (к которым он принадлежал как представитель рода Юлиев и рода Октавиев) всем избирателям из своих личных средств по тысяче сестерциев, чтобы они уже ничего не требовали от кандидатов<sup>49</sup>.

Говоря о наиболее ярких показателях разложения комиций, помимо абсентеизма и коррупции, следует остановиться также на различного рода насилиях и злоупотреблениях.

Мы отмечали выше, что еще во времена Гракхов и их ближайших последователей политическая борьба в комициях не раз перерастала в борьбу вооруженную. Но справедливость требует отметить, что инициатором применения насилия был римский нобилитет. Кроме того, вспышки гражданской войны на улицах Рима в ту эпоху были результатом борьбы вокруг крупных социально-политических проблем, например, вокруг аграрного вопроса или вопроса о политических правах; теперь же, в середине I в. до н. э., очень часто применение насилия

---

<sup>44</sup> Cic., ad Att., I, 16, 12—13; ср. de dom., 33, 89.

<sup>45</sup> Cic., pro Mur., 23.

<sup>46</sup> App., b. c., 2, 19.

<sup>47</sup> Cic., ad O. fr., 2, 14, 4.

<sup>48</sup> Plut., Cato min., 49. См. обо всем этом более подробно: Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 146—157.

<sup>49</sup> Suet., Aug., 40, 2.

в комициях оказывалось следствием борьбы за власть отдельных личностей, а иногда еще более мелких и беспринципных интриг.

Клодий и Милон изгоняли своих противников из комиций или даже просто разгоняли комиции, созданные противной стороной, при помощи специально организованных ими вооруженных отрядов<sup>50</sup>. Эти отряды Цицерон называет наемными (*mercenarii*)<sup>51</sup>. В составе отрядов были ремесленники, вольноотпущенники, низы городского плебса и даже рабы и гладиаторы<sup>52</sup>. Отряды эти были, видимо, довольно значительны. В 57 г., когда с необычайной страстностью обсуждался вопрос о возвращении из изгнания Цицерона, между отрядами Клодия и Милона происходили форменные сражения на улицах Рима.

Нет нужды, да и возможности перечислять все случаи насилия по отношению к комициям. Упомянем лишь о том, что помимо открытого насилия применялись различные хитрости и злоупотребления. Так иногда собрания незаконно отменяли, удаляя *vexillum iussum*<sup>53</sup>, а Цицерон<sup>54</sup>, Плутарх<sup>55</sup> и Аппиан<sup>56</sup> рассказывают о том, как пренебрегали, когда это было выгодно, ауспигиями или беззастенчиво подгоняли их под желаемое решение. Тот же Клодий еще в начале 50-х годов открыто продемонстрировал свое беспринципное отношение к религиозным запретам: сначала он отменил закон Элия Фуфия о наблюдениях над небесными знаменами в день комиций, а когда встал вопрос о возвращении Цицерона, то Клодий и его сторонники, пытаясь воспрепятствовать этому всеми доступными им средствами, не стеснялись прибегать к ссылкам на неблагоприятные предзнаменования<sup>57</sup>.

Рассмотрим в заключение процесс постепенного ограничения важнейших функций народного собрания в Риме.

Ранее всего комиции лишаются своих судебных функций<sup>58</sup>. Практически они утратили их еще при Сулле, когда тот укрепил и расширил систему *quaestiones perpetuae*<sup>59</sup>. Если судебная компетенция комиций этими *leges Corneliae* и не была официально уничтожена, то, во всяком случае, она была резко ограничена и потому теряла почти всякое практическое значе-

<sup>50</sup> Cic., p. red. in sen., 7, 18; pro Sest., 37 sqq.; Phil., I, 10, 26; V, 4, 9; Asc on., p. 32, 35; Vell., 2, 47.

<sup>51</sup> Cic., pro Sest., 52, 112.

<sup>52</sup> Ibid., 39, 85; 41, 88.

<sup>53</sup> Dio Cass., 37, 28.

<sup>54</sup> Cic., ad Att., 4, 3, 4; Phil., II, 35, 88; III, 4, 9.

<sup>55</sup> Plut., Pomp., 52; Cato min., 42.

<sup>56</sup> App., b. c., 3, 7.

<sup>57</sup> Cic., pro Sest., 61, 129. Клодий, конечно, не был пионером в этой области; в так, в 59 г. Цезарь не посчитался с интересней своего коллеги Бибула, ссылавшегося на неблагоприятные предзнаменования (Dio Cass., 38, 6).

<sup>58</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1, S. 359.

<sup>59</sup> Cic., de leg., 3, 9, 22; Dig., I, 2, 2, 32.

ние. Открытым поправлением *iudicium populi* была казнь катинариев в консульство Цицерона<sup>60</sup>.

Однако Цезарь еще признавал судебные функции комиций в *lex Iulia* от 46 г.<sup>61</sup>, а Марк Антоний в 44 г. хотел разрешить *rogatio ad populum* против приговоров *de vi* и *de maiestate*, вынесенных в *quaestiones perpetuae*<sup>62</sup>. Но все это было уже только пустыми декларациями. При Августе, как уже упоминалось выше, комиции окончательно лишились своих судебных прав<sup>63</sup>.

Выборные функции комиций, безусловно, сохраняются дольше. Но уже в последние десятилетия республики они отличаются все более и более формальным характером. Нам уже приходилось отмечать, что даже до Суллы наблюдались случаи рекомендации трибам определенных кандидатов, не говоря уже о соответствующих действиях Цезаря и Августа<sup>64</sup>. Однако при Цезаре дело обстояло так: диктатор предлагал центуриатным комициям двух кандидатов при выборах в консулы<sup>65</sup>, а при выборах других должностных лиц как в центуриатных, так и в трибутных комициях половина мест заполнялась по свободному выбору и половина по его рекомендательным письмам<sup>66</sup>. Такой же порядок существовал, очевидно, и в первые годы правления Августа<sup>67</sup>. Но сравнительно недавно нам стало известно благодаря находке так называемой *Tabula Nebrana*<sup>68</sup>, что в 5 г. н. э. *ius commendationis* фактически было заменено *destinatio* (дестинацией) кандидатов в консулы и преторы.

Мы не можем сейчас касаться всех сложных и интересных проблем, возникших в связи с находкой *Tabula Nebrana*, и вызвавших к жизни уже целую литературу<sup>69</sup>, но должны лишь уяснить себе, в какой мере дестинация ограничивала выборные права комиций.

Смысл этой новой процедуры состоял в том, что дестинация, т. е. апробация кандидатур в консулы и преторы, проводилась специально созданной коллегией, состоящей из сенаторов и всадников, и только после этой процедуры происходило голосование в комициях<sup>70</sup>.

<sup>60</sup> Sall., Cat., 55; App., b. c., 2, 6; Plut., Cic., 22.

<sup>61</sup> Dig., 48, 6.

<sup>62</sup> Cic., Phil., I, 9, 21.

<sup>63</sup> Dio Cass., 56, 40.

<sup>64</sup> См. стр. 108.

<sup>65</sup> Dio Cass., 42, 20; 43, 46; Suet., Iul., 41.

<sup>66</sup> Dio Cass., 42, 43; Suet., Iul., 41.

<sup>67</sup> Dio Cass., 53, 21, 55, 34.

<sup>68</sup> См. «American Journal of Philology», 75, 1954, p. 225—249.

<sup>69</sup> Обзор основной литературы по этому вопросу см. в ст.: М. Л. Гапаров. Зарубежная литература о принцепате Августа. ВДИ, 1958, № 2, стр. 227—231.

<sup>70</sup> G. Tibiletti. Principe e magistrati repubblicani. Roma, 1953, p. 51 слл.

Предопределялось ли полностью данным нововведением голосование в народном собрании или последнее могло делать выбор из дестинированных кандидатов и даже отклонять некоторых из них? Этот важный вопрос, к сожалению, остается неясным и текст *Tabula Nebrana* не дает на него ответа, оставляя, таким образом, место для различных предположений и гипотез. На наш взгляд, более приемлемы выводы тех исследователей, которые считают, что полномочия коллегии, проводившей дестинацию, были аналогичны или близки функциям прежней прерогативной центурии<sup>71</sup>. Но если это так, то, следовательно, дестинация еще не сводила на нет выборную компетенцию комиций, оставляя за ними при выборах некоторую свободу действия.

Только таким положением и можно объяснить, с нашей точки зрения, тот факт, что в 14 г. н. э., т. е. в правление Тиберия, выборные права целиком были переданы сенату<sup>72</sup>. Если бы комиции потеряли эти права уже в 5 г. н. э., при введении дестинации, то едва ли бы возникла нужда в акте, о котором нам сообщает Тацит<sup>73</sup>. Но как бы то ни было, после 14 г. н. э. выборные права комиций действительно превращаются в пустую формальность<sup>74</sup>. Все больше и больше дело сводится к внешней обрядовой стороне. В таком формальном виде выборные комиции просуществовали вплоть до III в. н. э.<sup>75</sup>, но это была уже только почтенная традиция, пережиток, внешняя оболочка без какого-либо реального внутреннего содержания.

Дольше всего, как считает Моммзен, сохраняются законодательные функции комиций<sup>76</sup>. Сначала, видимо, отмерла законодательная деятельность комиций центуриатных. Одной из наиболее характерных особенностей этих комиций — причем данная особенность, по всей вероятности, восходит к той эпохе, когда центуриатные комиции еще совпадали со всенародным ополчением, — было принятие *leges de bello indicendo*<sup>77</sup>. Однако это право фактически было утрачено в период гражданских войн. В 48 г. такое право присвоил себе Цезарь<sup>78</sup>, а вслед за ним, основываясь на полномочиях императорской власти, так же поступает и Август<sup>79</sup>.

Другой характерной особенностью законодательной деятельности центуриатных комиций было принятие *leges de potestate*

<sup>71</sup> A. H. M. Jones. The Elections under Augustus. «The Journal of Roman Studies», 45, 1955, p. 17—18.

<sup>72</sup> Tac., Ann., 1, 15: *primum e campo comitia ad patres translata sunt*.

<sup>73</sup> G. Tibiletti. Principe e magistrati repubblicani, p. 177—179.

<sup>74</sup> Dio Cass., 58, 20; Vell., 2, 126.

<sup>75</sup> Suet., Vit., 11; Vesp., 5; Domit., 10; App., b. c., I, 103; Dio Cass., 58, 20; L. R. Taylor. The Voting Districts..., p. 16.

<sup>76</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1, S. 345.

<sup>77</sup> Ibid., S. 341—343.

<sup>78</sup> Dio Cass., 42, 20.

<sup>79</sup> Dio Cass., 52, 41; 53, 17.

ensoria, процедура до некоторой степени аналогичная той, которая происходила в куриатных комициях при принятии *leges de imperio*. Но и та и другая процедуры сравнительно рано превратились в чисто формальный акт. *Lex centuriata de potestate* вообще перестала приниматься, поскольку цензоры больше не избирались<sup>80</sup>.

Что касается законодательной деятельности трибунных комиций, то следует отметить, что в I в. до н. э. она уже неоднократно нарушалась. Так в 82 г. в силу Валериева закона Сулла был назначен на неограниченное время «диктатором для составления законов и упорядочения государственного строя»<sup>81</sup>, что давало ему право издавать законы, которые в обычных условиях должны были бы приниматься комициями. Такие же полномочия получил Октавиан Август, когда ему в 23 г. было передано *imperium proconsulare*<sup>82</sup>. Его эдикты фактически уже имели силу закона<sup>83</sup>. Тацит, например, прямо говорил про Августа, что тот *pupia senatus, magistratum, legum in se trahere*<sup>84</sup>. Но тем не менее законодательные решения трибунных комиций еще встречаются не только в годы правления Августа, но и всех императоров династии Юлиев-Клавдиев. Моммзен считает даже возможным говорить о законодательной деятельности комиций при Веспасиане и Нерве<sup>85</sup>.

Таким образом, мы видим, что ограничение законодательных, выборных и судебных функций комиций действительно протекало как весьма длительный процесс, начавшийся, кстати говоря, еще во времена республики и развивавшийся параллельно с усилением других внешних показателей упадка и разложения комиций: абсентеизмом, коррупцией и т. п.

Все эти факты, вместе взятые, доказывают, что комиции как исторически сложившаяся форма полисной демократии уже изжили себя. Но вместе с тем все вышеприведенные факты — только следствие, только внешние симптомы и показатели действия гораздо более глубоко скрытых причин. И дело, конечно, не в том, что римляне, как считают некоторые юристы, не «додумались» до представительной системы, а в том, что перед нами налицо процесс разложения самой полисной организации, возникший в силу изменения материальной основы римского общества, т. е. изменения характера и формы собственности.

<sup>80</sup> В 22 г. после большого перерыва были проведены выборы цензоров в центуриатных комициях. Это было при Августе и это был последний и единственный случай применения *lex centuriata de potestate censoria*.

<sup>81</sup> App., b. c., 1, 99.

<sup>82</sup> Dio Cass., 52, 32.

<sup>83</sup> Dio Cass., 52, 15; 54, 10.

<sup>84</sup> Tac., Ann., 1, 2.

<sup>85</sup> Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, III, 1, S. 346.

Если окинуть мысленным взором многовековую историю Римской республики, историю социальной и политической борьбы, то в качестве носителя полисной демократии и в качестве революционного элемента гражданского общества перед нами предстает римский плебс. Подобное утверждение, высказанное в общей форме, не вызывает, очевидно, особых сомнений, но зато оно немедленно порождает следующий вопрос: когда и в какой степени? Для ответа же на этот вопрос, который от общих соображений приводит нас к более конкретному исследованию, необходимо учесть ряд обстоятельств.

Прежде всего, мы должны еще раз подчеркнуть, что отказываемся от представления о народном суверенитете как об идее, которая якобы искони была свойственна «римскому гражданскому правосознанию». Но этот вопрос уже рассмотрен выше. Затем (и в бесспорной взаимосвязи) нам следует всегда иметь в виду исторически обусловленную классовую ограниченность крестьянских движений, даже наиболее революционных. И, наконец, в качестве следствия, вытекающего из последнего утверждения, мы должны учитывать, что основой или «подтекстом» всех многообразных проявлений социальной и политической борьбы в римском обществе было стремление заменить один вид собственности другим или, говоря словами Маркса, внутренняя история Рима до Августа «явно сводится к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, разумеется, в той специфически видоизмененной форме, которая обусловлена рабством»<sup>1</sup>. Все эти принципиальные соображения должны служить нам как бы постоянным фоном при дальнейшем исследовании вопроса о роли плебса в римском гражданском обществе.

---

<sup>1</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 28, стр. 368.

Но дело не только в этом. Если мы хотим выяснить роль и значение плебса в историческом аспекте, то необходимо отчетливо представить себе и осознать тот факт, что плебс эпохи так называемой борьбы сословий, плебс времени Гракхов или плебс после Союзнической войны — все это совершенно различные понятия. Следовательно, для того, чтобы выяснить, что представлял собою плебс в эпоху, которая в данное время нас ближе всего интересует, т. е. ко времени Цицерона и Цезаря, нам следует более тщательно проследить эволюцию самого понятия.

Мы не предполагаем (да и не в состоянии) заниматься изучением истории плебса. Это далеко выходит за рамки стоящей перед нами задачи<sup>2</sup>. Более того, в данном очерке мы даже не имеем возможности равноценно исследовать каждый указанный выше этап эволюции самого интересующего нас понятия. Поэтому остановившись лишь обзорно на ранних этапах (и используя уже имеющиеся в науке, но, само собой разумеется, приемлемые для нас выводы), мы уделим основное внимание более позднему периоду (II—I вв. до н. э.).

Впервые слово «plebs», как известно, встречается в одной надписи, найденной на Via Ostiensis и относящейся к III в. до н. э.<sup>3</sup> В слове «plebs» содержится корень ple (лат. plenus или complate; греч. πλήθος). Можно с большой долей вероятности считать, что в противоположность таким словам, как «patricii» или «nobiles», для слова «plebs» первоначальным было не индивидуализирующее, но собирательное значение<sup>4</sup>.

Что касается вопроса о возникновении плебса как социальной категории, то для ранних периодов римской истории плебей, несомненно, могут быть отождествлены с крестьянством. Это ни в коей мере не означает, что в те времена вовсе отсутствовало городское население. Следует лишь иметь в виду специфический характер последнего: как и в средневековых городах Европы, население Рима состояло главным образом из крестьян, живших в городе<sup>5</sup>. Вследствие этого есть основание утверждать, что до развертывания так называемой борьбы сословий в Риме еще не существовало понятий «plebs rustica» и «plebs urbana».

Как уже говорилось, мы не собираемся останавливаться на драматических и полубогатых перипетиях борьбы

<sup>2</sup> Разумеется, мы вынуждены оставить в стороне и ряд специальных (к тому же еще далеко не решенных) проблем, как, например, проблема происхождения плебеев и патрициев или генезис плебейских магистратур и их значение на различных стадиях развития и т. п. (см., например, I. Binder. Die Plebs. Leipzig, 1909).

<sup>3</sup> CIL, 12, 22.

<sup>4</sup> W. Hoffmann. RE, s. v. plebs. A. Das Wort. Form und Bedeutung.

<sup>5</sup> Ibid., B. Soziale und geschichtliche Wandlungen von 400 v. Chr. bis zum Beginn der Kaiserzeit.



сословий. Попытаемся подвести лишь некоторые итоги этой борьбы.

Ведущим противоречием борьбы сословий было противоречие между патрициями и плебеями, т. е. фактически между крупным и мелким землевладением. Одновременно это противоречие проявилось как противоположность между привилегированным в политическом отношении сословием (патриции) и почти бесправным плебсом. Поэтому содержание так называемой сословной борьбы сводилось — и это достаточно широко известно — к борьбе за землю и за политические права. Причем сразу же следует подчеркнуть определенное размежевание интересов: плебейская верхушка вела борьбу за политические права, но ее представители, нуждаясь в широкой опоре и поддержке, выступали и за интересы мелкого крестьянства (земля и долговая проблема). В этом смысле весьма показательны знаменитые *leges Licinia Sextiae*, которые давали плебейской знати доступ к консулату, а для рядового плебса несколько облегчали земельный и долговой вопросы<sup>6</sup>.

Если касаться общей оценки событий, определяемых как борьба сословий в Риме, то, на наш взгляд, следует лишь присоединиться к Энгельсу, который говорил о революции, положившей «конец древнему родовому строю», причем причина этой революции «коренилась в борьбе между плебсом и *patricius*»<sup>7</sup>. Итоги и последствия революции отразились на всей структуре римского общества. Коснемся из этих итогов лишь тех, которые имеют непосредственное отношение к плебсу, как таковому.

Прежде всего в результате завершения борьбы сословий (обычно условной датой, завершающей эту борьбу, считают 287 г., т. е. дату третьей сецессии и Гортензиева закона) уже явственно определяется экономическая дифференциация в среде самого плебса. Она приводит к образованию слоя богатых землевладельцев из числа плебеев, т. е. к образованию плебейской верхушки. Плебейская верхушка сливается с вымирающими патрицианскими родами и в итоге этих процессов возникает нобилитет — новая патрицианско-плебейская аристократия.

Однако результатом борьбы сословий была не только экономическая дифференциация плебса или образование нобилитета, но и возникновение нового противоречия между *plebs rustica* и *plebs urbana* и, соответственно, возникновение этих понятий. Интересы этих двух социальных групп с самого начала редко совпадали. К сожалению, это обстоятельство часто

<sup>6</sup> W. Hoffmann. RE, s. v. *plebs*, B.

<sup>7</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 21, стр. 128. Под «*populus*» Энгельс в данном случае понимает патрициев.

недооценивается, а оно имело существенное значение для дальнейших судеб римского плебса.

Подводя общий итог эпохе борьбы сословий, следует подчеркнуть, что за пределами этой эпохи плебс окончательно теряет признаки более или менее единого сословия и уже не должен быть укладываем в рамки этого чисто юридического понятия. Изменение социальной физиономии римского плебса — одна из существенных черт, характеризующих масштаб и направление революционных сдвигов в римском обществе.

Рассмотрим теперь вопрос о римском плебсе применительно к последующей эпохе. Так как и в данном случае речь может идти лишь о суммарном рассмотрении вопроса, то нам, очевидно, следует обратить внимание на те основные процессы, которые наиболее ярко характеризуют социально-политическую обстановку в Риме III—II вв.

Прежде всего следует отметить чрезвычайно характерный для этого времени процесс укрепления экономических и политических позиций нобилитета. Наряду со старыми патрицианскими родами, которые, опираясь на свое богатство и традиционный авторитет, в течение многих десятилетий удерживали в своих руках политическую власть и руководство, появляются теперь не менее богатые, не менее знатные и не менее политически активные плебейские роды. Рим и после покорения Италии представлял собою типично крестьянское государство. В какой-то мере это положение сохранялось даже после Пунических войн. Победу в этих войнах принесло Риму еще крестьянское войско<sup>8</sup>.

Привилегии нобилитета увеличивали источники доходов для его представителей. Львиная доля военной добычи попадала в руки военных вождей — членов сенаторского сословия. Не менее важным источником доходов становится управление провинциями, которое также было прерогативой сенатской знати. Закон 220 г., ограничивающий торговые операции нобилитета, способствовал тем самым вкладыванию капиталов в землю<sup>9</sup>.

Параллельно с ростом экономического могущества нобилитета усиливается и его политическое влияние. Традиционное римское господство аристократии, которое было тесно связано с наличием крестьянского войска, постепенно вырождается в олигархию знатных и богатых фамилий<sup>10</sup>, оплотом которых становится сенат. После II Пунической войны окончательно исчезают различия между патрициями и плебеями; за патрициями лишь по традиции сохраняются некоторые жреческие

---

<sup>8</sup> M. Rostovzeff. *Gesellschaft und Wirtschaft...*, I. S. 13—14.

<sup>9</sup> *Ibid.*, S. 14—15.

<sup>10</sup> *Ibid.*, S. 21.

должности и доступ к званию *princeps senatus*<sup>11</sup>. Сенатская олигархия прочно захватывает политическое руководство в свои руки.

Примерно в это же время формируется *ordo equester*<sup>12</sup>. Возникновение всадничества как особого сословия знаменовало собой утрату монополии нобилитета в некоторых областях экономической жизни (главным образом, откупные и кредитно-ростовщические операции), однако на монополии сената в области политического руководства всадники еще не осмеливались покушаться. Оформление двух привилегированных сословий римского общества — сенаторского и всаднического — существенным образом повлияло на изменение социальной структуры и политической роли плебса.

Не менее важное значение для рассматриваемого периода имел процесс пауперизации римского крестьянства. Этот процесс, развитие которого было в свое время подчеркнуто еще Аппианом<sup>13</sup>, достаточно широко известен. Достаточно ясны и его причины: крупное землевладение, эксплуатация рабского труда, подрыв крестьянского хозяйства почти непрерывными войнами<sup>14</sup>. Чтобы не останавливаться дольше на общеизвестных моментах, отметим лишь один факт, тесно связанный с процессом разорения крестьянства, — ослабление военной мощи Рима, которая, как сказано, все еще основывалась на крестьянском ополчении.

Но указанный процесс имел и свою обратную сторону. Она заключалась в росте городского населения Рима. Уже после покорения Италии Рим становится притягательным центром для населения всего полуострова. К римским крестьянам, живущим в городе, и к ремесленникам добавляются теперь в значительном числе торговцы и ремесленники со всей Италии, а также масса вольноотпущенников, часто не римского и даже не италийского происхождения. Они постепенно становятся доминирующим элементом народного собрания, причем их нужды и запросы уже весьма заметным образом отличаются от интересов староримского крестьянства<sup>15</sup>.

Пунические войны (в особенности, поход Ганнибала и сопутствующее ему опустошение ряда областей Италии) содействовали дальнейшему развитию обеих сторон процесса: и пауперизации крестьянства, и росту *plebs urbana*. Римское государство вступает в новую фазу своего развития: оно постепенно перестает быть крестьянским государством. Так применительно

---

<sup>11</sup> W. Hoffmann, RE, s. v. *plebs*, B, Sp. 93.

<sup>12</sup> Ливий (26, 36, 9—12) говорит о нем даже применительно ко времени II Пунической войны (ср. 4, 13!).

<sup>13</sup> App., b. c., I, 7—8.

<sup>14</sup> Ibidem.

<sup>15</sup> W. Hoffmann, RE, s. v. *plebs*, B, Sp. 90.

ко II в. до н. э. уже можно говорить об урбанизации Италии (в какой-то мере под влиянием строя городской жизни эллинистических центров)<sup>16</sup>. О росте городского плебса свидетельствуют, например, начавшиеся впервые с 201 г. раздачи дешевого хлеба или попытки принудительного регулирования притока населения: разрешение приписки либертинов лишь к четырем городским трибам, высылка 12 тыс. латинян из Рима в 187 г.<sup>17</sup> и т. п. Об увеличении малоимущего городского (и сельского) населения свидетельствует также снижение цен за для пятого класса, о котором говорит Полибий<sup>18</sup>.

Параллельно с этим, после II Пунической войны, проводится ряд мероприятий, имевших своей целью возрождение крестьянства. На опустошенные войной территории Италии выводится большое число поселений. Но колонизационная политика не всегда приносила успех. Крестьяне, разоренные войнами или экспроприациями крупных владельцев, не столь уж стремились вернуться к земле. Об этом свидетельствовал ряд фактов<sup>19</sup>. Поэтому политика выведения поселений имела своим результатом не укрепление, как это предполагалось, сельского плебса, но скорее, наоборот, рост городского населения и повышение его роли в общественной жизни<sup>20</sup>.

И, наконец, для рассматриваемого периода чрезвычайно симптоматичен процесс обострения противоречий между сельским и городским плебсом. Эти противоречия наметились еще в предыдущую эпоху, когда после завершения борьбы сословий мы впервые сталкиваемся с *plebs rustica* и *plebs urbana*. Однако своего полного развития противоречия внутри изменившего свой социальный облик плебса достигают в рассматриваемый нами период.

Едва ли вся суть этих противоречий, как полагают некоторые исследователи, состояла в том, что после завершения борьбы сословий сельский плебс теряет свой прежний «революционный дух», превращается в консервативную силу, тогда как городской плебс, идущий навстречу всяким «новым веяниям», настроен наиболее революционно и становится союзником — хотя и опасным — честолюбивых политиков<sup>21</sup>. Это представление, несомненно связанное с концепцией «революционности» перехода от республики к империи<sup>22</sup>, а следовательно, и революционной роли «честолюбивых политиков», представляется нам мало приемлемым.

<sup>16</sup> M. Rostovzeff. Op. cit., S. 19.

<sup>17</sup> Liv., 39, 3, 4; per. 20.

<sup>18</sup> Polyb., 6, 19, 2.

<sup>19</sup> См., например, Liv., 34, 45, 1; 37, 46, 9; 39, 23, 3.

<sup>20</sup> W. Hoffmann. RE, s. v. *plebs*, B. Sp. 98.

<sup>21</sup> Ibidem. Cp. W. Warde Fowler. Social life at Rome in the age of Cicero. New York, 1924, p. 36.

<sup>22</sup> См. стр. 19.

Суть противоречий между городским и сельским плебсом сводилась, как всегда, к вопросу о земле. В разное время этот вопрос возникал и проявлялся в разных аспектах. В интересующий нас период он сводился, на наш взгляд, к тем противоречиям, которые были порождаемы неоднократными попытками восстановления крестьянских хозяйств путем рустификации городского плебса. Эти попытки в некоторых своих крайних формах, как мы еще убедимся ниже, вызывали резкое сопротивление *plebs rustica* (а иногда даже и *plebs urbana*).

Как бы то ни было, еще после I Пунической войны наблюдается явное стремление ограничить растущее влияние городских элементов и возможность их доминирующей роли в комициях. В данном случае следует согласиться с Гофманом, который считает, что реформа центурий, проведенная после 241 г., отражает эту тенденцию. Снижение числа центурий с 80 до 70 и связь каждой пары из них (*iuniores* и *seniores*) с одной из триб вели к тому, что аграрный элемент первого класса получал преимущества по сравнению с городским населением, тем более, что голосование в собрании центурий, как известно, начиналось именно с первого класса. Ту же «ограничительную» тенденцию в отношении *plebs urbana* отражает и упоминавшееся выше правило, согласно которому либертины могли приписываться лишь к четырем городским трибам<sup>23</sup>.

Если подвести некоторые итоги рассматриваемому периоду, то следует отметить, что в ходе социальной и политической борьбы этого времени понятие «плебс» претерпевает существенное изменение. Ведущим противоречием названной борьбы было противоречие между нобилитетом и плебсом, которое осложнялось еще другим, указанным выше, противоречием между *plebs rustica* и *plebs urbana*. Конечно, это последнее не было столь непримиримым и антагонистичным, как противоречие между нобилитетом и плебсом в целом, однако его нельзя недооценивать или вовсе сбрасывать со счетов, поскольку несопадение интересов городского и сельского плебса в целом ряде случаев мешало единству действий.

Социально-политическая борьба по-прежнему определялась стремлением мелкого (и среднего) землевладельца сохранить свои позиции, противостоять разрушительному процессу пауперизации. Однако этот процесс в условиях рабовладельческой системы был необратим. Поэтому все попытки возрождения *plebs rustica* — и те, что предпринимались в догракханское время и самая деятельность Гракхов — были обречены на неудачу. Но зато в ином и более глубоком плане эти попытки могут рас-

---

<sup>23</sup> W. Hoffmann. RE, s. v. *plebs*, B. Sp. 92; cp. L. R. Taylor. The Voting District..., p. 14.

сма­триваться как объективное выражение развивающихся событий. Дело вовсе не в субъективной «сознательной» стороне или целях всех этих мероприятий и реформ, но в том, какими закономерными процессами они были вызваны к жизни. Кстати сказать, эти процессы, как мы вскоре убедимся, уже не могли быть ограничены только «чисто» римскими масштабами.

Возвращаясь к интересующему нас вопросу о плебсе, следует отметить, что накануне гракханского движения в понятие «плебс» уже вкладывается новое содержание: под этим термином следует ныне понимать широкие малоимущие слои как сельского, так и городского населения. Социальный состав этих широких масс, как мы видели, был довольно пестрым — сюда должно быть включено мелкое и среднее крестьянство, а также различные круги городского населения: торговцы, ремесленники различных профессий<sup>24</sup>, клиенты знатных фамилий, либертины (часто даже неиталийского происхождения), люмпен-пролетарские элементы и т. д.

Поворотным пунктом в истории не только римского плебса, но и всей внутренней жизни римского общества, было движение Гракхов. Не рассматривая вопрос в целом, мы опять-таки коснемся лишь итогов этого движения и его общей оценки в той мере, в какой это необходимо для дальнейшего изложения.

Моммзен в свое время высказывал мнение, что движение Гракхов отражало внутренний кризис Римской республики, обусловленный наличием выродившейся олигархии и еще не развитой, но уже пораженной внутренними недугами, демократии. Тиберий Гракх, с его точки зрения, был типичным консерватором. Его аграрный закон не выходил за пределы существующих норм. Однако логика борьбы увлекла Тиберия — против его воли — на революционный путь, к чему он, по существу, не был подготовлен<sup>25</sup>.

В отличие от своего брата, Гай Гракх вполне сознательно вступил «на путь революции и мести»<sup>26</sup>. Все реформы, проведенные Гаем Гракхом преследовали две основные цели: привлечение в революционную партию в качестве ее опоры столичного пролетариата (т. е. *plebs urbana*. — С. У.) и создание всаднического «анти-сената»<sup>27</sup>. Моммзен уделяет большое внимание монархическим намерениям Гая, который якобы стремился установить «наполеоновскую абсолютную монархию»<sup>28</sup>. Причиной конечной неудачи движения Гая Гракха он считает ненадежность римского пролетариата, который отстаивал лишь

<sup>24</sup> W. Warde Fowler. Op. cit. p. 48—55.

<sup>25</sup> Т. Моммзен. История Рима, II. М., 1937, стр. 73—74; 91—95.

<sup>26</sup> Там же, стр. 103.

<sup>27</sup> Там же, стр. 103—104; 107—110.

<sup>28</sup> Там же, стр. 113.

свои узко специфические интересы и не поддержал Гракха в решающий момент<sup>29</sup>.

На оценке гракханского движения, данной Эд. Мейером, можно подробно не останавливаться, поскольку в своих выводах он почти полностью присоединяется к Моммзену. Как и этот последний, он говорит о консерватизме Тиберия, о вынужденности революционного пути и т. п. Он также отмечает монархические устремления Гая Гракха, который, с его точки зрения, пытался установить в демократических формах абсолютное правление народного вождя, опирающегося на «партию капиталистов» и на «городскую чернь»<sup>30</sup>.

Ряд интересных соображений был высказан Р. Ю. Виппером. Он оценивает это движение как новый и революционный фактор римской истории. В эпоху Гракхов народные массы, по существу, впервые пробуждаются к политической жизни<sup>31</sup>.

Р. Ю. Виппер уделяет большое внимание вопросу о социальном составе и характере «демократической оппозиции». Он подчеркивает единство этой оппозиции накануне выступления Гракхов и на первых этапах борьбы, а затем ее дальнейший раскол<sup>32</sup>.

Эти внутренние противоречия в среде «демократической оппозиции» впервые дали знать о себе еще в период деятельности Тиберия Гракха, но наибольшей силы они достигают в трибунал Гая, причем не столько в связи с аграрными реформами, сколько с проектом распространения гражданских прав на союзников. В противовес распространенному взгляду на plebs urbana как на главного противника этой реформы, Р. Ю. Виппер считает, что она встретила наиболее ожесточенное сопротивление со стороны представителей «финансового капитала» (т. е. всадничества)<sup>33</sup>.

По мнению Виппера, в этот период в Риме фактически существуют три «партии»: нобилитета, реставраторов крестьянства и сторонников «капиталистического хозяйства» (т. е. всадническая). Последние две и представляют собой два крыла «демократической оппозиции», однако они явно враждебны друг другу. Их вражда, их противоречия и были причиной гибели дела Гракхов<sup>34</sup>.

В специальной литературе последних лет мы не встречали какой-либо развернутой оценки социального значения реформаторской деятельности Гракхов. Скорее, наоборот, в ряде ра-

<sup>29</sup> Т. Моммзен. История Рима, II. М., 1937, стр. 117.

<sup>30</sup> Ed. Meyer. Kleine Schriften, Halle, 1910, S. 381—441. Untersuchungen zur Geschichte der Gracchen.

<sup>31</sup> Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 43—44.

<sup>32</sup> Там же, стр. 45.

<sup>33</sup> Там же, стр. 67—69.

<sup>34</sup> Там же, стр. 71—72.

бот сильнее подчеркивается субъективный момент в ущерб моменту социальному<sup>35</sup> или наблюдается увлечение чисто топографическими построениями<sup>36</sup>. Коснемся еще лишь точки зрения В. Гофмана, поскольку он ее излагает в работе, если и не посвященной специально Гракхам, то специально относящейся к истории плебса.

Гофман считает, что Тиберий Гракх хотел восстановить старую структуру государства посредством поселения на землю городского плебса (т. е. посредством его рустификации). Реформы Тиберия не удались не только из-за сопротивления нобилитета, но и из-за того, что сам городской плебс не желал вернуться к длительному и неблагоприятному труду на земле. Тиберий Гракх был последним политиком, который еще верил в старинные традиции плебса. Гай Гракх уже опирался не только на сельский и городской плебс, но и на всадничество. Он понимал запросы городских масс и не только обещал земельные наделы, но и занимался хлебными раздачами<sup>37</sup>.

Таковы наиболее существенные выводы и оценки движения Гракхов в новой литературе. Нам приходилось уже резюмировать эти точки зрения<sup>38</sup>. Не повторяя высказанные ранее критические замечания, мы хотели бы сейчас отметить лишь некоторые моменты, связанные с дальнейшим развитием социальной борьбы в римском обществе и, в частности, с дальнейшей историей плебса. Оставим в стороне вопрос о монархических тенденциях в политике Гракхов или даже более общий вопрос о субъективных стимулах их деятельности, так как, по нашему глубокому убеждению, аграрное движение, начавшееся в эту эпоху, независимо от субъективных и «сознательных» целей отдельных деятелей или проводимых ими реформ, имело свою внутреннюю логику развития и, в частности, должно было неизбежно перерасти «чисто римские» масштабы. Не случайно поэтому еще самим Гракхам пришлось столкнуться с союзническим вопросом.

Несравненно больший интерес имеет для нас проблема социальной опоры Гракхов или, говоря словами Вилпера, роль «демократической оппозиции». Нам представляются правильными и приемлемыми его соображения о первоначальном единстве этой «оппозиции» и о ее дальнейшем расколе. Однако вопрос о составе «демократической оппозиции» требует уточнения. На наш взгляд, в ее состав на начальных этапах движе-

---

<sup>35</sup> См., например, Münzer. RE, s. v. *Sempronius*, 47, Sp. 1383; M. van der Bruewaene L'opposition à Scipion après la mort de Tiberius Gracchus. «Phoibos», 5, 1950—1951, p. 229—238.

<sup>36</sup> H. C. Boren. Livius Drusus. *Tribunus plebis* 122 and His Anti-Gracchan Program. CJ, 52, 1956, p. 27—36.

<sup>37</sup> W. Hoffmann. RE. s. v. *plebs*. B, Sp. 101.

<sup>38</sup> См. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 29—42.



ния Гракхов входили представители городского и сельского плебса (сохранявшие временно единство действий) и определенные круги всаднического сословия (при Гае Гракхе). Не случайно также раскол этой «демократической оппозиции» (может быть, даже более сложным путем, чем это представлялось Р. Ю. Випперу) произошел именно тогда, когда встал все тот же неизбежный вопрос о союзниках.

В заключение мы хотели бы присоединиться к тем оценкам, в которых подчеркивается революционный характер выступления Гракхов. Более того, мы считаем, что этот момент подчеркнут недостаточно, вернее, односторонне, и потому все изложенные выше концепции и выводы дают исторически неполноценное освещение борьбы Гракхов. Эта неполноценность заключается в том, что Гракхи и их время рассматриваются изолированно, вне достаточной связи с последующими событиями, последующими социальными потрясениями.

Необходимо отчетливо представлять, что движение Гракхов было прологом, начальным этапом той аграрной и политической революции, которая в своем развитии приобрела общеиталийские масштабы и, дойдя до своей кульминационной точки — до Союзнической войны, нанесла последний удар Римуполису (и всем основным институтам полисной организации). И хотя этот вопрос далеко выходит за пределы нашей темы, все же следует отметить, что рассматриваемое в этом аспекте движение Гракхов получает новое и более широкое социальное звучание. Движение Гракхов, несомненно, оказало большое влияние на различные стороны жизни римского общества, в том числе и на дальнейшие судьбы римского плебса.

Вот почему никоим образом не следует соглашаться с теми учеными, которые заканчивают историю плебса на Гракхах, пренебрежительно и вскользь упоминая, как, например, Гофман, что «то, что теперь называют плебсом, это лишь толпа сброда, неспособного к решению больших вопросов»<sup>39</sup>. Такая точка зрения совершенно неверна<sup>40</sup>. Она тем более неверна, что в этом случае не учитывается — абсолютно незакономерно — италийский плебс и его роль, а затем упускаются из виду те бесспорные факты, которые доказывают, что и «чисто римский» плебс вовсе не так быстро сходит с политической арены. Оба эти положения могут быть подтверждены достаточно характерными примерами из эпохи гражданских войн. Остановимся на этих примерах несколько подробнее.

---

<sup>39</sup> W. Hoffmann. RE. s. v. *plebs*. B, Sp. 101.

<sup>40</sup> W. Warde Fowler. Op. cit., p. 38. Здесь говорится о том, что и во времена Цицерона городской плебс был еще мощной силой, когда речь шла о выборах или законодательстве.

Ярко характеризует внутренние противоречия и борьбу римского плебса движение Аппулея Сатурнина, которое еще Аппиан считал одним из наиболее типичных образцов внутренних междоусобиц (ἔργον ἐμφύλιον)<sup>41</sup>. Сатурнин, как известно, в годы своего трибуната (103 г. и 100 г.) выступил с рядом законопроектов, продолжавших линию гракханского законодательства. Это был, прежде всего, аграрный закон, на основании которого предлагалось разделить подушно (viritim) те земли, которые Марий отвоевал у кимвров (ager Gallicus)<sup>42</sup>. Судя по некоторым намекам Аппиана и его указанию на то, что отношение «римского народа» к законопроекту было отрицательным<sup>43</sup>, можно предположить, что к получению земель из ager Gallicus должны были быть допущены не только римские граждане, но и италики. Законопроект дополнялся своеобразным условием: после утверждения его народом, сенаторы обязывались в пятидневный срок принести клятву, гарантирующую проведение ими закона в жизнь; не желающие дать подобную клятву исключались из сената и присуждались к крупному денежному штрафу<sup>44</sup>. Это добавление к законопроекту служило для Сатурнина орудием борьбы против политических противников и, в первую очередь, против Метелла Нумидийского<sup>45</sup>.

Кроме lex agraria, Сатурнин выступил с leges de coloniis deducendis. Насколько можно судить, эти законы, которые предусматривали основание новых колоний в Сицилии, Ахайе, Македонии и в Африке и согласно которым каждый колонист имел право получить 100-югеровый надел, были рассчитаны уже только на римских граждан, точнее говоря, на ветеранов Мария<sup>46</sup>. Предоставление гражданских прав — если речь шла о будущих колонистах-неримлянах — строго ограничивалось, даже для латинян<sup>47</sup>. Несомненно, на римских граждан был рассчитан и другой закон — lex frumentaria Сатурнина<sup>48</sup>.

Обсуждение всех этих законопроектов сопровождалось ожесточенной борьбой. Аппиан оставил подробное и драматическое описание событий: на примере борьбы, развернувшейся вокруг аграрного законопроекта, сам автор вскрывает и подчеркивает противоречия между сельским и городским плебсом. Приступая к изложению событий, Аппиан с самого начала указывает, что Сатурнин стремился ко дню голосования

<sup>41</sup> App., b. c., 1, 33.

<sup>42</sup> Cic., pro Sest., 16, 37; Liv., ep. 69; App., b. c., 1, 29.

<sup>43</sup> App., b. c., 1, 29.

<sup>44</sup> App., b. c., 1, 29; Plut., Mar., 29.

<sup>45</sup> App., b. c., 1, 29.

<sup>46</sup> Cic., pro Balb., 21, 48; ср. Aur. Vict., 73.

<sup>47</sup> Cic., pro Balb., 21, 48.

<sup>48</sup> Auct. ad Her., 1, 12, 21.

законопроекта привлечь в Рим как можно больше сельских жителей (*ἀνά τοὺς ἀγροίους*)<sup>49</sup>, ветеранов Мария. Когда собрание было открыто, городская «чернь» (*ὁ δὲ πολιτικός ὄχλος*) пыталась сорвать его, ссылаясь на то, что был слышен гром, т. е. ссылаясь на неблагоприятные знамения<sup>50</sup>. Но поскольку сторонники Сатурнина не желали расходиться, то горожане (*οἱ πολιτικοί*) дубинами прогнали сельских жителей (*τοὺς ἀγροίκους διέσττησαν*)<sup>51</sup>. В ответ на это, по призыву Аппулея, сельские жители в свою очередь бросились на горожан (*τοῖς ἀστυκίοις ἐπήρασαν*) и все же добились проведения законопроекта<sup>52</sup>.

Дальнейшее изложение событий у Аппиана еще резче оттеняет противоположность позиций сельского и городского плебса. Когда Марий коварно сначала отказался принести требуемую клятву, а затем в последний момент изменил свое решение, то он ссылаясь на сельских жителей (*τοὺς ἀπὸ τῶν ἀγρῶν*) как на сторонников закона и предлагал подождать, пока они разойдутся по своим селам<sup>53</sup>. При решении вопроса об изгнании Метелла также обнаружились резкие противоречия между городскими и сельскими жителями: первые выражали свои симпатии Метеллу, вторые же, под влиянием агитации Сатурнина и Главции, добивались его изгнания<sup>54</sup>. И, наконец, когда развернувшаяся борьба достигла крайнего накала и когда Сатурнин со своими сторонниками захватил Капитолий, то основной и главной его опорой опять-таки были сельские массы (*ὁ δ' ἄλλο πλῆθος ἀλλόσας ἀπὸ τῶν ἀγρῶν*)<sup>55</sup>. Затем у Аппиана следует драматическое описание предательства Мария и гибели руководителей движения, которых «народ» (т. е. горожане) забросал черепицей, разобрав крышу здания, куда они были загнаны Марием<sup>56</sup>.

В рассказе Аппиана мы имеем наиболее подробное изложение событий, связанных с выступлением Сатурнина. Не вдаваясь в данном случае в сложный и все еще полностью не решенный вопрос об источниках Аппиана, отметим лишь, что мы склонны присоединиться к мнению тех исследователей, которые считают, что, в основном, Аппиан следует единому и вполне доброкачественному источнику<sup>57</sup>. Тем интереснее и важнее для нас настойчивое подчеркивание автором противо-

<sup>49</sup> А р р., в. с., 1, 29.

<sup>50</sup> А р р., в. с., 1, 30.

<sup>51</sup> Ibidem.

<sup>52</sup> Ibidem.

<sup>53</sup> Ibidem.

<sup>54</sup> А р р., в. с., 1, 31.

<sup>55</sup> А р р., в. с., 1, 32.

<sup>56</sup> Ibidem.

<sup>57</sup> С. Жебелев. Аппиан и его «Гражданские войны», в кн.: Аппиан. Гражданские войны. Л., 1935, стр. 14—15. Ср. Ed. Meyer. Caesars Monarchie und das Prinzipat des Pompeius, S. 606—610.

речий между сельским и городским населением в борьбе, развернувшейся вокруг законопроектов Сатурнина.

Таким образом, первый вывод, который вытекает из рассмотрения изложенных выше событий, состоит в том, что римский плебс (как городской, так и сельский) играл еще немало важную и достаточно активную роль в политической жизни Рима и после Гракхов. Подобные примеры, несомненно, могут быть умножены, и они самым решительным образом опровергают довольно распространенное мнение о плебсе послегракханской эпохи, как о толпе «сброда» или (в лучшем случае) сплошной люмпен-пролетарской массе.

Кроме того, на наш взгляд, возможен и другой вывод: о противоречивости интересов (во всяком случае, для рассматриваемого времени) городского и сельского плебса, что опять-таки не соответствует представлению о римском плебсе как о безликой, уже целиком пролетаризовавшейся массе населения. Нельзя, с нашей точки зрения, говорить и о политическом индифферентизме плебса, хотя, конечно, в начале I в. характер, приемы и условия политической борьбы существенно меняются, а вместе с этим не могла не измениться и политическая роль самого плебса.

Одним из наиболее ярких примеров, свидетельствующих о дальнейшем и принципиальном изменении политических судеб плебса и, в частности, об активном включении в политическую жизнь плебса италийского, является, на наш взгляд, движение Сульпиция Руфа и развернувшаяся в это же время борьба между марианцами и сулланцами. Чрезвычайно интересно сопоставить изложение этих событий у того же Аппиана с только что рассмотренным описанием движения Сатурнина. Однако подобное сопоставление оказалось бы в значительной мере бесцельным, если бы мы снова не подчеркнули значения такого крупнейшего события римской истории, каким была Союзническая война, тем более, что она хронологически «вклинивается» между двумя избранными нами примерами.

Союзническая война знаменовала собой прежде всего распространение на всю Италию той аграрной и политической революции, которая началась в Риме в эпоху Гракхов<sup>58</sup>. Мы называем эту революцию аграрной в том смысле, что в ее основе лежали земельные интересы италийского крестьянства; политическое же значение развернувшегося движения состояло в том, что оно — не говоря уже о его лозунгах политического равноправия — в конечном счете оказалось объективно направленным против самодовлеющей полисной организации. Вот почему Союзническая война оказала опромное влияние и на

<sup>58</sup> См. Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 94—95; 102—103.

государственную структуру Рима, и на социально-экономические отношения, в частности на социальную структуру плебса. Вопрос об этом влиянии в более широком плане мы уже касались и будем к нему возвращаться в последующих главах; сейчас же остановимся лишь на тех итогах Союзнической войны, которые имеют непосредственное отношение к судьбам плебса. Конкретным примером этих итогов как раз может служить движение Руфа и начальный период борьбы между марианцами и сулланцами.

Как известно, союзники, получившие в результате войны римское гражданство (*cives novi*, *οἱ νεοπολίται*) приписывались — из охранительных соображений — не ко всем трибам (как и либертины), но лишь к восьми из существовавших 35 старых триб или, по другим сведениям, к 10 заново созданным, в которых они голосовали последними<sup>59</sup>. Конечно, такой порядок голосования почти сводил на нет политические привилегии и равноправие новых граждан. Поэтому нет ничего неожиданного в том, что видный сторонник Мария, народный трибун 88 г. Сульпиций Руф выступил с предложением, чтобы новые граждане и вольноотпущенники были распределены по всем трибам<sup>60</sup>. Вот как описывает Аппиан борьбу, развернувшуюся вокруг этого законопроекта.

Подлинным инициатором законопроекта был Гай Марий, который хотел таким путем привлечь на свою сторону новых граждан (*τοὺς ἐκ τῆς Ἰταλίας νεοπολίτας*), рассчитывая получить командование в войне против Митридата<sup>61</sup>. Так как проведение предложений Сульпиция в жизнь давало явный перевес в народном собрании новым гражданам, то вокруг законопроекта разгорелась ожесточенная борьба. Аппиан изображает ее в основном именно как борьбу между старыми и новыми гражданами<sup>62</sup>. И хотя интересы первых были поддержаны консулами, в конечном счете пришлось уступить, и законопроект был утвержден. Более того, было проведено и то, «ради чего все это было устроено», а именно полководцем в войне против Митридата вместо Суллы был избран Марий<sup>63</sup> и таким образом началась длительная эпопея борьбы между марианцами и сулланцами.

Еще более ярко противоречия между старыми и новыми гражданами подчеркиваются Аппианом в его рассказе о перевороте Цинны — Мария. Когда Сулла со своей армией отправился в Малую Азию, снова началось движение новых граждан (*οἱ νεοπολίται*), настаивавших на зачислении их во все трибы. Как считает Аппиан, это было первым шагом к возвра-

<sup>59</sup> App., b. c., 1, 49; 53.

<sup>60</sup> App., b. c., 1, 55; Liv., ep. 77.

<sup>61</sup> App., b. c., 1, 55.

<sup>62</sup> Ibidem.

<sup>63</sup> App., b. c., 1, 55—56.

шению Мария и других беглецов<sup>64</sup>. Однако старые трибы решительно воспротивились (*ἀνδισταμένων δὲ τῶν ἀρχαίων κατὰ κράτος*) допущению новых граждан. Цинна, который, по слухам, получил крупную взятку, поддержал последних. На защиту интересов старых триб встал другой консул — Октавий. Дело дошло до вооруженных столкновений, описывая которые Аппиан все время подчеркивает, что это были столкновения между старыми и новыми гражданами<sup>65</sup>.

Когда Цинна убедился, что силы его сторонников в Риме из числа новых граждан явно недостаточны, а рабы не откликаются на его призывы, он отправился в те города и общины (Тибур, Пренесте, Нола), которые незадолго до этого получили права гражданства<sup>66</sup>. Его действия, очевидно, в целом ряде случаев имели успех<sup>67</sup>. Со своей стороны, Марий, вернувшийся к этому времени из Африки, прельщал этрусские общины перспективой получения гражданских прав, что тоже не осталось без отклика<sup>68</sup>.

И, наконец, когда приблизился последний акт борьбы между марианцами и сулланцами, т. е. когда была закончена война с Митридатом и Сулла готовился к возвращению со своей армией в Италию, то Цинна и второй консул — Карбон опять-таки пытались опереться на итальянские города и новых граждан, недвусмысленно указывая на то, что именно из-за них они подвергаются ныне всяким опасностям<sup>69</sup>. Со своей стороны, Сулла, который, видимо, достаточно понимал ситуацию, тоже стремился завоевать расположение новых граждан и не скупился на обещания<sup>70</sup>. В известной степени, он и после победы над марианцами все же был вынужден считаться с италиками, во всяком случае с теми из них, кто служил в его армии<sup>71</sup>.

Таково описание интересующих нас событий начального периода гражданских войн у Аппиана. Если его сопоставить с известным уже нам освещением движения Сатурнина, то бросается в глаза тот факт, что больше нет речи о противоречиях между городским и сельским плебсом, но зато выступают на сцену «старые» и «новые» граждане, причем, когда говорится о борьбе между ними, то имеются в виду, главным образом, широкие плебейские слои населения. Это отнюдь не случайное обстоятельство, напротив, оно имеет свои глубокие причины и корни.

---

<sup>64</sup> А р р., б. с., 1, 64.

<sup>65</sup> Ibidem.

<sup>66</sup> А р р., б. с., 1, 65.

<sup>67</sup> А р р., б. с., 1, 65—66.

<sup>68</sup> А р р., б. с., 1, 67.

<sup>69</sup> А р р., б. с., 1, 76.

<sup>70</sup> А р р., б. с., 1, 77.

<sup>71</sup> А р р., б. с., 1, 96; 100; ср. Liv., ep., 89.

Если попытаться подвести некий итог рассмотренному периоду, т. е. периоду от Гракхов до сулланской диктатуры, то следует признать, что за это время понятие плебса — а мы подводим итоги указанному периоду лишь в плане рассмотрения исторических судеб плебса — претерпевает новое и существенное изменение. Ведущим противоречием социальной борьбы за этот период остается противоречие между нобилитетом и плебсом (т. е. между крупным и мелким землевладением). Однако данное противоречие осложняется в начале периода противоречием, существующим между *plebs rustica* и *plebs urbana*, а к концу периода — противоречием между так называемыми старыми и новыми гражданами. Причем, на какой-то период последнее противоречие становится особенно острым, снимая все прежние разногласия среди плебса. Имея в виду в данное время не только римский, но и италийский плебс, следует подчеркнуть, что картина социальных противоречий в масштабе всей Италии выглядит еще сложнее.

Основным содержанием революционного движения, охватившего Италию, была борьба италийского крестьянства за землю и за политические права. В этом смысле наблюдалось известное сходство с той ранней революцией в Риме, о которой говорил Энгельс и которая известна нам как «борьба сословий». Но, если на заре римской истории это движение укладывалось в «чисто римские» масштабы, то ныне оно приобрело общейталийский размах. И это, конечно, свидетельствует не только о количественных, но и о качественных изменениях.

Общая оценка рассматриваемого периода сводится к тому, что именно в этот период аграрная и политическая революция достигла своего наивысшего подъема. Мы снова имеем в виду Союзническую войну. Кто же вышел победителем из этой войны — Рим или италики? Победило ли революционное движение италийского крестьянства или оно было подавлено?

С нашей точки зрения, можно говорить лишь о «внешней», формальной победе Рима и о его «внутреннем», фактическом поражении<sup>72</sup>. Революционное движение, охватившее всю Италию в ходе войны, не было подавлено, наоборот, фактически оно увенчалось успехом и социально-экономические проблемы, вызвавшие его к жизни, в основном, были решены. Это явствует хотя бы из того, что объективно развивающийся процесс разложения самодовлеющей полисной организации Рима получил в результате войны решающий толчок. Союзническая война — переломный момент в ходе этого процесса, и после войны вопрос о Риме как полисе был решен, если можно так выразиться, бесповоротно. При этом мы имеем в виду как экономическую основу, так и политическую надстройку полиса как

---

<sup>72</sup> Р. Ю. В и п е р. Очерки истории Римской империи, стр. 104.

такового. Это не значит, конечно, что она моментально рухнула или что широкие массы, которые были движущей силой революционного переворота, сумели взять политическую власть в свои руки; вопрос о власти, как уже говорилось, стал предметом ожесточенной борьбы в среде господствующего класса.

Каким же образом повлияли все эти события на положение плебса в римском обществе? Каковы в этом смысле итоги рассматриваемого периода?

Наиболее существенным итогом, с нашей точки зрения, следует считать начавшийся с этого времени (и прогрессирующий) процесс растворения «чисто» римского плебса в плебсе общи-талийском. Это было вполне закономерным явлением и соответствовало «растворению» Рима как самодовлеющего полиса в урбанизирующейся Италии. Отсюда — растущий политический индифферентизм и абсентеизм сельского населения (*plebs rustica*) в общи-талийском масштабе.

С этим связана другая сторона указанного процесса — политическое преобладание городского плебса. Отныне он господствует — и количественно и по существу — в римских комициях. Но это политическое преобладание (над сельским плебсом) отнюдь не равнозначно какому-то новому подъему политической активности самого *plebs urbana*. Эта «активность», если она иногда и проявляется, имеет весьма специфический характер. Как уже указывалось, наблюдается постепенный упадок полисных институтов и, в первую очередь, народного собрания.

Диктатура Суллы, несмотря на ее кратковременность, нанесла серьезный удар плебсу и его политическому положению. Ни о какой консолидации плебса как самостоятельной политической силы теперь не может быть и речи. Должность народного трибуна, хотя и восстановленная в своих прерогативах в 70 г., тем не менее окончательно потеряла свое прежнее значение, превратившись лишь в определенную ступень в карьере нобилей. Политические деятели вынуждены теперь или идти по пути Суллы и опираться на вооруженную силу, как то показывает пример Лепида (выступившего как раз против сулланской конституции), или терпеть заведомую неудачу, как, например, Сервий Рулл, который сделал последнюю попытку «мирно» опереться на «демократическое большинство» населения и был без особого труда разбит всего лишь в словесных боях Цицероном. Ему, как известно, пришлось взять свой законопроект обратно и он даже не ставился на голосование<sup>73</sup>.

Такова была социально-политическая эволюция плебса к 60-м годам I в. до н. э. Сельский плебс растворился в плебсе общи-талийском, городской же плебс не пролетаризовался пол-

---

<sup>73</sup> Plut., Cic., 12, ср. Cic., ad fam., 13, 4, 2.



ностью, не превратился в толпу сброда и люмпенов, как это иногда принято подчеркивать, но, несомненно, его социально-политическая роль существенно изменилась. Как римские комичии перестали к этому времени быть олицетворением *populus Romanus*<sup>74</sup>, так и городской плебс 60-х годов уже не был носителем старой полисной демократии. В качестве позитивной политической силы он теряет свое значение; в негативном же смысле он еще довольно долго остается той опасной, неустойчивой и склонной ко всякого рода переменам (*cupiditas rerum potuatum*) «толпой»<sup>75</sup>, с которой, в той или иной мере, приходилось считаться каждому политическому деятелю.

Обзор всего пути исторического развития плебса свидетельствует о том, что на протяжении долгого времени он был (с учетом тех принципиальных оговорок, которые сделаны в начале данной главы) революционным элементом римского гражданского общества, хотя, как мы имели возможность убедиться, под словом «плебс» в разные периоды римской истории следует понимать различные социальные контингенты. Но как бы то ни было, для нас это всегда — представители одного из угнетаемых классов римского общества, класса свободных производителей.

Теперь перейдем к общему обзору положения другого класса, который формально не входил в состав римского гражданского общества — класса рабов. Мы менее всего претендуем на освещение проблемы римского рабовладения в целом или хотя бы в какой-то определенный период истории Рима. Это ни в коей мере не может служить нашей задачей, тем более, что данной широкой проблеме посвящен ряд новых и чрезвычайно интересных работ советских историков, в которых на большом историческом материале рассматривается развитие рабовладельческих отношений в Римской республике<sup>76</sup>. Для наших целей вполне достаточно, если мы остановимся на выяснении хотя бы двух-трех вопросов, которые, несмотря на внимание, уделявшееся проблеме рабства в советской историографии, остаются, на наш взгляд, еще не до конца решенными. Это прежде всего характеристика рабов как класса, затем вопрос о рабах как о революционном элементе римского общества и, наконец, вопрос об участии и роли рабов в социально-политической жизни последних десятилетий республики.

Представление о рабах, как о единственном эксплуатируемом классе рабовладельческого общества, давно уже оставлено

---

<sup>74</sup> См. стр. 113; 116.

<sup>75</sup> Sall., Cat., 28, 4; 48; 1; Jug., 66, 2.

<sup>76</sup> Л. А. Ельницкий, Возникновение рабовладельческих отношений в древнем Риме. М., 1963; Е. М. Штаерман, Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике. М., 1964.

в советской историографии<sup>77</sup>. Памятуя цитированные выше слова Маркса о том, что внутренняя история Римской республики может быть сведена к борьбе мелкой земельной собственности с крупной, мы понимаем, какую важную роль в общественно-политической жизни Рима играл другой эксплуатируемый класс — класс свободных производителей. Но об этом — хотя, быть может, частично и недостаточно — уже говорилось выше, когда речь шла о городском и сельском плебсе.

Расцвет рабовладельческих отношений в Римской республике начинается, как известно, в период превращения Рима в крупнейшую средиземноморскую державу, т. е. после Пунических войн. В этой связи до последнего времени широким распространением как в зарубежной, так и в советской литературе пользовалось утверждение, что самый расцвет рабовладения был следствием этих войн и что войны следует считать основным, главным и чуть ли не единственным источником пополнения числа рабов.

Однако в последнее время благодаря исследованиям советских историков и, в первую очередь, работам Е. М. Штаерман эта точка зрения сильно поколеблена<sup>78</sup>. Нельзя не согласиться с выводом о том, что наряду с обращением в рабов военнопленных важными источниками рабства были: работорговля, естественное воспроизводство рабов, закабаление свободных (главным образом в провинциях). Эти разнообразные источники в разные периоды римской истории имели неравноценное значение. Во всяком случае, всегда следует помнить, что пополнение числа рабов шло по многим каналам и нельзя все источники рабства сводить только к захватническим войнам.

В эпоху расцвета рабовладельческих отношений в Риме класс рабов не был единым и недифференцированным. Нам известно положение марксистско-ленинской теории о классах-сословиях, существовавших как в феодальном, так и в рабовладельческом обществах<sup>79</sup>. Несомненно, и в Риме был такой момент в развитии рабовладения, для которого наши понятия «класс рабов» и «сословие рабов»<sup>80</sup> совпадают. Но подобное совпадение имело место в ранний период римской истории,

---

<sup>77</sup> См. С. Л. Утченко. О классах и классовой структуре античного рабовладельческого общества. ВДИ, 1951, № 4.

<sup>78</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 36—66; ср. Е. М. Штаерман и С. Л. Утченко. О некоторых вопросах истории рабства. ВДИ, 1960, № 4. Из работ, появившихся на Западе, следует указать: Н. Volkman. Die Massenversklavung der Einwohner eroberten Städte in hellenistisch-römischen Zeit. Wiesbaden, 1961.

<sup>79</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 311, прим.

<sup>80</sup> Сами римляне рабов сословием (*ordo*) не считали. К *ordines* они относили сенаторов, всадников, иногда плебс и либертинов, но не рабов. Однако, поскольку условия рабского состояния были юридически зафиксированы, рабы, конечно, были определенным сословием.

в период относительной слабости и неразвитости рабовладельческих отношений. По мере укрепления этих отношений структура класса рабов становится более сложной. Как это показала Е. М. Штаерман, положение различных групп или категорий рабов в эпоху поздней республики уже далеко не одинаково<sup>81</sup>. Рабы, занятые в сельскохозяйственном производстве, рабы, занятые в ремесле, рабы редких или «интеллигентных» профессий, рабы «чиновники» государственного аппарата, рабы-прислуга — все это совершенно различные категории и группы рабов.

По мере развития ремесла, торговли и товарно-денежных отношений постепенно растет и углубляется разрыв между сословным и классовым делением. Это несовпадение, эта дифференциация в наименьшей степени затрагивает сельских рабов. Они остаются тем классом, место которого в процессе производства и отношение к средствам производства полностью совпадают с его юридическим положением<sup>82</sup>. Но зато совершенно иная картина наблюдается в ремесленном производстве или других «городских» профессиях. Здесь выделяются такие группы рабов, которые по своему отношению к средствам производства уже никоим образом не могут быть причислены к классу рабов, хотя и продолжают оставаться в этом сословии (дельцы, предприниматели, торговцы, представители интеллигентных профессий и т. п.). С другой стороны, становясь вольноотпущенниками, бывшие рабы часто меняют лишь свою сословную, но отнюдь не классовую принадлежность<sup>83</sup>.

Все это, вместе взятое, не могло не оказывать определенного влияния на расстановку классовых сил и на их участие в борьбе, а также не могло не содействовать созданию своеобразных условий этой борьбы. В данной связи особый интерес приобретает вопрос о том, был ли класс рабов революционным элементом римского общества?

В свое время этот вопрос в советской историографии не вызывал никаких сомнений и ему уделялось первостепенное внимание. Более того, под гипнозом известной формулы о «революции рабов» советские историки древности настойчиво искали эту революцию либо в рабских восстаниях II—I вв. до н. э., либо в событиях, связанных с падением Западной римской империи. В обоих случаях они оказывались в чрезвычайно затруднительном положении: те, кто говорил о революции рабов во II—I вв. до н. э. и, следовательно, о кризисе (как минимум) рабовладельческого способа производства, вынуждены были

---

<sup>81</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 155—158; ср. она же. Положение рабов в период поздней республики. ВДИ, 1963, № 2.

<sup>82</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 157.

<sup>83</sup> Там же, стр. 158.

утверждать, что кризис затянулся на четыре-пять веков и что вся история Римской империи есть история длительного и непрерывного кризиса; те, кто говорил о революции рабов в V в. н. э., были в не меньшем затруднении, ибо никаких революционных выступлений рабов в это время не происходило (даже если учитывать такие события, как движение багаудов, движение агонистиков и т. п.).

В поисках выхода из создавшегося довольно трудного положения была сделана попытка объединить обе точки зрения, что нашло свое отражение в концепции двухэтапной революции. Наиболее полно, в свое время, пытался развить и обосновать эту концепцию С. И. Ковалев. Схема его такова:

«Мы можем установить,— писал он,— две фазы революции рабов. Первая — это гражданские войны II—I вв. до н. э. Они падают на столетие между 136 и 36 гг. до н. э. В 136 г. началось первое сицилийское восстание рабов, а в 36 г. было разрушено государство рабов и пиратов Секста Помпея. Борьба Октавиана и Антония, закончившаяся в 30 г. гибелью этого последнего, была только несущественным заключительным эпизодом (?! — С. У.). После этого наступает период относительной стабилизации, так как рабовладельцам удалось разгромить революцию. Но так как процессы экономического распада рабовладельческого общества и обострения всех его социальных противоречий продолжались, то с конца II в. н. э. начинается новый взрыв революции. Она продолжается до самого V в., прерываясь короткими периодами весьма относительной стабилизации; такие периоды делаются все короче и короче, и, в конце концов, римское общество гибнет под совместными ударами революции и „варварского“ завоевания, которое являлось только обратной стороной революции»<sup>84</sup>.

Далее С. И. Ковалев поясняет, что длительность периода, на который растянулась революция рабов, объясняется общим характером рабовладельческого общества и самой революции. Если даже буржуазная революция (например, во Франции) продолжалась почти сто лет, то нет ничего удивительного в том, что революция рабов растянулась на несколько столетий<sup>85</sup>.

Кроме того, С. И. Ковалев подчеркивает различие между двумя фазами «революции рабов». На первой фазе еще не было достигнуто объединение рабов и свободной бедноты, тогда как на второй фазе уже налицо контакт рабов, колонов и «варваров», т. е. «единый фронт всех революционных сил»<sup>86</sup>. И, наконец, С. И. Ковалев намечает три линии социальных противоречий: а) между рабами и рабовладельцами, б) внутри класса

<sup>84</sup> С. И. Ковалев. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л. 1936, стр. 164—165.

<sup>85</sup> Там же, стр. 165.

<sup>86</sup> Там же.

рабовладельцев и в) между гражданами и негражданами и. в соответствии с этим, «три линии развития революции»<sup>87</sup>.

Справедливость требует отметить, что в дальнейшем С. И. Ковалев отошел от этих взглядов. В своей книге «История Рима», вышедшей в 1948 г., он уже не говорит, во всяком случае, о первой фазе революции. Он утверждает, что гражданские войны в Риме во II—I вв. до н. э. не могут считаться революцией, ибо в марксистско-ленинском понимании термин «революция» должен включать в себя следующие основные моменты: вооруженное восстание, захват политической власти и смену способа производства. К этим трем признакам он добавляет еще один: революция не может происходить тогда, когда общественный строй, против которого она направлена, находится в периоде своего роста или расцвета<sup>88</sup>.

Именно из-за отсутствия этого последнего признака события II—I вв. до н. э., считает С. И. Ковалев, не могут быть квалифицированы как революция. Это было мощное революционное движение — восстания рабов, движение крестьян, восстания италиков и провинциалов, но все же это революционное движение не смогло перерасти в истинную революцию. Она стала возможной лишь в эпоху поздней империи. И тогда-то произошла «революция рабов и колоннов, которая, вместе с варварским завоеванием, положила конец античному обществу»<sup>89</sup>.

Поиски несуществующей «революции рабов» приводили не только к искусственным схемам и натяжкам, но и к своеобразной модернизации. Так А. В. Мишулин, занимавшийся изучением восстания Спартака, начинал (вернее, заключал) также с признания двух фаз революции рабов. Он писал: «Спартакоская революция как первая фаза революции рабов потерпела поражение, но огромные последствия ее сказались решающим образом на дальнейшем развитии Римской республики, Спартакоская революция вызвала контрреволюцию Цезаря, которая определила переход от республиканского строя к монархии. Рабовладельческий класс, господство которого было надломлено революцией, был вынужден для сохранения власти перейти к военной диктатуре. Это привело позднее к новому обострению классовой борьбы, к новой революции рабов и крестьянства, которая в IV—V вв. окончательно ликвидирует рабовладельческую систему хозяйства»<sup>90</sup>.

Считая, таким образом, восстание рабов под руководством Спартака непосредственной причиной «контрреволюции Цезаря», т. е. перехода к империи, А. В. Мишулин чрезвычайно

---

<sup>87</sup> С. И. Ковалев. История античного общества. Эллинизм. Рим. Л., 1936, стр. 165—167.

<sup>88</sup> С. И. Ковалев. История Рима. Л., 1948, стр. 337.

<sup>89</sup> Там же.

<sup>90</sup> А. В. Мишулин. Спартакоское восстание. М., 1936, стр. 181.

модернизирует и переоценивает цели, задачи и сознательно-революционные моменты восстания Спартака.

Так он считает, что «выступление Спартака за освобождение рабов означало борьбу за разрушение рабства и, следовательно, рабовладельческой собственности»<sup>91</sup>. Дальше говорится: «По разрешении этой задачи рабы становились пролетариями и создавались предпосылки для более высокой стадии классово-вой борьбы, ставящей своей задачей уничтожение всякой частной собственности, ликвидацию капиталистического строя (?!—С. У.). Революция рабов была необходимым историческим звеном в борьбе за окончательную ликвидацию эксплуатации человека человеком»<sup>92</sup>.

Исходя из этих своих общих (и, несомненно, модернизаторских) воззрений на «революцию рабов», А. В. Мишулин невольно «подкрашивает» римских рабов под современный пролетариат. Он говорит о рабах, как о классе-гегемоне, уделяет большое внимание проблеме «союза» между рабами и беднейшим крестьянством.

Так, говоря о мелком крестьянстве (главным образом южных областей), которое присоединялось к восставшим рабам, А. В. Мишулин считает, что крестьянство «пыталось теперь счастье, выступая под руководством рабов как основного класса, противостоящего рабовладельческому строю»<sup>93</sup>. В другом месте он прямо говорит, что рабы играли «роль гегемона в революциях того времени»<sup>94</sup>. Мысль о рабах не только как о революционном классе, но как о классе-гегемоне всех революционных движений, включая и движение сельского плебса, выражена А. В. Мишулиным достаточно ясно и недвусмысленно.

Что касается вопроса о «союзе» между восставшими рабами и беднейшим крестьянством, то в работах А. В. Мишулина этот тезис оказывается основным положением, которое объясняет причины поражения «спартаковской революции». Эта «революция» должна была удовлетворить интересы восставших рабов и интересы крестьянства<sup>95</sup>. Однако эти интересы не совпадали: рабы, как мы уже видели, стремились, по мнению А. В. Мишулина, освободиться от рабства и даже от рабовладельческой системы как таковой; крестьяне же стремились к возврату экспроприированной у них земельной собственности, к захвату и переделу земли<sup>96</sup>. Различие двух задач движения, непонимание крестьянством того факта, что «разрешение всех вопросов крестьянской революции неотделимо от задачи

<sup>91</sup> Там же, стр. 40.

<sup>92</sup> Там же.

<sup>93</sup> Там же, стр. 133—134; ср. А. В. Мишулин. Революция рабов и падение Римской республики. М., 1936, стр. 78—83.

<sup>94</sup> А. В. Мишулин. Спартак. М., 1950, стр. 91.

<sup>95</sup> А. В. Мишулин. Спартакское восстание, стр. 134.

<sup>96</sup> Там же, стр. 138—140.

ликвидации рабовладельческой системы хозяйства, ликвидации рабства», предопределило разногласия и раскол в движении Спартака, а в конечном счете, и неудачу самого движения. «Именно это обстоятельство и не обеспечивало надлежащих условий для надежных и крепких форм смычки восстания рабов с аграрной революцией крестьянства»<sup>97</sup>. Или: «Движению стала угрожать гибель именно потому, что не было смычки этих двух эксплуатируемых классов древнего Рима»<sup>98</sup>.

Таковы были попытки марксистской интерпретации римской истории с позиций «революции рабов». Наиболее парадоксальным во всех этих рассуждениях было то, что они находились в совершенно явном противоречии с высказываниями классиков марксизма-ленинизма относительно роли рабов. Мы имеем в виду известное указание Маркса на то, что в Риме классовая борьба происходила внутри привилегированного меньшинства, а рабы были лишь «пассивным пьедесталом» этой борьбы<sup>99</sup>, и развитие данной мысли Лениным в его лекции «О государстве»<sup>100</sup>.

Само собой разумеется, что тезис о «революции рабов» не выдерживает серьезной критики. Что касается рассуждений о рабах как о классе-гегемоне, о проблеме союза с беднейшим крестьянством, то все это — не что иное, как своеобразная модернизация. Вопрос о классе-гегемоне, вопрос о ведущих и ведомых классах в ходе классовой борьбы может встать только в соответствующей исторической обстановке и только на определенном уровне развития классовой борьбы.

Не следует, как это делалось под гипнозом формулы о «революции рабов», переоценивать революционность и политическую сознательность рабов как класса или, например, считать, что переход от республики к империи целиком обусловлен восстанием Спартака. Если мы откажемся от этих предвзятых положений, то историческая роль рабов и значение их классовой борьбы никак не будут принижены. Тем более, что и не следует перегибать палку в обратную сторону: отрицание революции рабов отнюдь не означает и не должно означать отрицания всякой революционности рабов как класса.

Какова же была революционная роль рабов в действительности, каково их участие в социально-политической жизни Рима?

В неоднократно уже упоминавшейся работе Е. М. Штаерман, посвященной римскому рабству в период его расцвета, подробно рассматриваются такие формы классовой борьбы рабов, как бегство (а также убийство господ и уничтожение

<sup>97</sup> А. В. Мишулин. Спартаковское восстание, стр. 140—141; ср. А. В. Мишулин. Спартак, стр. 91.

<sup>98</sup> А. В. Мишулин. Спартаковское восстание, стр. 189.

<sup>99</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 16, стр. 375.

<sup>100</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

имущества), участие рабов в политической борьбе свободных и, наконец, восстания рабов<sup>101</sup>. Автор совершенно прав, утверждая, что не следует противопоставлять так называемые «латентные» формы борьбы (бегство и пр.) ее высшей форме, т. е. восстанию<sup>102</sup>. Отсюда вытекает вполне убедительный вывод относительно того, что рабские выступления обусловлены не стечением случайных обстоятельств, как то утверждают некоторые западные ученые (в частности, И. Фогт<sup>103</sup>), но закономерно нарастающим напряжением классовой борьбы<sup>104</sup>. Менее бесспорным представляется нам другой вывод Е. М. Штаерман о сельских рабах, как о главных (и единственных) представителях класса-антагониста (господствующему классу) и основной силе рабских восстаний<sup>105</sup>. Этот вывод возможен, даже вероятен, но он навсегда останется лишь правдоподобной гипотезой, поскольку остается неизвестным процентное соотношение сельских и городских рабов, участвовавших в крупнейших рабских движениях того времени.

Само собой разумеется, что высшей формой этих движений были восстания рабов, носившие характер стихийных революционных выступлений. Это определение приложимо в равной степени как к сицилийским восстаниям, так и к восстанию Спартака. Оценка последнего в советской историографии — она в общих чертах изложена выше<sup>106</sup> — должна быть пересмотрена. Решительно отказываясь от тезиса о «революции рабов», мы тем не менее подчеркиваем свое согласие с советскими исследователями, уже отмечавшими в свое время революционный характер выступления рабов под руководством Спартака. Не следует только переоценивать классово-сознательную сторону этого выступления. Поэтому нет никаких оснований говорить о четкой и далеко идущей в смысле социальных требований «программе» восставших рабов. Как уже указывалось, рассуждения о классе-гегемоне и о возможности «союза» между рабами и беднейшим крестьянством тоже не выдерживают серьезной критики, поскольку они оперируют категориями, неприложимыми к условиям и уровню развития классовой борьбы в римском рабовладельческом обществе. И, наконец, если иметь в виду итоги восстания Спартака, то следует пересмотреть точку зрения, сводящуюся к тому, что в результате этого восстания господствующий класс консолидируется в целях более решительного подавления рабов и

<sup>101</sup> Е. М. Штаерман. *Расцвет рабовладельческих отношений...*, стр. 219—253.

<sup>102</sup> Там же, стр. 219.

<sup>103</sup> I. Vogt. *Struktur der antiken Sklavenkriege*. Wiesbaden, 1957, S. 7.

<sup>104</sup> Е. М. Штаерман. *Расцвет рабовладельческих отношений...*, стр. 237—238.

<sup>105</sup> Там же, стр. 235; 247.

<sup>106</sup> См. стр. 144 сл.



переходит к формам «военной диктатуры», т. е., говоря иными словами, следует пересмотреть точку зрения, согласно которой восстание Спартака оказывается основной причиной перехода от республики к империи.

Подобная концепция представляется нам абсолютно неприемлемой прежде всего потому, что она не может быть доказана без явных натяжек и насилия над историческими фактами. Кроме того, в вышеизложенной концепции существует, на наш взгляд, внутреннее противоречие. Восстание Спартака не могло привести к консолидации рабовладельцев, если под этой консолидацией понимать установление политической формы Римской империи, по той простой причине, что самый «переход» от республики к империи связан не с консолидацией господствующего класса, а, напротив, с его дальнейшей дифференциацией и с захватом политической власти новыми фракциями этого класса. Причем новые фракции господствующего класса были явно враждебны (в период борьбы за власть) старым группировкам.

Все это не означает, что нельзя говорить вообще о консолидации класса рабовладельцев в связи с восстанием Спартака. Но об этом можно и следует говорить в несколько ином плане. Е. М. Штаерман в своей работе приходит к выводу, что «труд надзора» за рабами из проблемы частной, фамильной все в большей и большей степени становится проблемой государственной, что рабы из подданных только своих хозяев постепенно превращаются (хотя этот процесс и не доходит до своего логического конца) в подданных государства. Подобная тенденция прослеживается в ряде мероприятий, имеющих отношение к «рабскому вопросу», вплоть до соответствующей политики Цезаря и Августа<sup>107</sup>. Но именно эти явления служат объективным примером действительной консолидации класса рабовладельцев, консолидации, направленной своим острием против рабов как класса (или сословия) в целом.

После восстания Спартака, как известно, крупных выступлений рабов не происходит. Но это еще не доказывает того, что рабы не принимают никакого участия в политической жизни и борьбе. Однако это участие имеет чрезвычайно своеобразный характер, кстати сказать, полностью подтверждающий ту оценку роли рабов в общественных движениях своего времени, которая была дана Марксом и Лениным. Речь должна идти об использовании рабов борющимися группировками господствующего класса. Примеры подобного использования достаточно наглядны и многочисленны.

Не будем останавливаться на примерах, относящихся к временам, предшествующим борьбе марианцев и сулланцев, так

<sup>107</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 250.

как сведения, восходящие к этим более ранним периодам, весьма лаконичны и носят спорадический характер<sup>108</sup>. Гораздо более распространенным явлением следует считать использование рабов в политической борьбе, когда она, по выражению Аппиана, уже переходит в открытую войну, ведомую главарями враждующих «партий»<sup>109</sup>.

Во время первого похода Суллы против Рима марианцы, боясь окружения войсками Суллы, сделали попытку обратиться за помощью к гражданам, не принимавшим еще участия в междоусобной борьбе, и к рабам, которым они обещали свободу, что им было потом вменено в вину, как одно из главных преступлений. Однако призыв к рабам в тот момент не встретил никакого отклика<sup>110</sup>.

Когда после отбытия Суллы с войском в Малую Азию Цинна совершил антисулланский переворот, он также сделал попытку привлечь на свою сторону рабов, находившихся в Риме, и обещал им свободу. Но и на сей раз рабы, по свидетельству Аппиана, не откликнулись на его обращение, а сенат отрешил его от должности консула как человека, который выступил против интересов государства и объявил свободу рабам<sup>111</sup>.

Затем, однако, положение изменилось. Цинне, сумевшему опереться на ряд италийских городов, удалось собрать войско. К нему с шеститысячным отрядом этрусков присоединился Марий. Осадив Рим и отрезав подвоз продовольствия, марианцы снова обратились к рабам, находившимся в городе. На этот раз призыв был услышан и к Цинне и Марию перебежало большое количество рабов<sup>112</sup>.

Цинна, как известно, в дальнейшем весьма своеобразно отблагодарил рабов, перешедших на его сторону. Когда надобность в них, как в вооруженной силе, миновала и когда марианцы сочли свое положение достаточно упрочившимся, то в одну из ночей спящие рабы были окружены отрядом, набранным из галлов, и полностью перебиты. Рассказывая об этом, Аппиан не упускает случая подчеркнуть, что таким образом рабы получили достойное возмездие за нарушение верности своим господам<sup>113</sup>.

Что касается противоположной стороны в ходе этой борьбы, т. е. сулланцев, то иногда утверждают, что они избегали

---

<sup>108</sup> У некоторых авторов (App., b. c., 1, 26; Aug. Vict., de vir. ill., 65; Oros., 5, 12, 6) мы встречаем довольно смутные и противоречивые указания на попытки использования рабов во время гракханского движения. Гораздо более определенно Аппиан (b. c., 1, 42; 49) говорит об использовании борющихся сторонами рабов и вольноотпущенников в ходе Союзнической войны.

<sup>109</sup> App., b. c., 1, 55.

<sup>110</sup> Ibid., 1, 58; 60.

<sup>111</sup> Ibid., 1, 65.

<sup>112</sup> Ibid., 1, 69.

<sup>113</sup> Ibid., 1, 74.

использования рабов. Однако это не так. Уже один факт дарования Суллой гражданских прав 10 тысячам рабов проскрибированных римлян — факт, как по своему значению, так и по своим масштабам, не имевший до тех пор соответствующих прецедентов — говорит о том, что и Сулла был далеко не прочь использовать рабов для целей политической борьбы<sup>114</sup>. Более того, постоянная опора на 10 тыс. корнелиев в народном собрании уже в «мирное время», после окончания военных действий, представляется нам в этом смысле более основательной и радикальной мерой, чем спорадические обращения марианцев к рабам в разгаре междоусобной борьбы.

Во время заговора Катилины, насколько мы можем судить, не было сделано серьезной попытки привлечь к движению рабов. Сам Катилина решительно отказывался от этого. И хотя один из его ближайших сподвижников Лентул настаивал на том, чтобы он не гнушался рабами<sup>115</sup>, Катилина даже в наиболее критический момент движения не желал принимать помощи рабов, которые, по свидетельству Саллюстия, вначале стекались к нему «огромными толпами»<sup>116</sup>. Что касается Цицерона, он то называет Катилину «подстрекателем рабов»<sup>117</sup>, а то уверяет, что весь римский народ, все группы населения, включая вольноотпущенников и даже рабов, не только не поддержали, но в ужасе отшатнулись от Катилины<sup>118</sup>.

В самом Риме, в момент наибольшей паники, ходил слух о том, что в Капуе и Апулии вспыхнуло восстание рабов<sup>119</sup>. Может быть, именно боязнь восстаний и остановила сподвижников Катилины, оставшихся в Риме, и заставила их отказаться от мысли об использовании рабов. Ибо по существу нам известны лишь малоорганизованные попытки клиентов, отпущенников и рабов Лентула и Цетега выступить для освобождения своих патронов уже тогда, когда их арестовали. Но эти попытки были легко пресечены Цицероном<sup>120</sup>.

Любопытно отметить, что сам Цицерон в период борьбы с Катилиной старался если не привлечь на свою сторону, то как-то использовать рабов, восстановить их против заговорщиков или, в крайнем случае, изолировать. Сенатом были назначены награды за доносы, вскрывающие тайны заговора, в частности, рабам-доносчикам обещана свобода и сто тысяч сестерциев. Кроме того, гладиаторские труппы на всякий случай были вывезены из Рима и распределены по муниципиям<sup>121</sup>. В даль-

<sup>114</sup> App., b. c., 1, 100; 104.

<sup>115</sup> Sall., Cat., 44, 6.

<sup>116</sup> Ibid., 56, 5.

<sup>117</sup> Cic., in Cat., I, 11.

<sup>118</sup> Ibid., 4, 8.

<sup>119</sup> Sall., Cat., 30, 2.

<sup>120</sup> Sall., Cat., 50, 1—3; ср. App., b. c., 2, 5.

<sup>121</sup> Sall., Cat., 30, 6—7.

нейшем Цицерона обвиняли в том, что он в критический момент, когда в сенате решалась судьба катилинариев, заполнил капитолийский холм вооруженными рабами. Поскольку обвинение исходило от Марка Антония в период его вражды с Цицероном, оно могло быть полемическим преувеличением, но все же Цицерон вынужден был оправдываться<sup>122</sup>.

В широких масштабах рабы привлекались борющимися группировками в период «анархии» 53—52 гг. И Клодий и Милон имели вооруженные отряды, в которые входили отпущенники, рабы и гладиаторы<sup>123</sup>. Цицерон, как известно, прямо бросал Клодию обвинение в том, что он хотел составить войско из рабов (*servorum exercitus*), опираясь на которое он завладел бы государством и даже частным имуществом всех граждан<sup>124</sup>. В отряды Клодия включались, в основном, городские рабы, но в какой-то мере он привлекал рабов и из сельских местностей. Тот же Цицерон уверяет, что Клодий привел с Апеннин «грубых и диких» рабов<sup>125</sup>, с которыми раньше разорял Этрурию<sup>126</sup>. Рабам Клодий обещал свободу<sup>127</sup>, восстанавливал их против господ<sup>128</sup>; у него дома хранились вырезанные на меди законы, которые якобы отдавали всех во власть рабам<sup>129</sup>.

Конечно, эти утверждения Цицерона далеко не объективны и многое в них преувеличено. Но бесспорно одно: Клодий не только привлекал в свои отряды рабов и использовал их в качестве вооруженной силы, но одновременно проводил (или наметал) мероприятия, которые в какой-то степени содействовали повышению удельного веса рабов и вольноотпущенников в политической жизни Рима.

Клодий, как известно, восстановил квартальные коллегии<sup>130</sup>, которые были своего рода политическими клубами. Наряду со старыми коллегиями было открыто много новых, причем в их состав принимались и рабы<sup>131</sup>. По словам Цицерона, рабы поименно переписывались по всем кварталам Рима, и Клодий собирал их в вооруженные отряды, разделенные на декурии<sup>132</sup>. Это уже была, как отмечает Е. М. Штаерман, планомерная организация рабов<sup>133</sup>.

<sup>122</sup> Cic., *Phil.*, II, 7, 16.

<sup>123</sup> Cic., *pro Sest.*, 39, 85; *Ascon.*, *Com. pro Mil.*, 37, ed. Or., p. 47.

<sup>124</sup> Cic., *pro Mil.*, 28, 76; *cp. ibid.*, 38, 81.

<sup>125</sup> Cic., *pro Mil.*, 9, 26.

<sup>126</sup> *Ibidem*; *cp.* 19, 50; 32, 87.

<sup>127</sup> Cic., *at Att.*, 4, 3, 2.

<sup>128</sup> Cic., *pro Sest.*, 24, 53.

<sup>129</sup> *Ibid.*, 32, 87.

<sup>130</sup> См. выше, стр. 75.

<sup>131</sup> Cic., *in Pis.*, 4, 9.

<sup>132</sup> Cic., *pro domo sua*, 21, 54; 50, 129; *cp. pro Mil.*, 9, 25.

<sup>133</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 230.

Чрезвычайно интересен — хотя мы можем судить о нем лишь на основе отрывочных данных — неосуществленный законопроект Клодия, касавшийся давно наболевшего вопроса о распределении либертинов по трибам. Как утверждает Асконий, этот законопроект разрешал вольноотпущенным приписку и голосование во всех трибах, включая и сельские<sup>134</sup>. Именно об этом законопроекте Цицерон с негодованием говорил, что он отдавал всех во власть рабам<sup>135</sup>.

И, наконец, Клодий проектировал, возможно, по примеру Суллы, создание некоей постоянной политической опоры из рабов. Он, например, добивался, чтобы рабы кипрского царя, которых привез в Рим Катон, стали называться Клодиями<sup>136</sup>. А уже после его смерти, по словам Цицерона, был найден еще один законопроект, согласно которому все рабы становились его вольноотпущенниками<sup>137</sup>.

В конце 53 г. Клодий выдвинул свою кандидатуру в преторы. Среди претендентов на консульскую должность был Милон. Предвыборная борьба ознаменовалась неоднократными столкновениями между вооруженными отрядами Клодия и Милона. 18 января 53 г. произошла драматическая развязка. На Аппиевой дороге встретились Клодий и Милон. Оба они были окружены рабами. Завязалась драка. Раб Милона бросился на Клодия и ударил его ножом в спину. Истекающего кровью Клодия перенесли в таверну поблизости. Туда явился со своими рабами Милон, они и прикончили Клодия. Похороны его в Риме вылились в демонстрацию, в которой главное участие приняли плебеи и рабы. Милон, в свою очередь, собрал «толпу рабов и сельских жителей», пытаясь — хотя и без успеха — добиться реабилитации в народном собрании. В течение нескольких дней в Риме продолжались серьезные волнения, в которых не последнюю роль играли рабы — сторонники Клодия<sup>138</sup>.

Таковы наиболее крупные события последних десятилетий Римской республики, в которых рабы принимали участие. Характер этого участия не вызывает, однако, никаких сомнений. Самостоятельного значения действия рабов не имели. Рабы именно использовались борющимися группировками господствующего класса, причем, после того как надобность в них отпала — отбрасывались или просто уничтожались. Никто из политических деятелей этих лет даже не задумывался над проблемой рабства как таковой, над интересами рабов как класса или сословия. Может быть, некоторое исключение составляет

<sup>134</sup> Asc. n., Com. pro Mil., ed. Or., p. 52.

<sup>135</sup> См. стр. 151.

<sup>136</sup> Dio Cass., 39, 23, 2.

<sup>137</sup> Cic., pro Mil., 33, 89.

<sup>138</sup> Asc. n., Com. pro Mil., ed. Or., p. 32 sq., App., b. c., 2, 22; Dio Cass., 40, 49.

Клодий, да и он в своих политических расчетах не шел, очевидно, далее того, чтобы из отпущенных по его воле на свободу рабов создать себе более долговременную опору в комициях. Все остальное и все наиболее радикальное, что ему приписывалось — результат обычных гипербол и инсинуаций Цицерона. Что касается самих рабов, то они не столько были «пассивны», сколько весьма слабо «разбирались» в политической обстановке. Не случайно поэтому, как мы имели возможность убедиться из вышеизложенного, рабов в равной мере использовали как «аристократы», так и «демократы», как сторонники существовавшего режима, так и его противники. Все это еще раз подтверждает известные слова о том, что рабы «даже в наиболее революционные моменты истории всегда оказывались пешками в руках господствующих классов»<sup>139</sup>.

В работе Е. М. Штаерман делается чрезвычайно интересная попытка учесть, когда и в какой степени привлекались к участию в политической борьбе рабы сельские или рабы городские<sup>140</sup>. Однако эту сторону дела едва ли можно уточнить, поскольку нам не ясно, проводили ли подобную дифференциацию в своих описаниях сами древние авторы. Во всяком случае, упоминания о привлечении сельских рабов настолько случайны и настолько лапидарны, что, вероятнее всего, основную массу рабов, используемых в политической борьбе свободных, составляли именно городские рабы. Движение Клодия подтверждает этот тезис наиболее наглядным образом.

Перейдем теперь к некоторым общим выводам. В данной главе нами были рассмотрены вопросы, касающиеся исторической эволюции римского плебса и политической роли класса рабов. И плебс, и рабы, с нашей точки зрения, были революционными силами римского общества. Однако это положение требует определенных оговорок. Во-первых, революционные возможности как плебса, так и рабов не однородны, не однохарактерны, в разное время — в зависимости от сложившихся условий — они проявлялись по-разному. Это мы пытались не только иметь в виду, но и показать всем предшествующим изложением. Во-вторых, говоря о революционности плебса или рабов, нужно учитывать в первом случае те специфические особенности, которые мы стремились подчеркнуть в начале главы и которые всегда неизбежно ограничивают революционные возможности крестьянства, во втором же случае следует иметь в виду элементы стихийности, недостаточной организованности и политической незрелости рабов. По отношению к плебсу и рабам в равной степени не следует также забывать об общем низком, недостаточно развитом в силу исторических

<sup>139</sup> В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 82.

<sup>140</sup> Е. М. Штаерман. Расцвет рабовладельческих отношений..., стр. 226 слл.

условий, уровне классовой борьбы в рабовладельческом обществе.

В заключение хотелось бы остановиться еще на одном вопросе. Мы уже касались его в самом начале работы<sup>141</sup>. Это — вопрос о связи между двумя революционными силами римского общества, о связи между двумя линиями борьбы. Перекрещивались ли между собой эти две линии, сливались ли они в одну — хотя бы временно — или они существовали самостоятельно и раздельно?

Как указывалось выше, в советской историографии делались, в свое время, попытки трактовать аграрную крестьянскую революцию в качестве «подчиненного направления» революции рабов. Эти попытки обуславливались представлениями о классе-гегемоне и проблемой «союза» между рабами и паuperизованным крестьянством. Нам пришлось подчеркнуть неприемлемость подобных попыток, но наряду с этим и ошибочность противоположного утверждения о революционных выступлениях рабов, как о составной (и опять-таки подчиненной) части крестьянской революции<sup>142</sup>.

И та, и другая точка зрения неверны. Однако нельзя считать случайным совпадением тот общеизвестный факт, что крупнейшие восстания рабов происходили в период крайнего обострения борьбы среди свободных. Подобное совпадение обусловлено особыми причинами и между самими причинами существует определенная связь.

Так, развитие и укрепление рабовладельческих отношений в Риме было определенным образом связано с кризисом полиса. Кстати сказать, такого рода связь представляет собой более широкое и более общее явление: рабовладельческий способ производства получает наиболее благоприятные перспективы развития именно в этих условиях. Недаром Маркс считал, что полис базируется отнюдь не на рабском труде, но на мелком крестьянском хозяйстве и независимом ремесленном производстве, которые и «образуют экономическую основу классического общества в наиболее цветущую пору его существования»<sup>143</sup>.

Но развитие рабовладения и кризис полиса имели, в свою очередь, общую причину: превращение Рима в крупнейшую средиземноморскую державу. Само собой разумеется, что эта держава не могла уже довольствоваться прежним примитивно-натуральным экономическим базисом и соответствующей ему — тоже примитивной и неприспособленной для новых условий — политической надстройкой. Отсюда первые симптомы кризиса полисной (античной) формы собственности и начало разложения полисных институтов. Отсюда же развитие новых форм

<sup>141</sup> См. выше, стр. 30.

<sup>142</sup> См. стр. 31.

<sup>143</sup> К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 23, стр. 346, прим. 24.

эксплуатации и проникновение рабского труда в основные отрасли производства.

Связь между всеми названными причинами порождала самые многообразные и разнохарактерные явления в социально-политической жизни Рима. Эти явления всегда могли быть возведены к общей причине, но, с другой стороны, никак не исключалась возможность их самостоятельного и независимого развития. На укрепление рабовладельческих отношений в Риме рабы отвечали стихийными массовыми восстаниями. Революционные выступления римско-италийского крестьянства тесно связаны с кризисом и разложением полиса. Таким образом, это две линии, два направления борьбы, которые хотя и были порождены общими причинами, но тем не менее развивались самостоятельно, не перекрещиваясь друг с другом и не сливаясь воедино.

Это было именно так, да и в условиях рабовладельческого строя даже не могло быть иначе — слишком велика была пропасть между рабом и свободным (тем более римским гражданином), слишком различны были их нужды и интересы. Причем, как это ни парадоксально, пропасть была, пожалуй, особенно велика между рабом, с одной стороны, и пауперизованным крестьянином, с другой. Последний часто отличался от раба только тем, что он свободнорожденный и, следовательно, римский гражданин, но тем более он ценил это единственное отличие, гордился им и подчеркивал его. «Союз» свободного с рабом всегда был не чем иным; как союзом всадника с лошады. Раба можно было привлечь, использовать, можно было даже в какой-то степени считаться с ним, но нельзя было признать его равным или подобным себе. Как мы могли убедиться из краткого обзора важнейших событий эпохи гражданских войн, рабы действительно довольно часто и довольно охотно использовались вождями борющихся групп в качестве то менее, то более длительной опоры, но в качестве «гражданского» или идейного союзника — никогда. Именно по этой причине две вышеназванные линии социально-политической борьбы — плебейско-крестьянская и рабская — не могли ни при каких обстоятельствах слиться воедино. Это было обусловлено всей логикой, характером и уровнем развития классовой борьбы в римском рабовладельческом обществе.



## Глава V

### Оптиматы и популяры

---

В современной историографии долгое время сохранялось (а в какой-то мере сохраняется и сейчас) представление о политической борьбе в Риме во II—I вв. до н. э., основанное на том, что признавалось наличие двух противостоящих политических группировок или партий — оптиматов и популяров. Общеизвестная схема такова: в ходе движения Гракхов или вскоре после гибели Гая Гракха складываются основные римские политические группировки (или партии). Дальнейшее развитие политической жизни и борьбы рассматривается уже как проявление соперничества между этими партиями, т. е. оптиматами и популярами, а наиболее яркими примерами их борьбы считают господство марianцев в Риме, гражданскую войну и диктатуру Суллы; по мнению некоторых исследователей, сюда следует присоединить и так называемый заговор Катилины. Причем оптиматы рассматриваются как партия нобилитета, сенатская партия, т. е. как партия правящих верхов, а популяры — как партия демократическая и, конечно, оппозиционная. В соответствии с изложенным напрашивается лишь один возможный вывод: в Риме — во всяком случае, в эпоху поздней республики — существовала своеобразная «двухпартийная система».

Представление об оптиматах и популярах, как о двух политических партиях, мы можем встретить еще у Друмана<sup>1</sup>. Но гораздо более ярко концепция двух противостоящих друг другу партий проступает в «Римской истории» Моммзена<sup>2</sup>, и с тех пор, вплоть до начала XX века, эта концепция принимается всей западноевропейской историографией как нечто само собой разумеющееся. Впервые некоторое сомнение в ее непогрешимо-

---

<sup>1</sup> W. Drumann, P. Groebe. Geschichte Roms in seinem Ubergang von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, V<sup>2</sup>. Berlin, 1899. S. 662.

<sup>2</sup> Th. Mommsen. Römische Geschichte, I<sup>0</sup>, S. 305; II<sup>0</sup>, S. 72.

сти возникает в связи с появлением работ М. Гельцера<sup>3</sup>, который пытался отойти от модернизаторских представлений о политической борьбе в Риме, вскрыть специфику этой борьбы, подчеркивая значение родовых и фамильных связей, а также значение клиентелы.

Тем не менее в современной литературе мы не встретим устоявшейся точки зрения. Одни, как, например, Ласт, считают невозможным отождествлять популяров с демократами, но не очень ясно излагают свое понимание вопроса о партиях<sup>4</sup>, другие считают возможным говорить о партиях в Риме, подчеркивая лишь, что не следует вкладывать в термин «партия» (*partes*) современное содержание<sup>5</sup>. Таким образом, на наш взгляд, «двухпартийная» схема политической борьбы в Риме еще не пересмотрена достаточно последовательно<sup>6</sup>.

Более того, эта «двухпартийная» схема иногда полностью, иногда частично оказывается перенесенной в труды многих советских историков. Еще в 30-х годах В. С. Сергеев писал, что после смерти Тиберия Гракха борьба ведется между политически организованными группами или партиями — оптиматами, представляющими интересы нобилитета, и популярами, организованным ядром сельского и городского плебса<sup>7</sup>.

Подобную точку зрения в дальнейшем разделял А. В. Мишулин, который считал одним из основных итогов гракханского движения «дальнейшую поляризацию политических группировок» и формирование в результате этого процесса партий оптиматов и популяров<sup>8</sup>. Не менее определенно высказывается по этому вопросу и Н. А. Машкин: со смертью Тиберия Гракха политическая борьба не прекратилась. С этого времени можно говорить о двух основных римских политических партиях: оптиматах и популярах<sup>9</sup>. И хотя в специальной работе Н. А. Машкин считает нужным оговорить свое понимание существования политических партий в Риме, тем не менее он рассматривает оптиматов как партию аристократическую, а популяров как партию демократическую<sup>10</sup>. По мнению С. И. Ковалева,

---

<sup>3</sup> M. Gelzer. Die Nobilität der römischen Republik. Leipzig, 1912; он же. Caesar. München, 1942.

<sup>4</sup> САН, IX, стр. 137—138.

<sup>5</sup> H. Drexler. Nobilitas. Romanitas.— «Revista de cultura Romana». Ano III. Rio de Janeiro, 1961, стр. 188; ср. L. R. Taylor. Party Politics in the Age of Caesar. Berkeley, 1949.

<sup>6</sup> H. Strasburger. RE, s. v. *optimates*; см. там же более подробный обзор современной литературы.

<sup>7</sup> В. С. Сергеев. Очерки по истории древнего Рима, ч. I. М., 1938, стр. 173.

<sup>8</sup> А. В. Мишулин. История древнего Рима. М., 1946, стр. 68.

<sup>9</sup> Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1949, стр. 249.

<sup>10</sup> Н. А. Машкин. Римские политические партии в конце II и в начале I в. до н. э. ВДИ, 1947, № 3, стр. 126—139.

названия «оптиматы» и «популяры» получили распространение примерно в период Югуртинской войны, причем название «оптиматы» применялось «для обозначения нобилитета», а «популяры» — «для народной партии»<sup>11</sup>. Наиболее же ярко вышеприведенная схема излагается В. Н. Дьяковым, для которого вся история политической борьбы в Риме, начиная с 30-х годов II в., есть история борьбы популяров (т. е. римских демократов) и нобилитета<sup>12</sup>, причем движение Гракхов трактуется как реформаторский период этой борьбы, марианское движение — как попытка установления военно-демократической диктатуры, правление Цинны — как победа «радикальных популяров» и, наконец, заговор Катилины — как последнее движение популяров (опять-таки радикальных) в Риме.

Таковы распространенные до наших дней воззрения на характер и особенности политической борьбы в Риме. Однако все эти конструкции — столь устоявшиеся и столь привычные — оказываются весьма шаткими при попытке найти для них прочную опору в источниках. Для того чтобы показать всю сомнительность общеизвестной схемы расстановки сил на политической арене Рима, начнем с анализа понятий «оптиматы» и «популяры».

Точная датировка появления термина «*optimates*» в Риме, очевидно, невозможна. Штрасбургер лишь указывает на вероятность достаточно раннего возникновения этого понятия, ссылаясь на то, что идеал *vir bonus* был весьма древней «составной частью» этических воззрений римской знати. Однако термин «*optimates*» как таковой едва ли мог появиться ранее II в. до н. э. Слово «*optimates*» — в чем никто из исследователей не сомневается — является римским эквивалентом (переводом) греческого термина *ἄριστοι*, следовательно, оно скорее всего могло появиться в Риме только в период широкого проникновения греческих влияний. Косвенным подтверждением сравнительно недавнего, применительно ко времени Цицерона, возникновения и малого распространения термина «*optimates*» может, с нашей точки зрения, служить тот факт, что этого термина совершенно не знает Саллюстий. Кроме того, термин даже в это время был недостаточно четким и определенным. Он обозначал «лучших», по всей вероятности, без более детального определения или ограничения круга этих «лучших». Штрасбургер, очевидно, неправ, когда утверждает, что слово «*optimates*» было само собой понятно для каждого римлянина. Если бы это было так, то едва ли Цицерон в своей речи «За Сестия» вынужден был давать развернутое определение понятия. Кро-

<sup>11</sup> С. И. Ковалев. История Рима, стр. 37.

<sup>12</sup> «История древнего мира», под ред. В. Н. Дьякова и Н. М. Никольского. М., 1952, стр. 577—633.

ме того, не следует упускать из виду (а это, к сожалению, обычно и происходит), что Цицерон в этой речи развертывает свое определение «*optimates*» в ответ на вопрос и даже недоумение своего оппонента, что опять-таки не свидетельствует о ясности, точности и распространенности термина.

Бесспорным следует считать то обстоятельство, что до высказываний Цицерона по поводу значения термина «*optimates*» мы не имеем не только четких указаний на содержание этого понятия, но даже не встречаемся в наших источниках с самим термином. Первым (и единственным для I в. до н. э.) источником является, таким образом, Цицерон. Только он дает и определение, и различные применения этого термина. Следовательно, при анализе содержания интересующего нас понятия «*optimates*» следует первоначально исходить из того, как понимал, определял и применял данный термин сам Цицерон.

Непредубежденное и объективное изучение речей, теоретических произведений, а также эпистолярного наследия Цицерона показывает, что он не употреблял выражения «оптиматы» в смысле политической партии или группировки. Основное, главное и, если можно так сказать, терминологическое употребление слова «*optimates*» целиком укладывается в понятие *ἄριστοι*. Но что значит *ἄριστοι* для Цицерона? Это — лучшие, избранные «аристократы духа». Подобное воззрение на оптиматов (= *ἄριστοι*) последовательно развито в «*De re publica*». При определении различных форм правления Цицерон говорит: «Затем (управление государственными делами. — С. У.) вручается или одному или некоторым избранным (*delectis quibusdam*) или всей массе. Поэтому если оно в руках одного, то такого одного мы называем царем, а форму такого государства парской. Если же оно в руках избранных (*delectos*), то такое государство считается управляемым благоусмотрением оптиматов (*arbitrio optimatum*)»<sup>13</sup>. Для правления оптиматов характерно господство разума, интеллекта. Несколько ниже Цицерон подчеркивает: «Но выступают оптиматы, утверждая, что (их строй. — С. У.) лучше, так как разум (*consilium*) проявится в большей мере, если у кормила правления стоит не один человек, а несколько, так же как чувства справедливости и верности... Итак, цари привлекают нас милостью, оптиматы — разумом (*consilio*), народ — свободой»<sup>14</sup>.

Но кто же эти «избранные», эти «аристократы духа», какими качествами следует обладать и каким требованиям удовлетворять, чтобы попасть в их круг? Цицерон сам ставит этот вопрос: как же определяется этот наилучший? По его образованности, способностям, излюбленным занятиям? (*qui enim*

<sup>13</sup> Cic., de rep., 1, 26, 42.

<sup>14</sup> Cic., de rep., 1, 35, 55.

indicatur iste optimus — doctrina, artibus, studiis?)<sup>15</sup>. И сам дает на него ответ, подчеркивая, что принадлежность к оптиматам определяется отнюдь не принадлежностью к тому или иному сословию, но именно дарованиями, доблестью, изучением государственного устройства<sup>16</sup>. Эта характерная постановка вопроса и не менее примечательный ответ уже вплотную подводят нас к знаменитому определению оптиматов (и популяров) в речи за Сестия.

В этой речи Цицерон, отвечая, как известно, на прямо поставленный ему вопрос обвинителя, к какому «роду людей» принадлежат оптиматы (*quae esset nostra natio optimatum*), дает следующее определение. «Всегда, — говорит он, — в нашем государстве было два рода людей, которые стремились к государственной деятельности и к выдающейся роли в государстве: одни из них хотели считаться и быть популярами, другие — оптиматами. Те, действия и высказывания которых приятны толпе, — популяры, те же, чьи действия и намерения встречали одобрение у каждого достойного человека (*ut sua consilia optimo cuique probarent*), — оптиматы»<sup>17</sup>. И дальше продолжается это единственное в литературе — как по своему значению и обстоятельности, так и вообще единственное — определение: «Число оптиматов неизмеримо: это — руководители государственного совета (*principes consilii publici*), это те, кто следует их образу действий (*qui eorum sectam sequuntur*), это люди из важнейших сословий, которым открыт доступ в курию, это жители муниципиев и сельское население, это дельцы, это также и вольноотпущенники». Короче говоря, это — все те, «кто не наносит вреда, не бесчестен по натуре, не необуздан и обладает нерасстроенным состоянием»<sup>18</sup>. Несколько ниже Цицерон определяет и ту цель, к которой стремятся оптиматы. «Самое важное и наиболее желательное, — утверждает он, — для всех здравомыслящих, честных и превосходных людей (*omnibus sanis et bonis et beatis*) — это покой, сочетающийся с достоинством (*cum dignitate otium*)»<sup>19</sup>.

Таково принципиальное определение понятия «*optimates*», даваемое Цицероном. Некоторыми исследователями оно не принимается за «чистую монету», но считается несколько специфичным или, вернее, пропагандистским. Но, на наш взгляд, это делается без достаточных оснований. Так, по мнению того же Штрасбура это — перетолкование («*das ist eine secundäre Neudeutung durch Zurückgreifen auf den Wortsinn*») <sup>20</sup>. Он наме-

<sup>15</sup> Cic., de rep., I, 33, 50.

<sup>16</sup> Cic., pro Sest., 65, 136—138.

<sup>17</sup> Cic., pro Sest., 44, 96.

<sup>18</sup> Cic., pro Sest., 45, 97.

<sup>19</sup> Cic., pro Sest., 45, 98.

<sup>20</sup> H. Strasburger. RE, s. v. *optimates*.

кает на то, что было какое-то иное, общеизвестное (т. е. первичное) значение термина «*optimates*». Но это все же недостаточно обоснованное предположение. Никакого «первичного значения» интересующего нас термина, засвидетельствованного источниками, никто из исследователей, в том числе и сам Штрасбургер, не может указать. Поэтому нам следует довольствоваться тем определением, какое дает Цицерон, а не тем, которое хотелось бы иметь некоторым исследователям, памятуя также, что Цицероновое определение, хоть мы и не знаем, насколько оно было распространено и общепринято, безусловно принадлежит античности, тогда как некоторые современные определения, якобы более «соответствующие», являются на самом деле лишь модернизаторскими домыслами.

Из анализа цитированного выше определения вытекает, во-первых, что в понимании Цицерона оптиматы никоим образом не являются «партией» нобилитета, да и вообще не должны рассматриваться в качестве какой-либо партии или политической группировки, во-вторых, что оптиматы — понятие межсословное. Говоря об «*optimates*», Цицерон имеет в виду широкий социальный слой населения — от нобилия до отпущенника. Это — благонамеренные и зажиточные граждане, независимо от их принадлежности к тому или иному *ordo*.

Подобное воззрение, как уже указывалось выше, Цицерон отстаивает и в другом месте разбираемой речи<sup>21</sup>. Что же касается включения в число оптиматов и *libertini*, то это, видимо, не «оговорка» и не демагогический прием оратора, поскольку в одном из сугубо частных писем к Аттику, Цицерон называет вольноотпущенника Филотима «вполне и весьма (*nimius*) оптиматом»<sup>22</sup>. Понятие «*optimates*» (= *ἀριστοί*) для Цицерона почти всегда равнозначно понятию «*boni*». В таком равнозначном смысле он употребляет оба эти термина как в разбираемой речи<sup>23</sup>, так и в других случаях<sup>24</sup>. Следует отметить, что, провозглашая свои излюбленные лозунги *concordia ordinum* или *consensus bonorum omnium*, а также развивая в *De officiis* учение об идеальном гражданине (*vir bonus*), Цицерон и здесь имел в виду не только представителей двух высших сословий, союз между которыми он пропагандировал почти всю жизнь, но и «лучших» (*boni*) из народа, разумея под ними отдельных представителей верхушечных слоев плебса, т. е. тех, кого он относил к «сословиям» эрарных трибунов, писцов и т. п.<sup>25</sup>

<sup>21</sup> Ср. *Cic., pro Sest.*, 66, 138.

<sup>22</sup> *Cic., ad Att.*, 9, 7, 6.

<sup>23</sup> *Cic., pro Sest.*, 44, 96; 48, 103; 66, 139.

<sup>24</sup> Ср., например, *ad Att.*, 1, 13, 2; *ad fam.*, 1, 9, 17.

<sup>25</sup> Подробнее об этом см. С. Л. Утченко. Учение Цицерона об «идеальном гражданине» (*vir bonus*). ВДИ, 1954, № 3, стр. 21—32.

Итак, для Цицерона оптиматы, это — благонамеренные и зажиточные граждане независимо от их принадлежности к тому или иному сословию. Это — все порядочные образованные, интеллигентные люди, противопоставляемые необразованной массе, толпе (*multitudo*), т. е. «чистая» публика, в отличие от «простого» народа. Именно в этом смысле Цицерон многократно употребляет термин «*optimates*» и в своих теоретических трудах<sup>26</sup>, и в речах<sup>27</sup> и, наконец, в письмах<sup>28</sup>.

Но было бы, конечно, неправильным утверждать, что понятие «*optimates*» лишено у Цицерона политической окраски. Это вообще невозможно. В своих исторических экскурсах Цицерон неоднократно упоминает об оптиматах и об их роли в политической жизни и борьбе. Но и здесь дело обстоит гораздо сложнее, чем это кажется сторонникам прямолинейной схемы, основанной на представлении о «двухпартийной системе», хотя, видимо, именно из этих экскурсов и вытекает интерпретация борьбы во времена Гракхов, во времена Марии и Суллы как борьбы между политическими «партиями» оптиматов и популяров.

Нам известны, собственно говоря, лишь два случая, когда Цицерон непосредственно связывает понятие «*optimates*» с рассуждением о политической борьбе, о Гракхах, о Марии и Сулле.

Прежде всего следует иметь в виду краткий исторический экскурс в той же речи в защиту Сестия<sup>29</sup>. Здесь говорится, что были такие случаи, когда стремления массы (*multitudinis studium*) и выгода народа (*populi commodum*) во многом не совпадали с пользой для государства. Луций Кассий предлагал закон о тайном голосовании, народ (*populus*) считал, что речь идет о его свободе, но несогласны были первенствовавшие (*principes*): в интересах благополучия оптиматов (*in salute optimatum*) они боялись безрассудства и произвола массы (*multitudinis*) при голосовании. Тиберий Гракх предлагал земельный закон. Закон был приятен народу (*populo*), поскольку, видимо, обеспечивал благополучие бедняков (*tenuiorum*). Этому воспротивились оптиматы (*optimates*), так как это, по их мнению, служило источником раздоров и поскольку людей состоятельных (*locupletes*) удаляли из их постоянных владений, государство лишалось защитников. Гай Гракх предлагал хлебный закон. Это также было приятно плебсу (*plebei*); пропитание щедро предоставлялось без затраты труда. Но этому закону воспротивились все честные люди (*boni*), считая, что он

<sup>26</sup> Cic., de rep., 1, 32, 48; 50; 65; 2, 12, 23; 23, 41; 3, 35, 47; de leg., 2, 12, 30; 3, 3, 10; 15, 33; 17, 38.

<sup>27</sup> Cic., pro Flacc., 58; in Cat., 1, 3, 7.

<sup>28</sup> Cic., ad Att., 1, 20; 9, 11; 14, 21; ad. Q. fr., 1, 1.

<sup>29</sup> Cic., pro Sest., 48, 103.

отвлекает плебс от работы, склоняет его к праздности и истощает эрарий.

Если даже рассматривать данный краткий исторический экскурс как описание борьбы и противодействия оптиматов реформам Гракхов, то и в этом случае нельзя признать, что речь идет о борьбе двух политических группировок или партий. Во-первых, в вышеприведенном отрывке оптиматы противопоставлены не популярам, но либо народным массам (*multitudo*, *populus*), либо плебсу. Во-вторых, термин «*optimates*» снова употребляется равнозначно с термином «*boni*», что еще раз подчеркивает обычное для Цицерона понимание термина. И, наконец, если внимательно проследить смысл противопоставления «*optimates*», «*boni*», с одной стороны, и «*multitudo*», «*populus*», «*plebs*», с другой, то ясно видно, что данное противопоставление последовательно проведено отнюдь не в политическом, но именно в социальном плане: это противопоставление людей зажиточных (*locupletes*) — беднякам (*tenuiores*).

Следовательно, данный отрывок не дает, на наш взгляд, никаких оснований для того, чтобы конструировать вывод о возникновении в эпоху Гракхов политических партий (оптиматов и популяров) в Риме. Во всяком случае он дает для этого не больше оснований, чем утверждение Цицерона, что Ромул создал сенат из оптиматов<sup>30</sup>. Однако, насколько нам известно, никто еще не рискнул привлечь это свидетельство в качестве доказательства существования политических партий в Риме со дня основания города.

Второй исторический экскурс, на котором следует остановиться, приведен к речи *De haruspicum responso*<sup>31</sup>. Здесь сначала излагается предостережение гаруспиков против раздоров и разногласий среди оптиматов, затем приводятся примеры подобных раздоров: борьба между Марием и Суллой, между Октавием и Цинной<sup>32</sup>.

Таким образом, в данном экскурсе вдруг оказывается, что и Марий, и Сулла, и Октавий, и Цинна — это все оптиматы, но только сошедшие с правильного пути, испортившиеся вследствие взаимных раздоров и соперничества. Следовательно, для Цицерона борьба между марианцами и сулланцами, это отнюдь не борьба между политическими группировками оптиматов и популяров, но пример раздоров среди самих оптиматов, т. е. «лучших», «прославленных и высокочестных граждан» (*clarissimorum et optime meritorum civium*)<sup>33</sup>. Все это еще раз и достаточно ярко свидетельствует о том, какое социальное содержание вкладывал Цицерон в термин «*optimates*»

<sup>30</sup> Cic., de rep., 2, 12, 23.

<sup>31</sup> Cic., de har. resp., 19, 40—41; 25, 53—54.

<sup>32</sup> Cic., de har. resp., 25, 53—54.

<sup>33</sup> Cic., de har. resp., 25, 53.



и насколько оно далеко отстоит от представления об оптиматах как «партии» нобилитета.

Но, когда мы указывали на то, что термин «*optimates*» имеет для Цицерона определенную политическую окраску, мы имели в виду наличие у Цицерона еще одного понятия (и термина), на которое, на наш взгляд, исследователи не обращали в этом специфическом смысле достаточного внимания. Это — понятие вождей, руководителей, «верхушки» оптиматов. Он их определяет чаще всего термином «*principes*»<sup>34</sup>, иногда терминами «*gubernatores*»<sup>35</sup>, «*conservatores civitatis*»<sup>36</sup>, «*auctores et conservatores civitatis*»<sup>37</sup>. Этих руководителей оптиматов Цицерон достаточно четко отделяет от самих *optimates*. Так, он говорит: «Те, кто этого хочет (покая в сочетании с достоинством.— С. У.) — все считаются оптиматами, а те, кто это осуществляет, — выдающимися мужами и охранителями государства»<sup>38</sup> или в другом месте: «Те, кто это защищает (существующее государственное устройство.— С. У.) — оптиматы, к какому бы сословию они ни принадлежали, а те, которые более всего выносят на своих плечах бремя таких больших обязанностей и государственных дел, — всегда считались первыми среди оптиматов, руководителями и охранителями государства»<sup>39</sup>.

Таким образом, если, как установлено выше, оптиматы в понимании Цицерона никак не политическая партия или группировка и тем более не сословие нобилитета, но гораздо более широкое, межсословное и, в первую очередь, социальное понятие, то *principes*, *conservatores civitatis* — это и есть политические вожди, политическое руководство, однако их реальная политическая ориентация может быть различной. Так, в речи про *Sestio* Цицерон в качестве вождей оптиматов перечисляет исключительно представителей нобилитета, каковы, например, Марк Скавр, Квинт Метелл, Квинт Катул<sup>40</sup>, но в *De haruspium responso* в число этих «вождей оптиматов», как мы уже убедились, попадают, наряду с Суллой и Октавием, также Марий (*homo novus!*) и Цинна.

В целях полноты нашего исследования термина «*optimates*» и применения Цицероном этого термина нужно выяснить, в каком смысле применяется данный термин в таком специфическом

---

<sup>34</sup> Cic., pro Sest., 45, 97; 48, 103; 65, 136; 66, 138. О значении термина «*principes*» у Цицерона писали Р. Хайнце и В. Шур. Но оба они не увязывали это понятие с *optimates*, а Хайнце считает термин «*principes*» переводом *аристот*, с чем едва ли можно согласиться.

<sup>35</sup> Cic., pro Sest., 45, 98.

<sup>36</sup> Ibidem.

<sup>37</sup> Cic., pro Sest., 66, 138.

<sup>38</sup> Cic., pro Sest., 45, 98.

<sup>39</sup> Cic., pro Sest., 66, 138.

<sup>40</sup> Cic., pro Sest., 47, 101.

источнике, как эпистолярное наследие Цицерона. Знакомство с его письмами может еще раз убедить нас в том, что Цицерон употребляет термин «*optimates*» лишь в одном значении — *ἀριστοί* (= *boni*), и это было отмечено выше<sup>41</sup>. Но в письмах проступает еще один оттенок значения термина «*optimates*», который, очевидно, может быть прослежен и в речах и в теоретических трудах, правда, не столь явно. *Optimates* — это те «лучшие», которые занимали «правильную» позицию в год консульства самого Цицерона или ныне занимают такую же «правильную» (то есть — отрицательную) позицию по отношению к Цезарю. Так, в письме к Лентулу Спинтеру Цицерон пишет: «Лентул, ты не найдешь у благонамеренных людей тех же чувств (*eundem bonorum sensum*), которые у них были при твоём отъезде..., а те, кого называли оптиматами, когда я был у власти (*ii, qui tum postro illo statu optimates nominabantur*), дают это понять не только выражением лица... etc.<sup>42</sup> В 49 г. в письме к Аттику он говорит: «Меня к этому приводит не он, а людская молва, о которой мне пишет Филотим. Ведь оптиматы, по его словам, меня разрывают. Всеблагие боги! Что за оптиматы (*quibus optimatibus!*). Как они теперь бегут навстречу, как предаются Цезарю!.. Поэтому я и спрашиваю тебя, кто эти оптиматы, которые меня выталкивают, хотя сами остаются дома?»<sup>43</sup>.

Но если даже учесть только что отмеченный оттенок понятия «*optimates*», который довольно отчетливо проступает в приведенных цитатах, то от этого, по существу, ничего не зависит, так как основной смысл термина остается без изменения и в письмах. Все вышеизложенное дает, на наш взгляд, возможность прийти к твердым выводам относительно понимания Цицероном термина «*optimates*» и применения им этого термина как в теоретических произведениях, так и в речах и, наконец, в письмах.

До сих пор мы были заняты анализом понятия «*optimates*» на основе использования этого термина Цицероном. По причинам, которые уже были указаны<sup>44</sup>, такой подход вполне правомерен. Однако для более серьезного обоснования нашей трактовки термина и понятия, едва ли можно ограничиться приведенным материалом. Необходимо, хотя бы в самых общих чертах, выяснить характер интересующего нас словоупотребления у более поздних авторов. Быть может, если и не Цицерон, то, скажем, историки императорской эпохи привнесли в термин «*optimates*» то значение, которое и перешло потом

<sup>41</sup> См. стр. 161—162.

<sup>42</sup> *Cic.*, ad fam., 1, 9, 17; ср. ad Att., 1, 20, 3.

<sup>43</sup> *Cic.*, ad Att., 8, 16, 1—2; ср. 9, 5, 3; 9, 11, 3.

<sup>44</sup> См. стр. 159.

в концепцию Друмана — Моммзена? Но как показывает словоупотребление более поздних авторов, для подобного утверждения мы также не имеем достаточных оснований. Историки императорской эпохи, во-первых, употребляют интересующий нас термин сравнительно редко, во-вторых, они только употребляют, но не определяют его и, наконец, в-третьих, судя по употреблению и применению термина «*optimates*», они весьма далеки от противопоставления оптиматов как «правящей партии» — популярам как «партии оппозиционной».

Остановимся на наиболее характерных примерах. У Ливия (вернее, у его эпитоматора) встречается, например, указание на то, что Тиберий Гракх, когда он хотел быть вторично избранным в трибуны, был убит оптиматами на Капитолии по инициативе и под руководством Корнелия Назики (*auctore P. Cornelio Nasica in Capitolio ab optimatibus occisus est*)<sup>45</sup>. Кстати, несколько выше указывается, что аграрный закон Тиберия Гракха был проведен против воли сената и всаднического сословия, но отнюдь не оптиматов<sup>46</sup>. Так же бегло говорится о коварстве Помпея Страбона, который во время переворота, совершенного Циннией и Марием, *vires Cinnae dedit nec nisi profugatis optimatum rebus auxilium tulit*<sup>47</sup>, но, конечно, и это указание недостаточно для того, чтобы изображать данный переворот как борьбу между оптиматами и популярами. О весьма свободном обращении Ливия с терминами «*optimates*» и «*populares*» свидетельствует тот факт, что он считал возможным употреблять эти термины применительно к самому раннему периоду борьбы патрициев и плебеев<sup>48</sup>. Это, кстати, единственное у Ливия место, где дано какое-то противопоставление оптиматов популярам, причем первые отождествляются с патрициями, вторые — с плебеями. Возможно, что здесь мы сталкиваемся с «модернизированным» применением интересующих нас терминов, как это вообще характерно для Ливия, но делать какие бы то ни было твердые выводы на основании этого, пожалуй, единственного и явно риторического противопоставления, на наш взгляд, более чем рискованно.

Что касается словоупотребления Светония<sup>49</sup>, который называет противников Антония оптиматами, то, как отмечает Штрасбургер<sup>50</sup>, его понимание этого термина, несомненно, близко к Цицеронову. Видимо, в том же духе (хотя это менее ясно) применяет понятие «*optimates*» Тацит, когда он говорит, что дед

<sup>45</sup> Liv., per. 58; ср. Vell., 2, 3, 1.

<sup>46</sup> Liv., *ibid.*

<sup>47</sup> Liv., per. 79; ср. Vell., 2, 20, 3.

<sup>48</sup> Liv., 3, 39, 9.

<sup>49</sup> Suet., Aug., 10, 2; 12.

<sup>50</sup> Strasburger. RE, s. v. *optimates*.

Луция Домиция погиб при Фарсале, защищая дело оптиматов (*pro optimatibus cecidit*)<sup>51</sup>.

Таким образом, использование и применение историками императорской эпохи интересующего нас термина (хотя оно более схематично, а потому менее определенно и ясно, чем словоупотребление Цицерона) тоже не дает, как нам кажется, достаточных оснований для каких бы то ни было выводов о наличии в Риме «двухпартийной системы». Приходится признать, что подобная конструкция создана современной историографией без надлежащей опоры на источники или, говоря словами Штрасбургера, «эта систематика выводится из современных политических понятий и представлений».

Перейдем теперь к рассмотрению понятия «*populares*». Здесь мы можем быть более краткими, по крайней мере, по двум причинам. Во-первых, наш общий подход и отношение к проблеме выражены уже достаточно ясно при анализе понятия «*optimates*»; ряд соображений поэтому нецелесообразно повторять. Во-вторых, мы имеем специальное исследование о популярах, выводы которого настолько в принципе совпадают с нашими общими установками, что нам остается лишь к ним присоединиться. Однако в самом сжатом виде они должны быть изложены, потому что, насколько нам известно, исследование К. Рюбелинга до сих пор не опубликовано<sup>52</sup>.

К. Рюбелинг стремится прежде всего в своем анализе термина «*popularis*» исходить из античного употребления понятия

<sup>51</sup> Та с., App., 4, 44.

<sup>52</sup> См. Karlheinz Rübelling, Untersuchungen zu den Popularen. Diss., Marburg, 1953. С данной работой я познакомился в 1962 г. в Лейпциге. Я был поражен принципиальным совпадением некоторых наших общих установок и выводов, хотя я до этого занимался главным образом анализом понятия «*optimates*». Впервые доклад на тему «Социальное и политическое значение термина «*optimates*», у Цицерона» был сделан мною на заседании сектора древней истории Института истории АН СССР 21.I.1957 г. Затем он был — в несколько переработанном варианте — повторен на конференции, посвященной Цицерону (Варшава), в конце 1957 г., издан в «Трудах» этой конференции (на франц. яз.) и в сборнике в честь академика В. В. Струве («Древний мир», М., 1963). Интересны не только совпадения общих установок, но и некоторых частных наблюдений, как в моей работе, так и в диссертации К. Рюбелинга. Например, мы оба и независимо друг от друга высказали соображение о недостаточной ясности терминов «*optimates*» и «*populares*» во времена Цицерона, поскольку последнему пришлось разъяснять эти термины в речи *pro Sestio* (см. выше стр. 159; ср. K. Rübelling. Op. cit., S. 22—23). Подобные совпадения не единичны, но следует отметить, что имеются и существенные расхождения, в основном, в тех случаях, когда К. Рюбелинг касается (он делает это, собственно говоря, лишь попутно) вопроса об «оптиматах». Я не могу согласиться с его выводом о том, что *optimates* — это «знатное сословие», а быть может, и *factio* (K. Rübelling. Op. cit., S. 79 ff.). Что касается выводов работы, относящихся к понятию «*populares*», то они, как правило, возражений у меня не вызывают. В заключение хотелось бы еще раз высказать сожаление по поводу того, что ценное и интересное исследование К. Рюбелинга не увидело света.

во всем его своеобразии. Он указывает на то, что слово «*popularis*» очень часто встречается в источниках, причем в самом различном значении. Однако до Цицерона этот термин не имеет политического оттенка. Он употребляется в дальнейшем как латинскими, так и греческими авторами, хотя целый ряд писателей, как, например, Цезарь, Тацит, Светоний, его вовсе не знают. Греческие авторы, писавшие о Риме, именуют иногда того или иного деятеля *δημοτικός*, но это едва ли эквивалент. Кроме того, следует учитывать различные нюансы термина, в зависимости от того, отнесен ли он к законам, или к политическому деятелю, или к государственным формам и т. п. Рюбелинг указывает на следующие основные оттенки значения термина «*popularis*»: «относящийся к народу», «народный», «известный в народе», «приятный народу», «популярный», «народолюбивый», «заботящийся о народе и защищающий его», «демократичный», «добивающийся благосклонности народа», «демагог», «мятежный», «революционный» и т. д.<sup>53</sup>

Каково же понимание и применение данного термина Цицероном? Рюбелинг начинает свой анализ словоупотребления Цицерона с того же знаменитого определения популяров (и оптиматов), которое дается в речи *pro Sestio*, причем обращает внимание на то, что это определение формулируется как ответ на недоуменный вопрос (хотя это не значит, что Цицерон говорит о чем-то вовсе неизвестном его слушателям). Популяры в данной речи определяются как особый род политиков (действующие в угоду «толпе», *массе*). Несколько иное определение популяров дано в *De officiis* (I, 25, 85), причем ему, быть может, следует придать большее значение, чем дефиниции в тенденциозной речи (популяры заботятся лишь о части народа). Интересны и речи против законов Рулла, законов, внесенных трибуном-популярком. Здесь Цицерон называет себя *consul popularis*, а своих противников «лжепопулярками». Один этот факт уже свидетельствует о том, что под популярками никоим образом нельзя понимать четко ограниченную группу, партию (см. также определения популяров в *de leg. agr.*, II, 3, 7; затем в *pro Rab. perd.*, 5, 15 и *in Cat.*, IV, 5, 9).

На основании всех этих данных можно сделать вывод о том, что популяр — это такой политик, который заботится о народе и выступает — на словах и на деле — в защиту его интересов. Что касается еще одного значения термина — «приятный (угодный) народу» (*pro Sest.*, 44, 96), то это всего лишь «псевдополитическое» значение термина, введенное Цицероном в «пропагандистских целях»<sup>54</sup>.

В соответствии со словоупотреблением Ливия, *populares* в годы ранней республики, подобно трибунам, — защитники на-

<sup>53</sup> K. Rübelling. *Op. cit.*, S. 18—21.

<sup>54</sup> *Ibid.*, S. 21—31.

рода, т. е. плебса (Liv. 6, 17,1; 6, 18,4; 8, 12, 11—14). С окончанием борьбы сословий ситуация меняется. Теперь противником является новая знать (*nobilitas*), которая именует себя *optimates* или *boni*. Но они представляют собой сенат, к которому, кстати сказать, принадлежат и популяры (но они всегда в меньшинстве). Выступая против сената, популяры одновременно отстаивают интересы народа. Лучшее средство в этих случаях — закон *de provocazione ad populum*. Он применяется, когда отдельные магистраты стремятся продлить свой должностной срок (Liv., 3, 64, 6; 9, 83, 5), и, в еще большей степени, когда они стремятся к тирании, *regnum* (Liv. 6, 19, 7). Итак, популяры — против патрициев, затем — против оптиматов, сената, злоупотребления магистратской властью, стремления к тирании.

Популяры определяются понятием «*per populum agere*», оптиматы — их сенатским правлением. Влияние народа на политическую жизнь есть важнейшая часть *commoda populi*, отсюда — значение народных собраний и *ius suffragii*. Популяры выступают за неприкосновенность комиций, за расширение их власти; ничего не должно происходить *iniussu populi*. Популяры хотят управлять с народным собранием (а не с сенатом, как оптиматы) и потому они нуждаются в поддержке и благоволении народа. Итак, главное в политическом содержании термина «*popularis*», это — забота о народе (*plebs urbana*), защита его интересов при помощи *provocatio*, а также земельных и хлебных законов, основания колоний и т. п. Демагогический момент в деятельности популяров, несомненно, имеет место, однако значение его второстепенно. Из всего сказанного вытекает тот бесспорный вывод, что для римлян *populares* — вовсе не какая-то группа или партия, но — в соответствии с дефинициями Цицерона и Ливия — некий род (или тип) политически активных граждан с определенной («народной») программой действий<sup>55</sup>.

Можно ли считать популяров демократами (как в античном, так и в современном смысле слова)? В *De ger.* (1, 29, 45; 3, 35, 48; ср. 1, 26, 42) Цицерон говорит о *civitas popularis* как о демократической форме правления. Для него не существует принципиального различия между афинскими демократами и римскими популярами. Подобное же отношение мы встречаем и у Непота (*Phoc.*, 3, 1), поскольку он одну из двух афинских *factiones* называет *populares*. Таким образом, Непот отождествляет с популярами афинских демократов, что было бы невозможно, если бы в первых он видел только демагогов.

---

<sup>55</sup> Ibid., S. 39—45; 54—57. Во всем вышеизложенном вызывает сомнение попытка отождествить понятия *nobilitas* и *optimates*.

В дальнейшем изложении Цицерона римские популяры весьма близки демократам (в античном понимании этого слова). Они стремятся к тому, чтобы все в государстве шло *res publica* (de rep., 1, 26, 42; 27, 43), Афины для них являются образцом (*ibidem*), основной признак демократического строя — свобода (de rep., 3, 14, 23) и она существует лишь при таком строе (de rep., 1, 31, 47). В демократических государствах народ и только народ — хозяин судов и законов, хозяин над жизнью и смертью, над имуществом каждого.

Таким образом, в представлениях римлян популяры соответствуют демократам. Если же учесть только что изложенную программу, то их можно считать демократами (умеренными) и в современном смысле слова. Но важнее всего то, что римляне, говоря об афинских демократах, подчеркивают различия и оттенки; когда же речь идет о популярах, то об этом мы ничего не слышим. Это еще раз подтверждает тот факт, что для римлянина популяр — лишь определенный тип политически активного гражданина, демократического деятеля, но отнюдь не политическая группа, объединение или «партия»<sup>56</sup>.

Являются ли соответственно оптиматы типом аристократического деятеля, аристократами? В государственно-теоретическом отношении аристократическая форма правления определяется Цицероном как *civitas optimatum* (de rep., 1, 26, 42), *optimatum dominatus* (de rep., 1, 27, 43; ср. 1, 29, 45). Но этот термин для Цицерона в данном смысле не столь уж употребителен; «аристократия» часто переводится им как «господство знати», причем знать противопоставляется (и в Риме, и в других городах) плебсу, *populus*, а отнюдь не популярам (de leg., 2, 12, 30; 3, 3, 10; 15, 33; 17, 38; ср. Liv., 24, 2, 8; 24, 32, 3). От этого противопоставления отличается та дефиниция, которая дана в *pro Sest.*, 96, ибо здесь, как известно, оптиматы противопоставлены популярам и определены не как знать, но гораздо более широко — как все благонамеренные и зажиточные граждане. Противопоставление *optimates* (знать) — *populus* мыслится в социальном плане, *optimates* — *populares* — в плане политическом. Каково же происхождение этого последнего противопоставления?

Интересен и поучителен сравнительный грамматический анализ терминов: *optimates* встречается почти исключительно как существительное, в единичных случаях как прилагательное. *Popularis*, наоборот, употребляется главным образом в форме прилагательного или как субстантивированное прилагательное (иногда как наречие). Затем *optimates* почти всегда употребляются во мн. ч.; в ед. ч. — только как прилагательное.

---

<sup>56</sup> K. Rübeling. Op. cit., S. 61—68.

Popularis опять-таки очень употребительное слово в ед. ч. Обычно язык стремится одинаковые понятия выражать одинаковыми формами, указанные же различия заставляют думать, что первоначально интересующая нас пара понятий была не столь схожа по содержанию, а потому и не столь сопоставляема. Но вместе с тем следует отметить, что первоначально обозначение *optimates* и *populares* как двух противостоящих типов политических деятелей не являлось чисто римским понятием, но было заимствовано из круга идей и понятий греческой политической действительности. Эти термины — перевод, калька с греческого языка; *optimates* = *ἄριστοι* (или *ἀριστοκρατικοί*), *populares* = *δημοτικοί*. Но, если термины и понятия были заимствованы из Греции, это еще не значит, что противопоставление их не было чисто римским.

Оптиматы как политические деятели в значительной степени идентичны оптиматам как знати, а для знати характерна форма *factio* (т. е. «партия»), недаром Саллюстий называет римских нобилей *factiosi*<sup>57</sup>. Но ни о какой «*Gegenpartei*» не может быть речи (недаром мн. ч. мало употребительно по отношению к популярам). Снова и снова приходится утверждать: популяры — не группа, но одиночные представители (и, часто, из рядов высшей знати) и только в своей «идейной общности» они создают политическую традицию (и в этом, кстати сказать, их основное отличие от греческих демократов, которые, конечно, были *factio*, «партией»). Следовательно, прямое противопоставление *optimates* — *populares* неправомерно, это — совершенно разные планы<sup>58</sup>.

И, наконец, следует подчеркнуть различие двух политических идеологий. Оно заключалось в различном понимании *libertas* во внутривполитической жизни Рима. Оптиматы считали, что в Риме после свержения царской власти господствует *libertas*. Народ, плебс, — также свободен. Но, вместе с тем, *libertas* — в опасности. Угрожают ей как раз популяры, которые стремятся чуть ли не к *regnum*. Поэтому задача оптиматов состоит в том, чтобы охранять существующий «свободный порядок».

Популяры, наоборот, считали, что существующий порядок — несвободный. Свобода была в прошлом, ее завоевал народ (плебс) своей борьбой, но теперь он ее снова лишен. Котерия знати захватила власть в государстве и осуществляет *dominatio*. Популяры хотят уничтожить эту клику и восстановить свободу. Поэтому в формулировках целей их борьбы всегда фигурирует *libertas* (см., например, намерение Клодия

<sup>57</sup> С этой точкой зрения едва ли можно согласиться. О термине «*factio*» у Саллюстия см. ниже, стр. 173.

<sup>58</sup> K. Rübelling. *Op. cit.*, S. 68—79.



построить храм в честь Libertas на месте разрушенного дома Цицерона на Палатине)<sup>59</sup>.

Таковы основные выводы исследования Рюбелинга. Из нашего краткого изложения с необходимым комментарием видно, в чем мы считаем эти выводы приемлемыми. Рюбелинг безусловно прав, когда он утверждает, что популяры — это не партия, но лишь отдельные политические деятели определенно-го толка (направления). Что касается оптиматов, то как уже было сказано, здесь его выводы представляются нам менее бесспорными и мы склонны оставаться при своей оценке оптиматов как широкой межсословной группы или как понятия, равнозначного *aristoi* и *boni*<sup>60</sup>.

Но мы часто сталкиваемся с такими выражениями (и даже сами иногда их употребляем): «Клодий (или Цезарь) — вождь популяров», «Цицерон — вождь оптиматов» и т. п. Как следует понимать эти выражения? Не признаем ли мы тем самым, что оптиматы и популяры все же были политическими группировками, т. е. «партиями»?

Отнюдь, нет! На основании всего вышележащего мы можем охарактеризовать политическую жизнь и борьбу в римском обществе следующей формулировкой: наличие программ и отсутствие организаций, т. е., говоря иными словами, можно признать наличие идейно-политических «течений», но нельзя признать наличие «партий». Следовательно, не существовало ни сенатской, ни демократической партии как таковых, но безусловно существовала политическая борьба и борьба идеологий.

Нам приходилось уже высказываться по поводу характера политической жизни римского общества, отсутствия партий и сравнения в этом плане Рима с греческим обществом<sup>61</sup>. Мы и сейчас считаем, что вся история республиканского Рима, начиная от эпохи борьбы патрициев и плебеев и кончая временем Цезаря, не дает примеров, подтверждающих наличие политических партий в Риме, партийного оформления социальной и политической борьбы. Мы уже не говорим о том, что термин «партия» в его современном значении, когда имеется в виду не только твердо фиксированная программа, но и организация, и членство, и партийный аппарат и т. п., абсолютно неприменим к условиям политической жизни древнеримского общества. Но это вовсе не означает, что сенат как учреждение или нобилитет как сословие не представляли собой довольно замкнутой корпорации, пронизанной особым, т. е. «корпоративным» духом и традициями. Это было именно так и, говоря о *factio*

<sup>59</sup> K. Rübelling Op. cit., S. 108—109; см. также резюме всех выводов и заключений, S. 151—155.

<sup>60</sup> См. стр. 161—162.

<sup>61</sup> С. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 20—23; 39—40.

сената или нобилитета, Саллюстий имеет в виду — что доказыва-  
ется самим характером его словоупотребления<sup>62</sup> — именно  
эту корпоративность. Однако подобная корпоративность так же  
далека от современной «партийности», как, например, сенат  
или, в еще большей степени, нобилитет в целом далеки от того,  
чтобы представлять собой политическую «партию». Но, вместе  
с тем, в качестве чрезвычайно характерной и своеобразной чер-  
ты политической жизни Рима следует отметить наличие опреде-  
ленных или индивидуальных «партий», т. е. наличие опреде-  
ленных политических деятелей (как оптиматов, так и популяр-  
ров), вокруг которых образуется большая «свита», *Gefolgschaft*  
(иногда даже вооруженные отряды, войско). Эта «свита» осно-  
вана на фамильных связях и традициях, на клиентских взаимо-  
обязательствах и пр. Ее-то Цицерон и определяет персонифици-  
рованными терминами: *pars Pompeiana*, *pars Clodiana* и т. д.  
Но здесь уже, конечно, имеет место совершенно своеобразный  
момент, с нашим представлением о партиях и партийности  
никоим образом не связанный.

Вот почему — если учесть все вышесказанное — ни «демо-  
кратия», ни «популяры» (как, впрочем, и «оптиматы») не могли  
служить достаточно прочной и широкой опорой для политиче-  
ских деятелей времени Цезаря и прежде всего для самого Це-  
заря. Поэтому он и вынужден был искать действительной опo-  
ры в новом элементе римского общества — сильном и своей  
корпоративностью, и своей организованностью — в реформиро-  
ванной римской армии.

---

<sup>62</sup> См. Sall., *Iug.*, 41, 1; 6; ср. *Cat.*, 51, 40 и особенно 54, 5.

# Социально-политическая роль римской армии в I в. до н. э.

---

Тот факт, что римская армия, превратившись в армию постоянную и профессиональную, претерпела глубокие качественные изменения, как будто никем не оспаривается. Но вопрос о существовании этих изменений и, в связи с ним, о роли и значении самой армии в последние десятилетия существования республики не получил еще на наш взгляд, должной оценки. Так, мы убеждены, что проблема качественных изменений или, точнее говоря, обновления социальной природы римской армии должна быть прежде всего рассмотрена в аспекте связей с экономическим базисом рабовладельческого общества, без чего невозможно, по нашему твердому убеждению, оценить с исчерпывающей полнотой роль армии как новой (и самостоятельной) социально-политической силы, как организации со своими особыми корпоративными интересами и требованиями. Однако именно в этом аспекте, насколько нам известно, вопрос никогда не ставился.

Обычно процесс профессионализации римской армии и ее эмансипации от государства рассматривается как результат так называемой реформы Мария. Само собой разумеется, что в подобных случаях имеют в виду не столько те военно-технические нововведения, которые или были осуществлены Марием, или только ему приписываются<sup>1</sup>, сколько то, что еще сами древние считали политической подоплекой реформы — набор в армию добровольцев и *capite censi*<sup>2</sup>, т. е. именно те ее стороны, которые оказались наиболее тесно связанными с изменением социального состава, социальной природы, а следовательно, и социальных функций римской армии.

---

<sup>1</sup> См. J. Kromayer—G. Veith. *Heerwesen und Kriegsführung der Griechen und Römer* («Handbuch der klassischen Altertumswissenschaft», Abt. 4, Teil 3, Bd. 2), München, 1928, S. 376—377.

<sup>2</sup> Sall., *Iug.*, 86; ср. Plut., *Mar.*, 9; Flor., 3, 1, 13; Val. Max., 2, 3, 1.

Как будто никто из современных исследователей не придает реформе Мария самодовлеющего значения, не рассматривает ее как некий единичный акт или «качественный скачок», совершившийся к тому же по воле или инициативе отдельной личности<sup>3</sup>. Наоборот, в современной историографии вопроса довольно единодушно подчеркивается, что «реформа», по существу, была лишь последним шагом давно шедшего процесса превращения крестьянской милиции в постоянную армию<sup>4</sup>. Более того, с нашей точки зрения, «реформа» не внесла ничего принципиально нового в этот процесс. Прием в армию малоимущего, а быть может, и безземельного населения практиковался — во всяком случае, sporadически — с очень ранних времен. Если верить Ливию, то государство выплачивало *stipendium* воинам еще на рубеже V—IV вв.<sup>5</sup> Формирование легионов также давно проводилось не по электоральным центуриям, а по сельским и городским трибам. Некоторые исследователи, например Дельбрюк считают, что несение воинской повинности в Риме вообще не было обусловлено принадлежностью к тому или иному имущественному классу<sup>6</sup>.

Политика снижения ценза в связи со все усложнявшимися условиями набора тоже была далеко не нова. Так, снижение ценза с 11 тыс. до 4 тыс. ассов<sup>7</sup> Смит датирует довольно осторожно II в., тогда как Габба определенно относит его ко времени II Пунической войны<sup>8</sup>. Прием в армию желающих служить в ней по доброй воле (как правило — отбывших уже свой срок ветеранов)<sup>9</sup> был известен почти за сто лет до Мария<sup>10</sup>, а что касается вопроса о постоянном или непостоянном характере римской армии, то Смит пишет: «Утверждение о том, что в Риме не существовало постоянной армии до Августа, справедливо лишь в том смысле, что кризисные ситуации часто требовали дополнительных сил и Рим не имел наготове профессиональной армии, полностью отвечавшей нуждам подобной ситуации, но какое-то количество вооруженных сил в Риме всегда было налицо»<sup>11</sup>.

<sup>3</sup> Справедливость требует отметить, что еще Моммзен считал невозможным оценивать реформу Мария как «дело отдельной личности». См. Римская история, II. М., 1937, стр. 186.

<sup>4</sup> E. Gabba. Le origini dell' esercito professionale in Roma; i proletari e la riforma di Mario. «Athenaeum», N. S., 27, 1949, стр. 173 слл.; он же. Ricerche sull' esercito professionale Romano da Mario ad Augusto. «Athenaeum». N. S., 29, 1951, p. 171 sq.; R. E. Smith. Service in Post-Marian Roman Army. Manchester, 1958, p. 10.

<sup>5</sup> Liv., 4, 59, 11; ср. Diod., 14, 16, 5.

<sup>6</sup> Г. Дельбрюк. История военного искусства, I. М.—Л., 1936, стр. 222—223; 342—343.

<sup>7</sup> Liv., 1, 43, 8; Dion. Hal., 4, 6; ср. Pol., 6, 19.

<sup>8</sup> E. Gabba. Le origini..., p. 184. sq.

<sup>9</sup> Liv., 31, 8, 6; ср. 32, 3, 4.

<sup>10</sup> R. E. Smith. Op. cit., p. 10.

<sup>11</sup> Ibid., p. 2—3.

Таким образом, все основные элементы интересующего нас аспекта так называемой реформы Мария уже были даны в самом процессе, естественно и последовательно развивавшемся в недрах римского общества. Движущей силой этого процесса было римское крестьянство, точнее говоря, его «антивоенные настроения», его сопротивление наборам, его растущая незаинтересованность в агрессивной политике правящих классов, в особенности, с того времени, когда войны стали вестись за пределами Апеннинского полуострова. Итогом же рассматриваемого процесса явился примечательный факт обновления социального состава, изменение социальной природы римской армии. Еще во второй половине II в. основное ядро армии — если иметь в виду ее собственно римские контингенты — состояло из римских собственников, т. е. прежде всего из представителей зажиточного среднего крестьянства (*plebs rustica*). Сравнительно медленный до «реформы» Мария процесс «пролетаризации» армии не менял сколько-нибудь радикальным образом этого соотношения. Но «реформа», не внося, как уже было указано, в самый процесс ничего принципиально нового, тем не менее открыла все шлюзы, через которые и хлынули в армию различные слои неимущего населения. В этом смысле «реформа» Мария лишь доводила рассматриваемый процесс до его логического конца.

Массовый приток неимущих — «пролетариев» и *capite censi* — не мог не изменить (причем в сравнительно короткий срок) указанного выше соотношения. Этот факт общеизвестен. Однако, когда имеют в виду изменение социально-политической физиономии римской армии, то обычно упускают из виду одно принципиально важное обстоятельство. Исторически значимый итог анализируемых явлений заключался не только или даже не столько в том, что римская армия в I в. превратилась в армию, основной контингент которой составляли неимущие слои населения, сколько в том, что это был контингент граждан, не имевших тех прав, тех привилегий и, мы бы сказали, тех традиций, которыми обладали в римском обществе полноправные собственники.

Но если к вопросу об изменении социальной природы римской армии подходить с этой, обычно не учитываемой и не принимаемой во внимание стороны, то вырисовывается еще один фактор по своему принципиальному значению, быть может, не менее существенный, чем рассмотренный выше процесс профессионализации армии, включая и завершающую его «реформу» Мария.

Таким фактором является Союзническая война. Как ни странно, значение крупнейшего события внутренней истории Рима и в этом плане оценивается слишком робко и непоследовательно. Однако в Союзническую войну римская армия, по

существо, впервые выступила против Рима<sup>12</sup>. Более того, это была война, в ходе которой Рим — до этого единственный и самодовлеющий центр, т. е. город-государство — фактически был побежден муниципальной Италией<sup>13</sup>. Символическое изображение быка, бодающего своими рогами поверженную на землю волчицу, на монетах, выпускавшихся союзниками (Самний)<sup>14</sup>, оказалось почти пророческим предвидением. Фактическая победа италиков отозвалась мощным толчком, потрясшим весь социально-политический строй римского общества.

Мы уже указывали в свое время<sup>15</sup> на то, как повлияла эта победа на институты римской полисной демократии и на социальную структуру плебса. Рассмотрим теперь вопрос о ее влиянии на изменение характера и социального состава римской армии.

Как известно, еще задолго до того времени, когда римляне начали испытывать трудности с набором и комплектованием легионов, союзники (италики) обязаны были поставлять в римскую армию дополнительные воинские контингенты. *Socii* не входили в состав легионов, но действовали на их флангах (крыльях), отчего и назывались иногда *alarii*<sup>16</sup>. Полибий для своего времени определяет количество союзнических контингентов в римских вооруженных силах следующим образом: «Общее число союзников-пехотинцев обычно равно римлянам, а союзническая конница втрое многочисленнее римской»<sup>17</sup>. На такое же соотношение указывает Ливий, причем для значительно более раннего времени (хотя довольно неопределенно)<sup>18</sup>. По мере все возрастающей нужды римлян в массовых воинских формированиях, что, как правило, было уже связано с ведением военных действий за пределами Италии, растет число легионов и параллельно с этим увеличивается численный состав союзнических контингентов. По мнению Дельбрюка, во II в. они составляли уже около  $\frac{2}{3}$  римской армии<sup>19</sup>. Наиболее подробно этот вопрос (для периода с 200 г. по 168 г.) рассмотрен в работе Афцелиуса<sup>20</sup>. На основании приводимых им таб-

<sup>12</sup> Обычно во всех общих работах, а иногда и в специальных монографиях (см., например, Н. Volkman n. *Sullas Marsch auf Rom. Der Verfall der römischen Republik*. München, 1958) считается, что первым случаем выступления римской армии против Рима был поход Суллы 88 г.

<sup>13</sup> Р. Ю. Виппер. Очерки по истории Римской империи, стр. 104.

<sup>14</sup> См. «Beschreibung der antiken Münzen Königl. Museen zu Berlin», Bd. III, Abt. I, 1894, S. 60.

<sup>15</sup> См. выше, стр. 113—114; 135—136.

<sup>16</sup> См., например, Caes., b. G., I, 51.

<sup>17</sup> Polyb., 6, 26.

<sup>18</sup> Liv., 8, 8, 14.

<sup>19</sup> Г. Дельбрюк. История военного искусства, I, стр. 335.

<sup>20</sup> А. Afzelius. Die römische Kriegsmacht während der Auseinandersetzung mit den hellenistischen Grossmächten. København, 1944 («Acta Jutlandica», XVI, 2), S. 47, ff.; 50; 78—79.

лиц количества легионов и их численного состава, а также обзорной таблицы союзнических контингентов нетрудно произвести элементарные расчеты, из которых явствует, что за время с 200 г. по 168 г. количество союзников всегда превосходило количество римлян, выражаясь в отдельные годы соотношением: 2,1:1 (197 г.); 1,8:1 (200 г.) и т. п. Таким образом, уже в первой половине II в. союзнические контингенты составляли никак не менее половины, а иногда и  $\frac{2}{3}$  всех вооруженных сил Рима. Нет никаких оснований считать, что подобное соотношение могло измениться в сторону уменьшения доли союзников во второй половине II в., в частности, и после так называемой реформы Мариа.

Какие же перемены внесла в это положение Союзническая война? После нее италики — в связи с распространением на них гражданских прав — перестали использоваться в качестве *alarii*; их теперь, наравне с римлянами, включают в состав легионов. Следовательно, после Союзнической войны италики представляют собой равнозначный, а быть может, и численно подавляющий контингент римской армии.

Но дело не только в количественных показателях. Как и при оценке изменения социального состава римской армии в связи с теми процессами, которые нашли свое последнее выражение в «реформе» Мариа, мы теперь должны — и быть может, даже с большей силой — подчеркнуть тот принципиальный момент, что благодаря превращению союзников в граждан, *алариев* в *легионариев* римская армия пополнилась в массовом порядке контингентом людей, до сих пор никак не связанных ни с правами, ни с привилегиями римских собственников.

Делая подобное утверждение, мы вовсе не собираемся одновременно утверждать, что союзнические контингенты сплошь или хотя бы в основном состояли из малоимущих слоев населения. Скорее, даже наоборот. Социальный состав этих контингентов был, видимо, достаточно пестрым и неоднородным, а после «реформы» Мариа, быть может, более неоднородным, чем состав собственно римских контингентов, что в значительной степени определялось изменившимися (после Союзнической войны) условиями набора<sup>21</sup>. Многие из италиков могли быть в своих общинах и городах собственниками и даже довольно крупными. Однако в данном случае это не имеет значения. Значение имеет лишь то, что они не были связаны с *римской* общиной собственников, а, следовательно, в той же или даже в большей степени, чем *capite censi* лишены всей суммы прав, которую обеспечивало обладание этой собственностью.

---

<sup>21</sup> R. E. Smith. Op. cit., p. 49—50.

Итак, на основании вышеизложенного мы, очевидно, можем констатировать, что в результате внутреннего, постепенно развивавшегося процесса, заверщенного «реформой» Мария, и еще в большей степени в результате Союзнической войны, основным контингентом римской армии становятся не вообще неимущие слои населения, «пролетарии», как то нередко подчеркивается, но люди, по существу, не связанные, не «сроднившиеся» с теми привилегиями, правами, традициями, которые давно вошли в плоть и кровь каждого «истого» римлянина и которыми было обусловлено общественное положение, род политической деятельности и даже мировоззрение полноправного собственника-гражданина<sup>22</sup>. Если это так, то отсюда следует один весьма существенный вывод.

Он заключается в том, что изменение социального состава римской армии, таким образом, косвенно и опосредствованно, но все же отражает факт разложения римской формы собственности. Каковы наиболее характерные признаки этого разложения? Для того чтобы по возможности конкретно ответить на этот вопрос, нам следует ознакомиться с аграрным законодательством I в. до н. э. и с развитием связанного с ним ветеранского землевладения.

До Мария наделение ветеранов землей (именно как солдат в награду за их службу) носило лишь спорадический характер. Известны отдельные немногочисленные случаи, например сообщаемое Ливием решение сената о награждении земельными участками в Италии ветеранов Сципиона (201 г.)<sup>23</sup>. Но подлинным прецедентом наделение землей (в качестве награды за участие в походах и войнах) становится лишь со времени Мария: для «пролетариев» и *capite censi* вопрос об обеспечении — после окончания срока службы в армии — приобретал особую остроту.

Одной из первых попыток решить эту проблему следует считать проект аграрного закона трибуна 104 г. Л. Марция Филиппа<sup>24</sup>, предложенный, очевидно, с целью удовлетворения нужд и запросов участников Югуртинской войны. К сожалению, о законопроекте Марция нам известно очень немногое. О нем кратко упоминает Цицерон<sup>25</sup>. Исходя из его характеристики деятельности Марция Филиппа как «пагубной» и основываясь на словах: *capitalis oratio est ad aequitationem bonorum pertipens, qua peste quae potest esse maior?*, Гёлер считает планы Марция весьма радикальными и не сомневается, что к переделу намечались не только государственные земли, но и част-

<sup>22</sup> Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 313.

<sup>23</sup> Liv., 31, 4, 1—3; ср. 49, 5.

<sup>24</sup> Münzer. RE, s. v. *Marcus (Philippus)*, 14, Sp. 1562 ff.; ср. J. Göhler. Rom und Italien, Breslau, 1939, S. 198—199.

<sup>25</sup> Cic., de off., 2, 21, 73.



ные владения<sup>26</sup>. Из того же краткого упоминания Цицерона о законопроекте известно, что он был — по причинам для нас неясным — взят обратно самим Марцием Филиппом.

В 103 г., во время своего первого трибуната, Аппулей Сатурнин проводит законопроект, согласно которому ветераны Мария награждались земельными участками по 100 югеров (в Африке)<sup>27</sup>. Гёлер считает, что эти ассигнации распространялись и на союзников, отличившихся в Югуртинской войне<sup>28</sup>. В 100 г. Сатурнином были внесены новые аграрные законопроекты. По свидетельству Аппиана, к разделу намечалась часть Трансальпийской Галлии<sup>29</sup>, тогда как автор *De viris illustribus* считает, что предполагалось выведение колоний в Сицилию, Ахайю и Македонию<sup>30</sup>. Возможно, что эти различные свидетельства относятся не к двум разным законопроектам, но к двум частям одного и того же аграрного закона, который, кстати сказать, предусматривал наделение земель и ветеранов-италиков<sup>31</sup>.

Весьма характерны некоторые моменты, сопутствующие проведению данного закона через комиции. Как определенно указывает Аппиан, городской плебс, считая, что закон проводится в интересах италиков, был настроен против его принятия. Сатурнин вынужден был специально позаботиться о возможно более широком привлечении сельского населения (*ἄγροικοι*), среди которого было много ветеранов Мария. Собственно говоря, закон был проведен в комициях только благодаря их голосам, причем дело не обошлось без применения насилия<sup>32</sup>. Из сказанного ясно, что в принятии подобного закона было заинтересовано отнюдь не городское население, давно потерявшее всякие связи с землей, и даже не весь сельский плебс, но лишь определенная его часть — ветераны Мария<sup>33</sup>.

Интересно отметить, что вскоре после разгрома движения Сатурнина имела место еще одна — исходившая, вероятно, из окружения Мария — попытка проведения аграрных законов. О ней нам известно лишь в самых общих чертах. Некий трибун Секст Титий<sup>34</sup> провел якобы аграрный закон, но затем, как

<sup>26</sup> J. Göhler. *Op. cit.*, S. 198.

<sup>27</sup> *De vir. ill.*, 73, 1.

<sup>28</sup> J. Göhler. *Op. cit.*, S. 200.

<sup>29</sup> *App.*, b. c., 1, 29.

<sup>30</sup> *De vir. ill.*, 73, 5.

<sup>31</sup> J. Göhler. *Op. cit.*, S. 201—202.

<sup>32</sup> *App.*, b. c., 1, 29—30.

<sup>33</sup> См. об этом более подробно А. В. Игнатенко. Изменение социального состава и политической роли римской армии в конце II — начале I в. до н. э. Дисс., 1954 (рукопись), стр. 234—244.

<sup>34</sup> См. Münzer. *RE*, s. v. *Titius*, Sp. 1963 ff.; J. Göhler. *Op. cit.*, S. 204.

сообщает Валерий Максим, был скомпрометирован своею близостью к Сатурнину<sup>35</sup>. О Титии и его законах упоминает также Цицерон, причем Титий характеризуется как «гражданин, мятежный и беспокойный»<sup>36</sup>, а о законах говорится, что они были признаны недействительными из-за неправильно проведенной *rogatio*<sup>37</sup>.

Следующей важной вехой в истории развития ветеранско-землевладения следует признать мероприятия, проведенные Суллой после его победы над маррианцами. Как известно на основании ряда *leges Corneliae*<sup>38</sup>, вывод колоний и наделение ветеранов землей были организованы в весьма широких масштабах. По одним данным, Сулла обеспечил земельными наделами солдат 23 легионов (т. е. около 150 тыс. человек)<sup>39</sup>, по другим,— даже 47<sup>40</sup>. Так как из всех сулланских колоний только одна выводилась за пределы Италии<sup>41</sup>, то земельный фонд для наделений следовало изыскать на территории самой страны. Сулла вышел из положения «обрушившись», по словам Аппиана, на ряд итальянских городов, где он, не удовлетворяясь разрушением стѣн, штрафами и поборами с граждан, провел массовую экспроприацию земельных владений для раздела их между колонистами<sup>42</sup>. Сильнее всего пострадали такие области Италии, как Самний, Этрурия, Кампания<sup>43</sup>, результатом чего были даже случаи вооруженного сопротивления в некоторых городах, как, например, в Ноле (Самний) или в Волатеррах (Этрурия)<sup>44</sup>. Земельные конфискации Суллы привели к пауперизации многих десятков тысяч итальянских крестьян, которые были, кстати сказать, к этому времени уже полноправными римскими гражданами.

Согласно *leges Corneliae*, получаемые сулланскими ветеранами земельные участки считались неотчуждаемыми<sup>45</sup>, видимо, таким путем диктатор хотел создать себе прочную и длительную опору в Италии, подобно тому как это было проделано в масштабах самого Рима посредством дарования гражданских прав и распределения по трибам 10 тыс. Корнелиев<sup>46</sup>. Однако, как нам известно, сулланские ветераны в большей своей части отнюдь не превратились в устойчивый и зажиточный слой

<sup>35</sup> Val. Max., 8, 1, 3.

<sup>36</sup> Cic., de orat., 2, 11, 48.

<sup>37</sup> Cic., de legg., 2, 6, 14.

<sup>38</sup> Cic., de leg. agr., II, 28, 78; III, 2, 6; 3, 12.

<sup>39</sup> App., b. c., 1, 100.

<sup>40</sup> Liv., ep. 89.

<sup>41</sup> В Алерию на Корсике, см. Plin., n. h., 3, 6, 12, 80.

<sup>42</sup> App., b. c., 1, 96; 100; ср. Flor., 3, 21, 27.

<sup>43</sup> Strabo, 5, 249.

<sup>44</sup> Liv., ep. 89; ср. Gran. Lic., p. 39.

<sup>45</sup> Cic., de leg. agr., II, 28, 78; III, 2, 3.

<sup>46</sup> App., b. c. 1, 100; 104.

сельского населения, но по тем или иным причинам довольно быстро пауперизовались, потеряв или все же продав свои земельные участки<sup>47</sup>.

Сулланская политика колонизации и наделения ветеранов землей рассматривается, обычно, в только что указанном плане создания и обеспечения опоры новому режиму в Италии (наряду с «эмансипацией» Корнелиев в Риме)<sup>48</sup>, но еще Моммзен, который также придерживался этой точки зрения, высказал и ту мысль, что Сулла преследовал цель восстановления мелкого и среднего крестьянства, сближая, таким образом, позиции «умеренных консерваторов» с «партией реформы»<sup>49</sup>. Эта мысль оказалась чрезвычайно «плодотворной». Она получила весьма своеобразное развитие в известной работе Каркопино, в которой автор приходит к выводу, что Сулла, проводя массовое и насильственное, по отношению к прежним владельцам, наделение ветеранов землей, осуществлял — и к тому же революционными методами — аграрную программу популяров<sup>50</sup>.

Впрочем, с точки зрения Каркопино, это — отнюдь не доказательство демократических симпатий или тенденций в политике Суллы, ибо он никогда не защищал интересов той или иной социальной группировки, той или иной партии, но стоял над всеми партиями и группировками, преследуя лишь одну цель — установление монархического образа правления<sup>51</sup>.

В период, следующий за диктатурой Суллы, было сделано несколько попыток решения аграрного вопроса. К ним прежде всего должны быть отнесены законопроекты трибуна Сервилия Рулла<sup>52</sup>. Как известно, его реформа была задумана чрезвычайно широко. Предполагалось массовое наделение землей малоимущих граждан и вывод колоний на территорию *ager Campanus* и *ager Stellatis*<sup>53</sup>.

Кроме того, предполагались в широком масштабе закупки земель в Италии у их владельцев<sup>54</sup>, с их согласия и за полную стоимость участков. Средства для проведения реформы должна была дать распродажа государственной земли (*ager publicus*) в провинциях; намечалось также использование земель, только что приобретенных государством вследствие завоеваний Помпея<sup>55</sup>. Проведением реформы должна была заняться

<sup>47</sup> Cic., de leg. agr., 2, 28, 78; Liv., ep. 89; ср. Sall., Gat., 28.

<sup>48</sup> См., например, Fröhlich, RE, s. v., *L. Cornelius L. f. P. n. Sulla Felix* (Hbd. VII, Sp. 1553).

<sup>49</sup> Т. Моммзен. История Рима, II, стр. 323—324.

<sup>50</sup> J. Carcopino. Sylla ou la monarchie manguee. Paris, 1931, p. 60—61.

<sup>51</sup> Ibid., p. 26 слл.

<sup>52</sup> См. RE, s. v. *P. Servilius Rullus* (II, R., Hbd. IV, Sp. 1808—1809).

<sup>53</sup> Cic., de leg. agr., I, 6, 18; II, 28, 76; III, 4, 15.

<sup>54</sup> Cic., de leg. agr., II, 13, 34; 25, 66.

<sup>55</sup> Cic., de leg. agr., I, 2, 6; II, 18, 49.

комиссия из 10 лиц, избираемая семнадцатью выделенными жеребьевкой трибами<sup>56</sup>.

Законопроекты Сервилия Рулла, как известно, не прошли и даже не были поставлены на голосование. Против законопроектов активно боролся Цицерон; его первая речь была произнесена еще до вступления в консульскую должность, т. е. в конце 64 г.; став консулом, он произнес еще две речи в *contio* и сумел без особого труда отвести законопроекты<sup>57</sup>. Что касается характеристики и оценки законопроектов Рулла, то мы остановимся на этом несколько позже.

Характеристика аграрного закона, предложенного в 60 г. народным трибуном Луцием Флавием,— кстати, на сей раз его предложения поддерживались Цицероном— уже была дана выше<sup>58</sup>. То же самое следует сказать об аграрных законах Цезаря, на которых мы останавливались довольно подробно<sup>59</sup> и к которым, тем не менее, мы еще будем иметь случай вернуться.

Сделанный нами обзор развития аграрного законодательства (от времени Мария до Цезаря) позволяет, на наш взгляд, прийти к выводу о наличии двух тенденций или двух направлений в аграрном законодательстве.

Эти две линии законодательства достаточно четко отличаются друг от друга. Они отличаются прежде всего самым принципом владения земельной собственностью, наделения земельными участками. Одно — назовем его хотя бы традиционным — направление характеризуется следующим принципом: на обладание земельной собственностью, на получение земельного надела имеет право — одновременно с рядом других специфических прав и привилегий — римский гражданин как таковой, т. е. как член коллектива, член гражданской (и одновременно — военной) общины и именно в силу принадлежности к этой общине. Материальной основой подобного принципа является римская (античная) форма собственности, а соответствующее направление аграрного законодательства представлено *leges agrariae* Гракхов, а позднее, в рассматриваемое нами время, законопроектами Сервилия Рулла. Новый же принцип заключается в том, что земельным наделом как неким видом *praemium* награждается за свою службу в армии солдат, независимо от того, является ли он членом данного гражданского коллектива или нет. Если еще не самая земельная собственность, то, во всяком случае, право на обладание ею, право на получение земельного надела эмансипируются от гражданского статуса. Этот новый принцип достаточно ярко

<sup>56</sup> Cic., de leg. agr., II, 7, 8.

<sup>57</sup> Ed. Meyer. *Caesars Monarchie und das Principat des Pompeius*, S. 14.

<sup>58</sup> См. стр. 54—55.

<sup>59</sup> См. стр. 63—65.

проступает в аграрном законодательстве интересующего нас периода (за исключением разве только законопроектов Сервилия Рулла). Так, законы Сатурнина, как мы убедились, предусматривали наделение земель солдат из числа союзников, не имевших, по крайней мере, до этого момента прав римского гражданства<sup>60</sup>, а Сулла, наоборот, не постеснялся согнать с принадлежавших им земель десятки тысяч прежних владельцев — римских граждан, когда ему потребовалось обеспечить земельными наделами своих ветеранов. В основе таких действий уже неизбежно должно было лежать несколько иное понимание существа земельной собственности. Вот почему, кстати сказать, глубоко неправ Каркопино, считающий, что Сулла осуществлял аграрную программу популяров, т. е. был в этом смысле продолжателем линии Гракхов, тогда как совершенно очевидно, что мероприятия, проведенные Суллой, типичны именно для нового принципа и нового направления аграрного законодательства.

Два направления этого законодательства различаются также самым отношением к земельной собственности. В период господства «традиционного» направления, когда аграрное законодательство базировалось еще на «полисной» форме собственности, к земле относились как к основному (и единственному) средству, обеспечивающему не только материальное, но и гражданское бытие, из чего, кстати сказать, естественно вытекало представление о принципиальной неотчуждаемости земли. С этим было связано и другое представление — о том, что только земледелие является единственно возможным, приемлемым — и даже почетным! — занятием для римлянина, его единственной «профессией»<sup>61</sup>. Земледелец был, конечно, и воином, но быть *только воином* он не мог — не существовало такой «профессии». Более того, быть хотя бы *и воином* он тоже мог лишь при условии владения землей. Без земли он вообще был ничто — не воин и не гражданин.

С развитием ветеранского землевладения картина существенно меняется. Теперь и без земли солдат представляет собою «что-то», он имеет и без нее определенные права и привилегии, он имеет, наконец, профессию, которая постепенно становится все более и более «почетной». Так, при Цезаре солдаты уже считают себя кровно обиженными, если их называют не воинами, а гражданами (квиритами)<sup>62</sup>. Да и самую землю солдат получает теперь лишь в силу своей профессии, т. е. ряд или последовательность теперь таковы: сначала надо стать солда-

<sup>60</sup> App., b. c., 1, 29.

<sup>61</sup> Эта мысль была достаточно четко выражена в свое время Катонем: Virum bonum quom laudabant, ita laudabant: bonum agricolam bonumque colonum (Cato, de agr., praef., 2).

<sup>62</sup> Suet., Iul., 70.

том и только затем и вследствие этого — собственником. Обладание земельной собственностью обеспечивает еще определенные права и привилегии, но первая и основная привилегия — самый факт превращения в собственника — становится производной от солдатской «профессии». Все это не могло не изменить отношения к земельной собственности. И хотя, например, условие неотчуждаемости земли, как мы видели, сохраняется законодателями, представляющими тенденцию развития ветеранского землевладения, но на практике все более и более укореняется отношение к земле просто как к «недвижимому имуществу»<sup>63</sup>, которое можно — и довольно легко — превратить в деньги. Наделение ветеранов землей практикуется до конца республики, однако этот процесс находит свое вполне естественное и логическое завершение в том, что в 13 г. до н. э. Август заменяет практику наделения выплатой «наградных», которые уже могли быть использованы каждым ветераном по его усмотрению, т. е. совершенно «свободно» и бесконтрольно<sup>64</sup>.

Следует указать еще на один характерный момент, который свидетельствует о развитии обеих отмеченных нами тенденций, т. е. изменения принципа владения (наделения) земельной собственностью и изменения самого отношения к земельной собственности. Мы имеем в виду, в данном случае, тот факт, что земельные участки, предназначенные для наделения ветеранов, все в меньшей и меньшей степени черпаются из фонда *ager publicus*. Уже Марций Филипп, как мы указывали выше, намечал к разделу, очевидно, не только государственные земли, но и частные владения. Сатурнин имел в виду (с той же целью) территорию Цизальпийской Галлии и не считался с тем, что эти области принадлежали союзникам. Еще более решительно и бесцеремонно поступал Сулла, сгоняя с территорий «непокорных» городов и областей как союзников, так и римских граждан и поселяя на этих землях своих ветеранов. Сервилий Рулл был вынужден ставить вопрос о закупках земель в Италии у их владельцев, на тот же путь пришлось вступить и Цезарю<sup>65</sup>.

Конечно, все это объяснялось прежде всего самой естественной причиной — недостатком или даже отсутствием неразделенных земель в Италии. Очевидно, именно эта причина непосредственно толкала всех этих политических деятелей либо на путь экспроприации, либо на путь выкупа земельных владений. Но помимо этой, если можно так выразиться, «субъективно-сознательной» стороны, есть, несомненно, и другая сторона вопроса, уже менее зависевшая от намерений и действий аграрных законодателей. Наделение землей ветеранов не из

<sup>63</sup> E. G a b b a. Ricerche sull' esercito..., p. 181.

<sup>64</sup> R. E. S m i t h. Op. cit., p. 52.

<sup>65</sup> Р. Ю. В и л п е р. Очерки истории Римской империи, стр. 305.

фонда *ager publicus* было «дополнительным» нарушением старых принципов наделения. Если раньше римский гражданин тем или иным путем (*agri occupatorii, ager divisus et assignatus* и т. п.) приобретал собственность на землю, он приобретал ее в силу того, что земля принадлежала всей общине (*ager publicus*), а он был членом данной общины. Теоретически каждый член общины или даже некая группа граждан могли (имели право) претендовать на неразделенные земли и — более того — на передел уже разделенных земель в случае «несправедливости» раздела. Это было возможно, ибо *ager publicus* — пусть опять-таки теоретически — оставался всегда собственностью общины. Именно на этих принципах было построено традиционное аграрное законодательство «популярное» (начиная с Гракхов) и только благодаря этим принципам оно могло быть юридически обосновано.

С того момента, как ветерана начинают наделять земельным участком, заимствованным не из фонда *ager publicus*, а экспроприированным или купленным у другого владельца, проступает новая линия аграрного законодательства. Ибо теперь ветеран получает землю, на которую он не имеет никакого права как гражданин — даже если он является полноправным гражданином, что теперь тоже далеко не всегда совпадает, — но на которую он претендует в силу совсем иных прав и привилегий, к стати сказать, не связанных с общинными, «гражданскими» институтами. Традиционный принцип наделения земельной собственностью нарушен. Но нарушен не только этот принцип. Земельные наделы, получаемые ветеранами в результате экспроприации или закупки земель, содействуют развитию нового отношения к земельной собственности, т. е. отношения к ней, как к «недвижимому имуществу». Если земельный участок получен не из земельного фонда, принадлежащего общине в целом (и теоретически остающегося навсегда ее собственностью), но отнят или куплен у другого владельца, то, несомненно, он может быть — во всяком случае, в принципе — снова продан, отчужден, тем более, что он не является теперь единственным или даже главным фактором, обуславливающим всю сумму прав и привилегий.

Таковы некоторые тенденции в развитии аграрных отношений. Эти тенденции свидетельствуют, на наш взгляд, не только о наличии двух направлений в аграрном законодательстве, как о том говорилось выше, но и о некоторой борьбе между названными направлениями, хотя они продолжают сосуществовать. Завершая рассмотрение вопроса, хотелось бы привести конкретный и, по возможности, убедительный пример, подтверждающий высказанную нами точку зрения.

Таким примером, вероятно, может служить сопоставление двух последних (за интересующий нас период) и наиболее

крупных по своему масштабу попыток решения аграрной проблемы. Мы имеем в виду сопоставление законодательств Рулла и Цезаря и тот, на первый взгляд, ничем не объяснимый факт, что законопроекты Рулла были отвергнуты, тогда как якобы повторявшие их *leges agrariae* Цезаря<sup>66</sup> прошли и даже без особых затруднений<sup>67</sup>. Однако, если иметь в виду борьбу двух только что отмеченных направлений, объяснение напрашивается само собою. Законопроекты Рулла шли еще почти целиком в фарватере старого «гражданского» (традиционно-го), т. е. связанного с полисными институтами законодательства. Эта линия была в данных условиях заранее обречена на неудачу хотя бы из-за отсутствия достаточно широких масс, заинтересованных в восстановлении «гражданского» землевладения и способных эту линию поддержать. Не следует забывать того, что в 60-х годах основной контингент комиций составлял городской плебс, давно уже порвавший всякие связи с землей, а также и того, что в результате сложных и разно-сторонних процессов пауперизации изменились политические позиции самого сельского населения (*plebs rustica*). Не следует забывать и то решающее обстоятельство, что законопроекты Рулла были внесены в момент, когда основная масса солдат, т. е. практически вся римская армия, находилась с Помпеем на Востоке.

Аграрные законы Цезаря, несмотря на их внешнее и формальное сходство с проектами Рулла, отражали, по существу, новую тенденцию в развитии аграрных отношений. Может быть, не столь радикальные, как мероприятия Суллы, они, тем не менее, наряду с этими мероприятиями, были важным этапом в развитии ветеранского землевладения. Бесспорной и совершенно конкретной целью законодательства Цезаря было удовлетворение требований солдат Помпея, которые, как некогда марианские ветераны (при обсуждении законопроектов Сатурнина), и провели своими голосами *leges agrariae* Цезаря через комиции.

Однако было бы неправильным и преждевременным на примере сравнения законодательств Рулла и Цезаря говорить о полном и окончательном расхождении двух указанных направлений аграрного законодательства. Была некая общая черта, которая до известной степени роднила — хотя опять-таки скорее внешне и формально — *leges agrariae* Цезаря (и даже мероприятия Суллы) с законопроектами Рулла, а следовательно, и с традицией популяров<sup>68</sup>, но, конечно, вовсе не в том

<sup>66</sup> Констатация близости аграрных законов Цезаря к проектам Рулла может считаться общим местом; см., например, Ed. Meyer. *Caesars Monarchie...*, S. 62; Н. А. Машкин. *Принципат Августа*, стр. 23; 145.

<sup>67</sup> См. выше, стр. 65.

<sup>68</sup> См., например, Н. А. Машкин. *Принципат Августа*, стр. 23.



плане, как это утверждал Каркопино. Эта общая черта состояла в стремлении всех перечисленных выше аграрных законодателей оговорить неотчуждаемость земельных владений<sup>69</sup>. Чем объясняется это стремление?

Соответствующий пункт в законопроектах Рулла, которые мы рассматриваем как попытку продолжения традиционной политики популяров, очевидно, не нуждается в специальном объяснении. Но чем обусловлено наличие подобной же «установки» в аграрных мероприятиях Суллы и в законодательстве Цезаря? Стремлением восстановить «устойчивого крестьянина» (*sesshaften Bauern*), как то приписывается некоторыми исследователями даже самому Сулле?<sup>70</sup>

Нам кажется, что подобная точка зрения не может быть принята. Можно и нужно говорить лишь о внешних и формальных заимствованиях из опыта традиционного законодательства популяров. Если подобные внешние совпадения и имели место, то объективно (пусть даже независимо от воли самих законодателей, что в данном случае вообще не имеет значения) аграрные законы Суллы и Цезаря играли уже совсем иную роль и шли в совсем ином фарватере. Кроме того, из-за указанных выше причин и, прежде всего, из-за изменившегося отношения к земельной собственности попытки восстановить «устойчивого крестьянина» сейчас не могли быть ничем иным как только беспочвенной утопией, что и было наглядно подтверждено широко известным фактом быстрой пауперизации сулланских ветеранов<sup>71</sup>. И, наконец, внешний и формальный характер заимствований доказывается глубоким различием самих целей аграрного законодательства. Если в традиции популяров — начиная с аграрного законодательства Гракхов — ~~основной~~ целью было, действительно, «восстановление» крестьянства и, кстати, в первую очередь, для нужд армии, то теперь первоочередной задачей Суллы, а затем и Цезаря было «устройство» демобилизованной массы, которую или следовало использовать как определенную организованную силу или, если к тому еще не представлялось случая, немедленно распустить и обезопасить. К целям аграрного законодательства Цезаря (и Суллы) вполне возможно применить остроумную оценку законов Аппулея Сатурнина, высказанную еще Ничем: «Гракховский *lex agraria* хотел создать крестьян, чтобы иметь солдат; аппулеевский создавал крестьян, потому что было слишком много неудобных и требовательных солдат»<sup>72</sup>.

<sup>69</sup> О Сулле см. Сіс., *de leg. agr.*, II, 28, 78; о Рулле — *ibid.*, о Цезаре — *Ар р.*, б. с., 3, 2, 7. Но у Цезаря впервые — не бессрочное ограничение, а лишь двадцатью годами.

<sup>70</sup> Т. Моммзен. История Рима, II, стр. 323—324; Fröhlich. *RE*, s. v. *L. Cornelius Sulla*, Sp. 1555.

<sup>71</sup> Sall., *Cat.*, 28.

<sup>72</sup> К. В. Нич. История Римской республики. М., 1908, стр. 348—349.

Такова общая картина развития двух направлений аграрно-законодательства. Нам представляется, что она в какой-то мере отражает более глубоко идущие процессы, которые могут быть в конечном счете сведены к своей материальной основе, т. е. к форме собственности. Какова же общая тенденция этих глубинных процессов?

Мы уже говорили о том, что все более и более укрепляется отношение к земельной собственности как к «недвижимому имуществу». Обладание этой собственностью уже не столь безусловно и «однозначно» связано с гражданскими правами, гражданскими привилегиями. Самая форма собственности не может быть ныне всегда выведена непосредственно из общинных (полисных) институтов и не обуславливает, в свою очередь, существования этой общины. Земельная собственность (и, в первую очередь, наделы ветеранов) все реже и реже имеет своим источником *ager publicus*. Все это, вместе взятое, свидетельствует о том, что старая, т. е. полисная, форма собственности разлагается. Одним из конкретных проявлений этого процесса и следует считать развитие ветеранского землевладения.

Это — принципиально важный момент и в полном смысле *основа* всех остальных и уже производных (от данной основы) изменений. Целесообразно рассмотреть хотя бы важнейшие из них. Какие, например, изменения претерпевает политическая надстройка, базирующаяся на полисной форме собственности? Следовательно, перед нами встает еще один вопрос, а именно, вопрос о новых политических требованиях, о новых идеологических веяниях, зародившихся, крепнущих и развивающихся в римской армии.

До возникновения такой мощной корпорации, как новая армия<sup>73</sup>, *capite censi* в Риме, а в еще большей степени — италики были лишены ряда гражданских и политических привилегий и никак, по существу, не организованы. Поэтому роль этих слоев в политической жизни римского общества была ничтожной. Теперь картина меняется. Эмансипировавшаяся от государства армия, тем не менее с самого начала своего самостоятельного существования, оказывается вовсе не индифферентной к политическим вопросам. Так, первое выступление этой армии (марш Суллы на Рим в 88 г.) было осуществлено — несмотря на всем известную подоплеку — под чисто политическими лозунгами борьбы против тирании<sup>74</sup>. Активное вмешательство армии, солдат в политическую жизнь, определенные политические мотивы их действий начинают играть все более и более заметную роль на фоне общих событий. Но это были особые формы вмешательства, обусловленные новыми политическими требованиями

<sup>73</sup> См. Р. Ю. Виллер. Очерки истории Римской империи, стр. 315—317.

<sup>74</sup> Арр., в. с., I, 57.

и интересами. Можно и следует говорить о формировании предпосылок новой идеологии, характерной для римской армии I в. до н. э.

Обычно этот вопрос сводят к тому, что преданность авторитетному и удачливому вождю заменяет теперь для солдат римской армии преданность государству. Подобный вывод отнюдь не нов<sup>75</sup>, но его единодушно придерживается большинство исследователей и в наше время<sup>76</sup>. В своей специальной работе о связи между армией и политикой в эпоху поздней республики Шмиттеннер<sup>77</sup> подводит как бы некий итог развитию подобного взгляда, утверждая, что все конфликты последних лет республики определяются двумя факторами: 1) наличием отдельных вождей (от Мария до Октавиана), эмансипировавшихся от единого некогда господствующего слоя и стремящихся к единоличной власти и 2) наличием военной *Gefolgschaft*, чья преданность этим вождям обуславливалась, в первую очередь, материальными интересами. Тот же Шмиттеннер не без оснований подчеркивает, что в современной историографии уделяется слишком много внимания этим отдельным вождям и слишком мало — роли самих военных масс<sup>78</sup>.

Изложенная выше и, как указано, общепринятая точка зрения, в общем — правильна. Однако она формулирует лишь итог довольно сложного процесса, не вскрывая его основ и предпосылок. Почему, в самом деле, как тому удивляется Шмиттеннер, Цезарь мог позволить себе публично утверждать, что *res publica* есть ничто, одно лишь пустое название<sup>79</sup>. Или почему, как об этом упоминалось выше, солдаты считали себя обиженными, когда их называли не солдатами, а гражданами?

Причину этих явлений, очевидно, следует искать в уже намеченном нами направлении. Для солдат римской армии, как для людей, не связанных с полисными институтами, привилегиями и традициями, не связанных также, в конечном счете, с самой полисной собственностью, те политические и идеологические надстройки, которые возникли на ее основе, не могли иметь непререкаемого значения. Во всяком случае, они не были для них — как для каждого «истого римлянина», полноправного гражданина и собственника — веками выработанными ценностями, «святынями», в духе преклонения перед которыми они бы росли и воспитывались. Поэтому столь нетрудно было

<sup>75</sup> Т. Моммзен. История Рима, II, стр. 187; III, стр. 412.

<sup>76</sup> См., например, Е. Коппманн. *Römische Geschichte* 3. Aufl. bearb. v. H. Bengtson. I. Stuttgart, 1954, S. 414; Н. Волкманн. *Sullas Marsch...*, S. II.

<sup>77</sup> W. Schmitthener. *Politik und Armee in der späten Römischen Republik*. «Historische Zeitschrift», 190, 1960, Hf. 1, S. 2.

<sup>78</sup> *Ibid.*, S. 3.

<sup>79</sup> Suet., *Jul.*, 77: «...nihil esse rem publicam, appellationem modo sine corpore ac specie».

«перевоспитать» солдат римской армии в совсем ином направлении.

Плоды этого «перевоспитания» мы видим прежде всего на примере отношения солдат к основным институтам полисной демократии. Изложение самими древними авторами событий политической жизни в последние десятилетия существования республики буквально «перенасыщено» примерами не только «нелояльного поведения», но и прямых насильственных действий солдат (или ветеранов) по отношению к комициям и магистратам.

Еще Сатурнин был вынужден прибегнуть к помощи ветеранов Мария, которые и провели его законопроекты в комициях своими голосами, а главным образом, своими дубинами<sup>80</sup>. Очевидно, кем-то из этих же людей был убит трибун Ноний<sup>81</sup> и несколько позже кандидат в консулы Меммий<sup>82</sup>. В ходе гражданской войны, которую иногда называют борьбой между Марием и Суллой, но которую уже Аппиан рассматривал как вооруженную борьбу двух политических «партий»<sup>83</sup>, обе стороны без стеснения использовали своих солдат (настоящих или бывших) для давления на комиции и для устранения неудобных в данный момент магистратов. В самом начале этой борьбы Марий и Сульпиций Руф вооружили «новых граждан», среди которых опять-таки было немалое количество ветеранов Мария, и с их помощью оказывали прямое давление на консулов и терроризировали комиции<sup>84</sup>. В свою очередь, после того как Сулла был отрешен комициями от командования, его солдаты не постеснялись применить насилие по отношению к квесторам, направленным в их лагерь сенатом<sup>85</sup>.

Когда в Риме (после отправления Суллы на Восток) началось марианское движение, на форуме снова появились «сторонники Цинны» (и Мария), вооруженные кинжалами (стоял вопрос о зачислении новых граждан во все трибы), и дело дошло до вооруженного столкновения<sup>86</sup>. Не следует забывать и о том, что консул Октавий был казнен солдатами во время репрессий, проводившихся Марием и Цинной<sup>87</sup>, а сам Цинна, будучи консулом, при изменившейся обстановке тоже был убит солдатами<sup>88</sup>.

В тот период, когда на политической арене появляется новая «генерация» ветеранов, т. е. участники восточных походов

<sup>80</sup> App., b. c., 1, 29—30; ср. Plut., Mar., 28.

<sup>81</sup> App., b. c., 1, 28.

<sup>82</sup> App., b. c., 1, 32.

<sup>83</sup> App., b. c., 1, 55.

<sup>84</sup> App., b. c., 1, 55; Plut., Mar., 34—35; Sulla, 8.

<sup>85</sup> Plut., Sulla, 9.

<sup>86</sup> App., b. c., 1, 64.

<sup>87</sup> App., b. c., 1, 71; Plut., Mar., 42.

<sup>88</sup> App., b. c., 1, 78.

Помпея, события разворачиваются, быть может, не столь трагично и напряженно, но, в общем, по тому же образцу. Правда, попытка Цезаря и Метелла «подменить» солдатскую массу вооруженной силой гладиаторов окончилась, по существу, неудачей<sup>89</sup>, но зато нет никаких сомнений в том, что *leges agrariae* Цезаря были проведены в комициях опять-таки не только голосами, но и насильственными действиями (Катону и Бибулу угрожала серьезная опасность) ветеранов Помпея<sup>90</sup>.

Итак, солдаты и ветераны уже «традиционно» используются в целях давления на органы полисной демократии. И это, конечно, не случайное явление. Именно солдаты новой римской армии, как люди, которые в силу своего происхождения и своего положения были наименее связаны с правами и привилегиями, вытекающими из существа полисных институтов, оказались наиболее пригодными для указанных целей. По тем же причинам они оказались и наиболее «подготовленными» для пересмотра политико-идеологических ценностей и критериев, которые еще столь недавно казались абсолютно незабываемыми.

«Истинно римская» шкала ценностей, разработанная Цицероном, но вобравшая в себя накопленные на протяжении веков опыт, традиции и духовные запросы римского собственника, полноправного члена общины, уже почти ничего не говорила и ничем не затрагивала умы и сердца солдат новой римской армии. Цицерон, как уже отмечалось, считал высшей степенью общности, предпочитая ее общности языка и происхождения, принадлежность к одной и той же *civitas*. Ибо в этом случае очень многое, по его мнению, было именно общим достоянием граждан: форум, святилища, портики, дороги, законы, права, судьи, право голосования, кроме того, привычные обычаи и дружеские связи, а также взаимные дела и расчеты<sup>91</sup>.

Цицерон здесь с завидной точностью перечислял такие «объекты» и привилегии, которые для «новых граждан» вообще и для солдат римской армии в частности уже не имели никакой реальной ценности (за исключением, быть может, права голоса, да и то в крайне специфическом преломлении). Наряду с этими нормами должны были быть пересмотрены и исконные римские добродетели (*virtutes*), как, например, *fortitudo*, *sapientia*, *audacia*, *consilium*, *ingenium*, *iudicium*, *prudencia*, *fides*, *pietas*, *modestia*, *aequitas*, *reverentia* и т. п., которые были краеугольными камнями полисной морали. На смену им, как отметил в своей работе о Цезаре и его солдатах И. Фогт, постепенно приходили такие новые ценности и критерии, как понятие солдатской профессиональной чести, как «величие римского народа

<sup>89</sup> Plut., Cato min., 28.

<sup>90</sup> Dio Cass., 38, 6; App., b. c., 2, 11; Plut., Pomp., 48; Cato min., 32; Caes., 14.

<sup>91</sup> Cic., de off., 1, 17, 53.

и собственное славное прошлое» или «государство и император»<sup>92</sup>.

В результате этих процессов армия все в большей степени становилась новой и самостоятельной социально-политической, а не только чисто военной, силой. Довольно распространенная точка зрения и в этом случае сводится к тому, что армия являлась грозным, но вместе с тем послушным (и слепым) орудием в руках волевого, авторитетного полководца<sup>93</sup>. Но так ли это на самом деле? Не правильнее ли определить характер взаимоотношений между полководцем и армией как некий двусторонний процесс<sup>94</sup>. Когда мы имеем в виду деятельность таких полководцев, как Марий, Сулла, Цезарь, Антоний, Октавиан, то, конечно, не составляет большого труда привести любое количество примеров, подтверждающих, что этим военным и политическим вождям не раз удавалось держать армию в своих руках. Это настолько очевидно, что не нуждается в доказательствах. Гораздо меньше обращалось внимания на то, что новая армия выдвигала со своей стороны, т. е. по отношению к своим полководцам, «встречные» требования, причем не только — как это тоже, обычно, отмечают — материального, но и политического характера.

В. Шмиттеннер в своей уже неоднократно упоминавшейся работе считает возможным — и то чрезвычайно осторожно — говорить о самостоятельных политических требованиях армии лишь применительно ко времени второго триумvirата<sup>95</sup>. Нам представляется, что это не совсем так. Конечно, мы не имеем в виду какой-либо развернутой и четко сформулированной политической программы, но, как уже было сказано выше<sup>96</sup>, мы считаем, что новая римская армия с самого начала своего существования вовсе не была индифферентна к политическим вопросам и событиям. С другой стороны, приводившийся нами пример — поход с Суллой на Рим под политическим лозунгом борьбы против тирании — еще не является примером «встречных» требований политического характера, идущих от самой солдатской массы. Но зато тот случай из гражданской войны 80-х годов, о котором рассказывает Аппиан, уже вполне может быть воспринят в подобном аспекте. Речь идет о дезертирстве солдат из армии Цинны, причем, оправдывая свои действия, солдаты выдвигали чисто политический мотив: нежелание сражаться с согражданами<sup>97</sup>.

<sup>92</sup> J. Vogt. Caesar und seine Soldaten. «Neue Jahrbücher für Antike und deutsche Bildung», 1940, Hf. 4, S. 130—131.

<sup>93</sup> H. Volkman n. Sullas Marsch..., S. 14—15.

<sup>94</sup> W. Schmitthenner. Politik und Arme e, S. 4—5; 9—10; J. Vogt. Caesar..., S. 128.

<sup>95</sup> W. Schmitthenner. Politik und Arme e, S. 4—5.

<sup>96</sup> См. стр. 189.

<sup>97</sup> App., b. c., 1, 78.

Наши источники, действительно, хранят молчание о политических требованиях солдатских масс даже в тех случаях, когда подобные требования почти наверняка должны были иметь место. Но это скорее всего объясняется самим характером источников. Так, Светоний, говоря, что солдаты Цезаря во время гражданской войны несколько раз бунтовали, не указывает ни политических, ни каких-либо иных причин этих бунтов<sup>98</sup>. Упоминания о том, что солдаты X легиона требовали отставки и награды (*missionem et praemia*), или, что Цезарь урезал главным зачинщикам их долю добычи и назначенные им земельные участки, еще отнюдь не говорят о чисто материальных причинах бунтов. Наоборот, если солдаты требовали не только *praemia*, но и *missio*, это скорее свидетельствует об обратном, т. е. о том, что среди некоторой части солдат были сильны настроения усталости, нежелания продолжать войну, а подобные настроения всегда имеют хотя бы некоторую политическую окраску. Такое же впечатление может быть вынесено из более подробного рассказа о бунте солдат в Риме, передаваемого нам Аппианом<sup>99</sup>.

Недаром тот же Шмиттеннер, говоря о самостоятельной политике (и даже политической программе) армии в эпоху второго триумvirата, подчеркивает, что требование мира, прекращения гражданской войны как таковой, было уже политическим требованием<sup>100</sup>. В борьбе за достижение этой цели армия разработала новую политическую тактику: направление депутаций в сенат (кстати, впервые в римской истории), переговоры с вождями (т. е. с Антонием и Октавианом), прямое давление на вождей и, наконец, как наиболее яркий пример вмешательства армии в «высокую политику» — братанье армий во время Перузинской войны и обоюдные депутации к полководцам<sup>101</sup>.

Кто же мог быть в армии наиболее активным выразителем ее интересов, проводником ее политики? Очевидно, что в данном случае следует согласиться с выводом Шмиттеннера, считающего, что это были вышедшие из солдат низшие командиры, т. е. центурионы («*Zenturionen-Politik*»)<sup>102</sup>.

Самостоятельная политическая роль римской армии в конце 40-х годов I в. до н. э. бесспорна и недаром некоторые из современных этим событиям авторов уже в общей форме сетуют на чрезмерную несдержанность и необузданность (*intemperantia nimisque licentia*) ветеранов<sup>103</sup>. Но нам хотелось бы подчерк-

<sup>98</sup> Suet., Iul., 69—70.

<sup>99</sup> App., b. c., 2, 92—94; ср. Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 303—304.

<sup>100</sup> W. Schmitthenner. Politik und Armee, S. 4—5.

<sup>101</sup> Ibid., S. 6—9; ср. Р. Ю. Виппер. Очерки истории Римской империи, стр. 315—319.

<sup>102</sup> W. Schmitthenner. Politik und Armee, стр. 12—14.

<sup>103</sup> Corp. Nep., Eum., 8, 2—3.

нуть, что основы этой политической самостоятельности, этой корпоративности армии были заложены значительно раньше — во времена Цезаря и даже самим Цезарем (а быть может, и до него).

В этом плане небезынтересно рассмотреть вопрос о понимании социально-политической роли армии и о методах «использования» армии такими двумя полководцами и политическими деятелями, как Сулла и Цезарь.

Согласно широко распространенной точке зрения, Сулла и Цезарь, используя армию как некое орудие для установления военной диктатуры, действовали весьма сходным образом. Цезарь был, таким образом, преемником и продолжателем дела Суллы<sup>104</sup>. Однако с подобной точкой зрения — несмотря на ее кажущуюся очевидность — едва ли можно полностью согласиться, поскольку при подобной постановке вопроса обращается внимание лишь на черты сходства в деятельности обоих полководцев, но игнорируются принципиально важные черты различия.

Для Суллы армия была чисто военной, т. е. «грубой» силой; которую хоть и можно было использовать для определенного давления, нажима в ходе политической борьбы<sup>105</sup>, но которая отнюдь еще не была консолидированной организацией, имевшей какое-то самостоятельное значение или занимавшей самостоятельные позиции в этой борьбе. Возможно, что римская армия 80-х годов действительно еще не созрела до того, чтобы претендовать на подобную роль, а Сулла и не пытался «воспитать» ее в этом духе. Недаром он, когда чисто военная необходимость в армии миновала, поспешил ее распустить и в своих попытках создания более или менее долговременной опоры предпочел пойти по пути организации колоний ветеранов в Италии и дарования гражданских прав рабам проскрибированных в самом Риме.

Принципиально иное отношение к армии и иное понимание ее роли в политической жизни и борьбе мы можем проследить у Цезаря. К сожалению, на эту сторону дела в современной историографии почти не обращается внимания. Из всего, поистине бесчисленного количества работ, посвященных Цезарю, нам известна лишь одна, где делается попытка поставить вопрос (да и то, скорее, в моральном, чем политическом плане) о «воспитании» Цезарем своей армии. Это — уже упоминавшаяся нами работа И. Фогта «Цезарь и его солдаты».

В самом начале своей статьи И. Фогт подчеркивает, что он интересуется «проблемой персональных отношений между Цезарем и его армией, проблемой руководства людьми, духовного

<sup>104</sup> См. Н. Volkman n. Sullas Marsch..., S. 15—16. В советской историографии: С. И. Ковалев. История Рима, стр. 415; Н. А. Машкин. История древнего Рима. М., 1956, стр. 319.

<sup>105</sup> Ср. Арр., в. с., 1, 55.



воздействия на солдат и командиров их вождя и обратным воздействием этого психического феномена на политическую обстановку»<sup>106</sup>. Фогт считает, что Цезарь силой своей личности и величием своих военных и государственных дарований сумел поднять роль полководца до истинных высот «овладения людьми» (*Menschenbeherrschung*)<sup>107</sup>. Под этим углом зрения Фогт и рассматривает далее «воспитательную работу», проводившуюся Цезарем в его армии, отмечая «духовный контакт» вождя и армии<sup>108</sup>, умение Цезаря отличать храбрейших<sup>109</sup>, преданность и инициативу самих солдат<sup>110</sup>, воспитание у них новых понятий профессиональной воинской чести<sup>111</sup>, и кончает тем, что «император, который был в такой мере солдатом, слился со своей армией в неразрывное единство» и, если Цезарь был обязан войску своим политическим могуществом, то оно, являясь его творением, было обязано ему своим существованием<sup>112</sup>.

Статья Фогта интересна своей общей постановкой вопроса и рядом правильно сделанных наблюдений (например, о замене «общинных» ценностей и критериев новыми понятиями солдатской профессиональной чести). Но в идеологическом отношении она совершенно неприемлема. В этой статье, написанной в фашистской Германии в 1940 г., автор фактически вносит свою лепту в фонд официально покровительствуемых «теорий» и неоднократно говорит об ориентации Цезаря как вождя на «наиболее сильных», на его стремление «создать элиту» и т. п.<sup>113</sup> Кроме того, статья не может удовлетворить нас и в другом отношении. Несмотря на обещание автора показать «обратное воздействие» Цезарева воспитания армии на политическую обстановку, об этом, по существу, почти ничего не сказано, если не считать нескольких общих фраз в конце статьи, вроде: «Военное руководство и новый строй государства были тесно связаны друг с другом с момента перехода Рубикона. И если раньше римские военачальники пользовались неограниченной монархической властью лишь в провинциях, то ныне Цезарь имел подобную власть в самом Риме. Титул, лавры и пурпурная тога подчеркивали, что это был солдатский император»<sup>114</sup>. Такого рода общие фразы, на наш взгляд, мало что объясняют по существу, и поэтому вопрос о политической роли Цезаревой армии остается нерешенным.

---

<sup>106</sup> I. Vogt, *Caesar...*, S. 121.

<sup>107</sup> *Ibid.*, S. 122.

<sup>108</sup> *Ibid.*, S. 124.

<sup>109</sup> *Ibid.*, S. 124—125.

<sup>110</sup> *Ibid.*, S. 128.

<sup>111</sup> *Ibid.*, S. 130—131.

<sup>112</sup> *Ibid.*, S. 133.

<sup>113</sup> *Ibid.*, S. 124.

<sup>114</sup> *Ibid.*, S. 134—135.

Все изложенное нами относительно изменения социального состава и политической идеологии новой римской армии позволяет прийти к несколько иным выводам и иному решению вопроса о взаимоотношениях между Цезарем и его армией. В отличие от Суллы, Цезарь уже видел в армии не просто вооруженную силу. Он пришел к руководству армией после того, как им был накоплен определенный опыт политической деятельности в качестве общепризнанного «вождя популяров». Более того — Цезарь пришел к руководству армией именно вследствие и в результате данного опыта. Разочаровавшись в римской «демократии», не считая ее надежной опорой, Цезарь совершенно сознательно подставил на место этой обветшалой и уже не действенной политической силы новую социально-политическую организацию — римскую армию. Поэтому его руководство армией действительно носило характер политического руководства. Воспитание в солдатах этой армии новых основ дисциплины, преданности, инициативы, новых представлений о профессиональной чести и других специфических качеств и понятий, правильно подмеченных Фогтом, все это было отнюдь не самоцелью, но имело определенную политическую направленность, ибо армия, с точки зрения Цезаря, должна была теперь служить не только военной, но и политической опорой. Более того, в условиях римской политической действительности, т. е. при отсутствии политических партий в современном значении этого слова, при деморализации городского плебса и политической индифферентности сельского населения — только армия и могла быть единственно надежной опорой, играя до известной степени роль наиболее консолидированной в тех условиях политической организации.

Подобное понимание роли и значения армии было, очевидно, не чуждо Цезарю уже в конце его консулата и — что более несомненно — могло только окрепнуть в период гражданской войны. Правда, по окончании войны Цезарь вынужден был распустить свою армию — так же как и все его предшественники — но не ощутил ли он слишком скоро, что, поступая таким образом, он совершает роковую ошибку? И — как знать — не потому ли был задуман грандиозный по своим масштабам и по своей неожиданности поход против парфян, что, распустив армию, Цезарь уже менее чем через год почувствовал себя настолько изолированным, настолько лишенным действительной опоры, что вынужден был искать любую цену предложения, дающего возможность восстановить эту опору.

Таков, на наш взгляд, основной итог и смысл качественных изменений, происходивших в социальной структуре римской армии, и таково значение самой армии как новой, крупной и самостоятельной социально-политической силы.

## Глава VII

### Проблема римского гражданства

---

В Риме на определенной ступени его исторического развития гражданство (*civitas*) отличалось эксклюзивным и замкнутым характером. Это не было особенностью только Рима; таков же был характер гражданства и в большинстве других полисов. Но по мере прогрессирующего разложения римской полисной организации наблюдается постепенное нарушение этих принципов замкнутости и исключительности, поскольку они уже не соответствуют новым условиям жизни крупнейшей средиземноморской державы. Римское гражданство распространяется вширь, причем переступает границы Италии. Этот процесс шел сложным и своеобразным путем.

Мы не собираемся рассматривать проблему римского гражданства в целом. Нас интересуют лишь те принципиальные изменения, которые происходят в эпоху кризиса республики, в основном, после Союзнической войны, когда замкнутость римского гражданства была взорвана изнутри и распространение гражданских прав приобрело наибольший (в период республики) размах. Но в этой связи необходимо бросить хотя бы самый общий ретроспективный взгляд на состояние интересующего нас вопроса в более ранний период.

Нам уже приходилось кратко упоминать о том, что каждому, кто претендовал на то, чтобы считаться членом римской гражданской общины (*iuris societatem habere*), следовало обладать определенной суммой гражданских прав (*caput*), которая складывалась из трех элементов: *status libertatis*, *status civitatis* и *status familiae*<sup>1</sup>.

Само собою разумеется, что в настоящий момент для нас наибольший интерес представляет *status civitatis*, обладание которым и отделяло полноправного римского гражданина от перигринов, латинян, *cives sine suffragio* и либертинов. В состав

---

<sup>1</sup> См. выше, стр. 111—112.

этого статуса входили как *iura publica*, так и *iura privata*. К первым относились следующие права: *ius suffragii*, *ius honorum* и *ius provocacionis*; ко вторым такие, как *ius conubii* и *ius commercii*<sup>2</sup>. Кроме этих основных прав, римский гражданин мог иметь *ius actionis* (т. е. право отстаивать свои интересы в суде), *ius gentilitatis* (т. е. право быть полноценным членом рода) и *ius sacrorum* (т. е. право самому совершать религиозные обряды). Только те, кто обладал *civitas*, составляли, в строгом смысле слова, *populus Romanus*. И только те, кто входил в состав «римского народа», имели право носить «одежду и обувь гражданина» (*toga* и *calceus*).

Приобретение гражданских прав совершалось или в силу рождения (*cives nati*), или в силу их дарования (*cives facti*). К *cives nati* относились дети римских граждан, рожденные в законном браке (*matrimonium iustum*). Кроме того, к *cives nati* причислялись дети, рожденные от брака римского гражданина и гражданки не римской общины, но такой, с которой Рим был связан *ius conubii*<sup>3</sup>. К *cives facti* могли быть отнесены отдельные лица, а также целые общины и народности, получавшие гражданские права в силу постановления народного собрания или через посредство римских республиканских должностных лиц, или через полководцев, или, в дальнейшем, по указам императоров. К *cives facti* причислялись также либертины, которые были отпущены на волю при соблюдении всех необходимых формальностей (*manumissio iusta*).

Поскольку нас интересует вопрос о распространении (т. е. даровании) римских прав, то в сфере нашего рассмотрения окажутся лишь *cives facti*. Мы сможем убедиться в том, что их положение по сравнению с *cives nati* было, по большей части, неравноправным. Затем мы вынуждены исключить из нашего рассмотрения практику дарования гражданских прав отдельным лицам, поскольку сведения подобного рода — пусть даже иногда сохраненные для нас древними авторами — слишком случайны, неполны и не могут привести к сколько-нибудь убедительным выводам. Кроме того, мы согласны с теми исследователями, которые считают основным принципом распространения римских гражданских прав не дарование их в индивидуальном порядке, но инкорпорацию целых, в первую очередь, италийских общин в состав Римского государства<sup>4</sup>. Таким образом, нам придется иметь дело с фактами распространения римских прав на отдельные общины, города, народности. Для этого следует прежде всего восстановить (хотя бы в общих чертах) картину взаимоотношений Рима и связанных с ним (и, как правило, зависимых от него) общин и племен.

<sup>2</sup> В. М. Хвостов. История римского права, стр. 34—35.

<sup>3</sup> Там же, стр. 95.

<sup>4</sup> A. N. Sherwin-White. *The Roman Citizenship*, p. 130.

Отношения между Римом и зависимыми от него в той или иной форме общинами вытекали в принципе из института клиентелы<sup>5</sup>. Этот институт, происхождение которого оставалось неясным самим римлянам, поскольку они приписывали создание клиентелы Ромулу<sup>6</sup>, был, в свою очередь, как-то связан с древнейшей гентильной организацией, восходя, очевидно, ко времени ее расцвета. Еще в середине прошлого века Л. Ланге справедливо указал на то, что клиентелу следует рассматривать как весьма древний, «патриархальный институт», ибо клиентелы связаны не прямо с государством, но с отдельными родами<sup>7</sup>. Он же, полемизируя с Нибуром, который, как известно, считал клиентел потомками покоренных римлянами италийских племен (сближая их, таким образом, с пелатами, пенестами, кларотами и т. п.), приводит ряд интересных и не потерявших даже ныне убедительности соображений в защиту того взгляда, что отношения клиентелы могут быть выведены из «патриархального фамильного права». Так, Ланге указывает на то, что самый термин «*patroni*», не будучи эквивалентным понятию «*patres*», тем не менее характеризует отношения, близкие к тем, какие существуют между *pater familias* и членами самой фамилии, в состав которой включаются и дети, и рабы<sup>8</sup>.

Последующее превращение клиентелы в государственный институт отнюдь не противоречит только что высказанному предположению относительно генезиса этого института, тем более, что клиентела (наряду с некоторыми другими римскими институтами) даже в период своего наиболее высокого развития продолжает, по словам Бадяна, оставаться «в той полутени религии и обычая, которая еще не является законом или является чем-то большим, чем закон»<sup>9</sup>. Все это прекрасно согласуется с идущим от Аристотеля, но характерным также и для римской политической идеологии, тезисом о развитии государства из семьи<sup>10</sup>, как первоначальной ячейки общества, а с другой стороны, с представлением о государстве, как о большой семье. Поэтому, например, в равной степени возможно осуществление патроната по отношению к отдельному лицу, к группе лиц или, наконец, по отношению к целым общинам, городам и государствам. Причем в последнем случае возможны два варианта: в роли патрона могут выступать отдельные сильные роды или их представители, как, например, по неоднократным свидетельствам Цицероновых «Веррии», Марцеллы в Сицилии, сам Цицерон в Капуе, отдельные римские фамилии в ита-

<sup>5</sup> E. Badian. *Foreign Clientelae* (264—70 B. C.). Oxford, 1958, p. 1; ср. p. 113; 219.

<sup>6</sup> Dion., 2, 8—10; Cic., *de rep.*, 2, 9; Plut., *Rom.*, 13.

<sup>7</sup> L. Lange. *Römische Altertümer*, I. Berlin, 1863, S. 214.

<sup>8</sup> *Ibid.*, S. 214—215.

<sup>9</sup> E. Badian. *Op. cit.*, p. 1.

<sup>10</sup> Cic., *de rep.*, I, 38.

лийских общинах и городах<sup>11</sup>, но в роли патрона может оказаться и само римское государство<sup>12</sup>.

Были ли отношения между римлянами и зависимыми от них общинами построены на основе знаменитого лозунга *divide et impera*? В последнее время становится все более и более «модным» отрицание этого положения. Так, например, Гёлер резко обрушивается на тех исследователей римско-итальянских отношений, которые принимают всерьез этот лозунг и считают его «подлинно римским»<sup>13</sup>. Гёлер изображает завоевание Италии Римом — не забудем, что его работа вышла в свет в период господства фашизма в Германии — не столько как завоевание и порабощение, сколько как «позитивную восстановительную работу» на «благо» самих завоеванных. Он доходит даже до утверждения, что основным принципом римской завоевательной политики, которая, оказывается, была «созидательной, не разрушительной», был такой гуманный лозунг, как *pacere subiectis*, в крайнем случае, *debellare superbos*, но отнюдь не «псевдоримский», с его точки зрения, принцип «разделяй и властвуй»<sup>14</sup>. Менее откровенно, менее непримиримо, но, по существу, столь же отрицательно относится к лозунгу *divide et impera* и Фиттингхоф, который считает, что это выражение ныне используется «модернизаторски», тогда как суть дела заключается в том, что Рим никогда не разбивал исторически сложившихся «образований» ради введения схематически централизованной системы управления<sup>15</sup>.

Утверждения подобного рода представляются нам абсолютно неприемлемыми. Конечно, если считать, что лозунг *divide et impera* искони был сознательно сформулированным принципом сознательно планируемой в этом духе римско-италийской политики, то это будет весьма похоже на «модернизаторские» конструкции. Однако возможно совсем иное понимание вопроса. Внутренний смысл пресловутого лозунга был «непроизвольно» заложен в самой системе клиентских отношений, точнее говоря, в самом истоке этих отношений — в римской патриархальной семье. Сложная структура римской *familia* с подчеркнутым неравноправием ее членов, с особым характером власти *pater familias*, распадающейся на *manus mariti*, *patria potestas* и *mancipium*, агнатское и когнатское родство, понятия *sui iuris et*

<sup>11</sup> Ср. E. Badian. Op. cit., p. 113.

<sup>12</sup> J. Marquardt. *Römische Staatsverwaltung*, I. Leipzig, 1881, S. 46. Подробнее о клиентеле см. Л. А. Ельницкий. Возникновение и развитие рабства в Риме в VIII—III вв. до н. э. (см. в особенности стр. 127—138).

<sup>13</sup> J. Göhler. *Rom und Italien*. Breslau, 1939, S. 3.

<sup>14</sup> Ibid., S. 23.

<sup>15</sup> F. Vittinghoff. *Römische Kolonisation und Bürgerrechtspolitik unter Caesar und Augustus*. «Akademie der Wissenschaften und der Literatur. Abhandlungen der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Klasse», Mainz — Wiesbaden, Jg. 1951, № 14, S. 8—9.

alieni iuris и т. п. — все это свидетельствует о том, что принцип *divide et impera* произвольно, непредумышленно, но фактически пронизывал всю систему семейных отношений в древнем Риме, лежал в основе фамилльного права, а следовательно, и в основе порожденного этими отношениями и этим правом института клиентелы. Когда мы имеем в виду клиентские отношения и связи между Римом и зависимыми от него в той или иной степени общинами, то всегда следует помнить не только о самом факте зависимости или даже подчинения, но и о наличии разнообразных, далеко не однородных, неравноправных форм зависимости.

Однако это разнообразие возникло не в результате консервации естественно сложившегося неравноправного положения тех или иных (по выражению Фиттингофа) «образований», ибо та форма, в которой шла наиболее массовым путем инкорпорация италиков, а затем и провинциального населения в состав римского государства, т. е. государственноправовая форма колонии или муниципия, уже неизбежно несла с собой для одинаково бесправного до тех пор по отношению к Риму населения правовые различия и градации. То же самое можно сказать и по поводу таких категорий, как *civitates stipendiariae*, *civitates foederatae*, *civitates liberae* и т. п. Все это — формы или категории *римской администрации*, возможно, применявшиеся в какой-то степени к местным условиям, но отнюдь не являвшиеся продуктом, порождением местной среды. Из всего этого с достаточной, на наш взгляд, очевидностью вытекает тот факт, что римляне весьма мало были озабочены тем, чтобы бережно сохранять естественно сложившиеся «образования» с их особенностями и различиями, а, скорее наоборот, при помощи своей административной системы привносили, даже *навязывали* совершенно новые различия и градации, прежде всего, в сфере отношений с самим Римом.

Общая картина взаимоотношений между Римом и италийскими общинами, а также государственноправовое оформление этих отношений свидетельствуют о многообразии упомянутых степеней и градаций.

Полной римской правоспособностью обладали прежде всего колонисты с *coloniae Romanae* (или с *civium Romanorum*), поскольку эти колонии рассматривались как часть самой римской *civitas*, как некие — пользуясь терминологией Шёнбауэра — «*Kernsiedlungen*»<sup>16</sup>. Они основывались, как правило, на территории покоренных Римом общин, точнее на той части (обычно 1/3) их территории, которую римляне или превращали в *ager*

<sup>16</sup> E. Schönbauer. *Municipia und coloniae in der Prinzipatzeit*. «Anzeiger der Oesterreichischen Akademie der Wissenschaften», Philos.-histor. Klasse, Jg. 1954, № 2, S. 47.

publicus или продавали<sup>17</sup>. Это были опорные пункты римского господства; основание колоний *civium Romanorum* преследовало или военные или политические (а иногда и хозяйственные) цели<sup>18</sup>.

Иной характер как по своему происхождению, так и по правовому статусу имели *coloniae latinae* (или *nomen Latinum*). Марквардт вообще относит их к *civitates foederatae*<sup>19</sup>. Латинские колонии первоначально выводились городами Латинского союза (в том числе и Римом), поскольку обычай «отнимать» у побежденных общин  $\frac{1}{3}$  их территории и выводить на эту землю поселенцев можно признать общим для всех италиков<sup>20</sup>. После войн с латинянами и герниками, а следовательно, после ликвидации Латинского союза римляне еще продолжают учреждать *coloniae latinae*. Но, строго говоря, это уже были не поселенческие колонии, а «латинскими» они были теперь лишь в том смысле, что жители этих новых колоний (например, ряд северониталийских городов) получали в принципе такие же права, которыми некогда пользовались «настоящие» латинские колонисты, т. е. *ius Latii*.

*Ius Latii* предполагало *ius conubii* и *ius commercii* с Римом, внутреннее самоуправление, причем не только по административным, но и судебным делам и даже некоторую внешнюю самостоятельность, например право чеканить монету. Римским законам латинские города подчинялись в случае своего на то согласия. Жители латинских колоний получали полные права римского гражданства при переселении в Рим (оставляя в родном городе сына) или после занятия магистратуры. Латиняне имели право голоса в трибунных комициях, причем для них по жребию определялась одна триба<sup>21</sup>.

Когда латинские колонии стали основываться только Римом (т. е. после роспуска Латинского союза), то некоторые их права были существенно урезаны. Наиболее заметным образом это сказалось на положении 12 латинских колоний<sup>22</sup>, основанных после 268 г. до н. э. Для них было ограничено (или вовсе отменено) право чеканки монеты, уничтожено *ius conubii* и весьма осложнена процедура получения римского гражданства (в основном, только через магистратуру)<sup>23</sup>. Таким образом, из всего вышесказанного явствует, что в смысле своей общей правоспособности жители *coloniae latinae* занимали как бы среднее положение между римскими гражданами и *socii* — либо

<sup>17</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 35.

<sup>18</sup> E. Schönbauer. Op. cit., S. 47.

<sup>19</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 26; 48.

<sup>20</sup> Ibidem, см. также прим. 8.

<sup>21</sup> Ibid., S. 52—53; ср. P. Willems. Le droit public romain, Louvain, 1910, p. 148, note 8.

<sup>22</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 54.

<sup>23</sup> Ibid., S. 55—57.



«неполноправные граждане», либо «привилегированные союзники».

Одной из наиболее распространенных и, вместе с тем, своеобразных форм, в которой осуществлялись государственно-правовые отношения между Римом и зависимыми от него общинами, была форма *municipium*. Согласно последним представлениям, которые, кстати сказать, мало отличаются от тех, что господствовали во времена Марквардта, под *municipia* следует понимать первоначально самостоятельные италийские общины, которые были обязаны государственным договором (*foedus*) выполнять некоторые «публичные (*öffentliche*) задачи» совместно с Римом (*municipium—munia capere*, т. е. «Aufgaben übernehmen») <sup>24</sup>. Историческое развитие вело от политического присоединения через *foedus* к правовому присоединению и даже «включению» (в *civitas Romana*) в силу дарования римского права гражданам муниципиев <sup>25</sup>.

Вообще говоря, муниципии имели внутреннее самоуправление (магистраты, *ordo decurionum*, народное собрание), но если иметь в виду их правоспособность, то находились, во всяком случае первоначально, на положении *civitas sine suffragio*. Граждане муниципиев имели *ius conubii* и *ius commercii*, но не *ius suffragii* и *ius honorum*. Марквардт даже считает, что термины «*civitas sine suffragio*» и «*municipium*» являются синонимами, причем последний, с его точки зрения, более точен, как *terminus technicus* <sup>26</sup>.

Тот же Марквардт делит все муниципии на две категории или класса: *municipia* как таковые и *praefecturae*. Первые имели то преимущество, что сохраняли органы самоуправления, вторые их не имели и управлялись Римом, как *vici* <sup>27</sup>. Шёнбауер <sup>28</sup>, по всей видимости, считает, что и в префектурах имелось внутреннее самоуправление, а «форма» префектуры есть не что иное, как дальнейшая ступень «включения» муниципия в римскую *Rechtsgemeinschaft* <sup>29</sup>. Для нас, в данном случае, эти детали и «тонкости» правовых различий не имеют принципиального значения, тем более, что после Союзнической войны, когда римское право было распространено на всех италиков, происходит правовая нивелировка не только самих муниципиев, но исчезают правовые различия даже между муниципиями и колониями <sup>30</sup>. Со времени Цезарева муниципального закона все

<sup>24</sup> E. Schönbauer. Op. cit., S. 46; ср. I. Marquardt. Op. cit., S. 26.

<sup>25</sup> E. Schönbauer. Op. cit., S. 46.

<sup>26</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 27—28.

<sup>27</sup> Ibid., S. 28—30.

<sup>28</sup> E. Schönbauer. Op. cit., S. 46.

<sup>29</sup> Ср. A. N. Sherwin-White. Op. cit., p. 89—90.

<sup>30</sup> Ibid., стр. 47. Фиттингоф (op. cit., S. 35; 41) считает, что правовое различие между муниципиями и колониями исчезло в дальнейшем не только

муниципальные города Италии получают единообразное устройство<sup>31</sup>.

В чем заключалось различие между такими государственно-правовыми формами, как *colonia* и *municipium*? Фиттингхоф считает, что они различались прежде всего по своему происхождению. Колонии, будучи поселенческими колониями, возникли «изнутри», т. е. из самого Рима, и оставались, как уже говорилось выше<sup>32</sup>, его неотъемлемой частью; муниципии же вступили в римское гражданство «извне», так как до этого вступления они были не римскими, но peregrinскими общинами, жители которых были теперь коллективно «почтены» римскими гражданскими правами<sup>33</sup>. Шёнбауер полемизирует с этим определением, вернее, с последней его частью, указывая на то, что при основании нового муниципия отнюдь не все жители становились муниципальными гражданами, но лишь те, которые были гражданами самого peregrinского поселения. Таким образом, жители никогда не получали прав гражданства *всем коллективом* (даже при основании латинских колоний и муниципиев)<sup>34</sup>. Однако, на наш взгляд, данное возражение Шёнбауера отнюдь не опрокидывает вышеприведенное определение муниципия — во всяком случае, в плане сравнения его с колонией, — оно лишь уточняет и несколько «ограничивает» определение Фиттингхофа.

И, наконец, следует охарактеризовать еще одну государственно-правовую форму (или, точнее, комплекс форм) — *civitates foederatae*. Речь пойдет о взаимоотношениях Рима с зависимыми общинами, причем эти отношения определялись тем или иным типом договора. В основном существовали следующие типы договорных отношений. а) *Amicitia*. Это был наиболее общий и, очевидно, наименее обусловленный тип союза, при котором определялось состояние мира, взаимосвязей и предполагалась защита частноправовых интересов союзников. б) *Hospitium publicum*. Наименее известный тип договорных отношений. Возможно, что при этом за общиной, с которой Рим вступал

---

для Италии, но и для провинций. Шёнбауер же в своей статье, которая написана целиком в плане полемики с Фиттингхофом, категорически возражает (op. cit., S. 15—17) против этого положения, и в данном случае он, возможно, прав.

<sup>31</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 35; E. Schönbauer. Op. cit., S. 14—15. Cp. L. R. Taylor. Caesar's Agrarian Legislation and His Municipal Policy. «Studies in Roman Economic and Social History in Honor of Allan Chester Jonson». Princeton, New Jersey, 1951, p. 74—76. Статья посвящена в основном вопросу о датировке и характеристике *lex Mamilia Roscia Peditaeca Alliena Fabia*, но в ней приводятся и общие соображения автора относительно муниципального устройства в середине 50-х годов (см. указ. стр.).

<sup>32</sup> См. стр. 202.

<sup>33</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 33.

<sup>34</sup> E. Schönbauer. Op. cit., S. 21.

в подобный союз, признавались такие права, которые могли получать в Риме отдельные иностранцы: почетный прием, содержание на государственный счет, допуск к играм и жертвоприношениям, право покупки и продажи, право в случае конфликта лично выступать в суде без посредничества патрона-римлянина. в) *Foedus*. Теоретически различались договоры «равные» и «неравные» (*foedera aequa* и *iniqua*), но фактически любая община, связанная через *foedus* с Римом, утрачивала всякую самостоятельность в области внешних отношений. Общим для всех *civitates foederatae* было то положение, что они имели внутреннюю автономию, собственные органы управления и суды, право чеканки монеты и освобождение от службы в легионах (при одновременном обязательстве поставки воинских контингентов во вспомогательные войска). Жители *civitates foederatae* римским правом не обладали, но фактически находились на положении «иностраннных клиентов» римского государства<sup>35</sup>.

Фиттингоф, подводя итог многообразию взаимоотношений между Римом и зависимыми от него общинами, подчеркивает тот факт, что римляне не пошли по пути создания «общеемперского», основанного на включении подданных в римскую «семью народов», права. Этого не допускали прежде всего полисные традиции. Персональный характер прав для римлян, италиков и перегринов был само собой разумеющейся основой подобных воззрений. Потому и определился следующий путь: избирая некоторую часть из неполноправного населения, даровать им в виде награды (*praemium*) права римского гражданства, а следовательно, и связанные с ними привилегии<sup>36</sup>.

Фиттингоф определяет общие персонально-правовые различия свободного населения нижеследующим образом: *cives Romani—Latini iuris—peregrini*. Эти градации соответственно отражались в государственно-правовом положении самих общин или городов: римским гражданам соответствовали колонии и муниципии, латинянам — также колонии и муниципии, перегринам — *civitates, oppida, πόλεις* и т. п. Полноправным гражданином мог быть лишь тот, кто имел права одинаковые или большие по сравнению с государственно-правовым положением (статусом) самого города. И хотя перегрины жили во всех типах городов, они могли быть гражданами лишь в *civitates, oppida* и т. п., латиняне — лишь в латинских и перегринских городах, римляне — во всех типах городов<sup>37</sup>.

Шёнбауер, конечно, пытается оспорить эту классификацию Фиттингофа. Как мог, спрашивает он, какой-либо гражда-

<sup>35</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 44—46.

<sup>36</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 11—12; ср. A. N. Sherwin-White. Op. cit., p. 130 ff.

<sup>37</sup> Ibid., p. 20.

нин иметь такие же права как община или город? Ведь город— носитель *res publica*! Кроме того, правовое положение peregrинских городов было самым разнообразным: *oppida stipendiaria*, *oppida libera*, *oppida foederata*. Следовательно, должен был существовать *civis foederatus*, *civis liber*, *civis stipendiarius*? Ничего похожего у римских юристов мы, как известно, не встречаем<sup>38</sup>.

Однако подобные возражения Шёнбауера представляются нам надуманными. На наш взгляд, совершенно ясно, что из классификации, предложенной Фиттингофом, следует вовсе не вывод о необходимости какого-то дальнейшего членения peregrинских прав, но лишь то, что Фиттингоф имеет в виду три крупные и, вместе с тем, принципиально различные правовые категории: римское гражданство, латинское гражданство и peregrинов. Ведь не дифференцирует же, в данном случае, Фиттингоф римское право и города, им обладавшие, хотя хорошо известно, что и самое римское право было внутренне неоднородным (например, *cives optimo iure*) и города (или общины) могли обладать полным, а иногда и неполным (урезанным) римским правом<sup>39</sup>.

Что же касается привилегий, даваемых римским правом, то они заставляли стремиться получить это право всех тех, кто был заинтересован в государственной или военной карьере. Ибо только полноправный римлянин мог осуществлять семейную власть (*patria potestas—manus*) и имел имущественные права (и прежде всего право собственности *ex iure Quiritium*). Только он имел право составлять завещание, получать наследство, только он был полностью дееспособен в сфере обязательственных прав и пользовался особой защитой в случае уголовного процесса (*ius provocacionis*)<sup>40</sup>. И, наконец, как уже говорилось, только полноправный римский гражданин имел наряду с вышеперечисленными правами еще *ius suffragii* и *ius honorum*. Обладание всей суммой этих прав и открывало для римлянина широкое поле деятельности как на военном, так и на политическом поприще.

Такова была общая картина клиентских взаимоотношений между Римом и италийскими городами (общинами). Принципиальные изменения и новые черты в эту картину вносит Союзническая война. Итоги войны имели огромное значение не только для италийских общин или для Рима как такового, но и для римской истории в целом.

Вплоть до самой Союзнической войны дарование римских прав италийским общинам (или группам лиц) производилось

<sup>38</sup> E. Schönbauer. Op. cit., p. 31—32.

<sup>39</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 34.

<sup>40</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 13—14.

осторожно и скупое. Не говоря уже о союзных городах, такие муниципии, как Фунди и Формии, бывшие с 338 г. *civitates sine suffragio*, получили полные гражданские права лишь в 188 г., Арпин — тоже в 188 г., Атина — в 102 г. По *leges de coloniis deducendis* Аппулея Сатурнина, принятым в 100 г. — о них мы уже упоминали выше<sup>41</sup>, — предоставление гражданских прав строго ограничивалось даже для латинян. Принятый совсем незадолго до восстания италиков *lex Licinia Mucia* (95 г.) предписывал изгнание из Рима тех союзников, которые выдавали себя за граждан (*cives*), но не могли доказать получение ими гражданских прав<sup>42</sup>.

В итоге Союзнической войны и широкого распространения (по *lex Iulia* и *lex Plautia Papiria*<sup>43</sup>) гражданских прав уже и на союзников ситуация резко меняется. Правовое положение италийских общин нивелируется: все они теперь в равной мере пользуются римским правом, исчезает различие между колониями (в том числе латинскими) и муниципиями; сохраняющееся в дальнейшем понятие «*municipium*» начинает обозначать «провинциальный» (уже не в римском, а в современном смысле этого слова) италийский город единообразного «муниципального» устройства<sup>44</sup>. Кстати сказать, совершенно прав Бадриан, когда он указывает на различное отношение в среде самих италиков — в зависимости от того, идет ли речь о крупных или мелких землевладельцах — к вопросу о принятии римского права. Если последние, как правило, были заинтересованы в римском праве *en masse* и оно сулило им только выгоды и привилегии, то среди высших классов, т. е. крупных землевладельцев, возникли противоположные группировки, существование которых было обусловлено решением вопроса о том, что давало большую выгоду: приобретение римских гражданских прав или сохранение своих земельных владений, не подпадающих до приобретения этих прав под действие римских *leges de modo agrorum*<sup>45</sup>.

Что касается самого Рима, то для него основной итог Союзнической войны состоял в превращении из полиса, из городо-государства в италийскую державу. Если до войны колонии и муниципии римских граждан не были самостоятельными *civitates*, но лишь частью римской общины, в то время как федерированные города, включая *coloniae Latinae*, считались формально самостоятельными и стоящими *вне civitas Romana*, то сейчас все италийские города превратились в гражданские общины однородного, т. е. римского, права, стали равноправными членами

<sup>41</sup> См. выше, стр. 133—134.

<sup>42</sup> Cic., *de off.*, 3, 11.

<sup>43</sup> Cic., *pro Arch.*, 4, 7.

<sup>44</sup> I. Marquardt. *Op. cit.*, S. 64.

<sup>45</sup> E. Badian. *Op. cit.*, p. 220—224.

единого организма<sup>46</sup> — италийского государства, возглавляемого Римом. С этого момента принцип *divide et impera* в отношении италийских общин, по-видимому, отпадает; италики все в большей и большей степени начинают рассматриваться в качестве опоры *imperium Romanum*<sup>47</sup>. Но, как вытекает хотя бы из сказанного выше о различии интересов самих италиков — крупных и мелких земледельцев, разграничительная линия, на основе которой старый принцип мог осуществляться в новых условиях, пролегает теперь не между римлянами и италиками, но между римско-италийским господствующим и угнетенным классами.

И, наконец, для римской истории в целом Союзническая война имела то огромное значение, что она оказалась важнейшим «качественным скачком» в «имперообразующем», если так можно выразиться, процессе. Перерастание Рима-полиса в *imperium Romanum*, как известно, не ограничилось территориальными рамками Италии, а потому и процесс распространения гражданских прав должен был захватить все части державы, т. е. и провинции<sup>48</sup>. В связи с этим необходимо остановиться, хотя бы кратко, на государственно-правовом положении провинциальных городов и общин.

Оно также отличалось большой пестротой и неоднородностью. В основном, все провинциальные города и общины могут быть отнесены к трем типам или категориям: свободные города, подчиненные или подданные города, города с римским устройством<sup>49</sup>. Города (и общины) первой категории, в свою очередь, не имели вполне единообразного устройства. К ним относятся прежде всего *civitates foederatae*, которые соответствовали италийским союзным общинам, причем различались *foedera aequa* (например, Афины, Массилия) и *iniqua* (например, этолийцы), хотя, по существу, любой вид договора предопределял зависимость от Рима. Договоры считались заключенными навечно и могли быть нарушены только состоянием войны<sup>50</sup>. К этой же категории свободных городов должны быть причислены *civitates sine foedere immunes et liberae*, правовое положение которых было в общих чертах аналогично положению *civitates foederatae* с тем, однако, различием, что автономия *civitates sine foedere* основывалась не на союзном договоре, но на *lex data* или *senatusconsultum*, исходящих от Рима и могущих быть пересмотренными или отмененными в любой момент. Строго говоря, *civitates foederatae* и *civitates immunes et liberae* не входили в состав провинций как таковых, поскольку они были изъяты

<sup>46</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 64.

<sup>47</sup> Tac., Ann., II, 24; ср. Cic., pro Balbo, 13, 31.

<sup>48</sup> См. стр. 198.

<sup>49</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 71.

<sup>50</sup> Ibid., S. 74.

из юрисдикции правителей провинций<sup>51</sup>, жили по собственному праву и не платили Риму постоянных податей<sup>52</sup>.

К категории подчиненных или подданных городов (общин) следует отнести *civitates stipendiariae*. Эти *civitates* и являлись римскими провинциями в узком смысле слова. Как правило, это были перегринские *civitates dediticiae*. Население провинций и провинциальные земли облагались постоянными податями (*populi stipendiarii* или *vectigales*)<sup>53</sup>. Провинциальные земли не могли находиться в квинтской собственности отдельных лиц, но лишь в *possessio* (или *usufructus*)<sup>54</sup>. Провинциальные города имели органы местного самоуправления, однако все они стояли под контролем правителей провинции<sup>55</sup>. Правовое положение *civitates stipendiariae* определялось не при помощи *foedus* или *lex data*, но либо специальной комиссией, которой поручалась организация новой провинции, либо *edictum provinciale* ее правителей<sup>56</sup>. Таким образом, «автономия» провинциальных городов (или общин) была понятием весьма условным и ограниченным<sup>57</sup>.

Особое правовое положение занимали в составе провинций города римских граждан и латинян. Колонии и муниципии были единственными городами римского права, ибо если и возникали (особенно, в пограничных районах) городские общины, населенные главным образом ветеранами и римскими гражданами, все равно они считались лишь *vici* или *pagi*, не имеющими римских городских прав<sup>58</sup>. Колонии, муниципии и латинские города провинций, если иметь в виду их устройство, в принципе почти ничем не отличались от италийских общин того же наименования. Марквардт указывает лишь на две особенности провинциальных городов названного типа: а) они были обязаны платить налог (*steuerpflichtig*), б) будучи вначале освобождены от контроля (*Aufsicht*) правителя провинции, они позже — в эпоху империи — лишаются этой привилегии<sup>59</sup>. Кроме того, если в период республики наиболее распространенной и, вместе с тем, наиболее привилегированной формой (в особенности в конце республиканского времени) были муниципии, то при империи на первое место выдвигаются именно колонии<sup>60</sup>. Они получают

<sup>51</sup> Cic., de prov. cons., 3, 6; in Verr., II, 2, 66, 160.

<sup>52</sup> I. Marquardt, Op. cit., S. 76—80.

<sup>53</sup> Cic., in Verr. II, 3, 6. *Stipendium*, очевидно, собирался самими городскими общинами, тогда как взывание *vectigal* передавалось в руки публиканов.

<sup>54</sup> Gai, 2, 7.

<sup>55</sup> Cic., ad Att., 6, 2, 5; ad Q. fr., 1, 1, 25.

<sup>56</sup> Cic., in Verr. II, 13, 32; 15, 37; ad fam., 3, 8, 4; ad Att., 6, 1, 15; Liv., 45, 17; ср. Gai, I, 6.

<sup>57</sup> I. Marquardt, Op. cit., S. 80—85.

<sup>58</sup> F. Vittinghoff, Op. cit., S. 41.

<sup>59</sup> I. Marquardt, Op. cit., S. 87—88.

<sup>60</sup> Ibid., S. 89; E. Schönbauer, Op. cit., S. 47.

особые преимущественные права и льготы, как, например, *libertas*, *immunitas* и *ius Italicum*. Благодаря последней льготе земля колонии освобождалась от обложения и могла быть предметом квирильской собственности<sup>61</sup>.

Так выглядело, в общих чертах, государственно-правовое положение провинциальных городов и общин. Что касается вопроса о распространении гражданских прав в провинциях и о характере этого процесса, то здесь, на наш взгляд, могут быть отмечены следующие принципиальные моменты римской политики или, точнее говоря, политики римских правящих классов.

1) Определенное «торможение» процесса распространения гражданских прав в интересах «римо-италиков». Как уже указывалось<sup>62</sup>, италики все больше и больше начинают рассматриваться в качестве опоры империи<sup>63</sup>.

2) Путь выборочного дарования прав отдельным группам населения или целым народностям, дарования прав в качестве *praesidium*. Этот путь, отмеченный нами выше применительно к Италии<sup>64</sup>, с еще большим основанием может быть упомянут в приложении к провинциям, к Римской империи в целом.

3) Распространение гражданских прав в масштабе Римской империи регулировалось — и, несомненно, с большей степенью «сознательности», чем в эпоху завоевания Италии — на основе принципа *divide et impera*, применяемого в новой обстановке и по новым «разграничительным линиям».

В этой связи следует подчеркнуть, что вопрос о распространении римского (и латинского) права в провинциях встает теперь перед нами уже не только как вопрос государственно-правового и, следовательно, формально-юридического характера, но как некий — в первую очередь и главным образом — социально-политический процесс.

Под этим углом зрения интересно рассмотреть некоторые принципы и практику дарования римских прав в последние годы республики. Здесь речь, очевидно, должна идти о колонизационной и гражданско-правовой политике Цезаря. Но поскольку эта политика основывалась прежде всего на опыте, приобретенном в ходе гражданской войны, то представляется целесообразным хотя бы кратко охарактеризовать роль италийских и провинциальных общин в развернувшейся борьбе.

Участие италийских и провинциальных городов в эти годы в «большой римской политике» — вне всяких сомнений. Правда, состояние наших источников едва ли позволяет восстановить картину политической жизни и внутренней борьбы в самих городах (общинах); мы слабо и лишь в общих чертах

<sup>61</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 89—92.

<sup>62</sup> См. стр. 209.

<sup>63</sup> Ср. Vittinghoff Op. cit., S. 11—12; 14—15.

<sup>64</sup> См. стр. 206.



представляем себе политические группировки, разделяющие их интересы и противоречия и, пожалуй, с наибольшей долей вероятия можем утверждать лишь, что римляне традиционно поддерживали «высшие», привилегированные слои населения и отрицательно относились к «демократическим системам»<sup>65</sup>. Но зато непосредственное участие не только италийских общин, но и провинций в гражданской войне выступает достаточно выпукло и наглядно. В частности, провинции не были — как часто считают — только театром военных действий, но и во время войны Цезаря с Помпеем и во время гражданских войн после смерти Цезаря участвовали в развернувшейся борьбе, поддерживая то одну, то другую из борющихся сторон, хотя в отдельных случаях предпочитали соблюдать нейтралитет<sup>66</sup>. Во всяком случае, вожди борющихся сторон прекрасно понимали значение политической (и военной) поддержки, в первую очередь, муниципиев и колоний, а также провинциальных городов.

Так, еще накануне гражданской войны Цезарь предусмотрительно стремился наладить отношения с недавно замиренными галльскими общинами<sup>67</sup>, а, имея в виду свое будущее консульство, счел необходимым совершить специальное турне по ряду италийских муниципиев и колоний<sup>68</sup>. Если верить Гирцию, ему был оказан восторженный прием<sup>69</sup>.

После перехода Цезаря через Рубикон и во время движения его с войском к Риму отношение муниципальных городов к этим событиям, их политические позиции имели для Цезаря весьма существенное значение. Известно, что претор Терм не смог оборонять против войск Цезаря город Игувий, так как игувины были на стороне Цезаря, и Куриону не составило труда занять город. При описании этого события в *De bello civili* подчеркивается, что Цезарь мог вполне положиться на настроение и других муниципиев<sup>70</sup>. И действительно занятие цезаревыми войсками Ауксима произошло почти полностью по той же самой схеме<sup>71</sup>. После занятия Ауксима Цезарь быстро прошел весь Пицен, причем, по его собственным словам, все префектуры этой области принимали его с большой готовностью и снабжали его войско всем необходимым<sup>72</sup>.

Во время осады Корфиния, которая, казалось, могла затянуться, произошел следующий характерный эпизод. Цезарь

<sup>65</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 11.

<sup>66</sup> Ср. Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 201.

<sup>67</sup> [Caes.], b. G., 8, 49, 52.

<sup>68</sup> Ibid., 50.

<sup>69</sup> Ibid., 51. Ср. свидетельство Цицерона о «скорби» в муниципиях после начала гражданской войны (ad Att., 7, 11, 4).

<sup>70</sup> Caes., b. c., 1, 12.

<sup>71</sup> Ibid., 1, 13.

<sup>72</sup> Ibid., 1, 15.

получил известие о том, что жители города Сульмона, расположенного в семи милях от Корфиния, целиком сочувствуют ему. Тогда в Сульмон был направлен Марк Антоний с пятью когортами, и жители города, открыв ворота, вышли с приветствиями навстречу Цезаревым войскам<sup>73</sup>. Вскоре после этого пал и Корфиний, причем, по свидетельству Аппиана, жители сами захватили при попытке к бегству оборонявшегося город Луция Домиция и выдали его Цезарю<sup>74</sup>. Таким образом, осада Корфиния продолжалась всего семь дней<sup>75</sup>. И, наконец, в тот период, когда гражданская война развертывалась еще на территории Италии, следует упомянуть о позиции брундисийцев, которые сочувствовали Цезарю, и о помощи, которую они оказали его солдатам<sup>76</sup>.

Описывая ход кампании на территории Италии, Цезарь изображает дело таким образом, что, собственно говоря, почти все муниципальные города и общины были на его стороне. Быть может, это и не совсем объективная картина, однако быстрота продвижения Цезаря к Риму говорит об отсутствии серьезного сопротивления и о благожелательном, как правило, отношении определенных кругов населения, хотя бы тех городов, которые находились в районе действия его войск. Кроме того, помпеянцы, видимо, сумели восстановить против себя ряд муниципиев чрезвычайными поборами еще в период подготовки к гражданской войне<sup>77</sup>.

Что касается дальнейшего хода военных действий и, в частности, испанской кампании, то уже самое решение Цезаря отказаться от немедленного преследования Помпея и отправиться в Испанию свидетельствует о том, какое значение придавал Цезарь провинциям и насколько опасными для успеха своего дела считал он испанские связи Помпея<sup>78</sup>. Готовясь к испанскому походу, Цезарь пытается прежде всего укрепить свое положение в Сардинии, Сицилии и Африке. В Сардинии это ему удалось без труда, и наместнику провинции Марку Котте пришлось бежать, так как он убедился в общем сочувствии населения Цезарю<sup>79</sup>. Отношение сицилийских городов и общин менее ясно, Цезарь о нем умалчивает<sup>80</sup>; по версии же Аппиана, Катон, управлявший в то время Сицилией, покинул провинцию, шадя подвластное ему население<sup>81</sup>. Что касается Африки, то здесь силам Цезаря было оказано серьезное сопротивление

<sup>73</sup> Ibid., 1, 18.

<sup>74</sup> App., b. c., 38; ср. Caes., b. c., 1, 16—23.

<sup>75</sup> Caes., b. c., 1, 23.

<sup>76</sup> Ibid., 1, 28.

<sup>77</sup> Ibid., 1, 6; ср. Cic., ad Att., 9, 13, 4.

<sup>78</sup> Ibid., 1, 29.

<sup>79</sup> Ibid., 1, 30.

<sup>80</sup> Ibidem.

<sup>81</sup> App., b. c., 2, 40.

бежавшим сюда после Ауксима помпеянским полководцем Лтием Варом<sup>82</sup>.

Чрезвычайно характерен известный эпизод с Массилией. Борьба за этот город велась до определенного момента чисто политическими средствами. Когда массилийцы, подготовившись к обороне, заперли ворота перед Цезарем, последний вступил в переговоры с представителями местной власти. Приглашенным к нему «пятнадцаты первым» он, приводя различные доводы, стремился внушить мысль, что Массилия должна последовать примеру италийских городов. Из ответа массилийского сената, который через некоторое время был передан Цезарю, явствует, что, во всяком случае, руководящие круги Массилии прекрасно разбирались в политическом характере борьбы, в которую они оказались втянутыми. Политическими же соображениями они пытались обосновать и свой нейтралитет<sup>83</sup>. Правда, как показали ближайшие события, декларированный массилийским сенатом нейтралитет оказался фальшивым, и Массилия долгое время оставалась одним из важных опорных пунктов помпеянцев<sup>84</sup>, но этот факт свидетельствует лишь о том, что провинциальные общины и города, руководствуясь чисто «партийными» интересами, оказывали активную поддержку той или другой борющейся стороне.

В ходе испанской кампании эта поддержка местных общин имела первостепенное значение. Не говоря уже о наборе вспомогательных войск из провинций как помпеянами, так и Цезарем<sup>85</sup>, огромную и даже решающую роль играл вопрос о политической поддержке со стороны местных правящих кругов, со стороны испанских городов и общин. Недаром легат Цезаря Фабий в самом начале кампании был озабочен прощупыванием их настроения<sup>86</sup>.

Как известно, в первые дни испанской кампании положение Цезаря было далеко не легким и он потерпел ряд неудач<sup>87</sup>. Перечисляя те причины, благодаря которым произошло решительное изменение ситуации к лучшему, сам Цезарь на одно из первых мест ставит факт перехода на его сторону пяти крупных испанских общин<sup>88</sup>. Это был поворотный пункт в ходе всей кампании.

Дальнейшее изложение Цезарем хода военных действий в Испании дает неоднократные примеры активного участия и выдающейся роли местных общин и городов. Так, даже выбор театра войны ставится в зависимость от отношения общин

<sup>82</sup> Саес., б. с., 1, 31; ср. Арр., б. с., 2, 44—46.

<sup>83</sup> Саес., б. с., 1, 34—35.

<sup>84</sup> Ibid., 1, 36; 56—58; 2, 5; 22.

<sup>85</sup> Ibid., 1, 38—39.

<sup>86</sup> Ibid., 1, 40.

<sup>87</sup> Арр., б. с., 2, 42.

<sup>88</sup> Саес., б. с., 1, 60.

к борющимся сторонам<sup>89</sup>. После окончания операций против Африки и Петрея, когда центр военных действий перемещается в Дальнюю Испанию, то и здесь конечный успех вплоть до капитуляции Марка Варрона был обусловлен отношением городов и общин<sup>90</sup>. Особенно ярко это сказалось в действиях властей Кордубы, Кармона и Гадеса<sup>91</sup>. Недаром после капитуляции Варрона Цезарь на народном собрании в Кордубе благодарит всех «по очереди» (*genetim*): римских граждан, испанцев, гадитанцев и определяет награды общинам. Подобную же демонстрацию он проводит и в Тарраконе, но уже по отношению к общинам Ближней Провинции<sup>92</sup>.

Важное значение и активную роль провинциальных общин и городов в ходе гражданской войны можно еще проследить на примерах как балканской, так и африканской кампаний. Что касается балканской кампании, то первые же успехи Цезаря после его высадки на полуострове были связаны с благоприятной по отношению к нему позицией местных городов<sup>93</sup>. Орик был занят без боя благодаря тому, что гарнизон и жители города отказались взяться за оружие против Цезаря<sup>94</sup>. Такая же картина повторилась в Аполлонии, где жители заявили о своем нежелании противиться мнению «всей Италии»; их примеру последовали остальные приморские города, а затем и весь Эпир<sup>95</sup>.

После соединения с Антонием Цезарь решает углубиться в страну, ставя целью привлечение на свою сторону новых городов и общин. Он вступает в переговоры с представителями Фессалии и Этолии, а затем и Македонии<sup>96</sup>. Кальвисий Сабин, посланный Цезарем в Этолию с пятью когортами и небольшим отрядом всадников, овладел всей областью без особого труда, опираясь на поддержку местного населения<sup>97</sup>. Несколько сложнее оказалось положение в Фессалии; посланный сюда с легионом новобранцев Кассий Лонгин застал в городах различное настроение: одни были на стороне Цезаря, другие — на стороне Помпея. Что представляли собой «одни» и «другие» в социальном отношении, выяснить более детально едва ли представляется возможным, но, вероятно, в обоих случаях речь идет о привилегированных слоях населения, так как,

<sup>89</sup> Ibid., 1, 61.

<sup>90</sup> Ibid., 2, 17—18.

<sup>91</sup> Ibid., 2, 19—20.

<sup>92</sup> Ibid., 2, 21.

<sup>93</sup> Кстати сказать, неудача помпеянцев у Салони также была связана с позицией, занятой населением этого города, точнее говоря, римской его частью (конвент римских граждан). См. *Caes.*, b. c., 3, 9.

<sup>94</sup> *Caes.*, b. c., 3, 11; *App.*, b. c., 2, 54.

<sup>95</sup> *Caes.*, b. c., 3, 12; ср. *App.*, b. c., 2, 54.

<sup>96</sup> *Caes.*, b. c., 3, 34.

<sup>97</sup> Ibid., 3, 35.

например, один из главарей «партии» цезарианцев определяется как *summae nobilitatis adulescens*, к тому же, видимо, обладавший немалыми средствами<sup>98</sup>.

После занятия Этолии, Акарнании и Амфилохии Цезарь предпринимает подобную же попытку в отношении Ахайи. Туда был направлен с войсками Кв. Фуфий Кален, который занимает Дельфы, Фивы, Орхомен по «соглашению с населением», некоторые же города берет с бою. В остальные общины он направляет посольства, желая склонить их на сторону Цезаря чисто дипломатическим путем<sup>99</sup>.

Поражение под Диррахием изменило военную обстановку. Конечно, оно имело и определенный политический резонанс. Цезарю пришлось специально ободрять своих союзников<sup>100</sup>, но все же некоторые общины под влиянием слухов о его полном разгроме изменили ему<sup>101</sup>. При отступлении в Фессалию ему пришлось брать штурмом Гомфы, город, который несколько месяцев тому назад обещал полную поддержку и даже просил о присылке гарнизона. В отместку за предательство, Цезарь, изменив своей обычной политике *clementia*, отдал город после его взятия на разграбление солдатам<sup>102</sup>. Этот пример устрасил жителей Метрополя — следующего города, лежавшего на пути Цезаря — и они после недолгих колебаний открыли ему ворота. Город был пощажён и различие судеб этих двух городов оказало большое влияние на позицию остальных фессалийских общин<sup>103</sup>. Следует отметить, что в свою очередь, когда Помпей и его сторонники после разгрома у Фарсала оказались на положении беспомощных беглецов, то города Кипра и Родоса категорически отказались их принять<sup>104</sup>. Еще более известен вероломный и жестокий поступок египетского двора с самим Помпеем<sup>105</sup>.

В ходе африканской кампании (после Фарсала) отношение отдельных городов и общин к борющимся сторонам продолжало оказывать существенное влияние на развертывание самой кампании. Так, очевидно, городские власти и население Гадрумета поддерживали помпеянцев<sup>106</sup>. Но зато, когда войско Цезаря двигалось от Гадрумета к Руспине, к нему обращались посольства из ряда городов и укрепленных пунктов

<sup>98</sup> Caes., b. c., 3, 35.

<sup>99</sup> Ibid., 3, 55.

<sup>100</sup> Ibid., 3, 78.

<sup>101</sup> Ibid., 3, 79.

<sup>102</sup> Ibid., 3, 80; App., b. c., 2, 64.

<sup>103</sup> Caes., b. c., 3, 81.

<sup>104</sup> Ibid., 3, 102.

<sup>105</sup> Ibid., 3, 104; ср. App., b. c., 2, 83—86; Plut., Pomp., 76—80; Brut., 33; Dio Cass., 42, 2 sqq.; Vell., 2, 53; Flor., 4, 2, 51 sqq.; Aur. Vict., de vir. ill., 77; Gros., 6, 15.

<sup>106</sup> [Caes.], b. Afr., 3—6.

(ex oppidis et castellis) <sup>107</sup>, обещая ему провиант и выполнение всех его требований <sup>108</sup>. Примерно такая же картина повторилась под Лептисом, который был свободным городом (civitas libera et immunis) <sup>109</sup>.

Интересно упоминание о том, что, когда Цезарь разослал по городам провинции письма, подтверждающие его личное прибытие в Африку, то к нему из разных городов стали сбегаться знатные люди (nobilis homines), к которым его противники относились якобы с чрезвычайной жестокостью <sup>110</sup>. Неоднократно сообщения о перебежках к Цезарю нумидийцев и гетулов, которые были в свое время клиентами Мария <sup>111</sup>. Цезарь и в этих случаях опирался на наиболее знатных и «образованных», направляя их с письмами к согражданам <sup>112</sup>, причем, в конечном счете, эти акции привели к выступлению гетулов против Юбы <sup>113</sup>. Заключительным эпизодом этих событий была перебежка в лагерь Цезаря знатных гетулов из царской конницы с их прислугой и лошадьми <sup>114</sup>.

Еще когда Цезарь находился под Руспиной, к нему прибыло посольство от Акиллы (civitas libera et immunis) с обещанием снабжать его хлебом, исполнять все его требования и с просьбой о присылке гарнизона <sup>115</sup>. С аналогичной просьбой обратились к Цезарю послы от города Тиздры <sup>116</sup>. Несколько позже, но еще до битвы при Тапсе, обещали Цезарю помощь и просили о гарнизоне жители города Ваги <sup>117</sup>. И, наконец, жившие в самой дальней приморской области царства Юбы табенцы неожиданно восстали, перебили царский гарнизон и направили к Цезарю послов с просьбой о поддержке и помощи <sup>118</sup>.

После Тапса изменилось положение и в одном из основных опорных пунктов помпеянцев, в Утике. Если верить сведениям, сообщаемым в *Bellum Africanum*, то и до битвы при Тапсе Катону приходилось удерживать как городские власти, так и местный плебс на стороне помпеянцев только чрезвычайными мерами. Население Утики давно сочувственно относилось к «партии» Цезаря <sup>119</sup>. Что же касается самого Катона, то жители

<sup>107</sup> Очевидно, в данном случае речь идет о местных провинциальных городах, не имевших статуса муниципиев.

<sup>108</sup> [C a e s.], b. Afr., 6.

<sup>109</sup> Ibid., 7.

<sup>110</sup> Ibid., 26.

<sup>111</sup> Ibid., 32; 35.

<sup>112</sup> Ibid., 32.

<sup>113</sup> Ibid., 55.

<sup>114</sup> Ibid., 56.

<sup>115</sup> Ibid., 33.

<sup>116</sup> Ibid., 36.

<sup>117</sup> Ibid., 74.

<sup>118</sup> Ibid., 77.

<sup>119</sup> Ibid., 87.

Утики ненавидели его в связи с раздорами «партий» (*partium grata*), хотя почтили достойными похоронами за выдающуюся честность и неподкупность. После его смерти ворота Утики были открыты Цезареву войску<sup>120</sup>.

Относительно Юбы следует сказать, что его положение после битвы под Тапсом стало безнадежным. Он не был допущен в собственную резиденцию, и жители Замы радовались победе Цезаря<sup>121</sup>. Они отправили к нему послов в Утику, прося о помощи на тот случай, если Юба начнет осаждать город. Когда Цезарь со своей конницей выступил в царство Юбы, то по дороге многие вожди (*duces*) царского войска явились к нему с просьбой о прощении и помиловании<sup>122</sup>. Юбе же все общины отказали в приеме, и он погиб в поединке с Петреем<sup>123</sup>.

Если суммировать все приведенные выше примеры участия италийских общин, муниципиев и других провинциальных городов в гражданской войне, нельзя не прийти к высказанному нами выше утверждению о том, что, не говоря уже об Италии, провинции тоже были не только театром военных действий, но принимали активное участие в военной и политической борьбе, оказывая поддержку то одной, то другой из борющихся сторон<sup>124</sup>. В данном случае нас не интересует вопрос, на чьей стороне — помпеянцев или цезарианцев — стояло большее количество общин и городов, да этот вопрос едва ли и можно выяснить, тем более, что позиции отдельных общин, как мы это видели из вышеприведенных примеров, неоднократно менялись в зависимости от успехов или поражений враждующих сторон. Важно лишь то, что, как правило, провинциальные общины и города не оставались нейтральными, индифферентными к развертывающейся на их территории военной и политической борьбе.

Едва ли представляется возможным — тем более в каждом отдельном случае — решить вопрос о том, какие именно социальные слои италийских или провинциальных городов принимали активное участие в этой борьбе. Однако общее впечатление таково, что это были высшие, привилегированные слои населения — муниципальная и провинциальная знать. Если уж в поддержку «дела Цезаря», как мы могли убедиться, выступали *nobiles homines*, если он использовал в своих интересах даже представителей гетульской знати, то трудно, даже невозможно предположить, чтобы на стороне помпеянцев, борющихся под лозунгом возрождения сенатской *res publica*, могли быть широкие демократические слои населения. Очевидно, сле-

<sup>120</sup> [Caes.], b. Afr., 88.

<sup>121</sup> Ibid., 91.

<sup>122</sup> Ibid., 92.

<sup>123</sup> Ibid., 94.

<sup>124</sup> См. стр. 212.

дует иметь в виду внутреннюю борьбу между различными группировками муниципальной или провинциальной знати.

Это, конечно, не означает, что в военную и политическую борьбу не были втянуты в какой-то степени более широкие круги населения. Клиенты, слуги, свита знатных лиц и военных вождей, как нетрудно убедиться из приведенных выше примеров, тоже принимали в ней участие. Когда военные действия развертывались непосредственно под стенами того или иного города, его население часто бывало поставлено в необходимость принимать более активное участие в происходящих событиях. Однако население муниципиев и провинциальных городов едва ли играло какую-то самостоятельную роль в политической борьбе. Еще перед началом гражданской войны, когда, казалось, вся Италия должна была находиться в состоянии крайнего напряжения, Цицерон жаловался, что с ним «много говорят люди из муниципиев, много говорят сельские жители, но они ни о чем не заботятся, кроме своих полей, своих усадеб и своих денег»<sup>125</sup>. Причем, в данном случае речь шла не о жителях более или менее удаленных от Рима провинций, но о самой Италии! Едва ли есть основание предполагать, что жители провинциальных общин проявляли в массе больший интерес к «высокой» римской политике, к борьбе претендентов и к разделявшим их лозунгам и интересам. Но тем не менее самим ходом событий — общей политической ситуацией или военной необходимостью — они часто оказывались вовлеченными в ход борьбы.

Теперь мы можем вернуться к поставленному выше вопросу о распространении римских прав в последние годы республики. Политическое значение как италийских, так и провинциальных общин (городов), особенно наглядно сказавшееся в ходе гражданской войны, было понято, учтено и нашло свое отражение в колонизационной и гражданско-правовой политике Цезаря (а затем и Августа). Во всяком случае, Цезарь не имел случая убедиться на практике, как важно иметь в провинции опорные пункты не только военного, но и политического значения. От этого убеждения — всего лишь один шаг до вывода о даровании гражданских прав (группам лиц или целым общинам) и основании колоний в провинциях, как средстве укрепления собственного политического положения. Поэтому нет ничего удивительного в том, что с именем Цезаря впервые связывается основание колоний в массовом масштабе в таких провинциях, как Галлия, Испания, Африка, Иллирик, Эпир, Ахайя, Азия, Вифиния-Понт<sup>126</sup>. Светоний уверяет, что по колониям вне Италии было распределено до 80 тыс.

<sup>125</sup> Cic., ad Att., 8, 13, 2.

<sup>126</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 51; 63.



граждан<sup>127</sup>. Колонии выводились без специальных обращений к народному собранию, при помощи легатов. Это еще раз подчеркивало то обстоятельство, что ныне ветеран-колонист своим обеспечением был целиком обязан не государству, но персонально своему вождю, императору<sup>128</sup>. В колонии, основывавшиеся Цезарем, выводились, однако, не только ветераны; Фиттингоф правильно отмечает, что это были колонии двух типов: а) колонии солдат (удовлетворение претензий на получение земельных участков) и б) колонии «пролетариев» (попытки улучшения условий жизни низших слоев населения Рима)<sup>129</sup>.

Что касается гражданскоправовой политики Цезаря, то здесь, очевидно, могут быть отмечены две тенденции. С одной стороны, небывалый до сих пор масштаб распространения гражданских прав (римского и латинского права) вне Италии. Гражданские права предоставлялись общинам и даже целым провинциям. В 49 г. был проведен *lex Iulia de civitate Transpadanae*, который включал жителей Цизальпийской Галлии в число римских граждан<sup>130</sup>, в том же 49 г. прошел и закон *de civitate Gaditanae*, предоставляющий права муниципия провинциальному городу<sup>131</sup>. И, наконец, после смерти Цезаря в 44 г. Марк Антоний провел *lex Iulia de siculis*, по которому сицилийцы — им в свое время Цезарь даровал (всей провинции) латинское право — получали теперь римское гражданство<sup>132</sup>.

Распространение гражданских прав в подобных масштабах, несомненно, содействовало интенсивному развитию муниципальных городских форм в провинциях<sup>133</sup>. Мы не упоминаем снова в этой связи *lex Iulia municipalis*, частично сохранившийся для нас благодаря *Tabula Heraclensis*<sup>134</sup>, поскольку не существует твердой уверенности в том, что устанавливаемое данным законом единообразие муниципального устройства может быть распространено на провинциальные общины и города<sup>135</sup>.

С другой стороны, в гражданскоправовой политике Цезаря весьма заметно ощущается «охранительная» тенденция: определенное торможение процесса распространения гражданских прав и, как следствие этого, традиционный путь их дарования,

<sup>127</sup> Suet., Iul., 42.

<sup>128</sup> I. Marquardt. Op. cit., S. 115.

<sup>129</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 53.

<sup>130</sup> Dio Cass., 37, 9; 41, 36; Tac., Ann., 11, 24.

<sup>131</sup> Dio Cass., 41, 24; Liv., ep. 110.

<sup>132</sup> Cic., ad Att., 14, 12, 1.

<sup>133</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 60.

<sup>134</sup> CIL, I, 206.

<sup>135</sup> См. стр. 204 прим. 30. Справедливость требует отметить, что распространение положений *lex Iulia municipalis* на провинциальные общины признают и Эд. Мейер (*Caesars Monarchie...*, 1922, S. 425) и Г. Рудольф (*Stadt und Staat in römischem Italien*, 1935).

т. е. «выборочно», в качестве *граетіум*<sup>136</sup>. Цезарь в этом смысле поступал по отношению к провинциям точно так же, как вообще поступал Рим в течение трехсот лет по отношению к италийским городам и общинам<sup>137</sup>. Он не стремился, как правильно подчеркивает Фиттингоф, уничтожить «персональность» прав или уничтожить правовое различие между римлянами и перегринами, создав таким образом «класс единых подданных единого властителя». Он никоим образом не хотел обесценить привилегии римского гражданства, римского народа, не пытался оттеснить старых граждан и заменить их новыми, которые стали таковыми по его милости<sup>138</sup>.

Чем объяснить наличие этих двух как будто противостоящих друг другу тенденций в гражданскоправовой политике Цезаря? Данное противоречие вовсе не кажущееся, и оно объясняется, на наш взгляд, тем, что эта политика, эта деятельность Цезаря имеет две стороны. Первая из них, субъективная, целиком определяется не каким-то глубоким пониманием исторических задач и перспектив рождающейся империи, которое якобы было свойственно Цезарю, но всего лишь удовлетворением текущих, злободневных нужд и вопросов. Что это именно так, подтверждается, прежде всего, избранием «традиционного» пути дарования прав, а следовательно, и отсутствием какой-либо особой системы во всех этих мероприятиях. Самый принцип выборочного награждения римским гражданством как неким *граетіум* заставлял проводить это награждение от случая к случаю, по мере практической нужды или целесообразности.

Но в гражданскоправовой политике Цезаря наличествует и другая, объективная сторона. С этой точки зрения, мероприятия Цезаря, связанные с распространением гражданских прав вне Италии — независимо от их насущно-злободневного характера и от воли их инициатора — имели большое и принципиальное значение для укрепления империи и складывания ее административно-политической структуры. Недаром эта политика была воспринята и уже с полным пониманием ее «общимперского» значения — как в отношении вывода колоний, так и в смысле дарования гражданских прав населению провинций — продолжена Августом<sup>139</sup>.

Все сказанное выше о характере отношений между Римом и зависимыми от него италийскими, а затем и провинциальными общинами или городами, а также о растущей политической роли провинций, позволяет, наконец, прийти к некоторым общим и заключительным выводам. Гражданскоправовую и

<sup>136</sup> См. выше, стр. 206.

<sup>137</sup> F. Vittinghoff. *Op. cit.*, S. 61.

<sup>138</sup> *Ibidem*.

<sup>139</sup> Н. А. Машкин. *Принципат Августа*, стр. 500—506.

колонизационную политику Рима, очевидно, следует рассматривать в двух взаимосвязанных аспектах. Формально-юридически эта политика выражалась в фактах распространения римского (и латинского) права в той или иной форме (т. е. в форме колоний и муниципий) на население Италии, а затем и провинций. Причем принцип наделения правами — как италиков, так и провинциалов (перегринов) — имел всегда «персональный» и выборочный характер; наделение правами проводилось в форме некоей награды, *praemium*. Эта «персональность» права римлян, латинян и перегринов была известным препятствием для складывания норм «общеемперского» права и отнюдь не содействовала — ни в эпоху республики, ни в эпоху принципата — укреплению тенденций «всеобщего уравнивания» в правах. Как уже указывалось выше, даже в самом римском гражданстве существовали внутренние градации<sup>140</sup>. Персонально-выборочный характер наделения правами сохраняется, по крайней мере, вплоть до Северов<sup>141</sup>, а что касается живучести внутренних градаций и оттенков в самом римском праве, то они, строго говоря, не были уничтожены даже эдиктом Каракаллы<sup>142</sup>. Если иметь в виду некую общую тенденцию этого формально-юридического аспекта распространения гражданских прав, то, очевидно, можно согласиться с одним из конечных выводов Шёнбауера. Он утверждает, что поскольку в провинциях существовали римские и латинские колонии, равно как и муниципии обеих категорий, то результат исторически сложившегося различия выглядел следующим образом: с одной стороны, присоединение и включение общин (доселе самостоятельных) с римскими «новыми гражданами» (*Aussenbürger*), но при сохранении своего муниципального гражданства, своих властей и особых норм, а с другой, основание колоний, как привилегированных форпостов романизации с «коренными» римскими или латинскими гражданами (*Kernbürger*)<sup>143</sup>. Но хотя в провинциях и сохраняется различие правового статуса колоний и муниципиев, тем не менее этим городам римского (или латинского) права все в большей степени становится свойственна одна общая черта, одна принципиально важная особенность. Они превращаются именно в провинциальные — в прямом и переносном значении этого слова — города, утрачивая с течением времени своеобразные признаки самостоятельных полисов. Все в большей и большей степени они становятся лишь *tembra imperii*.

Однако следует учитывать не только эту, несомненно, важную, но все же внешнюю, т. е. формально-юридическую сторону

<sup>140</sup> См. выше стр. 10; 198—199.

<sup>141</sup> F. Vittinghoff, *Op. cit.*, S. 11.

<sup>142</sup> E. Schönbauer, *Op. cit.*, S. 45.

<sup>143</sup> *Ibid.*, S. 47.

вопроса. По существу, мы имеем дело с развитием процесса (который, кстати сказать, закончился для самой Италии в 49 г.<sup>144</sup>) создания новой организационно-политической структуры империи. Причем — и в этом главное — вопрос решается отнюдь не в правовом, но прежде всего в социальном плане. Складывание новой административно-политической структуры неразрывно связано, даже обусловлено созданием новой социальной опоры империи. Эта внутренняя опора, в свою очередь, создается путем своеобразной инкорпорации (выборочно) сначала италийских, а затем и провинциальных слоев в некую новую — уже «общеимперскую» — руководящую элиту. Несомненно, прав Фиттингхоф, когда он подчеркивает, что из городов римского и латинского права, находящихся в провинциях, поступают новые свежие силы, причем не только в армию, что проявляется особенно наглядно, но и в органы имперского управления<sup>145</sup>. Постепенно из этих людей (и новых римских граждан городов не римского права) формируется «руководящий слой», т. е. повторяется то, что несколько десятилетий тому назад имело место в пределах самой Италии, когда в Рим пришли Катон из Тускула, Варрон из Реаты, Марий и Цицерон из Арпина, Серторий из Нурсии<sup>146</sup>.

Эта новая элита, сменившая староримские аристократические фамилии, была уже привилегированной и господствующей «кастой» не только по отношению к своим собственным низшим (и эксплуатируемым) слоям населения, но и по отношению к тем народным массам, на которых римские права еще не были распространены. Внутри этой элиты складывалась своя иерархия и дифференциация: на первом месте, несомненно, стояли римляне как таковые (*Kernbürger*) и те выходцы из муниципальной знати, которые с ними неразрывно слились (*Aussenbürger*). Понятие «римлянин» в указанном значении приобретает теперь классовый смысл, являясь, как правило, синонимом представителя этой новой элиты.

Таким образом, старый принцип *divide et impera* опять пронизывает (но уже на новый лад) всю возникающую ныне систему социальных и правовых отношений. Самая же эта система есть не что иное, как организационно-политическая структура империи, новая схема управления, созданная правящим классом при опоре, а затем и инкорпорации муниципальной знати Италии и провинций. Заметную роль в создании этой новой, «имперской» системы сыграла гражданско-правовая и колони-зационная политика Цезаря, воспринятая, продолженная и уже сознательно осуществляемая в интересах новых господствующих слоев Октавианом Августом.

<sup>144</sup> F. Vittinghoff. Op. cit., S. 60.

<sup>145</sup> Ibid., S. 62.

<sup>146</sup> Ibidem.

## Глава VIII

### Диктатура Цезаря

---

То, чего Цезарь с присущими ему энергией, умом и неразборчивостью в средствах добивался еще в годы своего пребывания в Риме — власти и первенствующего положения — и то, чем ему, несмотря на все его старания, так и не удалось тогда овладеть, было потом достигнуто сравнительно легко и без каких-либо срывов или неудач за время его отсутствия. Как это ни парадоксально звучит, но Цезарь овладел Римом только покинув Рим.

И действительно, после своего отъезда в Провинцию в марте 58 г.<sup>1</sup> Цезарь не появлялся в Риме на протяжении целых девяти лет — вплоть до того момента, когда он вступил в город после бегства Помпея из Брундисия, т. е. когда он фактически уже стал господином всей Италии<sup>2</sup>. Но на этот раз он пробыл в городе всего несколько дней<sup>3</sup>. В дальнейшем, в ходе гражданской войны, он появлялся в Риме еще несколько раз, но всегда на недолгие сроки. Так, второй раз за время войны он оказался в Риме в конце 49 г., после завершения испанской кампании. Здесь он получил диктаторские полномочия, пробыл, однако, диктатором всего одиннадцать дней. Избранный консулом (вместе с П. Сервилием Исаврийским)<sup>4</sup>, Цезарь отбыл в Брундисий, откуда 4 января 48 г. с шестью легионами переправился на Балканский полуостров (Эпир)<sup>5</sup>.

Значительно дольше — около трех месяцев (с сентября по декабрь 47 г.) — пробыл Цезарь в Риме после победы над Фарнаком<sup>6</sup> и, наконец, снова вернулся в Рим — 25 июля 46 г. одержав решающую победу в африканской кампании (Тапс)<sup>7</sup>.

<sup>1</sup> Caes., b. c., 1, 6—7; Plut., Caes., 14.

<sup>2</sup> Plut., Caes., 35; Pomp., 63.

<sup>3</sup> Caes., b. c., 1, 33; Cic., ad Att., 10, 8, 6.

<sup>4</sup> Caes., b. c., 3, 1—2; App., b. c., 2, 48; Plut., Caes., 37; Dio Cass., 41, 43.

<sup>5</sup> Caes., b. c., 3, 2, 6; App., b. c., 2, 48; Plut., Caes., 37; Pomp., 65; Dio Cass., 41, 39.

<sup>6</sup> [Caes.], b. Al., 78; Cic., ad fam. 14, 23; 22, 20; de div., 2, 24, 52.

<sup>7</sup> [Caes.], b. Afr., 98; Cic., ad fam., 9, 7, 2.

Этот крупный успех знаменовал собою окончательный перелом в ходе гражданской войны; если помпеянцы не были еще и теперь полностью разбиты и уничтожены, то, во всяком случае, борьба перешла в завершающую стадию. Остановимся на событиях этого нового периода более подробно.

Возвратившись после Тапса и Утики в Рим, Цезарь прежде всего позаботился о том, чтобы произвести благоприятное впечатление и повлиять определенным образом на общественное мнение. Он выступал перед народом и в Сенате, подчеркивая отсутствие каких-либо тиранических намерений и свои заботы об улучшении благосостояния народа за счет покоренных им территорий<sup>8</sup>.

В августе 46 г. Цезарем был отпразднован пышный четверной триумф: над Галлией, Египтом, Понтом и Африкой<sup>9</sup>. Празднества длились четыре дня (еще один день был выделен для отдыха). Общая стоимость продемонстрированных за эти дни сокровищ достигала 65 тыс. талантов, причем среди них находилось 2822 золотых венка (весом в 20 414 фунтов), поднесенных Цезарю различными правителями и городами<sup>10</sup>.

Из этих же средств сразу после триумфа Цезарь стал расплачиваться с войском, превзойдя при этом все свои обещания. Каждый рядовой воин получил 5 тыс. аттических драхм, каждый центурион — вдвое больше, трибуны и начальники конницы — вчетверо<sup>11</sup>. Затем жителям Рима было выдано по 400 сестерциев каждому и — сверх того хлеба, который полагался по *lex frumentaria* — еще по 10 модиев зерна и 10 фунтов масла<sup>12</sup>. Для народа было устроено грандиозное угощение на 22 тыс. столов, а также различные зрелища, игры, в которых принимали участие пехотинцы, конница и даже боевые слоны<sup>13</sup>. Согласно обету, данному перед Фарсалом, Цезарь воздвиг храм в честь *Venus Senatrix* и устроил вокруг храма священный участок (*forum Iulium*)<sup>14</sup>. Вскоре после всех этих празднеств была произведена перепись населения, причем оказалось, что число его уменьшилось более, чем вдвое<sup>15</sup>. Так что и Аппиан и Плутарх вынуждены заканчивать свои торжественные описания триумфа, игр и зрелищ меланхолическим вздохом по поводу бедствий, причиняемых народу междоусобными войнами<sup>16</sup>.

<sup>8</sup> Plut., Caes. 55; Dio Cass., 43, 15—18.

<sup>9</sup> App., b. c., 2, 101; Plut., Caes. 55; Dio Cass., 43, 19; Suet., Iul., 37; Liv., ep. 115.

<sup>10</sup> App., b. c., 2, 102; cp. Plut., Caes., 55; Dio Cass., 42, 49.

<sup>11</sup> App., b. c., 2, 102; Dio Cass. 43, 21; Suet., Iul., 38.

<sup>12</sup> Suet., Iul., 38; Dio Cass., 43, 21.

<sup>13</sup> Plut., Iul., 55; App., b. c., 2, 102; Dio Cass., 43, 21; Suet., Iul., 38.

<sup>14</sup> App., b. c., 2, 102; cp. Dio Cass., 44, 37.

<sup>15</sup> App., b. c., 2, 102; Plut., Caes., 55.

<sup>16</sup> Ibidem.

Но, хотя успехи Цезаря были блестящи, положение его — вне сомнений, а триумф — великолепен, все же античная историография сохранила нам первые признаки недовольства и оскорбленной народной гордости, которые проявились во время этих празднеств, поскольку всем было ясно, что четвертый триумф — не столько триумф над Африкой и Юбой, сколько над побежденными согражданами и, в частности, над Катонем, Претрем и Сципионом<sup>17</sup>.

Но Цезарь мог еще пока не придавать серьезного значения этим отдельным проявлениям недовольства, как и всяким остротам по его адресу<sup>18</sup>. Все это были мелочи, несоизмеримые с теми грандиозными почестями и с той реальной властью, которою он ныне обладал. После Тапса сенат вынес решение о сорокадневных молебствиях (*supplicatio*), о праве Цезаря сидеть на курульном кресле между обоими консулами, о замене имени Катула в посвяtitельной надписи капитолийского храма на имя Цезаря<sup>19</sup>, о даровании Цезарю почетной колесницы (*tensa*) и о воздвижении его статуи, у ног которой лежал бы земной шар, а надпись гласила бы «Полубогу» (*ἡμιθεῶ*)<sup>20</sup>.

Важнее было то, что Цезарь провозглашался диктатором на 10-летний срок с правом иметь 72 ликтора (по 24 ликтора за две прежние и за нынешнюю диктатуру)<sup>21</sup>, и ему вручалась на двойной, следовательно, на трехлетний срок *praefectura togae*, т. е., по существу, неограниченная цензорская власть, контроль над частной жизнью граждан<sup>22</sup>.

Следует помнить, что Цезарь обладал еще (с 48 г.) *tribunicia potestas*<sup>23</sup> и неоднократно избирался консулом. А если, несколько забегая вперед, учесть те почести, которые были для него декретированы после Мунды — десятилетнее консульство (от чего он, кстати говоря, решительно отказался)<sup>24</sup> и титулы императора (как *praenomen*)<sup>25</sup>, отца отечества (*parens patriae*)<sup>26</sup>, освободителя (*liberator*)<sup>27</sup>, то станет ясным чрезвычайно широкий и, вместе с тем, экстраординарный характер его власти.

Вопрос о характере власти Цезаря и, в особенности, о значении некоторых его отдельных полномочий или почетных титулов неоднократно дебатировался в специальной литературе.

<sup>17</sup> App., b. c., 2, 101; Dio Cass., 43, 19.

<sup>18</sup> Suet., Iul., 49.

<sup>19</sup> См. Ed. Meyer. *Caesars Monarchie...*, S. 385.

<sup>20</sup> Dio Cass., 43, 14; 21.

<sup>21</sup> Первая диктатура — в 49 г., по возвращении из Испании (11 дней), вторая — в 48 г., после Фарсала (очевидно, до конца 46 г.).

<sup>22</sup> Dio Cass., 43, 14.

<sup>23</sup> App., b. c., 2, 106; Dio Cass., 42, 20; 44, 4.

<sup>24</sup> App., b. c., 2, 106—107; Dio Cass., 43, 45; Suet., Iul., 76.

<sup>25</sup> Dio Cass., 43, 44; Suet., Iul., 76.

<sup>26</sup> Dio Cass., 43, 14; Suet., Iul., 76.

<sup>27</sup> Suet., Iul., 76.

Наибольший интерес, пожалуй, представляет толкование и оценка специфического значения титула *imperator*.

Моммзен совершенно недвусмысленно утверждал, что, если положение Цезаря как главы государства формально определялось, в первую очередь, диктаторскими полномочиями (*dictator perpetuus*)<sup>28</sup>, то для обозначения монархической сущности его власти гораздо «пригоднее» был титул императора, который у Цезаря впервые приобрел характер постоянного наименования (*praepotens*) и в отношении которого была оговорена возможность передачи его по наследству<sup>29</sup>. В дальнейшем Моммзен выражался еще категоричнее; он считал, что новая власть императора была не чем иным, как восстановленной древнейшей царской властью<sup>30</sup> и что Цезарь решил присвоить себе именно эту царскую власть, избегая слова *rex* и потому используя титул императора<sup>31</sup>.

В настоящее время эта «крайняя» точка зрения Моммзена на значение титула *imperator* разделяется лишь немногими. Пожалуй, ближе всех к ней Грант, который считает, что этот титул превратился при Цезаре в термин, определяющий сферу компетенции. Сама же власть Цезаря основывалась, по его мнению, на *imperium maius*, якобы новом типе империя, который играл теперь первенствующую роль<sup>32</sup>.

Ряд других исследователей или находят, что титул *imperator* сохранял свое прежнее (республиканское), идущее со времен Сципиона Африканского, значение и при Цезаре (например Эдкок)<sup>33</sup>, или не придает этому титулу и связанному с ним формально-юридическому анализу серьезного значения. (Эд. Мейер)<sup>34</sup>, или, наконец, вообще отрицает монархические устремления Цезаря (Сайм)<sup>35</sup>. Н. А. Машкин, уделяя большое внимание вопросу о характере власти Цезаря и давая обзор существующих точек зрения, сам, тем не менее, не приходит к вполне определенным выводам. Он считает, что «Цезарь в ином значении, чем прежде, принимает титул императора», но вместе с тем пишет: «Нет, по нашему мнению, оснований усматривать в этом «имени-титуле» указания на верховную власть, на то, что Цезарь был носителем *imperium maius*, что почетный титул «*imperator*» превратился в термин, указывающий на

<sup>28</sup> Т. Моммзен, История Рима. III. М., 1941, стр. 394—395.

<sup>29</sup> Там же, стр. 396—397 (и примечания). Ср. Th. Mommsen. Römisches Staatsrecht, II. Leipzig, 1887, S. 767—770.

<sup>30</sup> Е. Моммзен. История Рима, III, стр. 398.

<sup>31</sup> Там же, стр. 400—401.

<sup>32</sup> М. Грант. From *imperium* to *auctoritas*. Cambridge, 1946, p. 409. ff.

<sup>33</sup> САН, IX, 1932, стр. 728.

<sup>34</sup> См., например, в «Caesars Monarchie...» главу «Caesars Ziele. Die absolute Monarchie», S. 465—472.

<sup>35</sup> R. Syme. Roman Revolution, p. 52; ср. он же. *Imperator Caesar. A Study in Nomenclature*. «Historia», VII, 1958, № 2, p. 176—177.



сферу компетенции»<sup>36</sup>. Одновременно Н. А. Машкин подчеркивает, что Цезарь открыто стремился к монархической власти, к тому, чтобы его провозгласили царем<sup>37</sup>.

С нашей точки зрения, если только не поддастся соблазну телеологических предвосхищений нет ни нужды, ни необходимости вкладывать какой-то новый, особый и явно монархический смысл в термин *imperator*, по сравнению с его прежним «республиканским» значением. Во всяком случае, этого не следует делать применительно ко времени Цезаря<sup>38</sup>. На каком основании возникла в современной историографии версия об особом и к тому же монархическом характере Цезарева почетного титула? Она, видимо, базируется на показаниях двух источников: свидетельстве Светония о том, что титул *imperator* превратился в *praenomen* Цезаря<sup>39</sup>, и свидетельстве Диона Кассия, подчеркивающего, кроме того, наследственный характер титула (или, как уточняет Моммзен, «имени») <sup>40</sup>.

Но, если оба эти свидетельства с большей или меньшей точностью подтверждают тот факт, что ныне, т. е. со времени Цезаря, титул императора стал применяться и использоваться особым образом и несколько иначе, чем до сего времени, то они вовсе не доказывают принципиального изменения (в «монархическом направлении») внутреннего содержания самого понятия. В крайнем случае показания наших источников — и главным образом Диона Кассия — свидетельствуют лишь о том, что значительно позднее Август, претендуя на наследование титула («имени»), мог вкладывать в свои устремления, как и в свое отношение к титулу, «расширительные» требования, совершенно, конечно, не свойственные обстановке и положению дел при Цезаре.

Как же следует понимать смысл термина *imperator*, когда он из старореспубликанского, общеизвестного и, по существу, временного титула <sup>41</sup> все-таки превратился в «*praenomen imperatoris*»? Нам кажется, что в принципе внутреннее содержание его не изменилось. Термин *imperator* по-прежнему означал высшего военного начальника, распорядившегося своими подчиненными <sup>42</sup>, но поскольку он стал постоянным, почетное зва-

<sup>36</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 64—65; Ср. R. Paribeni. L'età di Cesare e di Augusto (Storia di Roma, V). Bologna, 1960, p. 210—211.

<sup>37</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 66.

<sup>38</sup> Это, в известной степени признает и Н. А. Машкин («Принципат Августа», стр. 66), говоря: «Впрочем, от республиканского характера *imperium maius* не мог освободиться, поэтому в дополнение и в расширение его Цезарю предоставляется ряд магистратур и полномочий».

<sup>39</sup> Suet., Iul., 76. См., однако, критические замечания Моммзена об этом свидетельстве Светония («Römisches Staatsrecht», II, S. 767—768, Anm. 1; 3).

<sup>40</sup> Dio Cass., 43, 44. См. Th. Mommsen. Op. cit., ibid.

<sup>41</sup> Th. Mommsen, Op. cit., II, стр. 767.

<sup>42</sup> Dio Cass., 43, 44; ср. 46, 17.

ние «главнокомандующего» носитель данного титула сохранял теперь не только в военное, но и в мирное время.

Решающим для подтверждения высказанного взгляда является тот факт, что Цезарь имел диктаторские полномочия, которых, как известно, Август не имел, и потому при Цезаре титул императора вовсе и не должен был принимать то широкое, почти всеобъемлющее значение, которое он приобретает у позднейших принцепсов (начиная с того же Августа<sup>43</sup>). Изложенная нами трактовка титула *imperator*, применительно к Цезарю и его времени, не предполагает — во всяком случае в достаточно осознанной и подчеркнутой форме — стремления самого Цезаря к царской власти. Но вопрос о субъективных устремлениях Цезаря, связанных с царским венцом, мы попытаемся осветить — если это вообще возможно сделать — несколько ниже.

\* \* \*

Остановимся на внутривполитической и реформаторской деятельности Цезаря после битвы при Тапсе. Нам уже приходилось в свое время касаться этого вопроса<sup>44</sup>. Однако дополнительное изучение интересующего нас периода, тенденций общественного развития и конкретной обстановки в Риме в середине 40-х годов заставляет нас отказаться от некоторых из сделанных ранее выводов. В этой связи сначала необходимо, хотя бы в самом сжатом виде, ознакомиться с реформаторской деятельностью Цезаря (и оценкой этой деятельности) в 49—47 гг., т. е. до битвы при Тапсе.

В 49 г., когда Цезарь впервые в ходе гражданской войны на шесть-семь дней оказался в Риме, им самим, естественно, не было издано никаких законов. Однако к этому короткому сроку относится, видимо, принятие *lex Antonia de proscriptorum liberis*<sup>45</sup>. Сыновья проскрибированных при Сулле получали теперь гражданские права, за что Цезарь агитировал еще будучи эдиллом. В том же 49 г. Цезарь, как уже упоминалось, снова — после испанской кампании — пробыл весьма непродолжительный срок (всего 11 дней) в Риме. В эти дни были проведены избирательные комиции, причем консулами избраны: П. Сервилий Исаврийский и сам Цезарь<sup>46</sup>. Затем был принят *lex Julia de rebus iudicis* о назначении третейских судей, которые должны были производить оценку земельных владений и движимого имущества по ценам довоенного времени

<sup>43</sup> Dio Cass., 52, 41.

<sup>44</sup> См. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 93—101.

<sup>45</sup> Caes., b. c., 3, 1; Cic., ad Att., 9, 14, 2; 10, 4, 8; Plut., Caes., 37; Dio Cass., 41, 18; 44, 47, Suet., Jul., 41.

<sup>46</sup> Caes., b. c., 3, 1.

и сообразно с нею удовлетворять кредиторов<sup>47</sup>. Этим законом Цезарь, по его собственному свидетельству, пытался устранить или, по крайней мере, уменьшить страх перед отменой долговых обязательств<sup>48</sup>. Кроме того, действуя через преторов и народных трибунов, Цезарь восстановил в правах ряд лиц, осужденных по *lex Pompeia de ambitu*<sup>49</sup>. И, наконец, в эти же одиннадцать дней были проведены уже упоминавшиеся нами<sup>50</sup> *lex Iulia de civitate Transpadanorum*<sup>51</sup>, впервые распространявший права римского гражданства на целую провинцию, и *lex Iulia de civitate Gaditanis danda*<sup>52</sup>, впервые предоставлявший права муниципия провинциальному городу.

Вернувшись снова в Рим летом 47 г., Цезарь застаёт здесь довольно напряженную обстановку. Не говоря уже о попытке восстания Целия и Милона, следует отметить движение Долабеллы, с которым не мог полностью справиться Антоний, а также серьезное выступление, собственно говоря, даже бунт солдат<sup>53</sup>. Последний Цезарю удается ликвидировать благодаря решительному личному вмешательству и, в частности, благодаря тому, что, обещав солдатам требуемое ими увольнение, он уже стал называть их «квиритами», т. е. гражданами, а не воинами<sup>54</sup>. Что же касается движения Долабеллы, то проведенный в 47 г. *lex Iulia de mercedibus habitationum annis* была частичной (и компромиссной) реализацией программы Целия — Долабеллы. По этому закону слагалась задолженность по годовой плате за квартиру, причем для живущих в самом Риме — в объеме 2 тыс. сестерциев, а в других городах Италии — 500 сестерциев<sup>55</sup>. Ранее принятый закон *de rescipiis mutuis* получил теперь новое толкование: из оцененного арбитрами имущества, которым расплачивались должники, в их пользу (т. е. в счет погашения долга) засчитывались выплаченные уже проценты<sup>56</sup>. Кроме того, был еще в том же 47 г. принят *lex Iulia de modo credendi et possidendi intra Italiam*, согласно которому часть средств следовало вкладывать в земельное имущество<sup>57</sup>. Число преторов было увеличено с 8 до 10 по *lex Iulia de praetoribus decem creandis*<sup>58</sup>, увеличено также было

<sup>47</sup> Caes., b. c., 3, 1; ср. Plut., Caes., 37; App., b. c., 2, 48; Dio Cass., 41, 37; Suet., Iul., 42.

<sup>48</sup> Caes., b. c., 3, 1.

<sup>49</sup> Ibid.; ср. Suet., Iul., 41.

<sup>50</sup> См. выше, стр. 220.

<sup>51</sup> Dio Cass., 41, 36; Tac., Ann., 11, 24.

<sup>52</sup> Dio Cass., 41, 24; Liv., ep. 110.

<sup>53</sup> App., b. c., 2, 92—94; ср. Dio Cass., 42, 32—33; 45, 29; 46, 16; Plut., Ant., 9.

<sup>54</sup> App., b. c., 2, 92—94; ср. Suet., Iul., 69—70.

<sup>55</sup> Dio Cass., 42, 51; Suet., Iul., 38.

<sup>56</sup> Dio Cass., ibid.; Suet., Iul., 42.

<sup>57</sup> Dio Cass., 41, 38; Tac., Ann., 6, 16.

<sup>58</sup> Dio Cass., 42, 51.

число эдилов, квесторов<sup>59</sup> и даже авгуров и понтификов<sup>60</sup>. Само собой разумеется, что образовавшиеся таким путем вакансии заполнялись главным образом креатурами Цезаря, не говоря уже о проведенной им в это время *lectio senatus*<sup>61</sup>. 1 декабря 47 г. Цезарь снова уезжает из Рима на африканскую войну<sup>62</sup>.

Нам приходилось, как сказано выше, давать оценку реформаторской деятельности Цезаря за период с 49 по 47 г.<sup>63</sup> Эта оценка складывалась в зависимости от сопоставления Цезаревых реформ с теми проектами, которые изложены в письме (раннем) Саллюстия к Цезарю. Мы констатировали несоответствие мероприятий Цезаря с проектами и предложениями Саллюстия по «возрождению сената и народа». Однако «принципиальное направление реформаторской деятельности Цезаря» на основании законодательства 49—47 гг. еще не определялось<sup>64</sup>.

Перейдем к обзору внутривластных мероприятий, проведенных Цезарем после битвы при Тапсе. После пышных празднеств, наград и угощений, связанных с его триумфом, Цезарь приступил к наделению ветеранов землей, причем, когда вставал вопрос о неотчуждаемости участков, он руководствовался, очевидно, *lex Iulia agraria* 59 г.<sup>65</sup> Наделение земельными участками производилось постепенно и осторожно в соответствии с той программой, которую сам Цезарь изложил еще в 47 г. бунтующим солдатам. Аппиан вкладывает ему в уста следующие обещания: «Я всем дам землю и не так, как Сулла, отнимая ее у частных владельцев и поселяя ограбленных рядом с ограбившими, чтобы они пребывали в вечной вражде друг с другом, но раздам вам землю общественную и мою собственную, а если будет нужно, то еще и прикуплю»<sup>66</sup>. В различных областях Италии Цезарем были направлены специальные уполномоченные, и нет сомнения, что чрезвычайно сложная работа по наделению земельными участками не могла быть выполнена в течение того же, т. е. 46 г.<sup>67</sup> Нам известны в отдельных случаях места дислокации Цезаревых ветеранов, так, солдаты 7-го и 8-го легионов были поселены в Кампании, а еще более точно говоря, в городах Касилине и Калатии<sup>68</sup>.

<sup>59</sup> Suet., Iul., 41.

<sup>60</sup> Dio Cass., 42, 51.

<sup>61</sup> Ibid.; Suet., Iul., 41.

<sup>62</sup> См. стр. 224.

<sup>63</sup> См. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 96—98.

<sup>64</sup> Там же, стр. 97.

<sup>65</sup> См. стр. 63—65; ср. App., b. c., 3, 2; 7; Suet., Iul., 81.

<sup>66</sup> App., b. c., 2, 94; ср. Suet., Iul., 38.

<sup>67</sup> Cic., ad fam., 13, 4, 2; 13, 7, 3; ср. Dio Cass., 43, 50.

<sup>68</sup> App., b. c., 3, 40; Nic. Dam., Vita Caes., 31. См. также Ed. Meyer, Op. cit., S. 415 (и Ann. 6).

Затем Цезарь организует проведение всеобщего ценза<sup>69</sup>, однако это мероприятие, видимо, осталось незавершенным вплоть до его смерти. Одним из подготовительных к проведению ценза актов было, по всей вероятности, принятие *lex Iulia municipalis*<sup>70</sup>. Правда, по поводу даты опубликования этого закона существуют разногласия; так, Моммзен<sup>71</sup> относит дату опубликования к 45 г. и Эд. Мейер<sup>72</sup> присоединяется к этой точке зрения. Существуют и другие, более «крайние» взгляды: так, иногда полагают, что *lex Iulia municipalis* был издан Антонием после смерти Цезаря или, наоборот, отодвигают назад датировку закона, считая, что издание его относится к 64 г., т. е. к консульству Луция Юлия Цезаря. Не претендуя на окончательное решение этого действительно далеко не ясного вопроса, мы тем не менее считаем наиболее естественной возможность датировать закон 46 или 45 г. Причем отдаем предпочтение 46 г., поскольку Цицерон в своем письме к Квинту Лепте (январь 45 г.) говорит уже о *lex*, а не о *rogatio*<sup>73</sup>.

Содержание *lex Iulia municipalis* касалось, в основном, вопросов городского управления и устройства. Было указано, что должность декурiona является пожизненной, и определялись необходимые требования к кандидатам на эти должности. Кроме того, в законе содержались предписания по городскому благоустройству, применительно к самому Риму, в результате чего «столица империи» низводилась — хотя бы в этом отношении — на один уровень с муниципальными городами<sup>74</sup>.

Однако Цезаря в это время волновали, если иметь в виду Рим, далеко не только вопросы коммунального хозяйства. Он проводит, причем весьма энергично, ограничение контингента лиц, получающих хлеб, снизив его с 320 тыс. до 150 тыс. человек. *Praetor urbanus* должен был ежегодно пополнять при помощи жеребьевки выморочные вакансии, однако строго в пределах тех же 150 тыс. человек<sup>75</sup>. Некоторые древние авторы ставят возможность подобного снижения контингента лиц, получающих даровой хлеб, в непосредственную связь с переписью, произведенной после триумфа и празднеств<sup>76</sup>. Другие говорят о том, что с целью пополнения поредевшего населения был издан указ, запрещавший гражданам старше 20 и моложе 40 лет от роду и не связанным военной службой находиться вне Италии дольше трех лет, а также лишавший права выезда в чужую страну детей сенаторов, за исключением тех, кто на-

<sup>69</sup> Dio Cass., 43, 25.

<sup>70</sup> CIL., I<sup>2</sup>, 206=Fontes iuris Romanae antiquae<sup>7</sup>, p. 102—110.

<sup>71</sup> Т. Моммзен. История Рима, III, стр. 448.

<sup>72</sup> Ed. Meyer. Caesars Monarchie..., S. 426—427.

<sup>73</sup> Cic., ad. fam., 6, 18, 1.

<sup>74</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 425—426.

<sup>75</sup> Dio Cass., 43, 21; Suet., Iul., 41.

<sup>76</sup> App., b. c., 2, 102; Plut., Caes., 55.

ходил в свите магистрата<sup>77</sup>. Кроме того, все жившие в то время в Риме врачи и преподаватели свободных искусств (*liberalium artium doctores*) получили права римского гражданства, дабы они сами охотнее оставались в Риме и привлекали других<sup>78</sup>.

Как великий понтифик Цезарь издал эдикт о роспуске восстановленных Клодием религиозных коллегий (за исключением древнейших)<sup>79</sup>, что имело, однако, не только религиозное, но и большое политическое значение, поскольку эти коллегии издавна были средоточием плебса и очагами демократической агитации, т. е. всеобразными политическими клубами. Кроме того, Цезарь как великий понтифик провел знаменитую реформу календаря<sup>80</sup>.

Цезарю принадлежит попытка упорядочить и убыстрить судопроизводство, а также восстановить твердый порядок соблюдения сроков при отправлении магистратур. Обе эти области государственно-правовой жизни пришли в заметное расстройство в годы гражданской войны. Был проведен *lex Iulia iudiciaria*, по которому уничтожалась декурия эрарных трибунов и, таким образом, суды снова должны были состоять лишь из сенаторов и всадников<sup>81</sup>. Кроме того, известны законы Цезаря *de vi* и *de maiestate*<sup>82</sup>, которыми усугублялись наказания для изгнанных за преступления и за оскорбление величества, а именно предусматривалась частичная или полная конфискация имущества<sup>83</sup> и лишение права провозки<sup>84</sup>. Что касается вопроса об упорядочении сроков отправления магистратур, то был проведен *lex Iulia de provinciis*, ограничивающий управление консульскими провинциями двухгодичным сроком, а преторскими — одногодичным<sup>85</sup>.

Следует упомянуть и закон Цезаря против роскоши *lex Iulia sumptuaria*. Этим законом запрещалось употреблять носилки, пурпурные одежды, жемчуга. Регулировалась даже продажа гастрономических товаров на рынках, не допускалась чрезмерная роскошь надгробных памятников, обилие колонн облагалось штрафом<sup>86</sup>.

В качестве *praefectus morum* Цезарь произвел, как уже упоминалось, *lectio senatus*. При этом в состав сената были

<sup>77</sup> Suet., Iul., 42.

<sup>78</sup> Ibidem.

<sup>79</sup> Ibidem.

<sup>80</sup> App., b. c., 2, 154; Plut., Caes., 59; Dio Cass., 43, 26; Suet., Iul., 40; Aug., 31.

<sup>81</sup> Dio Cass., 43, 25; Suet., Iul., 41, ср. Cic., Phil., I, 8, 19.

<sup>82</sup> Cic., Phil., I, 9, 23.

<sup>83</sup> Suet., Iul., 42.

<sup>84</sup> Cic., Phil., I, 9, 23.

<sup>85</sup> Dio Cass., 43, 25; Cic., Phil., I, 8, 19; V, 3, 7.

<sup>86</sup> Suet., Iul., 43; Cic., ad Att., 12, 35, 2; 12, 36, 1; 13, 6, 1; ср. Dio Cass., 43, 25.

приняты не только проскрибированные при Сулле<sup>87</sup>, но и те, кто был лишен звания цензорами или осужден в свое время по обвинению в подкупе<sup>88</sup>. По отношению к комициям, как уже говорилось, Цезарь поступал следующим образом: кроме кандидатов на консульство, из претендентов на остальные должности половина избиралась народом, а другая половина — самим Цезарем, ибо он рассылал по трибам рекомендательные записки и, таким образом, проводил своих ставленников<sup>89</sup>.

И, наконец, следует сказать несколько слов о неосуществленных планах и проектах Цезаря. Он собирался выстроить грандиозный храм Марса, засыпав для этого озеро, а около Тарпейской скалы соорудить огромный театр. Он собирался издать свод законов, открыть греческие и римские библиотеки, поручив подготовку этого дела Марку Варрону. Он хотел осушить Помптинские болота, спустить воду Фуцинского озера, прорыть канал через Апеннины до Тибра, прорыть канал через Истм. Что касается военных предприятий, то он собирался усмирить даков, которые вторглись в Понт и Фракию, а затем через Малую Армению направиться против парфян<sup>90</sup>.

Такова была в общих чертах внутривосточная и реформаторская деятельность Цезаря. Оценивая в свое время ее направление, мы приходили к выводу о том, что основной идеей, пронизывающей все эту деятельность, была идея организации могущественной римской империи. Отмечались две тенденции реформаторской деятельности Цезаря: во-первых, стремление к объединению государства и уравниванию в правах всего свободного населения, т. е. уравнивательная тенденция, и, во-вторых, стремление к переустройству и совершенствованию государственного аппарата, к созданию сильной централизованной власти<sup>91</sup>. Кстати сказать, подобная оценка тенденций и направления реформаторской деятельности Цезаря в принципе совпадает с трактовкой этого же вопроса Эд. Мейером, который противопоставлял «полисный идеал» Саллюстия и Цицерона идеалу *imperium Romanum* (*das weltumfassende Reich*) Цезаря<sup>92</sup>.

Кроме того, нами отмечался демагогический характер «популярной политики» Цезаря. В чем он состоял? С одной стороны, это — щедрые раздачи во время триумфов и празднеств, отношение к движению Долабеллы, характерные попытки регулирования долговой проблемы и т. п. С другой, эдикт о роспуске плебейских коллегий, сокращение контингента лиц, полу-

<sup>87</sup> Cic., ad fam., 13, 5, 2.

<sup>88</sup> Suet., Iul., 41.

<sup>89</sup> Ibidem.

<sup>90</sup> Suet., Iul., 44.

<sup>91</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 99.

<sup>92</sup> Ed. Meyer, Op. cit., S. 398—399.

чающих даровой хлеб (т. е. городского «пролетариата»), lex Iulia iudiciaria, другими словами, явно антидемократические мероприятия, направленные на постепенное вытеснение плебейских масс из сферы общественной жизни<sup>93</sup>. Все это, вместе взятое — не менее важная (чем две предыдущие) тенденция реформаторской деятельности Цезаря.

Эта тенденция не менее важна, хотя бы уже потому, что она отмечена, как представляется нам теперь, наиболее объективно и правильно. Что касается первых двух, то следует сказать, что теперь они кажутся нам далеко не столь бесспорными. Чем пытались мы в свое время подтвердить наличие «уравнительной тенденции» в деятельности Цезаря? Дарованием прав гражданства транспаданцам и гадитанцам, а также возвращением автономии Фессалии, дарованием свободы кинидам и сложением части налогов с населения провинции Азии. Кроме того, говорилось о lex Iulia municipalis, о реформе календаря<sup>94</sup>. Но ныне нам представляется более правильным говорить не об уравнительных тенденциях, не о стремлении Цезаря создать «класс единых подданных единого властителя», но, как уже отмечалось, о сохранении Цезарем персонального характера римского гражданства, о наличии в этом смысле «охранительной» тенденции<sup>95</sup>. Чем пытались мы подтвердить стремление к созданию централизованного государственного аппарата? Увеличением числа магистратов, проведением lex Iulia de provinciis, изменением состава сената (lectio senatus), дабы превратить его в послушное орудие<sup>96</sup>. Эти соображения представляются нам и сейчас заслуживающими внимания, если только не переоценивать сознательную целенаправленность и «предвосхищающий» характер этих реформ.

Общий вывод и оценка внутривосточной деятельности Цезаря должны, по нашему разумению, выглядеть примерно следующим образом. Не следует, впадая в телеологические соблазны и ретроспективные «предвидения», т. е. в своеобразную модернизацию, рассматривать деятельность Цезаря как сознательно направленную в сторону создания империи, причем в том ее виде, который, как его обычно представляют, сложился фактически гораздо позже, чуть ли не ко времени Тацита. Чтобы избежать подобной исторической аберрации, целесообразнее всего достаточно четко разделять субъективную и объективную стороны деятельности Цезаря.

При непредубежденном подходе все перечисленные выше реформы и законы Цезаря, представляется нам, проводились в порядке ответа на тот или иной вопрос, настоятельно выдвигавшийся в то время.

<sup>93</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 100—101.

<sup>94</sup> Там же, стр. 99—100.

<sup>95</sup> См. выше, стр. 220—221.

<sup>96</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 100.



гавшийся «текущими» делами и обстановкой. Не говоря уже о земельных награждениях или о таких мерах, как сокращение хлебных раздач, уничтожение Клодиевых коллегий, *leges Iuliae sumptuariae* и т. п., даже рассчитанные в какой-то мере на будущие времена *lex Iulia municipalis*, реформа календаря, *lex Iulia iudiciaria*, *lex Iulia de provinciis* были прежде всего вызваны неотложными, текущими нуждами управления. Это настолько очевидно, что едва ли требуются особые доказательства.

Но значит ли это, что реформы и законы Цезаря имели только сугубо преходящее, злободневное значение, а следовательно, не были мероприятиями длительной государственной важности, большого масштаба? Конечно, это не так! Тут уже выступает на свет объективная, как правило не зависящая от сознательных устремлений, сторона деятельности реформатора. Кстати сказать, объективно значимая сторона тех или иных реформ, законов, государственных актов и т. п. не отгорожена непроницаемой стеной от их «злободневности», «насушности», но базируется на подобных моментах, без которых все эти мероприятия едва ли вообще могли быть осуществлены. Как это обычно и происходит, время и объективные условия дальнейшего развития отсеивают и сохраняют из «злободневно» возникших законов, реформ и т. п. те, которые оказываются наиболее соответствующими этому «дальнейшему развитию» и которые только таким путем и приобретают (в ходе десятилетий) объективную ценность, а следовательно, достаточно «масштабное» государственное значение.

Но неужели перед Цезарем на самом деле не вставало никаких общих задач, не было абсолютно никакой общей цели, помимо злободневных и текущих вопросов? Конечно, такая общая цель существовала, и она вырисовывалась не только перед умственным взором Цезаря. О ней знали все те, кто только не был безразличен к положению римского государства. О ней говорили, в частности, Саллюстий и Цицерон. Но вместо надуманной, ретроспективно привнесенной идеи империи (в нынешнем значении термина) это была совершенно конкретная — «текущая» и принципиальная, злободневная и «длительная» — задача восстановления государственного строя, после тех потрясений и ломки, которые были следствием гражданской войны.

Эта актуальная задача разными общественными деятелями понималась по-разному. Взгляды Саллюстия, Цицерона и, наконец, Цезаря, конечно, не совпадали. Мы считаем целесообразным более подробно ознакомиться с этими взглядами, но также считаем нужным предварить подобное рассмотрение следующим замечанием. В целях сохранения (и в данном случае) правильной перспективы мы должны сопоставлять не «полицейскую идею», посетителями которой считаются Цицерон и Саллюс-

тий с идеей *империи* (das weltumfassende Reich), как то делает Эд. Мейер и как то был склонен считать в свое время и автор настоящих строк<sup>97</sup>, но что, на самом деле, неправомерно. Если Цицерон и Саллюстий могут быть в какой-то мере названы представителями идеологии полиса, то предположение о том, что существовали уже некие (или некий) идеологи *империи* в том более позднем смысле, который обычно вкладывается в это понятие, означает явный переход на позиции телеологии и модернизаторства. Итак, чтобы правильно и исторически объективно оценить внутривластительскую деятельность Цезаря, следует сравнивать и сопоставлять не идеал полиса (Цицерон, Саллюстий) с идеалом *imperium Romanum* (Цезарь), но конкретные предложения (и проекты) Саллюстия и Цицерона с конкретными и практическими действиями самого Цезаря.

\* \* \*

Однако для того, чтобы объективно и правильно оценить деятельность Цезаря в годы гражданской войны, следует иметь в виду еще одну сторону этой деятельности, на которой мы до сих пор не останавливались: его политику «мягкосердечия и снисходительности» (*clementia* и *beneficia*) по отношению к врагам.

Когда Цезарь в самом начале гражданской войны впервые очутился в Риме (но уже после бегства Помпея из Италии), там, как это и было естественно ожидать в годы, когда жива была память о временах Мария и Суллы, господствовало весьма подавленное настроение, почти паника<sup>98</sup>. Ожидали проскрипций. Даже когда стало ясно, что Цезарь стремится избежать всяких жестокостей и насилия<sup>99</sup>, все же довольно широко было распространено мнение о том, что это — только маскировка, что когда он добьется окончательной победы, тогда-то он и обнаружит свое подлинное лицо<sup>100</sup>. А между тем, единственный акт насилия, который разрешил себе Цезарь за свое пребывание в Риме, это — знаменитый конфликт с трибуном Л. Метеллом, пытавшимся воспрепятствовать изъятию Цезарем государственных средств из эрария<sup>101</sup>.

После победы при Тапсе и после самоубийства последнего «непримиримого» республиканца Катона опасения перед возможной местью и расправой снова вспыхнули в Италии, и Цезарю по возвращении в Рим пришлось, как уже упоминалось,

<sup>97</sup> См. выше, стр. 234.

<sup>98</sup> Dio Cass., 41, 7 sqq.

<sup>99</sup> Cic., ad Att., 9, 14, 2; 10, 4, 8.

<sup>100</sup> Cic., ad Att., 10, 8, 2.

<sup>101</sup> Caes., b. c., 1, 33; App., b. c., 2, 41; Plut., Caes. 35; Pomp., 62; Dio Cass., 41, 17; Flor., 4, 2, 21; Zon., 10, 8.

выступать со специальными успокоительными заверениями<sup>102</sup>. Однако вскоре обнаружилось, что все эти страхи лишены основания. Цезарь последовательно проводил политику помилования политических врагов, разрешая им возвращаться в Рим. И хотя ставленником Цезаря Гирцием был подготовлен закон *de Pompeianis*, согласно которому ограничивались права определенной категории помпейцев<sup>103</sup>, сам Цезарь отзывался о Помпее с неизменным уважением<sup>104</sup> и неоднократно шел навстречу просьбам различных лиц, в том числе и Цицерона, о помиловании ряда крупных помпейцев. Одним из наиболее эффектных актов в этом плане было помилование его старого врага, консула 51 г., М. Клавдия Марцелла, которое явилось причиной выступления Цицерона в Сенате (после длительного перерыва) с *gratiarum actio pro M. Claudio Marcello*<sup>105</sup>.

О помиловании Марка Марцелла хлопотал не только Цицерон, все время убеждавший Марцелла в своих письмах вернуться в Рим<sup>106</sup>, но также приверженцы и родственники самого изгнанника, например двоюродный брат Гай Марцелл<sup>107</sup>, консул 50 г., женатый на внучатой племяннице Цезаря, Октавии. В заседании Сената, которое состоялось, видимо, в сентябре 46 г., во всяком случае еще до празднования триумфа, Л. Пизон, тесть Цезаря, официально поставил вопрос о помиловании М. Марцелла, а Гай Марцелл бросился Цезарю в ноги. Все сенаторы встали и присоединились к его просьбе. Цезарь, высказав еще раз свое огорчение по поводу тех действий, которые в свое время Марцелл предпринимал против него, тем не менее заявил, что уступает просьбам Сената и согласен помиловать своего старого противника<sup>108</sup>. Этот великодушный поступок произвел большое впечатление и был, как только что упоминалось, причиной благодарственной речи Цицерона.

Эту речь довольно подробно рассматривает Эд. Мейер в своей работе о монархии Цезаря. Считая, что Цезарь в это время уже не мог положиться на свое прежнее окружение и искал контактов с уважаемыми и консервативными элементами государства, которые были до тех пор республиканцами<sup>109</sup>, он придает большое значение помилованию Марцелла, а также Цицероновой речи. В речи, по мнению Эд. Мейера, проявляется

<sup>102</sup> См. стр. 225.

<sup>103</sup> *Cic., Phil.*, XIII, 16, 32. Сохранился фрагмент надписи (*CIL*, I, 627=I<sup>2</sup>, 604), где упоминается *rogatio Hirtia*. Но можно ли отождествлять данную *rogatio* с интересующим нас законом — вопрос неясный. Ср. Ed. Meyer. *Op. cit.*, S. 382, Anm. 2; S. 399—400.

<sup>104</sup> *Cic., ad fam.*, 6, 6, 10.

<sup>105</sup> *Cic., ad fam.*, 4, 4, 4.

<sup>106</sup> *Cic., ad fam.*, 4, 7; 8; 9; 10.

<sup>107</sup> *Cic., ad fam.*, 4, 7, 6; 8, 1; 9, 4; *pro Marc.* 10; 34.

<sup>108</sup> *Cic., ad fam.*, 4, 4, 3; *pro Marc.* 3.

<sup>109</sup> Ed. Meyer. *Op. cit.*, S. 404.

надежда Цицерона на то, что Цезарь может оказаться не столь далеким от идеала истинного вождя республиканского государства, т. е. *princeps civitatis*, образ которого был нарисован Цицероном в его трактате о государстве. Своим великодушным поступком Цезарь завоевал бессмертную славу, большую, чем та, которую ему дали все его победы<sup>110</sup>. Однако этим же самым поступком Цезарь взял на себя и определенные обязательства, которых он не может теперь избежать. Как и у Саллюстия, отмечает Эд. Мейер, в речи *pro Marcello* к благодарности тесно примыкает напоминание о том, что по окончании гражданской войны выдвигается вторая и еще более великая задача: восстановление государства. Цезарь должен ее выполнить, а средства выполнения оказываются одинаковыми с теми, что предлагал в своих письмах к Цезарю Саллюстий. Это — упорядочение судов, восстановление кредита (*revocanda fides*), обуздание излишества и разврата, забота о грядущем поколении, а также связывание суровыми законами всего того, что распалось и развалилось за это время<sup>111</sup>, т. е., говоря другими словами, программа нравственного возрождения государства и народа (*die sittliche Regeneration des Staats und des Volks*), как это затем имел в виду сам Цезарь, а еще позднее и Август<sup>112</sup>.

Эд. Мейер полагает, что восхищение Цицерона поступком Цезаря, т. е. помилованием Марка Марцелла, было вполне искренним, тем более, что во всем остальном Цицерон далек от полного доверия и спокойствия. Об этом свидетельствует ряд его писем и, в частности, к тем корреспондентам, перед которыми он не имел оснований скрывать свои истинные взгляды и настроения, как, например, письма к Сервию Сульпицию, наместнику Ахайи<sup>113</sup>.

В целом же Эд. Мейер считает, что Цицеронова речь за Марцелла есть нечто подобное письмам Саллюстия к Цезарю. Чрезвычайно поучительно наблюдать, пишет он, как Цицерон и Саллюстий, отправляясь от противоположных установок, приходят к единым выводам, так что их цели можно считать идентичными. Истинная демократия, господство суверенного демоса полностью исключаются для обоих; насущной задачей является регенерация римского народа посредством нравственного и социального законодательства; но римское государство оба мыслят лишь в форме сенатского господства; Сенат для обоих, как для Помпея, а в дальнейшем и для принципата Августа, — единственный полномочный представитель *populus Romanus*<sup>114</sup>.

Нас в данном случае интересует не столько подробный анализ речи за Марцелла, сколько вышеизложенные выводы

<sup>110</sup> Ibid. S. 406—407.

<sup>111</sup> Cic., *pro Marc.*, 23.

<sup>112</sup> Ed. Meyer. *Op. cit.*, S. 407.

<sup>113</sup> Ibid., S. 409.

<sup>114</sup> Ibid., S. 409—410.

Эд. Мейера. Однако к этим выводам хотелось бы добавить уже от себя, что в речи не просто содержится «напоминание» Цезарю о необходимости заняться вопросами восстановления государственного строя, но, по существу говоря, весь внутренний пафос речи сводится к подобным призывам. Собственно, речь основана на двух важных для автора и интересующих его моментах: на выражении благодарности Цезарю за проявленное им великодушие и на настойчивых обращениях к тому же Цезарю с призывами заняться «упорядочением» государственных дел, пришедших в расстройство в результате гражданской войны.

Первый из этих моментов, очевидно, не нуждается в подтверждениях и доказательствах, а что касается второго, то самый беглый анализ речи убеждает, насколько она пестрит подобными призывами к Цезарю. Уже в самом начале речи высказано убеждение, что Цезарь интересы государства и авторитет сената (точнее, сенаторского сословия — *huius ordinis*) ставит выше личных огорчений и подозрений<sup>115</sup>. Если это еще не есть прямой призыв к регенерации государства, то, по крайней мере, этой фразой сформулирована основная предпосылка, которая и дает возможность обращаться к данному лицу с подобными призывами и чаяниями. Несколько ниже оратор уже непосредственно обращается к Цезарю, говоря о восстановлении государственного строя. В первый раз такой непосредственный призыв (*omnia sunt excitanda tibi*) звучит при изложении, говоря словами Эд. Мейера, программы нравственного возрождения сената и народа<sup>116</sup>. Но затем с возрастающей настойчивостью Цицерон снова подчеркивает — и неоднократно — важность подобной задачи: «Таков твой жребий — тебе придется потрудиться в деле установления государственного строя (*ut rem publicam constituas*) и прежде всего самому наслаждаться им в тиши и спокойствии»<sup>117</sup>. Или: «Потомки наверняка будут поражены слыша или читая о твоей деятельности в качестве полководца, правителя провинций, о Рейне, Океане, Ниле, о бесчисленных битвах, невероятных победах, о памятниках, о празднествах и играх, о твоих триумфах. Но если этот город (*haec urbs*) не будет укреплен твоими заботами и установлениями (*tuis consiliis et institutis*), то твое имя будет только блуждать по всем градам и весям, но постоянного местопребывания и определенного обиталища (*sedem stabilem et domicilium certum*) иметь не будет»<sup>118</sup>. Дальше объясняется, что и среди будущих поколений возникнут большие разногласия при оценке деятельности Цезаря, если только эта деятельность не увен-

<sup>115</sup> Cic., pro Marc., 3.

<sup>116</sup> Ibid., 23. Ср. Ed. Meyer. Op. cit., S. 407.

<sup>117</sup> Cic., pro Marc., 27.

<sup>118</sup> Ibid., 28—29.

чается тем, что он окончательно потушит пожар гражданской войны<sup>119</sup>.

Таким образом, вопрос об упорядочении государственного строя после потрясений гражданской войны и связанные с этим надежды на соответствующие действия Цезаря занимают большое место в Цицероновой речи за Марцелла. Кроме того, как уже подчеркнул Эд. Мейер, в речи изложена некая программа этого «упорядочения» государственного строя, выдержанная в духе «нравственной регенерации сената и народа». И, наконец, тот же Эд. Мейер утверждает, что подобная программа совпадает с проектами реформ, изложенными Саллюстием в его письмах к Цезарю.

Нам представляется, что это последнее утверждение Эд. Мейера нуждается в некоторых уточнениях. Во-первых, проекты реформ, изложенные в раннем письме Саллюстия к Цезарю, никак не могут быть сведены только к задачам нравственного возрождения. В этом письме реформы сгруппированы самим Саллюстием по двум основным разделам или направлениям: обновление народа и обновление сената. И если обновление сената еще может быть достигнуто мерами, близкими к «нравственным» реформам, т. е. введением тайного голосования при одновременном увеличении числа сенаторов, то в основу проектов и мер по обновлению народа Саллюстий полагает аграрную реформу, что уже, конечно, едва ли укладывается в рамки «нравственной регенерации»<sup>120</sup>.

Кроме того, Эд. Мейер не проводит достаточно четкой грани между ранним и более поздним письмом Саллюстия к Цезарю, т. е. не отмечает ни изменения отношения Саллюстия к своему адресату, ни изменения в характере самих проектов реформ, излагаемых в более позднем письме. Нам в свое время уже приходилось говорить об изменении отношения Саллюстия к Цезарю в период написания более позднего письма. Если на основании раннего письма можно было сделать вывод, что Цезарь в то время был для Саллюстия (как позже для Цицерона) единственной политической фигурой, на которую он возлагал надежды, связанные с реформой государственного строя, то в позднем письме явственно проступают черты неуверенности, разочарования в Цезаре и даже черты некоторой растерянности автора<sup>121</sup>. Что же касается самих проектов реформ в более позднем письме, то они носят довольно поверхностный, непринципиальный характер и сводятся к ближайшим практическим мероприятиям, из которых самым серьезным является предложение об искоренении ростовщичества<sup>122</sup>.

<sup>119</sup> Ibid., 29.

<sup>120</sup> С. Л. Утченко. Идейно-политическая борьба..., стр. 86—87.

<sup>121</sup> Там же, стр. 104—106.

<sup>122</sup> Там же, стр. 103.

Интересно также отметить, что теперь (в отличие от раннего письма) Саллюстий причину упадка и разложения видит уже в нравственном несовершенстве римских граждан<sup>123</sup>, т. е. ко времени написания второго письма к Цезарю Саллюстий действительно подходит к программе «нравственной регенерации» римского общества, что и сближает его позиции — но только с этого периода — с позицией Цицерона, нашедшей свое отражение в речи за Марцелла.

Остается выяснить вопрос о том, насколько практическая деятельность Цезаря соответствовала или, наоборот, не соответствовала тем конкретным предложениям, которые были сформулированы Цицероном и Саллюстием. Мы в свое время отмечали, что внутривластная деятельность Цезаря не только не совпадала с предложениями Саллюстия, но иногда прямо противоречила смыслу его проектов<sup>124</sup>. Собственно говоря, это обстоятельство и было главной причиной разочарования Саллюстия в Цезаре, разочарования, которое столь явно проступает в более позднем письме. Что же касается соответствия деятельности Цезаря программе «нравственной регенерации» римского общества, изложенной в речи за Марцелла, то, хотя Эд. Мейер и считает, что данная программа нашла свое отражение в законодательстве Цезаря и даже Августа<sup>125</sup>, мы склонны думать, что серьезные основания для подобного вывода отсутствуют. Они отсутствуют, хотя бы уже потому, что «программа регенерации», как в этом очень нетрудно убедиться, изложена Цицероном в столь общем виде и вместе с тем столь лапидарно<sup>126</sup>, что она никак не может служить материалом для конкретных сопоставлений.

Скорее всего мы имеем дело с различными «вариантами» восстановления государства после потрясений гражданской войны. И Цицерон, и Саллюстий, и Цезарь руководствовались именно этой задачей с тою только разницей, что перед первыми двумя она стояла сугубо теоретически и они выступали в роли консультантов-советчиков, тогда как перед Цезарем эта же задача вставала как насущная и практическая необходимость. И если есть основания говорить о трех различных пониманиях этой задачи, то подобные расхождения скорее обусловлены столь частым несоответствием между теорией и практикой, чем борьбой между философски сублимированными категориями: «полис» и «империя».

Каков же оказался вариант, избранный Цезарем? Как понимал Цезарь задачу восстановления государства? Какой он

---

<sup>123</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 102; 107.

<sup>124</sup> Там же, стр. 96—97.

<sup>125</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 407; см. выше, стр. 239.

<sup>126</sup> Cic., pro Marc., 23.

избрал путь, насколько учитывал окружающую обстановку и сложившееся соотношение сил?

Нам представляется, что Цезарь, как правило, действовал, исходя из нужд текущего момента и сложившейся обстановки. Когда после победы при Тапсе он вернулся в Рим в качестве победителя, поскольку решающий этап гражданской войны был уже завершен, то, естественно, что первой и неотложной задачей, которая встала перед ним, была задача удовлетворения нужд и требований его солдат. Отсюда — политика земельных раздач и наделений, щедрые награды. Непосредственно вслед за этим требовалось подсчитать «потери» и не только среди тех, кто воевал на полях сражений, но и среди мирного гражданского населения. Эта широкая проблема, в свою очередь, распадалась на ряд более частных задач. Проведенный ценз показал катастрофическую убыль числа граждан. Отсюда — такие мероприятия, как законы против эмиграции и *lex Iulia municipalis*. Однако это были скорее сдерживающие и негативные меры, а отнюдь не позитивное решение вопроса. Поэтому сюда следует присоединить мероприятия Цезаря по распространению гражданских прав и выводу колоний. Но и этого еще было недостаточно. Общая задача «подсчета потерь» (а вместе с тем — и наличных сил) требовала какого-то решения вопроса о городском люмпен-пролетариате. С попыткой решения Цезарем этого вопроса и связано сокращение контингента лиц, получавших даровой хлеб, а также *lex Iulia iudicialia*.

И, наконец, перед Цезарем стояла задача восстановления нормального — и к тому же налаженного в интересах самого Цезаря — функционирования государственного аппарата. К этой области следует отнести такие мероприятия, как *lectio senatus*, законы об увеличении числа магистратов, *lex Iulia de provinciis*, новый *usus* взаимосвязей между диктатором и комициями. Эту задачу «восстановления» государственного аппарата нельзя рассматривать изолированно от другой стороны той же проблемы: стремления найти новую — и достаточно надежную — социальную опору. Последним же стремлением, как мы в этом уже убедились<sup>127</sup>, была обусловлена Цезарева политика *clientia* и *beneficia*.

Таков, на наш взгляд, путь (или «вариант»), избранный Цезарем для восстановления государственного строя, поколебленного гражданской войной. Как нетрудно убедиться, этот путь достаточно четко отличается и от утопических предложений<sup>128</sup> Саллюстия, сформулированных в его раннем письме, и от программы «нравственной регенерации государства и народа»,

<sup>127</sup> См. стр. 238.

<sup>128</sup> С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 91.



изложенной Цицероном в речи за Марцелла (и близкой к проектам реформ Саллюстия в последнем письме к Цезарю)<sup>129</sup>. Удовлетворение требований армии, укрепление и «восстановление» римского гражданства, четкая работа государственного аппарата и его «приспособление» к новым условиям — таков «вариант» Цезаря, отличавшийся от вышеперечисленных проектов и реформ, отличавшийся не как абстрактный идеал «империи» от не менее абстрактного идеала «полиса», но как практический план, продиктованный всей конкретной обстановкой, от теоретических и «кабинетных» измышлений.

\* \* \*

Реформаторская деятельность Цезаря, его напряженная работа по «восстановлению государственного строя» была прервана необходимостью срочного выезда на последний, но для Цезаря отнюдь не новый, театр военных действий: в Испанию. Здесь создалось довольно серьезное положение. Некоторые командиры войск, находившихся в Испании (где, кстати сказать, Помпей издавна имел большое количество сторонников), вошли в сношения с помпеянами в Африке, откуда вскоре прибыли Гней Помпей, которому и было передано верховное командование<sup>130</sup>, а затем Секст Помпей, Лабий и Аттий Вар<sup>131</sup>. Лузитаны и кельтиберы присоединились к Помпею и под его знаменами собрались большие силы — до 13 легионов<sup>132</sup>. Легаты Цезаря, Квинт Фабий Максим и Квинт Педий, оказались не в состоянии самостоятельно справиться с таким серьезным противником, и только флот под командованием Гая Дидия имел некоторые успехи<sup>133</sup>. Таким образом, Цезарю, несмотря на его явное нежелание, усугублявшееся пребыванием в Риме Клеопатры<sup>134</sup>, пришлось лично отправиться в Испанию.

Однако он отбыл из Рима не раньше, чем провел ряд текущих мероприятий по управлению провинциями, а также самим Римом. Что касается провинций, то Цезарь позаботился о назначении наместников на 45 г.; в самом же Риме, не имея времени организовать выборные комиции, он вступил на несколько иной путь. Будучи облечен властью диктатора (в третий раз) и консула (также в третий раз), он назначил *magister equitum*, а следовательно, и своим заместителем на время отсутствия из Рима М. Эмилия Лепида, кстати сказать, тоже консула<sup>135</sup>. Ему

<sup>129</sup> См. стр. 242.

<sup>130</sup> Dio Cass., 43, 30; ср. [Caes.], b. Hisp., 42.

<sup>131</sup> Dio Cass., 43, 31; Plut., Pomp. 74; 78; Cato min. 56.

<sup>132</sup> [Caes.], b. Hisp., 30; Cic., ad fam., 6, 18, 2; App., b. c., 2, 103.

<sup>133</sup> Dio Cass., 43, 28; [Caes.], b. Hisp., 2.

<sup>134</sup> Dio Cass., 43, 27; Suet., Iul., 52.

<sup>135</sup> Dio Cass., 43, 33.

он придал коллегию из восьми *praefecti urbis*, имевших ранг преторов<sup>136</sup>. Были проведены только выборы народных трибунов и плебейских эдиров<sup>137</sup>. Видимо, уже после того как Цезарь отбыл в Испанию, были также проведены (под председательством Лепида) и центуриатные комиции, на которых Цезарь в четвертый раз избирается консулом, причем «без коллегии»<sup>138</sup>. Таким образом, Рим в 45 г. был оставлен без обычных магистратов, что уже случалось и раньше, например в 47 г.<sup>139</sup>

Как справедливо отмечает Эд. Мейер, отношение к испанской войне было в Риме довольно индифферентным<sup>140</sup>. Никто уже не верил, что борьба шла за восстановление республики, но лишь за власть между претендентами. В январе 45 г. Цицерон писал, что война едва ли будет продолжительной и что, хотя причины, побудившие противников взяться за оружие, довольно различны, но большого различия между победой той или другой стороны он не видит<sup>141</sup>. И тем не менее, именно в этих условиях Цезарю пришлось, как он в этом позднее сам признавался, впервые бороться не за победу, а за собственную жизнь<sup>142</sup>.

Цезарь выехал из Рима в начале декабря 46 г. и через 24—27 дней был уже в Испании<sup>143</sup>. Военная кампания велась с обеих сторон с большим ожесточением; силы противников были примерно равны<sup>144</sup>. Решительное сражение состоялось 17 марта 45 г. при Мунде<sup>145</sup>. Цезарь ожидал, что враг спустится в долину и перейдет ручей, протекавший между двумя позициями. Однако его расчеты не оправдались. В то время как легионы Цезаря приближались к ручью, помпеянцы и не думали сходить со своих высот. Легионы Цезаря остановились перед их грозной позицией. Завязалось ожесточенное сражение, исход которого долгое время был неясен; в некоторые моменты успех даже склонялся на сторону помпеянцев. Желая ободрить дрогнувшие ряды, Цезарь ринулся вперед и подбежал к вражеской линии, осыпаемый градом копий, пока не подоспели на выручку центурионы. К вечеру сражение было выиграно<sup>146</sup>.

---

<sup>136</sup> Dio Cass., 43, 28; Suet., Iul., 76.

<sup>137</sup> Suet., Iul., 76.

<sup>138</sup> Dio Cass., 43, 33; App., b. c., 2, 103.

<sup>139</sup> См. Ed. Meyer. Op. cit., S. 429.

<sup>140</sup> Ibid., S. 431.

<sup>141</sup> Cic., ad fam., 6, 4, 1.

<sup>142</sup> Dio Cass., 43, 37; App., b. c., 2, 104; Plut., Caes. 56; Suet., Iul., 36; Liv., ср. 115.

<sup>143</sup> App., b. c., 2, 103; Suet., Iul., 56.

<sup>144</sup> [Caes.], b. Hisp., 30.

<sup>145</sup> Dio Cass., 43, 36; [Caes.], b. Hisp., 28—31.

<sup>146</sup> App., b. c., 2, 104.

Вскоре Цезарю сдались Кордова, Гиспал и самый город Мунда<sup>147</sup>. Много видных помпеянцев или погибло в сражении, или покончило с собой. Гней Помпей был захвачен во время бегства и убит, а его голова показана народу в Гиспале<sup>148</sup>. Его младшему брату, Сексту Помпею, удалось скрыться<sup>149</sup>. Цезарь после битвы при Мунде задержался в Испании, очевидно, на довольно значительный срок (он вернулся в Рим только в октябре 45 г.)<sup>150</sup>, причем за время пребывания в Испании он провел ряд мероприятий: некоторым общинам были увеличены налоги, некоторым, напротив, даровано гражданство, а некоторые даже получили право называться *colonia civium Romanorum*<sup>151</sup>.

Победа при Мунде, когда весть о ней достигла Рима, внушила, по свидетельству самих древних, такой страх перед Цезарем и создала ему такую славу, какой никто и никогда не имел до него. Так, по крайней мере, говорит об этом Аппиан<sup>152</sup>. Этими же причинами он объясняет и безмерный, небывалый размах почестей, оказанных Цезарю после Мунды<sup>153</sup>. Нам уже приходилось касаться данного вопроса<sup>154</sup>. Однако мы говорили лишь о даровании Цезарю титулов императора, отца отечества, освободителя и о десятилетнем консулате (от которого он, кстати говоря, отказался), но не о других, быть может, менее реальных, но отнюдь не менее пышных почестях.

Так, сенатом было назначено пятидесятидневное благодарственное молебствие в честь победы<sup>155</sup>. Кроме того, сенат разрешил Цезарю появляться на всех играх в одеянии триумфатора, в лавровом венке, а также носить высокие красные сапоги, которые, по преданию, носили когда-то альбанские цари<sup>156</sup>. Сенат и народ постановили, чтобы Цезарь получил на Палатине *domus publica* и чтобы дни его побед были объявлены праздничными<sup>157</sup>. Во время *rostra circensis* его статую из слоновой кости проносили на роскошных носилках, кроме того, статуи Цезаря воздвигались в храме Квирина и среди изображений царей на Капитолии<sup>158</sup>. Это были уже такие почести, которые, по словам Светония, не оказывались до сих пор ни одному смертному<sup>159</sup>.

<sup>147</sup> Dio Cass., 43, 39; App., b. c., 2, 105; [Caes.], b. Hisp., 34—36.

<sup>148</sup> Dio Cass., 43, 40; App., b. c., 2, 105; Plut., Caes., 56; [Caes.], b. Hisp., 37; 39.

<sup>149</sup> App., b. c., 2, 105; Plut., Caes. 56; [Caes.], b. Hisp., 32.

<sup>150</sup> Vell., 2, 56.

<sup>151</sup> Dio Cass., 43, 39.

<sup>152</sup> App., b. c., 2, 106.

<sup>153</sup> Ibidem.

<sup>154</sup> См. выше, стр. 226.

<sup>155</sup> Dio Cass., 43, 42.

<sup>156</sup> Dio Cass., 43, 43; Suet., Iul., 45.

<sup>157</sup> Dio Cass., 43, 44; App., b. c., 2, 106.

<sup>158</sup> Dio Cass., 43, 14; 43, 45; Suet., Iul., 76.

<sup>159</sup> Suet., Iul., 76.

Вскоре после возвращения из Испании Цезарь отпраздновал новый (пятый!) триумф. Им было дано два угощения народу; первое из них показалось самому Цезарю чересчур бедным, и он повторил его через четыре дня<sup>160</sup>. Однако эти празднества (а Цезарь разрешил отпраздновать триумф еще двум своим легатам<sup>161</sup>) произвели на римлян самое тяжелое и неприятное впечатление, ибо кровавая победа была одержана над согражданами, а не над чужеземцами<sup>162</sup>.

Вслед за триумфом Цезарь сложил с себя звание консула «без коллеги» и провел выборы новых консулов на оставшиеся три месяца<sup>163</sup>. На эти же три месяца вместо городских префектов, очевидно, были избраны преторы и квесторы (в соответствии с *lex Iulia de magistratibus*<sup>164</sup>). Таким образом, положение в государстве как будто полностью нормализовалось: последняя кампания гражданской войны была победоносно окончена, видимые враги сокрушены, управление Римом и провинциями все более входило в упорядоченную колею, сам же Цезарь, окруженный неслыханными до того в Риме божескими почестями, пребывал на вершине славы и могущества.

Именно отсюда берет свои истоки мифологизация личности Цезаря, представление о нем, как о гении и сверхчеловеке. Это представление начало складываться еще у современников, подтверждением чего, в первую очередь, могут служить соответствующие высказывания Цицерона<sup>165</sup>. Однако следует отметить, что суждения современников и ближайших потомков были куда сдержаннее и реалистичнее, чем неумеренные восторги новейших историков. Это обстоятельство совершенно справедливо подчеркнул в интересной работе Штрасбургер, указав на то, что Цезарь, даже в глазах своих ближайших сторонников, не был великим государственным деятелем и реформатором. Истинным преобразователем государства, по мнению Штрасбургера, следует считать не Цезаря, но Августа<sup>166</sup>.

Что касается оценки Цезаря в новой и новейшей историографии, то необходима оговорка относительно необозримости литературы, посвященной данному периоду римской истории и, в частности, деятельности и личности самого Цезаря. Поэтому мы остановимся лишь на нескольких представляющих наибольший интерес и самостоятельность работах.

Пожалуй, первым и достаточно ярким примером телеологической и, вместе с тем, восторженной оценки личности (и дея-

<sup>160</sup> Dio Cass., 43, 42; Plut., Caes., 56; Suet., Iul., 37—38; Liv., ep. 116.

<sup>161</sup> Dio Cass., 43, 42.

<sup>162</sup> Plut., Caes., 56.

<sup>163</sup> Dio Cass., 43, 46; Suet., Iul., 76.

<sup>164</sup> Dio Cass., 43, 47; 50.

<sup>165</sup> См., например, Cic., Phil., V, 18.

<sup>166</sup> H. Strassburger. Caesar im Urteil der Zeitgenossen. «Historische Zeitschrift», 175, 1953, S. 225—264.

тельности) Цезаря является оценка, данная еще в первой половине прошлого века Друманом<sup>167</sup>, который, чрезвычайно высоко ставя Цезаря, одновременно весьма презрительно третирует Цицерона. Такой взгляд был, прежде всего, определенной реакцией на отношение к двум указанным деятелям Нибура, ибо последний высказывался о них диаметрально противоположным образом. Но, пожалуй, наиболее характерной чертой всего построения Друмана был его телеологизм: по его мнению, Цезарь вынашивал планы достижения единовластия и установления абсолютной монархии чуть ли не с юношеских лет — еще при жизни Суллы он понимал, что республика себя изжила. Помпей и Красс были лишь пешками в его руках, завоевание Галлии было сознательной подготовкой гражданской войны, т. е. борьбы за единовластие.

Друман в своей оценке личности и деятельности Цезаря был, до известной степени, предшественником Моммзена. Оценка же или, вернее, апология Цезаря, высказанная в свое время Моммзеном<sup>168</sup>, оказала и продолжает оказывать огромное влияние на современную западную историографию. Это не значит, конечно, что все последующие исследователи безоговорочно присоединялись к Моммзсну, но почти все воздавали должное силе и «неотразимости» его характеристик, а те, кто пытался дать иную оценку Цезаря как исторической личности, все же невольно отталкивались в своей полемике от образа, столь ярко обрисованного Моммзеном.

Цезарь для Моммзена — беспримерный творческий гений, первый и единственный император, идеальный монарх. Он — великий полководец, оратор, писатель, но все эти свойства для Цезаря — второстепенные, всего этого он достиг только потому, что был, в полном смысле слова, государственным человеком (Staatsmann). Основная же особенность его деятельности как государственного человека — полнейшая гармония. Поэтому ему и удавалось то, что было недоступно другим государственным деятелям — сплочение под своей властью самых разнородных элементов и «коалиций», т. е. проведение надсословной, надклассовой политики, результатом которой было возрождение римской и эллинской «наций». Давно известно, что на моммзеновскую оценку Цезаря — грешащую, кстати сказать, достаточно ярко выраженным телеологизмом — оказали большое влияние события 1848 г. и эта оценка в какой-то мере отражала чаяния немецкой либеральной буржуазии, мечтавшей об объединении Германии под властью надклассового и демократического (!) монарха.

<sup>167</sup> W. D r u m a n n. Geschichte Roms in seinem Uebergange von der republikanischen zur monarchischen Verfassung, 1. Aufl. 1834—44; 3 Aufl.: W. D r u m a n n — P. G r ö b e, I—VI, 1899—1929.

<sup>168</sup> Т. М о м м з е н. История Рима, III, стр. 379—474.

Наиболее яркой реакцией на моммзеновскую апологию Цезаря была точка зрения Ферреро<sup>169</sup>. Обычно его «Величие и падение Рима» даже в буржуазной историографии расценивается как произведение блестящее по форме, но дилетанское по существу, принадлежащее перу скорее памфлетиста, чем ученого. Что касается характеристики Цезаря, то она вытекает у Ферреро из его отрицательного отношения к телеологизму Друмана и Моммзена. Но это отрицательное отношение выявлено, пожалуй, слишком прямолинейно. Для Ферреро Цезарь никакой не государственный деятель, но блестящий авантюрист, иногда реализующий дерзкие планы, иногда оказывающийся игрушкой обстоятельств и случая. В начале своей политической карьеры Цезарь стремился добиться примирения между аристократами и демократами в соответствии с учением Аристотеля; как консул он пытался установить умеренно демократический строй по Периклову образцу. Ферреро считает, что Цезарь всячески стремился избежать гражданской войны, но допускал ошибку за ошибкой. После окончательной победы в этой войне положение Цезаря оказалось, как ни странно, отнюдь не прочным, восстановить государство он тоже оказался неспособен, о чем свидетельствует вся его организаторская деятельность, а расчеты на войну против парфян, как на предприятие, которое может в корне изменить политическое положение, были, конечно, совершенно фантастическими.

Эд. Мейер в своей неоднократно упоминавшейся уже работе «Монархия Цезаря и принципат Помпея» противопоставляет понятия о двух государственных системах: принципат и монархия. Принципат, по существу, — республиканская система; во главе государства стоит сенат, а принцепс сената является охранителем и защитником республиканских устоев. Теоретическое обоснование подобного государственного устройства дал Цицерон в своем трактате *De re publica*, практическое же осуществление это устройство нашло в принципате Помпея, а затем в политической системе, установленной Августом. Что касается Цезаря, то ему подобная система была чужда, он стремился к превращению Рима в монархию эллинистического типа. Характеристике Цезаря и его политических целей, помимо отдельных замечаний, рассеянных по всему тексту, посвящено две главы: «Личность и цели Цезаря» и «Цели Цезаря. Абсолютная монархия».

Эд. Мейер пытается определить не только политические цели Цезаря, но и его «индивидуальность», причем стремится это сделать, исходя из оценки характера «революционной обстановки». Он по мере сил и возможностей избегает телеологических «предсказаний». Что касается его мнения о Цезаре

---

<sup>169</sup> Г. Ферреро. Величие и падение Рима, II, М., 1916.

как о государственном деятеле, то оно достаточно высоко, и он решительно возражает против «часто выдвигаемого упрека, что Цезарь действовал лишь исходя из потребностей текущего момента и не создал ничего долговечного», напротив, «скорее образ, который он хотел придать государству, стоял перед его глазами совершенно ясно, и он осуществил его вполне последовательно в объеме, в котором это вообще было как-то возможно в отпущенный ему краткий срок»<sup>170</sup>. Эта последняя фраза свидетельствует, на наш взгляд, о том, что Эд. Мейеру, в его оценках деятельности Цезаря, не удалось все же в полной мере освободиться от телеологического подхода.

В чрезвычайно интересной работе Сайма<sup>171</sup> дается довольно трезвая и осторожная оценка Цезаря. Политические цели Цезаря определялись, по мнению автора, стремлением ликвидировать последствия гражданской войны. Поэтому авторитаризм Цезаря в значительной степени был вынужденным. Что касается стремления Цезаря создать из Рима монархию эллинистического образца, то Сайм — и не без оснований — считает все эти планы и идеи домислом современных нам историков.

Из русских историков на деятельности Цезаря и ее оценке в свое время довольно подробно останавливался Р. Ю. Виппер<sup>172</sup>. Для него также характерно стремление отойти от телеологического взгляда на деятельность Цезаря. Он пытается рассмотреть эту деятельность — как, впрочем, и самую личность Цезаря — в аспекте социальной истории поздней римской республики.

Р. Ю. Виппер говорит о Помпеевом принципате и о «политико-религиозной» идее восточного «царства» с «его апофеозом». У Цезаря, очевидно, после посещения Египта и Сирии, наблюдается это «влечение к Востоку, его формам жизни, обстановке, религиозным обрядам и понятиям». По мнению Р. Ю. Виппера, Цезарь, который в начале своей политической карьеры выступал в качестве «союзника римской демократической оппозиции», постепенно все дальше и дальше отходит от этих кругов. Он становится представителем «военного империализма», солдатским вождем, абсолютным монархом, опирающимся на военную силу. Однако это не является признаком прочности и устойчивости его «правительства». Все в большей степени Цезарь оказывается в зависимости от своих легионов и от «штаба своих военных фаворитов». Парадоксальность его положения заключается в том, что на вершине своего успеха он остается без «опоры против того самого элемента, который дал ему победу».

<sup>170</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 472; cp. S. 509.

<sup>171</sup> R. Syme. Roman Revolution, Oxford, 1939.

<sup>172</sup> Р. Ю. Виппер. Очерки истории римской империи. См. в особенности стр. 306—310.

Н. А. Машкин в уже известной нам работе «Принципат Августа» посвящает оценке личности и деятельности Цезаря фактически три главы: «Историография XIX—XX вв. о деятельности Цезаря», «Власть Цезаря» и «Социальные основы римского цезаризма». Для нас, в данном случае, наибольший интерес представляет последняя из названных глав<sup>173</sup>.

Н. А. Машкин довольно подробно рассматривает в ней вопрос о социальных основах, социальной сущности римского цезаризма. Вслед за кратким обзором литературы, он переходит к сравнительному анализу таких понятий как цезаризм и бонапартизм. Вывод автора сводится к следующему: римский цезаризм имеет некоторые общие черты с бонапартизмом. И тот и другой режим возникают в результате фактической узурпации власти. Для римского цезаризма исключительное значение имеет армия, превратившаяся в Риме из общегражданского ополчения в наемное войско. В области социальной политики для римского цезаризма, который все же вырастает из рабовладельческой демократии, весьма характерно лавирование между различными социальными группировками. Основное же и наиболее глубокое различие между бонапартизмом и римским цезаризмом заключается в отношении к классам современного им общества.

При дальнейшем изложении вопроса автор переходит к анализу и характеристике социальной опоры Цезаря. Он утверждает, что последний «стремился стать между двумя борющимися группами римского рабовладельческого общества» и что из этих двух групп «плебс не был ни единственной, ни главной опорой Цезаря». Его «партия» была составлена из разнородных элементов или, как указывает автор, «вокруг Цезаря группировались определенные круги римских всадников, богатых италийских муниципалов и знатных романизовавшихся провинциалов».

В заключение своего экскурса о римском цезаризме Н. А. Машкин поднимает вопрос о политических формах, характерных для античности. По его мнению, таких форм существовало лишь две: город-государство с его, как правило, республиканским (демократическим или аристократическим) устройством и монархия. Поэтому переход от города-государства был возможен только к монархии, а в этой монархии должен был раствориться сам Рим, который — в лучшем случае — мог остаться столицей мирового государства. И, наконец, по словам автора, «переход к монархии был вызван и социальными причинами: военная диктатура должна была оградить государство от массовых восстаний рабов и свободной бедноты».

Что касается оценок Цезаря в историографии последних лет, то здесь, пожалуй, можно проследить две тенденции. Одна

<sup>173</sup> Н. А. М а ш к и н. Принципат Августа, стр. 74—110.



из них характеризуется стремлением к трезвым, умеренным и, по возможности, объективным выводам (с учетом социальной борьбы в условиях римского общества I в. до н. э.). Эта тенденция представлена именами Штрасбургера (его работа упомянута выше<sup>174</sup>), Коллинза и др. С точки зрения, например, Коллинза, Цезарь был весьма активным политическим деятелем, но никоим образом нельзя считать, что он имел далеко идущие планы и четко намеченные цели. Кроме того, Цезарь после победы в гражданской войне (и под влиянием Клеопатры) был опьянен своей властью и своими успехами, а потому действовал нерасчетливо и, в общем, неразумно<sup>175</sup>.

Но наряду с этими «умеренными» высказываниями в новейшей историографии, несомненно, возрождается апологетическое (с сильным уклоном в телеологию) направление. Оно — вероятно, не случайно — представлено наиболее откровенным образом в немецкой послевоенной литературе<sup>176</sup>. Так, в своей общей работе по римской истории Корнеманн пишет, что еще в «союзе трех» Цезарь был, конечно, главной силой. Именно он привел в дальнейшем Рим от троевластия к единовластию и реформировал одряхлевший Gemeindestaat в Reichsstaat. Цезарь принадлежит уже новой эпохе, т. е. эпохе империи, которую он сам и вызвал к жизни. С тех пор Kaisertum во всем мире носит имя этого политического гения, строителя нового Рима, который начал свое великое дело еще как консул 59 г. и таким образом превратил эту дату в эпохальную и переломную дату всей римской истории<sup>177</sup>.

Не менее высокую (и с не меньшим телеологическим налетом) оценку дает Цезарю в «Римской истории» один из наиболее маститых историков ФРГ — Фогт. Он считает, что законодательство Цезаря (во время его консулата) имело своей целью ослабление режима и господства аристократии, а кроме того, в этом законодательстве отражены далеко идущие государственные задачи. Поэтому консулат Цезаря, это — определенная веха (Markstein) в истории Рима<sup>178</sup>. В результате же победы при Фарсале Цезарь получил то, к чему давно стремилась его жажда власти и его творческая сила — все римское государство.

<sup>174</sup> См. стр. 247.

<sup>175</sup> I. H. Collins, Caesar and the corruption of the Power, «Historia», 1955, № 4, p. 445—465.

<sup>176</sup> Я думаю, что к этому апологетическому (и телеологическому) направлению должна быть отнесена и работа итальянца Л. Парети (L. Pareti, L'essenza della concezione politica di C. Giulio Cesare, «Studi Romani», 1956, № 5, стр. 129—142), а также ряд статей, преимущественно научно-популярного характера, в сборниках, выпускавшихся на Западе к юбилею Цезаря в 1956 г.

<sup>177</sup> E. Kornemann, Römische Geschichte, I, 3. Aufl., bearb. von H. Bengtson. Stuttgart, 1954, S. 520—521.

<sup>178</sup> J. Vogt, Römische Geschichte. Erste Hälfte. Die römische Republik. Freiburg, 1955, S. 272.

Его законодательная деятельность в Италии и провинциях доказывает, что сознательной целью Цезаря было полное переустройство (*die Neugestaltung*) государства и общества.

В своей последней большой работе, которая на Западе привлекла широкое внимание, Тегер разбирает вопрос о «*Herrscherkultes*», в частности, по отношению к Цезарю<sup>179</sup>. Автор считает, что Цезарь имел своей целью построение нового государственного порядка. Он явно стремился к самодержавию и не собирался добровольно выпускать власть из своих рук, но хотел сделать эту власть наследственным достоянием своего рода. Несмотря на нелюбовь римлян к царской власти, он, тем не менее, называл себя потомком альбалонгских царей. Но в Риме царская власть была слишком тесно связана с древнеримской общиной и ее специфическими институтами, чтобы служить приемлемой основой для нового мирового государства. Поэтому Цезарь искал образцов и примеров в эллинистическом мире, причем не в поздних эпохах, а в Александре, который всегда стоял перед его глазами как высший идеал и соответствовал его «универсалистским» государственным идеям.

Новейшая из известных нам работ о Цезаре — это исследование Эренберга «Конечные цели Цезаря». В начале своей работы автор, сопоставляя существующие в литературе точки зрения на монархические тенденции Цезаря, высказывает желание судить о целях последнего только на основании фактов. В целом ряде случаев это обещание выдержано. Однако конечные выводы исследования едва ли покоятся на чисто фактической основе<sup>180</sup>. Так, Эренберг считает, что Цезарь «с проницательностью гения» пытался предвосхитить развитие двух-трех ближайших столетий. Конечная цель — быть не эллинистическим или римским царем, но «властителем империи» на особый лад. Цезарь уже подходил к такой форме правления, которая «материализовалась» значительно позже и которая, сочетая римско-эллинистические элементы с ориентальными, вылилась в «нечто новое». Таким образом, Цезарю суждено было стать «правителем империи» (*he was to be the ruler of an empire*), первым римским императором.

Таковы наиболее характерные оценки личности и деятельности Цезаря в современной историографии. Переходя к некоторым выводам, мы не собираемся в качестве итога находить какую-то равнодействующую этих оценок, еще в меньшей степени мы собираемся рисовать портрет Цезаря в том историко-литературном, почти беллетристическом, плане, как это остается модным поныне и как это впервые — и, несомненно, с наи-

<sup>179</sup> F. Taeger. *Charisma. Studien zur Geschichte des antiken Herrscherkultes*, II. Stuttgart, 1960, S. 50—88.

<sup>180</sup> V. Ehrenberg. *Caesar's Final Aims*. «Harvard Studies in Classical Philology», 68, Cambridge, 1964, p. 149—150; 160.

большой силой и талантом — было сделано еще Моммзеном. Наша задача скромнее: мы хотим лишь отметить несколько характерных черт, определяющих, на наш взгляд, облик Цезаря как государственного деятеля<sup>181</sup>.

Суммируя все вышеизложенное, мы, очевидно, можем прийти к следующему выводу. Какие бы то ни было соображения о «провиденциальном» характере деятельности Цезаря должны быть отвергнуты самым решительным образом. Анализ внутренней политики, проводившейся Цезарем, и его реформ убедительно свидетельствует о том, что он в этой области руководствовался, как правило, близлежащими задачами, вытекавшими из конкретной политической обстановки. В целом и даже в «перспективе» круг этих задач был обусловлен общей и вполне конкретной «целью» восстановления (или укрепления) государственного строя, расшатанного за годы гражданской войны.

Ставил ли перед собой Цезарь тоже как «цель» создание «империи», думал ли он о себе как о монархе, о царе? На первую часть этого вопроса можно ответить только отрицательно. Конечно, перед его умственным взором никогда не возникала концепция «демократической» монархии или «принципата» или монархии эллинистического типа, ибо все это — лишь ретроспективные конструкции новейших историков. Более того, в практике политической деятельности перед Цезарем не возникала, да и не могла возникнуть какая бы то ни было отвлеченная, теоретическая, «кабинетная» концепция государства. Расхождение его практической деятельности с подобными «кабинетными» проектами реформ Саллюстия или Цицерона убеждают нас в этом наиболее наглядным образом.

Цезарь, с его долголетним опытом политической деятельности, был сформировавшимся мастером политических интриг, комбинаций, борьбы. Он был «вождем популяров», который под конец своей карьеры вдруг очутился в роли государственного деятеля, даже главы государства. Поэтому он как деятель государственный и оказался, в лучшем случае, талантливым дипломатом (а, быть может, даже и «неудачником»). Во всяком случае, бесспорно то, что не он создал ту политическую систему, которая характеризует собой государственный строй так называемой «ранней империи». Поэтому наиболее объективная оценка государственной (и реформаторской) деятельности Цезаря, а также итогов этой деятельности и ее исторического значения возможна лишь в сопоставлении с той политической системой, которая сложилась при Августе и которая носит обычно название «принципат Августа».

---

<sup>181</sup> Мы ни в какой степени не касаемся деятельности Цезаря как полководца. Это — вопрос сугубо специальный, и он требует особого и самостоятельного исследования.

Что же касается намерений и стремлений Цезаря, связанных с царским венцом, то здесь, пожалуй, трудно прийти к какому-то определенному выводу. По всей вероятности, Цезарь — пусть даже с известными колебаниями — но все же примерялся к этой новой роли и не исключал возможности использования подобного варианта. Для нас в данном случае представляет интерес не самое это намерение как таковое, но два связанных с ним момента.

Во-первых, следует подчеркнуть, что стремление (если такое имелося) к царскому венцу отнюдь не равнозначно наличию идеи (или концепции) «империи», если под последней подразумевать некое теоретическое «построение». Во-вторых, вопрос о стремлении Цезаря к царской короне связан, на наш взгляд, с гораздо более существенным для историка вопросом о социальной опоре Цезаря и о том сложном, своеобразном и даже парадоксальном положении, которое создалось после Мунды, т. е. в последние месяцы жизни и правления Цезаря. Есть все основания остановиться на этих вопросах более подробно.

\* \* \*

Парадоксальность положения, сложившегося в Риме после битвы при Мунде, заключалась в том, что позиции Цезаря как диктатора именно в тот момент, когда он находился на вершине славы и видимого могущества, когда гражданская война была победоносно закончена, оказались не укрепившимися, а, наоборот, весьма существенно ослабленными. Каким же образом это произошло?

С момента возвращения Цезаря из Испании и по роковые иды марта 44 г. прошло всего пять месяцев<sup>182</sup>. За это время не было никаких крупных событий. Внешне все обстояло благополучно. Именно в этот период Цезарь выдвинул ряд широких планов, о которых нам уже приходилось упоминать<sup>183</sup>: от войны с парфянами и вплоть до осушения Помптинских болот. В ответ на все эти проекты сенат декретировал ему новые почести. Однако Цезарем не были забыты и более неотложные дела. Так, он провел *lectio senatus*, во время которого в соответствии с *lex Julia repetundarum* исключил из состава сенаторов ряд лиц<sup>184</sup> и, напротив, пополнил сенат своими креатурами, не останавливаясь перед дарованием сенатского звания отпущенникам и солдатам, в том числе даже происходящим из Галлии и только недавно получившим римское гражданство<sup>185</sup>. Очевидно,

---

<sup>182</sup> Vell., 2, 56.

<sup>183</sup> См. стр. 234.

<sup>184</sup> Suet., Iul., 43.

<sup>185</sup> Dio Cass., 43, 47; Suet., Iul., 76; 80.

в это же время число сенаторов было увеличено и доведено до 900<sup>186</sup>.

Затем были организованы выборы должностных лиц на 44 г. Во время этих выборов Цезарь, конечно, действовал на основании *lex Antonia*<sup>187</sup>, согласно которому он рекомендовал половину кандидатов<sup>188</sup>. Выборы состоялись в декабре, причем консулами были избраны: сам Цезарь и Марк Антоний<sup>189</sup>. В числе 16 преторов избранными оказались М. Юний Брут и Г. Кассий Лонгин; первому из них Цезарем была поручена *praetura urbana*, а второму — *iurisdictio inter peregrinos*<sup>190</sup>.

Затем состоялись выборы эдилов и квесторов. Во время квесторских выборов произошел такой инцидент: когда 31 декабря были созваны трибутные комиции, то стало известно, что умер консул 45 г. Кв. Фабий Максим. По распоряжению Цезаря, трибутные комиции были превращены в центуриатные и на последний день истекающего года консулом был избран Г. Каниний Ребил, легат Цезаря в африканской и испанской кампаниях<sup>191</sup>. Эта избирательная комедия дала пищу для остроумия Цицерона и не осталась незамеченной общественным мнением, складывавшимся не в пользу Цезаря и обвинявшим его в «тиранических замашках»<sup>192</sup>.

В 44 г. Цезарь был диктатором в четвертый раз<sup>193</sup>, а консулом — в пятый. Положение его казалось бесспорным; новые почести, определенные сенатом, соответствовали уже не просто царскому достоинству, но открытому обожещению. Так он во время занятий государственными делами мог пользоваться не просто курульным, но позолоченным креслом<sup>194</sup>, мог не только носить красные сапоги, как это делали некогда цари Альбы-Лонги, но даже имел право надевать «*vestis regia*»<sup>195</sup>. Было постановлено, чтобы дни побед Цезаря ежегодно отмечались как праздники, а каждые пять лет жрецы и весталки совершали молебствия в его честь; клятвы именем Цезаря считалась юридически действительной, а все его будущие распоряжения заранее получали правовую силу благодаря тому, что магистраты

<sup>186</sup> Dio Cass., 43, 47.

<sup>187</sup> Cic., Phil., VII, 6, 16.

<sup>188</sup> Suet., Iul., 41.

<sup>189</sup> Dio Cass., 43, 49.

<sup>190</sup> App., b. c., 2, 112; Plut., Caes., 62; Brut., 7; Vell., 2, 58.

<sup>191</sup> Cic., ad fam., 7, 30; ср. Dio Cass., 43, 46; Suet., Iul., 76; см. также [Caes.], b. Afr., 86; 93; [Caes.], b. Hisp., 35.

<sup>192</sup> Cic., ad fam., 7, 30, 1; Dio Cass., 43, 46; Plut., Caes., 58; Suet., Iul., 76; Macr., Sat., 2, 3, 6; 2, 2, 13.

<sup>193</sup> Ср. Dio Cass., 43, 49. Дион утверждает, что Цезарь в 44 г. был диктатором в пятый раз, но это неправильно.

<sup>194</sup> Dio Cass., 44, 11; Suet., Iul., 76; App., b. c., 2, 106; Plut., Caes., 61.

<sup>195</sup> Dio Cass., 44, 11; 46, 17.

при вступлении в должность присягали не противодействовать ничему из того, что постановит Цезарь<sup>196</sup>.

Цезарю была определена почетная стража из сенаторов и всадников, причем сенаторы должны были поклясться охранять его жизнь<sup>197</sup>. Для одного из самых старинных праздников — для Луперкалий наряду с коллегиями *Luperci Quintiliani* и *Fabiani* создавалась теперь третья коллегия — *Luperci Iuliani*<sup>198</sup>. Во всех святилищах и публичных местах совершались жертвоприношения и посвящения Цезарю; по всей Италии, в провинциях и во всех царствах, которые состояли с Римом в дружбе, устраивались в его честь различные игры<sup>199</sup>. Статue Цезаря оказывались те же знаки почитания, что и изваяниям богов<sup>200</sup>. Месяц квинтилий переименовывался в июль<sup>201</sup>, одна из триб голучала имя *Iulia* и, наконец, было решено посвятить Цезарю ряд храмов, в том числе один из них общий — Цезарю (как *Iurpiter Iulius*) и *Clementia*, причем обе фигуры должны были протягивать руки друг другу<sup>202</sup>. Все эти почести и решения должны были быть записаны золотыми буквами на серебряных колоннах, поставленных у подножия Юпитера Капитолийского<sup>203</sup>.

Нет ничего удивительного, что в этой обстановке общего сервилизма начинают возникать всякие слухи и разговоры о стремлении Цезаря к царскому венцу, тем более, что его ближайшее окружение своими иногда чуть ли не провокационными действиями давало достаточно серьезные основания для подобных подозрений.

Так, кто-то — рассказывает Аппиан — из тех, кто особенно поддерживал слух о стремлении Цезаря быть царем, украсил его изображение лавровым венком, оббитым белой лентой. Трибуны Марул и Цесетий разыскали этого человека и арестовали его под тем предлогом, что они этим делают нечто угодное Цезарю, который уже и раньше протестовал, если о нем говорили как о царе. По свидетельству того же Аппиана, Цезарь реагировал на этот инцидент вполне спокойно<sup>204</sup> и только, когда при возвращении из Альбы в Рим он был у городских ворот приветствуем как царь и когда народные трибуны снова разыскали инициатора этих приветствий и арестовали его, он

<sup>196</sup> App., b. c., 2, 106; ср. Dio Cass., 44, 50.

<sup>197</sup> Suet., Iul., 84; 86; ср. App., b. c., 2, 124.

<sup>198</sup> Suet., Iul., 76.

<sup>199</sup> App., b. c., 2, 106.

<sup>200</sup> Suet., Iul., 76.

<sup>201</sup> Ibid.; App., b. c., 2, 106.

<sup>202</sup> Plut., Caes. 57; App., b. c., 2, 106; Suet., Iul., 76.

<sup>203</sup> Dio Cass., 44, 7.

<sup>204</sup> App., b. c., 2, 108. Ср. Plut., Caes., 61; Suet., Iul., 79, где этот инцидент излагается несколько иначе — сильнее подчеркивается стремление Цезаря к царскому венцу.

(хотя обращение и было им самим отклонено), «потеряв терпение», выступил перед сенатом, обвиняя трибунов в том, что они коварно навлекают на него подозрение в стремлении к тираннии, и заявил, что считает их заслуживающими смерти, однако ограничивается лишением их должности и удалением из сената<sup>205</sup>.

Отрешение от должности трибунов, власть которых считалась священной и неприкосновенной, произвела крайне неблагоприятное впечатление. Вскоре после этих событий Цезарь был провозглашен *dictator perpetuus*<sup>206</sup>. Началась подготовка к парфянской войне. В Риме стали распространяться слухи о том, что в связи с походом столица будет перенесена в Илион или в Александрию<sup>207</sup>, а для того, чтобы узаконить брак Цезаря с Клеопатрой, будет предложен законопроект, согласно которому Цезарь получит разрешение брать себе сколько угодно жен, лишь бы иметь наследника<sup>208</sup>.

Новый инцидент, как будто подтверждающий монархические устремления и «замашки» Цезаря, произошел 15 февраля во время празднования Луперкалий. Марк Антоний, который был в это время не только консулом, но и магистром *Lupercorum Iulianorum*, подбежал к Цезарю и хотел увенчать его голову диадемой. Раздались довольно жидкие и, как пишет Плутарх, заранее подготовленные аплодисменты. Когда же Цезарь отверг диадему, то рукоплескал весь народ. Эта игра повторилась дважды, и Цезарь, учтя реакцию присутствующих, отдал распоряжение отнести диадему в Капитолий, в храм Юпитера<sup>209</sup>.

Однако все это вместе взятое создавало вполне определенную атмосферу недовольства. При выборах консулов на 43 г. большое количество голосов было подано за Марула и Цесетия — трибунов, столь несправедливо отстраненных Цезарем от должности<sup>210</sup>, на статуе полулегендарного Брута появилась надпись: «О, если бы ты жил!», а его потомок и носитель его славного имени обнаруживал на своей судейской трибуне, которую он занимал как *praetor urbanus*, такие воззвания: «Ты спишь, Брут!» или «Ты не Брут!»<sup>211</sup>.

Формировалось общественное мнение, формировался, если еще не конкретный заговор, то, во всяком случае, довольно

<sup>205</sup> Dio Cass., 44, 10; 46, 49; Suet., Iul., 79; App., b. c., 2, 108; Nic. Dam., Vita Caes., 20; Plut., Caes., 60—61; Anton., 12; Vell., 2, 68.

<sup>206</sup> App., b. c., 2, 106; Plut., Caes., 57; Suet., Iul., 76; Liv., ep. 116.

<sup>207</sup> Suet., Iul., 79; Nic. Dam., Vita Caes., 20.

<sup>208</sup> Suet., Iul., 52; Dio Cass., 44, 7.

<sup>209</sup> Suet., Iul., 79; Plut., Caes., 61; Anton., 12; Vell., 2, 56; App., b. c., 2, 109; Dio Cass., 44, 11; 45, 30; Nic. Dam., Vita Caes., 21.

<sup>210</sup> Dio Cass., 44, 11; Suet., Iul., 80.

<sup>211</sup> Dio Cass., 44, 11; App., b. c., 2, 112; Plut., Caes., 62; Brut., 9; Suet., Iul., 80.

явно выраженная оппозиция. Одним из наиболее ранних проявлений этой оппозиционности, которому следует придать определенный вес и значение, как то было сделано самим Цезарем, можно считать опубликование Цицероном его «Катона». Это произошло вскоре после отъезда Цезаря на испанскую войну и было наиболее злободневной сенсацией того времени<sup>212</sup>. Влияние этого произведения на римское общественное мнение было таково, что Цезарь счел необходимым, отдавая должное Цицерону как стилисту, представителю римской образованности и даже политическому деятелю<sup>213</sup>, тем не менее довольно резко возразить ему по существу, обрушившись на Катона с рядом гневных обвинений<sup>214</sup>. Известно также, что сочинение Цицерона не только встретило благожелательный прием, но вызвало к жизни ряд произведений подобного же направления, в том числе и «Катона» М. Юния Брута<sup>215</sup>.

Чрезвычайно интересно отметить, что в растущих и ширящихся оппозиционных настроениях становится все более и более заметной демократическая струя. Так, не следует забывать, что М. Юний Брут, один из главных руководителей будущего заговора, в соответствии с традициями той ветви рода Юниев, к которой он принадлежал, был убежденным сторонником «демократической партии»<sup>216</sup>. Совершенно справедливо указывает Эд. Мейер и на то, что оппозиционные настроения, постепенно расширяясь, распространились не только на таких сторонников сенатской республики, которые сделали попытку примириться с режимом Цезаря, но и на «демократов», разделявших взгляды Саллюстия, и даже на определенную часть приверженцев Цезаря<sup>217</sup>.

Тот же Эд. Мейер в качестве примера подобных настроений останавливается на одном из «демократических» памфлетов против Цезаря<sup>218</sup>. В этом произведении использована историческая традиция о процессе Л. Сципиона Азиатского. Когда тот был взят под стражу, то прибывший из Этрурии его брат, Сципион Африканский, силой вырвал его из рук служителей и трибунов. Тиберий Гракх, бывший в это время тоже трибуном, произнес речь, в которой он протестует против подобной дискредитации трибунской власти и достоинства со стороны частного лица. Оратор вспоминает о том, что раньше Сципион

<sup>212</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 434 ff.

<sup>213</sup> Plut., Caes., 3; Cic., 39; Plin., n. h., 7, 117.

<sup>214</sup> Cic., ad Att., 13, 46, 2; Dio Cass., 43, 13; App., b. c., 2, 99; Plut., Caes., 54; Suet., Iul., 56.

<sup>215</sup> Cic., ad Att., 12, 21; ad fam., 7, 24, 25.

<sup>216</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 451.

<sup>217</sup> Ibid., S. 530.

<sup>218</sup> Ibid., S. 531—532. Речь идет об одной «брошюре», включенной в повествование Ливия (38, 56, 5—13). Существо и тенденция этой брошюры, как указывает Эд. Мейер, впервые были оценены Моммзеном (Römische Forschungen, II, S. 502 ff.).



держался совершенно иначе, он даже упрекал народ тогда, когда его хотели сделать пожизненным консулом и диктатором, когда хотели воздвигнуть его статуи на комиции, рострах, курии, Капитолии и в часовне (cella) Юпитера. Он возражал против того, чтобы его изображение (imago) в триумфальном одеянии выносилось из храма Юпитера. А теперь, мол, он полностью разложился и переступил всяческие границы.

Излагая этот инцидент, Эд. Мейер, очевидно, вполне резонно замечает, что все перечисленные в рассказе почести<sup>219</sup> были немислимы во времена Сципиона, и под Сципионом Африканским, в данном случае, нужно иметь в виду Цезаря. Появление самого памфлета Эд. Мейер относит — в отличие от Моммзена<sup>220</sup> — к 44 г., т. е. считает, что он стал известен не ранее, чем Цезарь был объявлен dictator perpetuus.

Все вышеизложенное поясняет, на наш взгляд, с достаточной очевидностью то парадоксальное положение, в котором Цезарь оказался, вернувшись в Рим с испанской войны. После триумфа армия, конечно, была распущена. Вследствие этого Цезарь лишился единственной по тому времени организованной в политическом отношении и сплоченной силы, единственной своей надежной опоры. Что касается новых фракций господствующего класса, т. е. руководящих кругов муниципиев, богатых отпущенников, посаженных на землю ветеранов, то хоть Цезарь и являлся выразителем их интересов, но в это время они только (и в частности, благодаря Цезарю) еще «набирали силу» и не могли служить достаточно прочной опорой, как, впрочем, и сам Цезарь не мог еще стать достаточно решительным и последовательным проводником их классовых интересов. Предпринятая им lectio senatus, при которой в состав сената были включены и солдаты и отпущенники, а число сенаторов было доведено до 900<sup>221</sup>, конечно, была мало удовлетворительным (и даже жалким) паллиативом, если иметь в виду весьма сложный вопрос о социальной опоре. Именно поэтому Цезарю приходилось лавировать между этими homines novi и представителями староримских родов, заигрывая с последними и всячески привлекая их к себе, в особенности после окончания гражданской войны. Неизменной основой экономической и политической силы этих «староримлян» оставалось крупное землевладение, которое лишь впоследствии было подорвано экспроприациями вторых триумвиров.

«Демократические» слои населения, как мы могли в том неоднократно удостовериться<sup>222</sup>, еще после битвы при Тапсе на-

<sup>219</sup> За исключением сообщения об imago sua triumphali ornatu; см. Ed. Meyer. Op. cit., S. 531, Anm. 5.

<sup>220</sup> Ibid., S. 532, Anm. 2.

<sup>221</sup> См. выше, стр. 231, 233—234; 256.

<sup>222</sup> См. стр. 234—235, 243.

чали отходить от Цезаря, да они в силу ряда упоминавшихся выше причин<sup>223</sup> и не могли представлять собою в то время сколько-нибудь серьезную политическую опору. Более того, как мы только что видели<sup>224</sup>, оппозиция режиму Цезаря, переросшая затем в заговор, в значительной мере питалась именно этими «демократическими» кругами.

И, наконец, монархические «замашки» Цезаря, то ли существовавшие на самом деле, то ли всего лишь приписывавшиеся ему общей молвой — в данном случае это безразлично — оттолкнули от него не только бывших противников и «республиканцев», которые одно время рассчитывали на возможность примирения и альянса, но даже личных приверженцев. Таким образом и создалась парадоксальная ситуация: всеслышный диктатор, достигший, казалось бы, вершин власти и почета, на самом деле очутился в политической изоляции, а возникший и успешно реализованный заговор был закономерным проявлением слабости установленного им режима.

Как ни странно, но в огромной литературе о Цезаре до сих пор слишком редко отмечалось то обстоятельство, что заговор, осуществленный в иды марта, был далеко не первым<sup>225</sup> и что наши сведения о готовившихся покушениях на жизнь Цезаря восходят, по крайней мере, к 46 г. Так, в упоминавшейся уже речи Цицерона за Марцелла содержится ясное указание на то, что Цезарь обратился в сенат, с «жалобой» на готовящееся против него покушение, причем намекал, что оно исходит от лиц, принадлежащих к его ближайшему окружению<sup>226</sup>. Известно также, что в 45 г. один из видных офицеров Цезаря — Гай Требоний — замыслил покушение, рассчитывая убить Цезаря при его возвращении из Испании. Он даже пытался по этому поводу вступить в контакт с Марком Антонием, который, однако, не пошел ему навстречу, но, вместе с тем, и не выдал его Цезарю<sup>227</sup>.

Примерно в это же время подобными мыслями начал терзать себя Цицерон, правда, чаще всего в плане довольноно безопасных острот в частных письмах к друзьям<sup>228</sup>. Тем не менее эти его новые настроения стали широко известны, и не случайно в сентябре 44 г. Антоний причислял его к интеллектуальным вдохновителям убийства Цезаря, хотя заговорщики так и не решились доверить Цицерону свои замыслы<sup>229</sup>.

<sup>223</sup> См. стр. 173, 197.

<sup>224</sup> См. стр. 259.

<sup>225</sup> См., однако, I. P. V. Balsdon. The Ides of March. «Historia», VII, 1958, Hf. 1, p. 82.

<sup>226</sup> Cic., pro Marc., 21—23; ср. Suet., Iul., 75.

<sup>227</sup> Cic., Phil., II, 34; Plut., Ant., 13.

<sup>228</sup> Cic., ad Att., 12, 45, 3.

<sup>229</sup> Ed. Meyer. Op. cit., S. 457.

Последний заговор сложился в самом начале 44 г.<sup>230</sup> В него было вовлечено более 60 человек. Интересен состав заговорщиков: кроме главарей заговора М. Юния Брута, Г. Кассия Лонгина и таких видных помпейцев, как, например, Кв. Лигарий<sup>231</sup>, Гн. Домиций Агенобарб, Л. Понтий Аквила<sup>232</sup> (и еще нескольких менее заметных фигур), все остальные участники заговора были до недавнего прошлого явными сторонниками Цезаря: Л. Тиллий Цимбр, один из наиболее близких к диктатору людей<sup>233</sup>, Сервий Гальба, легат Цезаря в 56 г. и его кандидат на консульство в 49 г.<sup>234</sup>, Л. Минуций Базил, тоже легат Цезаря и претор 45 г.<sup>235</sup>, братья Публий и Гай Каска<sup>236</sup>, причем первый из них был уже избран трибуном на 43 г.<sup>237</sup> Еще более симптоматичным явлением следует считать вступление в число заговорщиков только что упоминавшегося Гая Требония<sup>238</sup> и, наконец, Д. Юния Брута, который был весьма близок к Цезарю именно в это время<sup>239</sup>.

Цезарь, видимо, знал или догадывался о том, что его жизни угрожает опасность. И хотя он отказался от декретированной ему почетной стражи<sup>240</sup>, сказав, что не желает жить в постоянном страхе<sup>241</sup>, тем не менее, когда его предостерегали относительно Антония и Долабеллы, он отвечал, что не боится людей, которые любят жизнь и умеют наслаждаться ею, ему внушают более серьезное опасение люди бледные и худощавые. В данном случае Цезарь явно намекал на Брута и Кассия<sup>242</sup>.

Тем временем подготовка к новой, т. е. парфянской, войне шла полным ходом. Прежде всего предусматривалось упорядочение текущих дел на время похода. Видимо, в конце февраля состоялись комиции, на которых были избраны консулы на 43 и 42 гг.; что касается преторов и других должностных лиц, то они были определены лишь на текущий год<sup>243</sup>. В основном, закончились и чисто военные приготовления: в Иллирии, Ахайе и Македонии, в общей сложности, было уже сосредоточено 16 легионов пехоты и 10 тыс. всадников<sup>244</sup>. Цезарь намечал

<sup>230</sup> Plut., Brut., 10.

<sup>231</sup> Plut., Brut., 11—12; App., b. c., 2, 113; Dio Cass., 44, 14.

<sup>232</sup> Cic., Phil., II, 11, 27.

<sup>233</sup> Ibidem.

<sup>234</sup> Cic., ad fam., 6, 18, 3.

<sup>235</sup> Dio Cass., 43, 47; cp. Cic., ad fam., 6, 15.

<sup>236</sup> Cic., Phil., II, 11, 27.

<sup>237</sup> Cic., Phil., XIII, 15, 31; Dio Cass., 4, 52.

<sup>238</sup> См. стр. 261.

<sup>239</sup> App., b. c., 2, 146; Plut., Ant., 11; Suet., Iul., 83.

<sup>240</sup> Dio Cass., 44, 7; Plut., Caes., 57.

<sup>241</sup> Plut., Caes., 57.

<sup>242</sup> Plut., Caes., 62; Brut., 8; Anton., 11.

<sup>243</sup> Dio Cass., 43, 51.

<sup>244</sup> App., b. c., 110; cp. Cic., ad fam., 7, 30, 3.

свой отъезд к войску на 18 марта (в Македонию)<sup>245</sup>, а 15 марта предполагалось заседание сената, во время которого, как ожидали, квиндецемвир Л. Аврелий Котта (консул 65 г.) должен был, основываясь на предсказании, найденном в «Сивиллиных книгах», относительно того, что парфян может победить лишь царь, провести в сенате решение о награждении Цезаря соответствующим титулом<sup>246</sup>. Плутарх и Аппиан сообщают про несколько смягченный вариант этого проекта решения сената: титул царя присваивался Цезарю, так сказать, по отношению к провинциям и союзным государствам, по отношению же к Риму (и Италии) Цезарь оставался по-прежнему императором и диктатором<sup>247</sup>.

Заседание сената 15 марта и было избрано заговорщиками в качестве дня и места приведения их планов в исполнение, дабы не голосовать за проект Л. Котты<sup>248</sup>. Убийство Цезаря и предшествовавшие ему чудесные предзнаменования весьма драматично описаны рядом древних авторов<sup>249</sup>. По иронии судьбы труп заколотого кинжалами заговорщиков диктатора остался лежать у подножия восстановленной им на этом месте статуи его давнего противника — Помпея. Сенаторы в страхе разбежались. Только через некоторое время появилось трое молодых рабов; они положили Цезаря на носилки, с которых свешивалась его рука, и отнесли тело домой. Об этом рассказывает Светоний<sup>250</sup>. И, может быть, из всех подробностей, сообщаемых нам об убийстве Цезаря, данная деталь наиболее драматична — эта бессильно свесившаяся с носилок рука, которая еще несколько минут тому назад управляла миром и мановение которой отзывалось во всех, даже самых отдаленных, уголках orbis terrarum.

---

<sup>245</sup> App., b. c., 2, 111; 114.

<sup>246</sup> Cic., de div., 2, 54, 110; Dio Cass., 44, 15; Suet., Iul., 79.

<sup>247</sup> App., b. c., 2, 110; Plut., Caes., 64.

<sup>248</sup> Suet., Iul., 80.

<sup>249</sup> Dio Cass., 44, 15; 17; 19; Plut., Caes., 62; 63; 66; Brut., 8; 12; 15; 17; App., b. c., 115; 116; 122; Suet., Iul., 75; 80; 82; 86; Nic. Dam., Vita Caes., 23; 25; 26 etc.

<sup>250</sup> Suet., Iul., 82.

## Заключение

---

**И**зложением истории диктатуры Цезаря мы завершаем рассмотрение нашей темы. Это — условный рубеж, но хорошо известно, что так называемые исторические рубежи очень часто оказываются условными и спорными. Что касается «падения республики», то, следуя за некоторыми авторами, изложение событий можно доводить до 31 г. или 27 г., но с не меньшим правом можно не включать в это изложение даже диктатуру Цезаря. Причем, во всех этих случаях устанавливаемые рубежи будут не менее условными.

В предлагаемой работе мы рассмотрели наиболее важные, с нашей точки зрения, процессы, характеризующие кризис и разложение Рима как полиса. Это прежде всего процесс разложения материальной основы полиса — античной формы собственности. Он тесно связан с глубокими социальными изменениями и новой расстановкой классовых сил: на историческую арену выступают новые фракции господствующего класса, изменяется социальный состав (и самое понятие) римского плебса, возникает профессиональная, корпоративно-замкнутая армия. Разложение античной формы собственности опосредствованно отражается и в сфере надстроечных институтов: упадок римских комиций, распространение гражданских прав сначала на италиков, а затем и на провинциалов.

Мы проследили развитие всех этих процессов, главным образом, на их конечной, завершающей стадии, но нет сомнения в том, что разложение Рима-полиса началось достаточно рано. Уже после покорения Италии Рим не только и не «просто» полис, но глава целой федерации полисов, что, конечно, не могло не привести к каким-то внутренним, структурным изменениям. После Пунических войн Рим — глава не только итальянских общин, но и ряда заморских владений. Это опять некое новое качество. Но тем не менее в окончательном разрушении римской полисной организации решающая роль должна быть отведена

не внешним, экстенсивным явлениям, но внутренним и интенсивным. Решающим толчком послужила общеталийская крестьянская революция, которая в своем развитии оказалась неизбежно направленной против Рима-полиса, со всеми его пережиточно еще сохраняемыми институтами, привилегиями, традициями.

Однако наша основная тема — кризис и падение Римской республики, а не только кризис полиса. Но не вытекает ли из вышесказанного вывод о том, что для нас эти явления совпадают? Подобный вывод неправилен; для нас понятие кризиса полиса отнюдь не покрывает проблему кризиса и гибели Римской республики. Прежде всего эти явления — одновременны. Если о первых симптомах кризиса Рима-полиса можно говорить, очевидно, со времени превращения Рима в главу италийской федерации, то кризис республиканских форм может быть обнаружен и прослежен лишь значительно позднее. Кроме того, понятие кризиса республики для нас — как только что указывалось — более широкое понятие. Если в смысле своего внутреннего, главным образом, социально-экономического содержания кризис республики может быть сведен (да и то не полностью) к тем основным процессам, которые обусловили кризис полиса, то в смысле своего «исторического оформления», т. е. политических событий и борьбы, он представляет собой картину более широкую, более сложную и далеко не совпадающую с описанием и анализом «основных процессов». Вот почему мы считали необходимым уделить достаточное внимание конкретно-историческим событиям, т. е. истории политической жизни и борьбы последних десятилетий существования Римской республики (вплоть до диктатуры Цезаря).

В заключение нам хотелось бы кратко остановиться на сравнительной характеристике «режимов» Цезаря и Августа, хотя эта задача, до известной степени, выходит за рамки избранной нами темы. Однако, как уже было сказано выше, полная и всесторонняя оценка государственной деятельности Цезаря (и его «режима»), на наш взгляд, возможна лишь в сравнении с государственной системой, оформившейся за время правления Октавиана Августа, т. е. в сравнении с так называемым «принципатом» Августа. Вероятно, такого рода сравнение, проводимое основательно и детально, требует особого исследования, но мы, в данном случае, ограничимся лишь сопоставлением некоторых выводов и соображений самого общего характера.

Более того, мы вовсе не собираемся проводить указанное сравнение в плане: монархия — диархия — республика или эллинистическая монархия — принципат или, наконец, в плане характеристики того же принципата как формы правления, а заодно и его правовых основ, поскольку все эти аспекты проблемы именно потому и занимали (в огромной степени) современную

историографию, что целиком были творением и конструкцией ее собственных представителей. Отвлекаясь от этих, по существу, модернизаторских конструкций, попытаемся лишь сопоставить некоторые характерные черты «режимов» Цезаря и Августа. Причем терминами «режим Цезаря» или «режим Августа» мы пользуемся условно, с той оговоркой, что считаем данные «режимы» не столько продуктом деятельности или творением поименованных исторических личностей, сколько порождением определенной обстановки и условий социально-политической борьбы.

Учитывая данную оговорку для всего сказанного ниже, мы считаем вполне допустимым утверждать — в противовес наиболее распространенной точке зрения, существующей со времени выхода в свет неоднократно цитированной нами работы Эд. Мейера о монархии Цезаря — тот факт, что Август, в принципе, был последовательным учеником и продолжателем Цезаря. Однако не говоря уже о различии темпераментов, следует прежде всего подчеркнуть различие методов, по поводу которых один немецкий историк не без остроумия заметил, что Август как бы затормозил темпы, взятые в свое время Цезарем, причем в такой степени, что создавалось впечатление, что он не столько продолжает политическую линию Цезаря, сколько противопоставляет себя ей<sup>1</sup>. Этот же историк говорит о крайней «осторожности» Августа, которая часто заставляла предполагать другое, нежели он в действительности желал. Но наш историк не отрицает, что Август во многих отношениях был продолжателем Цезаря<sup>2</sup>.

Рассуждая в этом плане об Августе, очевидно, следует иметь в виду, по крайней мере, два обстоятельства. а) Август отнюдь не огульно продолжал все то, что в свое время было сделано или только намечено Цезарем, но, так сказать, «творчески» отбирал (или отбрасывал) отдельные элементы этого наследства. б) Нечто, уже «отобранное», что у Цезаря, как правило, было вызвано к жизни «текущими потребностями», а потому и выглядело лишь намеком или довольно изолированной акцией, Август развивал в «систему». В основе этих особенностей, а также «методов» лежало, по существу, более глубокое различие — различие между действиями «вождя популяров» и государственного деятеля. Вот почему «режим» Цезаря был не чем иным, как суммой отдельных мероприятий (пусть иногда очень талантливых, своевременных и даже имеющих важное государственное значение), но отнюдь не системой и, строго говоря, даже не режимом, в то время как «режим» Августа — это уже явно государственная система.

<sup>1</sup> L. Wickert. Caesars Monarchie und der Prinzipat des Augustus. «Neue Jahrbücher für antike und deutsche Bildung», 1941, Hf. 1, S. 20.

<sup>2</sup> Ibidem.

Для рассмотрения интересующего нас вопроса, очевидно, необходимо ознакомиться с данной «системой», хотя бы в ее самых общих, но, в то же время, и наиболее характерных чертах. На этом наше сопоставление «режимов» Цезаря и Августа можно будет считать завершенным.

Прежде всего «режим» Августа отличался от Цезарева хотя бы тем — и этот момент отнюдь не следует считать легковесным, побочным, не заслуживающим серьезного внимания — что система (или форма) правления, установившаяся при Августе, получила официально признанное наименование. Это была *res publica restituta* и подобное утверждение поддерживалось всей мощью правительственной пропаганды. Кстати сказать, именно при Августе политической пропаганде начинает придаваться чрезвычайно важное значение и она впервые приобретает черты государственной организации.

Следовательно, всякое открытое несогласие с официальным названием существующего режима могло рассматриваться как вредное инакомыслие, как своего рода фронт, и потому в зависимости от воли принцепса могло более или менее решительно подавляться. Во всяком случае, был дан заверенный государством эталон. Роковой же ошибкой Цезаря как политического деятеля было то досадное обстоятельство, что его «режим» не имел никакого официально выраженного наименования и, следовательно, возможность его определения предоставлялась как бы самим гражданам. Они же довольно единодушно определяли его не иначе как *regnum*, тирания и т. п.<sup>3</sup>

Соответствовало ли официальное название режима Августа его внутреннему содержанию? Конечно, нет! Это великолепно понимал сам Август, это понимали или, во всяком случае, могли понимать его современники и подданные, но это уже не имело решающего значения. Едва ли на самом деле важно, насколько всерьез современники Августа верили в то, что он является богом, важно лишь то, что официально он считался таковым и в его честь воздвигались вполне реально существовавшие жертвенники и храмы. Также обстоит дело и с лозунгом *res publica restituta*, который был уже не только лозунгом, но и официально признанным определением реально существовавшего государственного строя<sup>4</sup>.

Из сказанного следует, что «принципат» Августа — едва ли не первый в истории пример режима, основанного на политическом лицемерии, да еще возведенном в принцип. Это — государственная система (с течением времени довольно четко сложившаяся и выраженная), которая совершенно сознательно и цинично выдавалась официальной пропагандой вовсе не за то,

<sup>3</sup> Cic., ad fam., II, 27, 8; Plut., Caes., 60—61; Brut., 9.

<sup>4</sup> См., например, CIL, VI, 1527, 31670; ILS, 8393; Bruns, Fontes<sup>7</sup>, 126.



чем она была на самом деле. Однако при подобном понимании «режима» Августа, т. е. сущности «принципата», становится более чем очевидным второстепенное, подсобное значение тех его атрибутов, которые нередко принимались многими (и даже серьезными) исследователями за «чистую монету». К такого рода атрибутам, безусловно, относится и пресловутая *auctoritas* Августа, которая с момента находки *Monumentum Antiochenum* оказалась в центре внимания всех исследователей принципата и которая то признается, то, наоборот, не признается государственноправовой основой этого политического режима<sup>5</sup>. То же самое может быть сказано по поводу всех других попыток уяснить существо принципата, исходя при этом из формально-юридических критериев и понятий.

Каковы же, с нашей точки зрения, не формально-юридические, не государственноправовые, но социально-политические основы «принципата» Августа? Этих основ несколько, и на первое место среди них мы считаем нужным поставить не что иное, как новый бюрократический аппарат империи. Мы ставим его на первое место, хотя полностью сознаем тот факт, что он не мог превратиться в главную опору императорского режима уже при Августе. Однако если рассматривать роль правительственного аппарата в перспективе, то несомненно, что в дальнейшем он превращается в подобную опору нового режима и настолько, что возникает даже возможность говорить о «диктатуре» этого аппарата (применительно к поздней империи).

Огромное возрастание роли правительственного аппарата связано с тем, что он был призван вытеснить выборные — и наиболее демократические — органы полисно-республиканского устройства Рима. Этот процесс вытеснения мы можем проследить, начиная со времени Цезаря. Так, например, как указывалось выше<sup>6</sup>, Цезарь, уезжая в последний раз на войну в Испанию, назначил для управления Римом на время своего отсутствия *praefecti urbis*, заменив ими выборных магистратов. Назначение префектов города неоднократно практиковалось Августом (и его преемниками). Кроме того, звеньями правительственного аппарата становятся назначаемые Августом прокураторы, легаты, префекты претория и императорских провинций, а также друзья (*amici*) и спутники (*comites*) императора<sup>7</sup>.

Из какой же социальной среды вербовался бюрократический аппарат при Августе? В соответствии с существовавшими еще в республиканские времена традициями, восходящими к созда-

---

<sup>5</sup> См. обзор литературы вопроса: Н. А. Машкин, Принципат Августа, стр. 338—376; ср. С. Л. Утченко. Идеино-политическая борьба..., стр. 224—232, а также Н. Volkman. Der Prinzipat des Augustus, «Neue Jahrb. f. ant. und d. Bild.», 1938, Hf. I; К. Höhn. Augustus und seine Zeit. Wien, 1953.

<sup>6</sup> См. стр. 244—245.

<sup>7</sup> Н. А. Машкин, Принципат Августа, стр. 405—408.

нию аппарата при наместниках провинций, Август пополнял правительственный аппарат в значительной мере людьми, находившимися от него в той или иной форме личной зависимости: клиентами, отпущенниками, рабами<sup>8</sup>.

Второй и не менее важной основой нового режима мы считаем, конечно, армию. Римская армия в период гражданских войн после смерти Цезаря имела не меньшее политическое значение и использовалась в качестве политической организации не в меньшей степени, чем при Цезаре. Но когда устанавливается прочный мир и утверждается единое державное положение Августа, то задачи, стоявшие перед ним по отношению к армии, само собой разумеется, довольно существенно меняются. О «диктатуре легионов» теперь не может быть и речи. Армия как политическая сила и политическая опора нового режима, несомненно, остается, но она должна быть введена в определенные рамки, должна быть «обузdana», т. е. должна прекратить существование в качестве самостоятельного политического фактора. Эту задачу Август, как считают некоторые исследователи, выполнил, заменив «чрезвычайные» армии (*the emergency army*) республиканской эпохи постоянной армией мирного времени, но в масштабах времени военного<sup>9</sup>. Кроме того, Август внес важное изменение в положение офицерского состава, поставив во взаимосвязь офицерскую и гражданскую карьеры. Этим он сумел избежать двух опасностей: армии, насыщенной офицерами-профессионалами, или, напротив, армии, в которой профессионалами являются лишь солдаты, но не их командный состав. Найденный Августом компромисс оказался весьма удачным, он стал краеугольным камнем всей его военной реформы<sup>10</sup>. По мнению других исследователей, Августу удалось «расколоть единый фронт центурионов и солдат» тем, что он не стеснялся, вопреки обычаю, обещать — когда это было ему выгодно — сенатские должности центурионам. Он делал это от случая к случаю, но зато стал систематически разрешать лицам, принадлежавшим к всадническому сословию, вступать на высшие офицерские должности без предварительной службы в армии. Таким образом, «корпус центурионов» (*Zenturionenkorps*) начал постепенно дифференцироваться<sup>11</sup>.

Следующей по значению опорой режима Августа мы считаем новые слои господствующего класса, точнее говоря, господствующий класс в его трансформированном виде. Что следует понимать под этой трансформацией, разъяснялось уже неоднократно<sup>12</sup>. Как и Цезарь, быть может, даже с большей

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> R. E. Smith. *Op. cit.*, p. 70.

<sup>10</sup> *Ibid.*, p. 73—74.

<sup>11</sup> W. Schmitthener. *Op. cit.*, S. 15—17.

<sup>12</sup> См. стр. 16—17; 31—32; 223; 260; 264.

последовательностью, Август стремился направить представителей этого класса в «русло» сената. Сенат, как известно, в правление Августа играл выдающуюся роль, но взаимоотношения между сенатом и принцепсом были довольно сложными. Август, несомненно, чрезвычайно считался с сенатом, но, вместе с тем, стремился держать его деятельность под своим постоянным контролем, не говоря уже о том, что принимал самое непосредственное участие в формировании его состава.

Точными данными о составе сената при Августе мы, однако, не располагаем. Можно лишь с большой долей вероятности утверждать, что он пополнялся главным образом за счет муниципальной аристократии. Так, нам известно, что император Клавдий в своей речи по поводу предоставления *ius honorum* уроженцам галльских колоний говорил: «Дед мой божественный Август и Тиберий Август хотели, чтобы в этой курии был цвет колоний и муниципиев»<sup>13</sup>. Как справедливо замечает в этой связи Н. А. Машкин, в составе сената времен Августа встречаются лица, происходившие почти из всех областей Италии, причем многие из них были всадниками, достигшими сенаторского звания на военной службе<sup>14</sup>. История взаимоотношений между принцепсом и сенатом — особый и далеко не простой вопрос, которого мы здесь не можем касаться во всех его деталях<sup>15</sup>. Бесспорно лишь одно: несмотря на все сложности и нюансы этих взаимоотношений, сенаторское сословие (в его трансформированном виде), конечно, представляло собой одну из опор нового режима.

И, наконец, следует сказать хотя бы несколько слов о такой основе этого режима, как провинции. Разделение всех провинций на сенатские и императорские вовсе не случайно явилось одним из самых первых актов, связанных с установлением принципата<sup>16</sup>. Тот факт, что в ведение императора отходили вновь завоеванные и пограничные провинции, свидетельствовало о тесной связи двух проблем в условиях нового режима: провинций и армии.

В вопросе о роли и значении провинций для «принципата» Августа мы считаем возможным опереться на выводы Н. А. Машкина. На наш взгляд, он совершенно правильно подчеркивает, что при Августе провинции из придатка к городу Риму, из «поместий римского народа», как называл их еще Цицерон, начинают превращаться в части единого политического целого<sup>17</sup>. Это сказывается, прежде всего, в том, что начинает

<sup>13</sup> Gruns, Fontes 7, 52.

<sup>14</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 443.

<sup>15</sup> Подробно о взаимоотношениях между Августом и сенатом см. P. Sattler, Augustus und der Senat, Göttingen, 1960, хотя по своим выводам эта работа представляется нам мало интересной.

<sup>16</sup> Dio Cass., 53, 12.

<sup>17</sup> Н. А. Машкин. Принципат Августа, стр. 504; 506.

меняться система управления провинциями, в частности, система взимания налогов. Произвол откупщиков существенно ограничивается. Рассмотрение дел о злоупотреблениях в провинциях переносится в сенат, кроме того, провинциалы — даже из сенатских провинций — получают право направлять своих представителей, выражающих претензии или жалобы, непосредственно к самому Августу<sup>18</sup>.

Наряду с этим, Н. А. Машкин подчеркивает определенную сдержанность, даже «скупость» Августа, когда речь идет о даровании прав римского гражданства. В этом смысле Цезарь действовал более смело и с большим размахом, хотя принципиальной разницы между политикой Цезаря и политикой Августа Н. А. Машкин не видит. Не менее справедливо, на наш взгляд, его замечание о том, что принудительной, насильственной романизации при Августе не существовало, а если и можно говорить о каком-то процессе слияния местных традиций, культуры, языка с римскими элементами, привносимыми колонистами, торговцами, ветеранами, ремесленниками и т. п., то следует иметь в виду постепенно развивающийся процесс<sup>19</sup>.

Таковы, с нашей точки зрения, некоторые характерные черты режима Августа или формирующейся в период его правления новой государственной системы. Если вернуться к вопросу о сравнении этой системы с «режимом» Цезаря и оценке последнего, то после всего вышеизложенного нетрудно прийти к следующему выводу. «Режим» Цезаря не представлял еще собою определенной и к тому же сознательно продуманной системы, но сводился к сумме отдельных мероприятий, нужда в которых была, как правило, продиктована текущими событиями и запросами современной этим мероприятиям обстановки. Но именно поэтому некоторые из подобных мероприятий оказались преходящими, недолговечными, а другие — имеющими более основательное, даже «историческое» значение, тем более, что в любом случае названные мероприятия не были плодом прихоти или «свободного творчества» стоящей над классами личности. И, наконец, те из «мероприятий» Цезаря, которые в силу своей наиболее тесной связи с политической обстановкой и интересами господствующего класса оказались более долговечными, те и вошли — конечно, в несколько трансформированном, усложненном, а иногда и в «сознательно обдуманном» виде — в качестве органических звеньев или составных элементов в новую формирующуюся государственную систему, получившую затем название принципата Августа.

---

<sup>18</sup> Там же, стр. 469; 472.

<sup>19</sup> Там же, стр. 502; 504—505.

# Указатели\*

## Указатель имен

- Август см. Юлий Цезарь Октавиан  
Август  
Аврелий Антонин Каракалла, Марк 15, 222  
Аврелий Котта, Луций 263  
Аврелий Котта, Марк 213  
Автроний Пет, Публий 45  
Адриатическое море 234  
Азиний Поллион, Гай 58  
Азия 43, 53, 60, 66, 219, 235. Малая Азия 136, 149  
Акарнания 216  
Акилла 217  
Акций 19, 21  
Александр Македонский 54, 253  
Александрия 258  
Алерия 181  
Аллоброги 67  
Альба-Лонга 256  
Амфилохия 216  
Англия 82  
Анший Милон, Тит 118, 151, 152, 230  
Антоний Гибрида, Гай, 44, 45, 70, 73  
Антоний, Марк 19, 21, 75, 119, 143, 151, 166, 193, 194, 213, 215, 220, 230, 232, 256, 258, 261, 262  
Аполлон 69  
Аполлония 215  
Апеннинский полуостров 176  
Апенинцы 151, 234  
Аппиан 53, 57, 58, 65, 66, 72, 77, 117, 118, 126, 133—137, 149, 180, 181, 191, 193, 194, 213, 225, 231, 246, 257, 263  
Аппиева дорога 152  
Аппулей Сатурнин, Луций 79, 115, 133—135, 137, 180, 181, 184, 185, 187, 188, 191, 208  
Апулия 150  
Араузион 93  
Арверны 67  
Аргос 11, 14  
Ариовист 67  
Аристокбул 54  
Аристотель 5, 6, 12, 13, 97, 200, 249  
Армения 78, Малая Армения 234  
Арпин 208, 223  
Архит 97  
Асконий Педиан, Квинт 152  
Атина 208  
Аттий Бальб, Марк 59  
Аттий Вар, Публий 214, 244  
Аттий Лабиец, Тит 244  
Аттик см. Помпоний Аттик, Тит  
Аттика 14  
Ауксим 212, 214  
Ауфидий Луркон, Марк 53  
Афины 5, 8—13, 36, 85, 170, 209  
Афраний, Луций 53, 54, 215  
Африка 133, 137, 180, 213, 217, 219, 225, 226, 244  
Афцелиус (Afzelius, A.) 177  
Ахайя 133, 180, 216, 219, 239, 262  
Баднан (Badian, E.) 200, 208  
Балканский полуостров 49, 224  
Балсдон (Balsdon, I. P. V.) 261  
Бенгтсон (Bengtson, H.) 190, 252  
Биндер (Binder, I.) 123  
Блох (Bloch, G.) 61  
Борен (Boren, H. C.) 131  
Брейвене (Bruewaene, M. van der) 131  
Брехт, Кр. 96  
Брундисий 45, 224  
Брундисийцы 213  
Брунс (Bruns, C. G.) 267, 270  
Брут см. Юний Брут  
Бюхнер (Büchner, K.) 87, 97

\* Составил Г. А. Таронян.

- Вага 217  
 Валерии, род 20  
 Валерий Максим 181  
 Валерий Мессала Нигер, Марк 51  
 Валерий Публикола, Публий 88, 95, 102  
 Валерий Флакк, Луций 70  
 Варгунтей, Луций 45  
 Варий Сукронский, Квинт 93  
 Варрон см. Теренций Варрон  
 Ватиний, Публий 67, 70, 71  
 Веллей Патеркул, Марк 57, 58  
 Веррес, Гай 38  
 Веспасиан см. Флавий Веспасиан  
 Веттий, Луций 44, 70, 71  
 Византий 78  
 Виламовиц-Мёллендорф (Wilamowitz-Moellendorff, U. v.) 85, 100, 105\*  
 Виккерт (Wickert, L.) 266  
 Виллемс (Willems, P.) 104, 203  
 Виппер, Р. Ю. 3, 4, 34, 117, 130—132, 135, 138, 177, 179, 185, 189, 194, 250  
 Виришубский (Wirszubski, Ch.) 85, 86, 111  
 Виссова (Wissowa, G.) 106  
 Вифиния-Понт 219  
 Волатерры 181  
 Восток 41, 43, 60, 66, 78, 187, 191, 250  
  
 Габба (Gabba, E.) 175, 185  
 Габиний, Авл (трибун 139 г. до н. э.) 88  
 Габиний, Авл (консул 58 г. до н. э.) 49, 66, 72, 76, 77  
 Гадес 215  
 Гадитанцы 215, 235  
 Гадрумет 216  
 Галатия 78  
 Галлия 67, 219, 225, 248, 255, Трансальпийская Галлия 67, 180, Цизальпийская Галлия 67, 185, 220. Нарбонская Галлия 68  
 Галлы 67, 149  
 Ганнибал 126  
 Гардтхаузен (Gardthausen, V.) 4  
 Гаспаров, М. Л. 119  
 Гейзенберг (Heisenberg, A.) 85, 100, 105  
 Гёлер (Göhler, J.) 179, 180, 201  
 Гельцер (Gelzer, M.) 157  
 Геренний, Гай 73  
 Германия 27, 196, 201, 248; ФРГ 252  
 Герники 203  
 Гетулы 217  
 Гипподам 97  
 Гирций, Авл 212, 238  
 Гиспал 246  
  
 Глотц (Glotz, G.) 61  
 Гомфы 216  
 Гораций, Публий 92  
 Гортензий Гортал, Квинт 40, 45, 52, 70  
 Госцилий, Тулл 92  
 Гофман (Hoffmann, W.) 123, 126—128, 131, 132  
 Грант (Grant, M.) 227  
 Гракхи см. Семпронии Гракхи  
 Грёбе (Groebe, P.) 61, 156, 248  
 Греки 36, 97  
 Греция 35  
 Гундель (Gundel, H. G.) 88, 90, 95  
  
 Даки 234  
 Дельбрюк Г. 175, 177  
 Дельфы 216  
 Деший Мус, Публий 102  
 Джанелли (Giannelli, G.) 4  
 Джонс (Jones, A. H. M.) 120  
 Дивитиак 67  
 Дидий, Гай 244  
 Дикеарх 98  
 Дионисий Галикарнасский 100  
 Диррахий 49, 216  
 Долабелла см. Корнелий Долабелла, Публий  
 Домиций Агенобарб, Гней 262  
 Домиций Агенобарб, Луций 71, 72, 167, 213  
 Дрекслер (Drexler, H.) 157  
 Друмман (Drummann, W.) 61, 156, 166, 248, 249  
 Дьяков, В. Н. 35, 107, 158  
  
 Европа 26, 27, 123  
 Евфрат 53  
 Египет 225, 250  
 Еллинек (Jellinek, G.) 86, 90, 95  
 Ельницкий, Л. А. 140, 201  
  
 Жебелев, С. А. 134  
  
 Зама 218  
 Запад 22, 252, 253  
 Заттлер (Sattler, P.) 270  
 Зелинский, Ф. Ф. 35  
  
 Игнатенко, А. В. 180  
 Игувий 212  
 Игувишцы 212  
 Иллирик 67, 219  
 Иллирия 262  
 Илион 258  
 Испания 55, 56, 213, 214, 219, 226, 244—247, 255, 261, 268, Дальняя Испания 215

Испанцы 215

Истм 234

Италики 21, 23, 93, 113, 115, 133, 137, 138, 144, 177, 178, 180, 189, 202—204, 206, 208, 209, 211, 222, 264

Калатия 231

Каллаики 55

Кальвисий Сабин, Гай 215

Кальпурний Бестия, Луций 42

Кальпурний Бибул, Марк 50, 56, 60, 63—65, 69—71, 118, 192

Кальпурний Пизон Фруги, Гай 71

Кальпурний Пизон Цезоний, Луций 66, 72, 76, 77, 238

Кальпурния 66

Кампания 181, 231

Капиний Ребил, Гай 256

Капитолий 134, 166, 246, 258, 260

Капуя 150, 200

Каракалла см. Аврелий Антонин Каракалла, Марк

Карбон см. Паприй Карбон

Каркоино (Сагсорино, J.) 57, 61, 70, 74, 182, 184, 188

Кармон 215

Карфаген 101

Касилин 231

Кассий Вицеллин, Спурий 63

Кассий Кокцейан, Дион 57, 58, 61, 228, 256

Кассий Лонгин, Гай 19, 215, 256, 262

Кассий Лонгин Равилла, Луций 162

Катилина см. Сергей Катилина

Катилинарии 40—42, 45, 77, 78, 119, 151

Катон см. Порций Катон

Кельтиберы 244

Кимвры 93, 133

Кипр 76, 77, 216

Клавдии, род 20

Клавдии Марцеллы, род 200

Клавдий, император (Клавдий Друз Нерон Германик, Тиберий) 270

Клавдий Марцелл, Гай 238

Клавдий Марцелл, Марк 238, 239

Клавдий Нерон, Тиберий (император Тиберий) 94, 120, 270

Клеопатра VII 244, 252, 258

Клисфен 27

Клодий Пульхр, Публий 33, 38, 51—54, 73—81, 118, 151—153, 171, 172, 233

Клодий, Секст 80

Клодия 42

Книдцы 235

Ковалев, С. И. 16, 23, 24, 26, 31, 35, 107, 143, 144, 157, 158, 195

Кокцей Нерва, Марк 121

Коллинз (Collins, I. H.) 252

Колобова, К. М. 14

Коммод см. Элий Аврелий Коммод, Луций.

Кордуба 215, 246

Коринф 11

Корнелии, род 20

Корнелии (вольноотпущенники Суллы) 150, 181, 182

Корнелии Сципионы, род 20

Корнелий Долабелла, Публий 230, 234, 262

Корнелий Лентул Крус, Луций 52

Корнелий Лентул Спинтер, Публий 165

Корнелий Лентул Сура, Публий 34, 150

Корнелий Непот 169

Корнелий Сулла, Публий 45

Корнелий Сулла, Сервий (брат предыдущего) 45

Корнелий Сулла, Фавст 66

Корнелий Сулла Феликс, Луций 4, 18, 20, 31, 32, 43, 48, 66, 93, 102, 108, 118, 119, 121, 136, 137, 139, 149, 150, 152, 156, 162—164, 177, 181, 182, 184, 185, 187—189, 191, 193, 195, 197, 229, 231, 234, 237, 248

Корнелий Сципион Азиатский, Луций 259

Корнелий Сципион Африканский Младший, Публий 36, 98

Корнелий Сципион Африканский Старший, Публий 102, 179, 227, 259, 260

Корнелий Сципион Назика Серапион, Публий 166

Корнелий Тацит 89—91, 93, 120, 121, 166, 168, 235

Корнелий Цетег, Гай 34, 45, 150

Корнелий Цинна, Луций 136, 137, 149, 158, 163, 164, 166, 191, 193

Корнеманн (Kornemann, E.) 57, 190, 252

Корсика 181

Корфиний 212, 213

Красс см. Лициний Красс, Марк

Кроль (Kroll, W.) 36

Кромайер (Kromayer, J.) 85, 100, 105, 174

Кудрявцев, О. В. 7, 16

Курий, Квинт 44

Курион см. Скрибоний Курион

Кюблер 88

Лаконика 13

Ланге (Lange, L.) 200

Ласт 157

Латинский Союз 203

- Латиняне 111, 127, 133, 198, 203, 206, 208, 210, 222  
 Ленгль (Lengle, J.) 92, 93, 96  
 Ленин, В. И. 26, 27, 30, 141, 146, 148, 153  
 Лентул см. Корнелий Лентул  
 Лепид см. Эмилиий Лепид  
 Лепта, Квинт 232  
 Лептис 217  
 Ливии, род 20  
 Ливий, Тит 57, 58, 88, 92, 94, 100, 102, 104, 105, 116, 126, 166, 168, 169, 175, 177, 179, 259  
 Лигарий, Квинт 262  
 Ликург 13, 98  
 Лициний Красс, Марк 35, 40, 42, 54, 55, 57, 58, 60, 61, 64—67, 72, 248  
 Лициний Лукулл, Луций 52, 54, 60, 66, 71  
 Лициний Макр, Гай 100, 101  
 Лициний Мурена, Луций 40, 41, 43, 117  
 Лузитаны 55, 244  
 Лукулл см. Лициний Лукулл, Луций  
 Луперкалии 257, 258  
 Лутаций Катул Капитолийский, Квинт 43, 60, 164, 226
- Мадзарино (Mazzarino, S.) 4  
 Македония 71, 73, 76, 133, 180, 215, 262, 263  
 Македонские войны 36  
 Манилий, Гай 50  
 Манлий Капитолийский, Марк 92  
 Мантинейя 12  
 Марианцы 135—137, 148—150, 156, 163, 181  
 Марий, Гай 15, 18, 19, 48, 50, 133, 134, 136, 137, 149, 162—164, 166, 174—176, 178—180, 183, 190, 191, 193, 217, 223, 237  
 Марквардт (Marquardt, I.) 201, 203, 204, 207—211, 220  
 Маркиш, С. П. 33  
 Марк, К. 7, 8, 14, 25—27, 30, 83, 110, 122, 124, 141, 146, 148, 154  
 Марцелл см. Клавдий Марцелл  
 Марций Филипп, Луций 179, 180, 185  
 Массилийцы 214  
 Массилия 11, 209, 214  
 Машки, Н. А. 17, 22, 24, 32, 61, 62, 79, 80, 107, 108, 157, 187, 195, 212, 221, 227, 228, 251, 268, 270, 271  
 Мейер, Кр. (Meier, Chr.) 67, 70, 71, 72  
 Мейер, Эд. (Meier, Ed.) 4, 32, 40, 41, 43—50, 57, 59, 63, 68, 70, 72, 74, 75, 77, 79, 81, 92, 96, 105, 130, 134, 183, 187, 220, 227, 231, 232, 234, 237—242, 245, 249, 250, 258—261, 266  
 Меммий, Гай 191  
 Меммий Гемелл, Гай 50, 72  
 Мстелл см. Цецилий Метелл  
 Метрополь 216  
 Милон см. Анний Милон, Тит  
 Мишуций Базил, Луций 262  
 Минуций Терм, Квинт 43, 212  
 Митридат VI Великий Эвпатор 54, 136, 137  
 Мишулин, А. В. 30, 144—146, 157  
 Момильяно 22  
 Моммзен (Mommsen, Th.) 4, 35, 39, 46—50, 61, 70, 74, 79, 83—90, 92—95, 103—105, 112, 118, 120, 121, 129, 130, 156, 166, 175, 182, 188, 190, 227, 228, 232, 248, 249, 254, 259, 260  
 Мунда 226, 245, 246, 255  
 Муция Терция 42, 53  
 Мюнцер (Münzer, F.) 131, 179, 180
- Назика см. Корнелий Сципион Назика Серапнон, Публий  
 Нерва см. Кокцей Нерва, Марк  
 Нибур 200, 248  
 Никий 6  
 Никольский, Н. М. 158  
 Нил 240  
 Ниший Квадрат, Луций 76  
 Нич, К. В. 188  
 Нола 137, 181  
 Ноний, Авл 191  
 Норбан Бульбус (Бальбус), Гай 93  
 Нумидийцы 217  
 Нурсия 223
- Океан 240  
 Октавии, род 117  
 Октавий, Марк 137, 163, 164, 191  
 Октавия Младшая 238  
 Орелли (Orelli) 43  
 Орик 215  
 Орхомен 216
- Паис (Pais, E.) 105  
 Палатин 45, 172, 246  
 Папирий Карбон, Гай 50  
 Папирий Карбон, Гней 137  
 Парети (Pareti, L.) 252  
 Парибени (Paribeni, R.) 228  
 Парфяне 197, 234, 249, 255, 263  
 Педий, Квинт 244  
 Перикл 10  
 Перузинская война 194  
 Петрей, Марк 45, 215, 218, 226  
 Пизон см. Кальпурний Пизон; Пуний Пизон  
 Пёшль (Pöschl, V.) 99



- Пистория 44  
 Пицен 212  
 Платон 5, 6, 13, 60, 97, 98  
 Плиний Секунд, Гай 53  
 Плутарх 42, 44, 53, 56—58, 61, 63, 64, 78, 117, 118, 225, 258, 263  
 Покок (Росок, Р.) 74  
 Покровский, И. А. 9, 84, 86, 110  
 Полибий 13, 96—100, 106, 127, 177  
 Помпей Великий, Гней 19, 20, 32, 38, 41—51, 53—55, 57—61, 63—67, 69—72, 74—76, 78, 102, 166, 182, 187, 192, 212, 213, 215, 216, 224, 237—239, 244, 246, 248, 249, 263  
 Помпей, Секст 143, 244, 246  
 Помпеяны 42, 213—218, 225, 238, 244—246, 262  
 Помпоний, Секст 87.  
 Помпоний Аттик, Тит 58, 69, 161, 165  
 Помптин, Гай 67  
 Помптинские болота 234, 255  
 Понт 225, 284. См. также Вифиния-Понт  
 Понтий Аквила, Луций 262  
 Порций Лека, Марк 45  
 Порций Катон Младший, Марк 38, 40—44, 50, 54—56, 60, 62, 64, 66, 68, 70, 74—77, 152, 192, 213, 217, 226, 237  
 Порций Катон Старший, Марк 36, 184, 223, 259  
 Постум, Гай 40  
 Пренесте 137  
 Провинция 224, Ближняя Провинция 215  
 Птолемей Авлет 65, 66  
 Птолемей Александр 76  
 Пунические войны 101, 114, 115, 125—128, 141, 175, 264  
 Пупий Пизон, Марк 45, 51  
  
**Рабирий, Гай** 91, 92, 96  
**Ранович, А. Б.** 23, 24  
**Реата** 223  
**Рейн** 240  
**Родос** 36, 216  
**Ромул** 60, 88, 163, 200  
**Россия** 26  
**Ростовцев, М. И.** 4, 17—19, 22, 24, 125, 127  
**Рубикон** 196, 212  
**Рудольф** 220  
**Рудорф (Rudorff, А. Е.)** 89, 93  
**Рустина** 216, 217  
**Рюбелинг (Rübeling, К.)** 167, 168, 171, 172  
  
**Сайм (Syme, R.)** 4, 20—22, 24, 41, 50, 57, 227, 250  
  
**Саллюстий Крисп, Гай** 12, 44, 45, 100—102, 106, 150, 158, 171, 173, 231, 234, 236, 237, 239, 241—244, 254, 259  
**Салона** 215  
**Сандерс (Sanders, Н. А.)** 59  
**Санктис (Sanctis, G. de)** 105  
**Самний** 177, 181  
**Сардиния** 213  
**Свевы** 67  
**Светоний Транквилл, Гай** 43, 57, 58, 66, 73, 166, 168, 194, 219, 228, 246, 263  
**Северы, династия** 222  
**Секваны** 67  
**Семпроний Гракх (Гай и Тиберий)** 9, 18, 29, 30, 79, 115, 117, 123, 128—132, 134, 138, 156, 158, 162, 163, 183, 184, 186, 188  
**Семпроний Гракх, Гай** 79, 115, 129—132, 156, 162  
**Семпроний Гракх, Тиберий** 100, 115, 129—131, 157, 162, 166, 259  
**Сергий Катилина, Луций** 33, 34, 38—40, 43—45, 51, 59, 67, 71—73, 81, 100, 150, 156, 158  
**Сервилий Главций, Гай** 134  
**Сервилий Исаврийский, Публий** 224, 229  
**Сервилий Каска, Гай** 262  
**Сервилий Каска, Публий** 262  
**Сервилий Рулл, Публий** 63, 139, 168, 182—185, 187, 188  
**Сервилий Цепион, Квинт** 93  
**Сервилий Цепион, Публий** 66  
**Сервилия** 71  
**Сергеев, В. С.** 157  
**Серторий, Квинт** 223  
**Сирия** 76, 250  
**Сицилийцы** 220  
**Сицилия** 133, 180, 200, 213  
**Скрибоний Курион, Гай (консул 76 г. до н. э.)** 52  
**Скрибоний Курион, Гай (трибун 50 г. до н. э., сын предыдущего)** 69, 71, 212  
**Смит (Smith, R. E.)** 175, 178, 185, 269  
**Солон** 12, 27  
**Софокл** 48  
**Союзническая война** 15, 18, 29, 30, 113—115, 123, 132, 135, 136, 138, 149, 176, 178, 179, 198, 204, 207—209  
**Спарта** 12, 13  
**Спартак** 30, 144—148  
**Сталин, И. В.** 30  
**Струве, В. В.** 167  
**Сулла см. Корнелий Сулла**  
**Сулланцы** 135—137, 148, 149, 163

- Сульпиций Гальба, Сервий 262  
 Сульпиций Лемония Руф, Сервий 40, 239  
 Сульпиций Младший, Сервий 40  
 Сульпиций Руф, Публий 135, 136, 191  
 Сильмон 213  
 Сципион см. Корнелий Сципион
- Табенцы 217  
 Тапс 217, 218, 224—226, 229, 231, 237, 243, 260  
 Тарракон 215  
 Тегер (Taeger, F.) 98, 253  
 Тейлор (Taylor, L. R.) 70, 71, 116, 120, 128, 157, 205  
 Тацит см. Корнелий Тацит  
 Теренций Варрон, Марк 64, 69, 215, 223, 234  
 Теренция 52  
 Тиберий см. Клавдий Нерон, Тиберий  
 Тибилетти (Tibilletti, G.) 119, 120  
 Тибр 234  
 Тибур 137  
 Тигран 54, 78  
 Тиздра 217  
 Тиллемон 3  
 Титий, Секст 180, 181  
 Транспаданцы 235  
 Требоний, Гай 261, 262  
 Тиллий Цимбер, Луций 262  
 Тулл Гостилий см. Гостилий, Тулл  
 Туллий Цицерон, Марк 6, 33—42, 45, 50, 52, 54, 55, 57—61, 63, 65, 69—71, 73—78, 80, 81, 87, 89—91, 96, 98—100, 103, 106, 116—119, 123, 132, 139, 150—153, 158—170, 172, 173, 179—181, 183, 192, 200, 212, 219, 223, 232, 234, 236—242, 244, 247—249, 254, 256, 259—261, 270  
 Тускул 223
- Уорд Фаулер (Warde Fowler, W.) 127, 129, 132  
 Уст (Oost, S. I.) 62, 68—71  
 Утика 217, 218, 225
- Фабии, род 20  
 Фабий Максим, Квинт 214, 244, 256  
 Фанний, Гай 71  
 Фарнак II 224  
 Фарсал 49, 167, 216, 225, 226, 252  
 Фейт (Veith, G.) 174  
 Ферреро, Г. 4, 44, 229  
 Фессалия 215, 216, 235  
 Фивы 216  
 Филотим 161, 165  
 Фиттинггоф (Vittinghoff, F.) 201, 202, 204—207, 210—212, 219—223  
 Флавий, Луций 54, 55, 63, 78, 183
- Флавий Веспасиан, Тит 121  
 Фламиний, Гай 77.  
 Фогт, И. (Fogt, I.) 4, 147, 192, 193, 195—197, 252  
 Фокида 14  
 Фолкман (Volkman, H.) 141, 177, 190, 193, 195, 268  
 Фонтей, Публий 73  
 Формии 208  
 Фракия 234  
 Франция 26, 27, 82, 143  
 Фрелих (Fröhlich) 182, 188  
 Фукидид 5, 6  
 Фунди 208  
 Фуцинское озеро 234  
 Фуфий Кален, Квинт 51, 52, 69, 216
- Хайнце, (Heinze, R.) 85, 164  
 Ханслик (Hanslik, R.) 57—59  
 Хвостов, В. М. 10, 110, 111, 114, 199  
 Хён (Höhn, K.) 268  
 Хитон (Heaton, J. W.) 79
- Цезаряны 216, 218  
 Цезарь см. Юлий Цезарь  
 Целий Руф, Марк 34, 230  
 Цепион см. Сервий Цепион  
 Цесетий Флавий, Луций 257, 258  
 Цецилии Метеллы, род 20, 41  
 Цецилий Метелл, Луций 237  
 Цецилий Метелл Критский, Квинт 54  
 Цецилий Метелл Непот, Квинт 40—45, 47, 60, 192  
 Цецилий Метелл Нумидийский, Квинт 133, 134, 164  
 Цецилий Метелл Пий, Квинт 55  
 Цецилий Метелл Пий Сципион, Квинт 226  
 Цецилий Метелл Целер, Квинт 40, 42, 44, 53—55, 67, 73  
 Цинна см. Корнелий Цинна, Луций  
 Цицерон см. Туллий Цицерон, Марк
- Чачери (Ciaceri, E.) 57
- Шварц (Schwartz, R.) 57  
 Шёнбауер (Schönbauer, E.) 202—207, 210, 222  
 Шервин-Уайт (Sherwin-White, A. N.) 114, 199, 204, 206  
 Шмиттнер (Schmittener, W.) 190, 193, 194, 269  
 Штаерман, Е. М. 9, 36, 140—142, 146—148, 151, 153  
 Штрабургер (Strasburger, H.) 157, 158, 160, 161, 166, 167, 247, 252  
 Шур В. 164

Эвбея 14  
Эдкок (Adcock, F. E.) 7, 227  
Эдуи 67  
Элий Аврелий Коммод, Луций 4  
Элий Ламия, Луций 77  
Эмилии, род 20  
Эмилий Лепид, Марк 34, 139  
Эмилий Лепид, Марк (сын предыдущего) 244, 245  
Эмилий Павел, Луций 71  
Эмилий Скавр, Марк 164  
Энгельс, Ф. 7, 25, 27, 28, 30, 83, 122, 124, 138, 146, 154  
Эпидий Марулл 257, 258  
Эпир 215, 219, 224  
Эренберг (Ehrenberg, V.) 253  
Эголийцы 209  
Этолия 215, 216  
Этрурия 151, 181, 259  
Этруски 149

**Юба I** 217, 218, 226  
Ювенций Латеренсий, Марк 71  
Югуртинская война 158, 179

Юлии, род 117  
Юлии Клавдии, династия 121  
Юлий Цезарь, Гай 4, 9, 12, 19—21, 24, 29, 32, 37, 38, 42—44, 46—52, 55—78, 80, 81, 93, 102, 107—109, 118—120, 123, 144, 148, 165, 168, 172, 173, 183—185, 187, 188, 190, 192—197, 204, 211—221, 224—270  
Юлий Цезарь, Луций 232  
Юлий Цезарь Октавиан Август, Гай 4, 19—24, 29, 32, 38, 48, 50, 75, 93, 94, 107—109, 117, 119—122, 143, 148, 175, 185, 190, 193, 194, 219, 221, 223, 228, 229, 239, 242, 247, 249, 254, 265—271  
Юлия 66  
Юнии, род 259  
Юний Брут, Луций 258  
Юний Брут, Марк 19, 71, 256, 258, 259, 262  
Юний Брут Альбин, Децим 262  
Юпитер Капитолийский 257. См. также храм Юпитера

## Предметный указатель

- Абсентеизм** 115—117, 121, 139.  
**Авгуры** 231  
**Автаркия** 14  
**Автократизм** 250  
**Автономия** 206, 209, 210, 235  
**Агонистики** 143  
**Анархия** 151  
**Аларии** 178. См. также *alarii*  
**Апелляция** 102  
**Аренда** 9  
**Ареопар** 11  
**Армия** 15, 18, 19, 32, 38, 39, 41, 43, 45, 80, 82, 136, 137, 173—179, 183, 187—197, 223, 244, 251, 260, 264, 269, 270. Также: войско 45, 49, 68, 90, 94, 125, 149, 151, 173, 195, 206, 212, 213, 218, 225, 244, 251, 262, вооруженные силы 177, 178. См. также солдаты, легион  
**Архе (афинская)** 14  
**Ауспиции** 118  
**Багауды** 143  
**База (материальная)** 11, 109, 112. Также: материальная основа 110, 113, 114, 121, 183, 189, 264. См. также базис  
**Базис (экономический)** 7, 8, 29, 113, 174. Также: экономическая основа 138, 154  
**Бонапартизм** 251  
**Буржуазия** 18, 19, 26, 27  
**Весталки** 256  
**Ветеран-колонист** 220  
**Ветераны** 17, 19, 65, 133, 134, 175, 179—182, 184—186, 188, 189, 191, 192, 194, 195, 210, 231, 260, 271  
**Вольноотпущенники** 17, 80, 118, 126, 136, 142, 149—152, 160, 161. Также: отпуск на волю 36, 80, 153, 199. См. также *libertini*, *manumissio iusta*, отпущенники  
**Восстание** 93, 94, 148  
**Восстания: италиков** 93, 208; италийского крестьянства 20; Лелида 34; провинциалов 23; рабов 23; 142, 144, 147, 150, 154, 155, 251; сицилийские 30, 143, 147; Целия и Милона (попытка к восстанию) 230. Также: бунт солдат 194, 230  
**Всадники (сословие)** 16, 21, 60, 61, 66, 77, 93, 119, 126, 141, 233, 251, 257, 270  
**Всадничество** 17, 35, 37, 126, 130, 131. См. также сословие (всадническое), *ordo equester*  
**Выборы** 40, 45, 53, 56, 57, 66, 69, 74, 84, 85, 104, 108, 116, 117, 119, 245, 247, 256, 258  
**Гаруспики** 163  
**Герусия** 11  
**Гладиаторы** 43, 80, 118, 151, 192. Также: гладиаторские группы 150  
**Гражданство** 9, 10, 15, 16, 84, 90, 198, 222, 246; римское гражданство 10, 15, 83, 84, 111, 113, 198, 203, 205, 207, 220—222, 244, 251; латинское гражданство 207; гражданский коллектив 9, 11, 109, 113, 183, также: община граждан 90, см. также община гражданская; гражданский статус 183; права гражданства 9, 10, 24, 110, 137, 205, 235; права римского гражданства 184, 203, 206, 230, 233, 271; права римских граждан 83; гражданские права 5, 10, 15, 105, 110, 111, 115, 130, 137, 178, 181, 189, 195, 198, 199, 208, 209, 211, 219—222, 229, 243, 264; граждане 6, 7, 9, 10, 13, 72, 80, 82, 85, 90, 111,

- 116, 136—138, 144, 149, 151, 161, 162, 170, 178, 179, 181, 182, 184, 190—192, 204—206, 208, 220, 226, 230, 232, 243, 267, римские граждане 9, 18, 33, 76, 92, 110—112, 117, 133, 155, 181, 183—186, 198, 199, 203, 206, 208, 210, 215, 220, 222, 223, 242, итальянские граждане 19; граждане полноправные 5, 8, 9, 111, 176, 190, 198, 206, 207; граждане неполноправные 9, 111, 176, 192, 204, 206; граждане бесправные 9; граждане активные 7, 169. Также: политические права 29; римские права 199, 204—208, 210, 211, 219, 220, 222, 223; латинское право 211; римская правоспособность 202; право голоса 109, 192, 203; сограждане 193, 217, 226, 247; неграждане 144. См. также община, *civitas*, *civis*, *ius*
- Двенадцать (XII) таблиц 105  
 Дезертирство 193  
 Декурион 232. См. также *decuriones*  
 Декурия 233  
 Демагог 79, 100, 168, 169  
 Держава 209; итальянская держава 208; мировая держава 18, 21, 22; римская держава 5, 16, 69, 97; средиземноморская держава 4, 85, 141, 154, 198  
 Дестинация 119, 120  
 Диархия 4, 265  
 Диктатор 45, 108, 119, 121, 181, 224, 226, 243, 244, 255, 256, 260, 261—263. См. также *dictator perpetuus*  
 Диктаторские полномочия 224, 229  
 Диктатура 21, 24, 39, 43, 62, 144, 148, 158, 195, 251, 268, 269; диктатура Суллы 4, 138, 139, 156, 182; диктатура Цезаря 4, 20, 29, 32, 224, 226, 264, 265  
 Династы 21, 78  
 Докимасия 10  
 Жеребьевка 183, 232  
 Жребий 52, 67, 203  
 Жрецы 256  
 Законопроект 52, 55, 63, 64, 76, 133, 134, 136, 139, 152, 180, 182—184, 187, 188, 191, 258  
 Законы см. *lex*, *leges*  
 Заложники 54  
 Игры 69, 116, 206, 225, 240, 246, 257  
 Избиратели 40  
 Илоты 13  
 Интеллигенты 19, 162  
 Интеллигенция 36, 37  
 Интерцессия 43, 76, 93, 118  
 Исотелия 9  
 Исторнография 17, 22—24, 30, 32, 35, 39, 57, 58, 107, 140—142, 147, 154, 156, 167, 175, 190, 195, 226, 228, 247—249, 251—253, 266  
 Календарь (реформа) 108, 233, 235, 236  
 Капитал 18, 125, 130  
 Капитализм 20, 26  
 Квестор 51, 71, 191, 231, 247, 256  
 Квиндецемвир 263.  
 Квириты 184, 230. См. также *quirites*  
 Клароты 200  
 Классы 17, 28, 29, 251, 271; рабовладельческий класс 4, 143, 144, 148; господствующий класс 5, 17, 28—32, 139, 147, 148, 152, 153, 209, 260, 264, 269—271; правящие классы 176, 211, 223; высшие классы 208; класс-гегемон 26, 145—147, 154; имущественный класс 175; класс свободных производителей 140, 141; эксплуатируемый класс 141, 146; угнетенный класс 209; класс рабов 140—142, 145—148, 152, 153; класс-сословие 141; сословное и классовое деление 142; также: классовые силы 29, 142, 264; классовая функция 9; классовая борьба 31, 113, 144—147, 154, 155. См. также сословие, *ordo*  
 Клиентела 157, 200—202  
 Клиентские отношения 201, 202, 207  
 Клиенты 80, 96, 129, 150, 200, 206, 217, 219, 269  
 Когорта 213, 215  
 Коллега 42, 43, 56, 60, 66, 67, 70, 81, 115, 118  
 Коллегия 51, 63, 119, 120, 245, 257; квартальные коллегии 75, 79, 151; Клодиевы коллегии 236; плебейские коллегии 80, 234; коллегия понтификов 51; религиозные коллегии 233. См. также *lucresii*  
 Колонизация 182  
 Колонии 109, 116, 133, 169, 180—182, 195, 202—206, 208, 210—212, 219—222, 243, 270; латинские колонии 203, 205, 208, 222. См. также поселение  
 Колонисты 133, 181, 202, 203, 271  
 Колоны 143, 144  
 Комиции 10, 11, 15, 29, 39, 45, 64, 65, 67, 70, 71, 73, 76, 84, 98, 100, 102—109, 111—121, 128, 139, 140, 153, 169, 180, 187, 191, 192, 203, 229, 234, 243—245, 256, 260, 262, 264. См. также собрание (народное)  
 Конница 177, 225

- Консул 21, 40, 41, 43, 44, 49—52, 54, 55, 57, 63, 67, 71, 73, 76, 77, 85, 88, 94, 98, 100, 101, 117, 119, 136, 137, 149, 183, 191, 224, 226, 229, 238, 244, 245, 247, 249, 252, 256, 258, 260, 262. См. также *consul*  
 Консулат 42, 60, 62, 63, 69, 70, 72, 73, 124, 197, 246, 252.  
 Консульство 38, 52, 70, 72, 73, 81, 119, 165, 212, 226, 234, 262.  
 Коррупция 116, 117, 121. См. также подкуп, *ambitus*  
 Космы 12  
 Кредиторы 55, 230  
 Крестьяне 18, 123, 126, 127, 144, 155, 181, 188  
 Крестьянство 18, 29, 30, 113, 123, 124, 126, 127, 129, 130, 135, 138, 144—147, 153—155, 176, 182, 188  
 Кушцы 18. См. также торговцы  
 Курия 44, 105, 115, 160, 260, 270
- Легат 41, 45, 53, 54, 67, 214, 220, 244, 247, 256, 262, 268  
 Легион 67, 68, 72, 175, 177, 178, 181, 194, 206, 215, 224, 231, 244, 245, 250, 262, 269. См. также армия  
 Легионарии 178. См. также солдаты.  
 Лексикографы 5  
 Либертины 10, 111, 127—129, 136, 141, 152, 198, 199. См. также *libertini*, вольноотпущенники  
 Ликторы 44, 115, 226
- Магистр (*Lupercorum Iulianorum*) 258  
 Магистрат 10—12, 68, 76, 84, 85, 90, 93—95, 102, 103, 115, 169, 191, 204, 233, 235, 243, 245, 256, 268  
 Магистратура 12, 15, 39, 42, 49, 84, 85, 90, 102, 117, 123, 203, 233. См. также *magistratus*  
 Метеки 8  
 Монарх 47, 248, 250, 254  
 Монархия 4, 19, 47, 50, 62, 87, 90, 98, 129, 144, 238, 248—251, 254, 265, 266. См. также *regnum*  
 Муниципалы 251  
 Муниципий 17, 109, 116, 150, 160, 202, 204—208, 210, 212, 213, 217—220, 222, 230, 260, 270. См. также *municipium*.
- Надстройка (политическая) 7, 138, 154, 189  
 Налог 210, 235, 246, 271. См. также *vestigal*, подати
- Наместник 68, 239, 244, 269  
 Нобили 21, 24, 139, 161, 171. См. также *nobiles*  
 Нобилитет 20, 29, 31, 100, 101, 117, 124—126, 128, 130, 131, 138, 156—158, 161, 164, 172, 173. См. также *nobilitas*  
 Община 8, 10, 78, 105, 137, 178, 186, 189, 192, 199—216, 218—222, 246, 264; гражданская община 6, 13, 15, 109—111, 113, 183, 198; патрицианско-плебейская община 88, 90; перегринская община 205; римская община 112, 208, 253. См. также *civitas*, гражданство
- Олигархия 16, 18, 20, 24, 115, 125, 126, 129  
 Оптиматы 43, 108, 156—173. См. также *optimates*  
 Отец отечества 226, 246. См. также *pater patriae*, *parens patriae*  
 Откупщики 60, 271. См. также публиканы  
 Отпущенники 36, 150, 151, 161, 255, 260, 269. См. также вольноотпущенники
- Патрициат 73, 87, 88  
 Патриции 29, 44, 123—125, 166, 169, 172. См. также *patricii*  
 Патронат 200  
 Патроны 96, 150, 200, 201, 206  
 Пауперизация 113, 126, 128, 181, 187, 188  
 Пелаты 200  
 Перегрины 9, 111, 114, 198, 206, 207, 221, 222. См. также *iurisdictio inter peregrinos*  
 Пенесты 200  
 Пираты 54, 143  
 Плебеи 29, 73, 88, 91, 123—125, 152, 166, 172. См. также плебе  
 Плебисцит 88  
 Плебе 27, 44, 88, 101, 107, 122—126, 128, 129, 131, 136, 138—141, 161—163, 169—171, 217, 233, 251; городской плебе 80, 116, 118, 127, 128, 131—135, 137, 139—141, 157, 180, 187, 197; италийский плебе 132, 138; римский плебе 21, 29, 79, 132, 133, 135, 138, 139, 153, 264; сельский плебе 79, 80, 127, 128, 131—135, 137, 139, 141, 145, 157, 180. См. также *plebs*  
 Племена 55, 88, 99, 200  
 Пленные 54  
 Подати 53, 55, 63, 210. См. также налог

- Подкуп 40, 52, 53, 68, 76, 116, 117, 234. См. также коррупция
- Полис 3, 5—14, 16, 31, 32, 97, 109, 110, 113, 132, 138, 139, 154, 155, 198, 203, 209, 222, 237, 242, 244, 264, 265
- Понтифик 51, 73, 106, 231, 233
- Популяры 72, 108, 156—158, 160, 162, 163, 166—173, 182, 184, 186—188, 197, 254, 264. См. также *populares*
- Поселение 127, 131. См. также колонии
- Поселенцы 203. См. также колонисты
- Послы 78, 217, 218
- Посольство 36, 216, 217
- Прерогатива 103, 104, 125, 139
- Претор 42, 44, 51, 52, 69, 70, 72, 78, 119, 152, 212, 230, 245, 247, 256, 262. См. также *praetor*
- Преторий 268
- Претура 56, 60, городская претура 38. См. также *praetura*
- Префект, городской 247, 268, префект претория 268. См. также *praefectus*
- Префектура 204, 212. См. также *praefectura*
- Принципс 21, 72, 95, 107, 108, 229, 249, 267, 270. См. также *principes*
- Принципат 21, 32, 48, 50, 249, 250, 254, 265, 268, 270, 271, принципат Августа 4, 239, 254, 267, 268, 271
- Пританы 10
- Провинциалы 21, 23, 68, 144, 222, 251, 264, 271
- Провинция 18, 21, 51, 53, 55, 56, 60, 63, 64, 67—70, 72, 76, 77, 125, 141, 182, 196, 209—214, 217—223, 235, 240, 244, 247, 252, 257, 263, 268—271; консульские провинции 233; преторские провинции 233
- Провокация (право провокации) 104, 105, 233. См. также *provocatio ad populum*, *ius provocationis*
- Производительные силы 25, 26
- Производственные отношения 25, 26; также: способ производства 26, 28, 142, 144, 154
- Проконсул 21
- Прокуратор 268
- Пролетариат 26, 30, 129, 145, 235, 243
- Пролетарии 18, 19, 145, 176, 179, 220
- Проскрипции 16, 17, 237
- Публиканы 66, 210. См. также откупщики
- Рабовладельцы 37, 112, 143, 144, 148
- Рабовладение 37, 140, 141, 154
- Работорговля 141
- Рабство 19, 37, 122, 140, 141, 145, 146, 152, эндогенное рабство 13
- Рабы 9, 23, 30, 31, 36, 37, 79, 80, 111, 118, 122, 137, 140—155, 195, 200, 251, 263, 269; беглые рабы 44; бегство рабов 146, 147; государство рабов 141; рабы-доносчики 150. См. также революция рабов
- Раздача хлеба 73, 80, 127, 225, 232, 234, 236, 243
- Революция 19, 20, 22—24, 28, 30—32, 113, 124, 129, 132, 135, 138, 144, 146, 154; крестьянская революция 31, 265; революция рабов 23, 30, 142—145, 147, 154; социальная революция 3, 17, 23, 25—29; движущие силы революции 28
- Религия 35, 200
- Ремесленники 80, 118, 126, 129, 2/1
- Рогация 51, 53. См. также *rogatio*
- Родство агнатское 201, когнатское 201
- Романизация 271
- Ростовщики 100
- Ростовщичество 241
- Рустификация 128, 131
- Сакросанктность 95
- Сенатор 21, 56, 63, 64, 76, 77, 119, 133, 141, 233, 238, 255, 257, 260, 263, дети сенаторов 17, 232
- Сенатусконсулт 53, 64, 75, 87, 88, 116, 117. См. также *senatusconsultum*
- Сервилизм 257
- Сецессия 88, 124
- Собрание, народное 9—12, 18, 43, 51, 52, 64, 83—85, 88, 102—105, 109, 112, 115, 118, 120, 126, 136, 139, 150, 152, 169, 199, 204, 215, 220. См. также комитии
- Совет (орган) 11
- Солдаты 53, 56, 183, 184, 187—194, 196, 197, 213, 220, 231, 243, 255, 260, 269. Также: воины 175, 184, 225, 230. См. также армия
- Сословие 16, 141, 142, 160, 164, 172; сенаторское сословие 16, 17, 54, 125, 126, 240, 270; всадническое сословие 16, 17, 54, 126, 132, 166, 269; привилегированное сословие 17, 126; высшие сословия 18, 19, 161; сословие плебеев 73, 135; сословие купцов 18; сословие рабов 36, 141, 148, 152; борьба сословий 101, 123—125, 127, 138, 169. Также: социальная прослойка 35; общественная прослойка 37, 38. См. также классы, *ordo*
- Союзник и друг римского народа 67. См. также *socius et amicus populi Romani*

Стоики 40  
Субскриптор 40  
Суверен 84, 85  
Суверенитет 39, 83—88, 94—96, 100—  
102, 104, 106, 122

Телеологизм 3, 248, 249  
Телеология 237, 252  
Тиран 68, 102  
Тирания 19, 169, 189, 193, 258, 267.  
См. также *tyrannus*

Торговцы 126, 129, 142, 271. См. также  
*mercatores*

Триба 88, 108, 116, 117, 119, 127, 128,  
136, 137, 152, 175, 181, 183, 191, 203,  
234, 257

Трибун 41, 51—54, 63, 64, 67, 69, 71,  
73—76, 79, 92, 93, 95, 96, 100, 115,  
133, 136, 139, 161, 166, 168, 179, 180,  
182, 183, 191, 225, 230, 233, 237, 245,  
257—259, 262. См. также трибунал

Трибунал 51  
Трибунал 33, 60, 73, 75, 79, 81, 130,  
180. См. также трибун

Триумвир 69—71, 74, 75, 78, 79, 260  
Триумвират 29, 57—62, 66—68, 72, 74,  
193, 194

Триумф 46, 53, 56, 69, 225, 226, 231,  
232, 234, 238, 240, 246, 260

Триумфатор 54, 246

Урбанизация 18, 127

Фасцы 64, 88, 95, 102

Философия 36, 97

Философы 36

Филы 13  
Формация 25—28

Хора 7  
Храмы: храм Квирина 246, храм Марса  
234, храм Юпитера 258, 260,  
храм Свободы 78 (храм в честь  
*Libertas* 172), храм в честь *Venus*  
*Genetrix* 225, *Clementia* (храм) 257

Царь 21, 53, 67, 83, 102, 104, 159, 227,  
228, 246, 254, 257, 263; цари Альбы-  
Лонги 253, 256; кипрский царь 152.  
См. также *rex*

Цезаризм 107, 251  
Ценз 127, 175; всеобщий ценз 232,  
243

Цензор 76, 121, 234  
Центурии 120, 128, 175  
Центурион 21, 194, 225, 269

Эдикт 15, 65, 69, 70, 121, 222, 233, 234.  
См. также *edictum*

Эдил 229, 231, 245, 256  
Эдилитет 50, 60

Экклесия 11  
Экспроприация 16, 127, 181, 185, 186,  
260

Эмиграция 243  
Эварий 69, 163, 237

Эфорат 12

Юриспруденция 40, 41  
Юрист 87, 110, 114, 121, 207

\* \* \*

*Ager assignatus* 186  
*Ager Campanus* 63, 65, 182  
*Ager divisus* 186  
*Ager Gallicus* 133  
*Ager publicus* 9, 29, 182, 185, 186, 189,  
202

*Ager Stellatis* 182. См. также *Campus*  
*Stellatis*

*Ager Volaterranus* 63  
*Agri occupatorii* 186

*Alarii* 177, 178. См. также аларии

*Ambitus* 53, 116, 117, 230. См. также  
коррупция

*Amici* 268  
*Amicitia* 20, 205

*Ἀνακλόγησις* 98  
*Aquae et ignis interdictio* 76, 93

*Ἄριστοι* 158, 159, 161, 164, 165, 171,  
172

*Arrogatio* 105, 106, 115

*Auctoritas* 21, 22, 268  
*Auctoritas patrum* 101—104

*Beneficia* 237, 243  
*Boni* 161—163, 165, 169, 172. См. так-  
же *vir bonus*

*Βουλή* 11

*Calceus* 199  
*Campus Martius* 108

*Campus Stellatis* 63, 65. См. также  
*ager Stellatis*

*Capite censi* 174, 176, 178, 179, 189  
*Capitis deminutio* 111

*Caput* 111, 112, 198  
*Cives facti* 10, 199

*Cives (civitas) minuto iure* 10  
*Cives nati* 10, 199

*Cives novi* 136  
*Cives (civitas) optimo iure* 10, 207



- Cives privati 90  
 Cives Romani 206  
 Cives sine suffragio 111, 198  
 Civis 208  
 Civis foederatus 207  
 Civis liber 207  
 Civis stipendiarius 207  
 Civitas 6, 8, 10, 90, 91, 111, 169, 170, 192, 198, 199, 202, 206, 208. См. также гражданство, община  
 Civitas libera 102, 202  
 Civitas libera et immunis 217  
 Civitas Romana 204, 208  
 Civitas sine suffragio 204, 208  
 Civitates dediticiae 210  
 Civitates foederatae 202, 203, 205, 206, 209  
 Civitates sine foedere immunes et liberae 209  
 Civitates stipendiariae 200  
 Clemen[?] 236, 237, 243  
 Colonia [?] также колонии  
 Colonia Romanorum 202, 203, 246  
 Coloniae latinae 203, 208  
 Coloniae Romanae 202  
 Comites 268  
 Comitia centuriata 109. См. также комитии, собрание (народное)  
 Concilium plebis 73  
 Concordia ordinum 38, 161  
 Consensus bonorum omnium 38, 161  
 Consul designatus 63. См. также консул  
 Consul sine collega 49, 50 (также: 245, 247)  
 Contio 40, 42, 51, 77, 183  
 Contio de edictis Bibuli 70  
 Crimen cupiditatis regni 92. См. также regnum, монархия, тирания.  
 Crimen minutae maiestatis 88, 89, 91—96, 106. См. также maiestas  
 Cura rei publicae 88  
 Cura restituendi Capitolii 43  
 Decuriones 204. См. также декурсион *Δεκουριωνες* 168, 171  
 Destinatio 119  
 Dictator perpetuus 227, 258, 260. См. также диктатор  
 Dies comitiales 108  
 Dies fasti non comitiales 75  
 Diribitorium 108  
 Divide et impera 201, 202, 209, 211, 223  
 Doctores (liberalium artium) 233  
 Dominium ex iure Quiritium 9, 14, 15, 110—112. См. также ius Quiritium  
 Domus publica 246  
 Duoviri perduellionis 91, 92. См. также perduellio  
 Dux partium 21. См. также partes, factio  
 Edictum provinciale 210. См. также эдикт  
 Exercitus Clodianus 80  
 Exercitus servorum 151  
 Factio 171, 172. См. также partes  
 Familia 73, 95, 110, 201  
 Fas 95, 96  
 Feriae 64  
 Φιλία 61  
 Foedera aequa et iniqua 206, 209  
 Foedus 204, 206, 210  
 Forum Iulium 225  
 Fundus 110  
 Γραφὴ παρανομῶν 10  
 Homines novi 16, 17, 20, 32, 164, 260  
 Honor 94  
 Hospitium publicum 205  
 Immunitas 211  
 Imperator 227—229  
 Imperium 94  
 Imperium infinitum 48  
 Imperium maius 227  
 Imperium proconsulare 121  
 Imperium Romanum 209, 234, 237  
 Iudicium populi 104, 119  
 Ius 95, 111 (Sui iuris 105; sui iuris et alieni iuris 201). См. также гражданство  
 Ius actionis 199  
 Ius civile 114  
 Ius commendationis 108, 119  
 Ius commercii 10, 11, 199, 203, 204  
 Ius conubii 10, 111, 199, 203, 204  
 Ius gentilitatis 199  
 Ius gentium 114  
 Ius honorum 10, 111, 199, 204, 208, 270  
 Ius Italicum 211  
 Ius Latii 203, 206  
 Ius privatum 110, 199  
 Ius provocationis 105, 106, 199, 207. См. также provocatio ad populum, provocация  
 Ius publicum 111, 199  
 Ius Quiritium 9, 14, 110—112, 114, 207. См. также dominium ex iure Quiritium  
 Ius sacrorum 199  
 Ius suffragii 10, 111, 169, 199, 204, 207  
 Iuris societatem habere 198  
 Iurisdictio inter peregrinos 256

- Lectio senatus 231, 233, 235, 243, 255, 260.
- Lex (leges) 103, 232
- Lex centuriata de potestate 121
- Lex curiata de imperio 115
- Lex data 209, 210
- Leges de imperio 121
- Leges de maiestate 92, 94
- Leges de modo agrorum 208
- Leges de potestate censoria 120, 121
- Leges de bello indicendo 103, 120
- Leges sacrae 96
- Lex Acilia Calpurnia de ambitu 117
- Lex Aelia Fufia 118
- Lex Antonia 256
- Lex Antonia de proscriptorum liberis 229
- Lex Appuleia agraria 133, 188
- Lex Appuleia de maiestate 89, 93
- Lex Appuleia frumentaria 133, 225
- Leges Appuleiae 155
- Leges Appuleiae de coloniis deducendis 133, 180, 208.
- Lex Calpurnia см. lex Acilia Calpurnia.
- Lex Cassia Terentia frumentaria 44
- Lex Clodia de censoria nomine 75
- Lex Clodia de collegiis 75
- Lex Clodia de Deiotaro et Brogitaro 78
- Lex Clodia de exilio Ciceronis 78
- Lex Clodia de iure et tempore, legum rogandarum 75, 79
- Lex Clodia de provinciis 76, 77
- Lex Clodia frumentaria 75, 76, 79, 80
- Lex Cornelia agraria 188
- Lex Cornelia de maiestate 93
- Lex Cornelia Fulvia de ambitu 116
- Leges Corneliae 118, 181
- Lex Flavia agraria 183
- Lex Fufia de religione 52
- Lex Gabinia de piratis persequendis 48
- Lex Sempronia frumentaria 162
- Leges Semproniae agrariae 166, 183, 188
- Lex Hirtia de pompeianis 238
- Lex Hortensia 124
- Lex Iulia de civitate danda (90 г. до н. э.) 113, 208
- Lex Iulia de actis Pompeii 66
- Lex Iulia de civitate Gaditanis danda 220, 230
- Lex Iulia de civitate Transpadanis danda 220, 230
- Lex Iulia de magistratibus 247
- Lex Iulia de meredibus habitationum annuis 230
- Lex Iulia de modo credendi et possidendi intra Italiam 230
- Lex Iulia de pecuniis mutuis 229, 230
- Lex Iulia de praetoribus decem creatis 230
- Lex Iulia de provinciis 233, 235, 236, 243
- Lex Iulia de publicanis 65, 72
- Lex Iulia de rege Alexandrino 65
- Lex Iulia de repetundis 68, 69, 73, 76, 225
- Lex Iulia de Siculis 220
- Lex Iulia de vi publica 233
- Lex Iulia iudiciaria 233, 235, 236, 243
- Lex Iulia municipalis 204, 220, 232, 235, 236, 243
- Leges Iuliae agrariae 183, 187, 192, 231
- Leges Iuliae de maiestate 93, 94, 96, 233
- Leges Iuliae sumptuariae 233, 236
- Lex Licinia Mucia 208
- Leges Licinae Sextiae 124
- Lex Mamilia Roscia Peducaea Alliena Fabia 225
- Lex Manilia de imperio Gn. Pompeii 48
- Lex Plautia Papiria 113, 208
- Lex Pompeia de ambitu 230
- Lex Terentia Cassia frumentaria см. lex Cassia Terentia frumentaria
- Lex Tullia de ambitu 117
- Lex Valeria de Sulla 121
- Leges Valeriae de provocatione 104
- Lex Varia de maiestate 93
- Lex Vatinia de provincia Caesaris 67
- Liberator 226
- Libertas 85, 111, 171, 211
- Libertini 161. См. также либертины, вольноотпущенники
- Luperci Fabiani 257
- Luperci Iuliani 257, 258
- Luperci Quintiliani 257
- Magister equitum 244
- Magistratus 90, 94, 95, 121. См. также магистрат, магистратура
- Maiestas 95, 96, 119. Minuta maiestas 93, 95. См. также crimen minutae maiestatis, quaestio perpetua de maiestate
- Maiestas magistratus 90, 94
- Maiestas populi (maiestas populi Romani) 88—91, 94—96, 106
- Maiestas senatus 90, 95
- Mancipium 201
- Manumissio iusta 10, 199. См. также вольноотпущенники, libertini
- Manus 207. См. также patria potestas
- Manus mariti 201
- Matrimonium iustum 199
- Missio 194
- Mos maiorum 36, 60

Multitudo (=populus) 90, 101, 162, 163  
Municipium 204, 205, 208. См. также муниципий  
Nobiles 20, 21, 123. См. также нобили  
Nobilitas 169. См. также нобилитет  
Nomen Latinum 203  
Nomen populi Romani 91; Romani nominis 94, 95  
Oppida foederata 207  
Oppida libera 207  
Oppida stipendiaria 207  
Oppidum 5, 206  
Optimates 20, 158—167, 169—171. См. также оптиматы  
Orbis terrarum 263  
Ordo 161. См. также сословие  
Ordo equester 126. См. также всадники, всадничество, сословие  
Pagi 210  
Parens patriae 226. См. также pater patriae, отец отечества  
Pars Clodiana 173  
Pars Pompeiana 173  
Partes 21, 157. См. также factio  
Pater familias 95, 200, 201  
Pater patriae 42. См. также parens patriae, отец отечества  
Patres 101, 200. См. также auctoritas patrum  
Patria potestas 201, 207  
Patricii 123. См. также патриции  
Patronus 200. См. также патроны  
Pecunia 110  
Perduellio 91, 92, 95, 96, 105  
Peregrini 206. См. также peregrini, iurisdictio inter peregrinos  
Plebs 87, 90, 101, 123. См. также плебс, плебеи, transitio ad plebem  
Plebs rustica 123, 124, 127, 128, 138, 139, 176, 187  
Plebs urbana 123, 124, 126—130, 138, 139, 169  
Πόλις 5, 6, 206. См. также полис  
Πολιτεία 5, 61  
Πολιτης 5  
Pompa circensis 246  
Populares 20, 166—171. См. также популяры  
Populi liberi 68, 76  
Populi stipendiarii (vectigales) 210  
Populus 27, 87—91, 94, 101, 102, 124, 162, 163, 169, 170. См. также multitudo, maiestas populi  
Populus Romanus 90, 94, 113, 140, 199, 239

Possessio 210  
Potestas 94  
Praefectura morum 226  
Praefecturae 204. См. также префектура  
Praefectus morum 233  
Praefectus urbis 245, 268. См. также префект  
Praemium 183, 194, 206, 211, 221, 222  
Praetor urbanus 232, 258. См. также претор  
Praetura urbana 256. См. также претуратура  
Primus inter pares 55  
Princeps 95. См. также principes, принцепс  
Princeps civitatis 21, 239  
Princeps senatus 126  
Principes 60, 162, 164  
Principes consilii publici 160  
Provocatio ad populum 39, 103—106, 119, 169. См. также ius provocatio-nis, провокация  
Publicum consilium 90  
Quaestio perpetua de maiestate 93  
Quaestio perpetua de repetundis 93  
Quaestiones perpetuae 109, 118, 119  
Quaestor designatus 51. См. также квестор  
Quirites 101. См. также ius quiritorium, квириты  
Regnum 92, 98, 169, 171, 267. См. также тиран, тирания, монархия  
Res mancipi (и res mancipi) 110  
Res populi 87, 90, 91, 98  
Res publica 6, 87, 90, 91, 98, 102, 190, 207, 218  
Res publica restituta 4, 267  
Rex 95, 105, 227. См. также царь  
Rogatio 181, 232. См. также рогадия  
Rogatio Hirtia 238  
Rogatio Pupia Valeria de incestu Clodii 51.  
Sacrilegium 51, 96  
Senatusconsultum 209. См. также сенатусконсульт  
Senatusconsultum ultimum 44  
Senatus populusque Romanus 11, 162  
Socii 177, 203  
Socius et amicus populi Romani 86. См. также союзник и друг римского народа  
Status civitatis 10, 111, 112, 198  
Status familiae 111, 198  
Status libertatis 111, 112, 198  
Stipendium 175, 210  
Supplicatio 226

ensa 226  
estamentum 115  
εὐδοχῶν 11  
oga 199  
ansitio ad plebem 115  
-ibunicia potestas 226. См. также три-  
бун  
Usufructus 210

Usus 243

Vectigal 210. См. также налог  
Vectigalia 55  
Vestis regia 256  
Vexillum russeum 118  
Vici 204, 210  
Vir bonus 158, 161. См. также boni  
Vulgus 101

## Список сокращений

ВДИ — Вестник древней истории.

Вестник ЛГУ — Вестник Ленинградского государственного университета.

CAH — The Cambridge Ancient History.

CIA — Corpus Inscriptionum Atticarum.

CIL — Corpus Inscriptionum Latinarum.

JRS — The Journal of Roman Studies.

RE — Pauly — Wissowa — Kroll. Real-Encyclopädie der classischen Altertums-  
wissenschaft.

# Содержание

---

<i>Введение: Полис — империя</i> . . . . .	3
<i>Глава I. От подавления «заговора» Катилины до трибуната Клодия</i> . . . . .	33
<i>Глава II. Идея народного суверенитета у римлян</i> . . . . .	83
<i>Глава III. Кризис комициального устройства в Риме</i> . . . . .	107
<i>Глава IV. Плебс и рабы</i> . . . . .	122
<i>Глава V. Оптиматы и популяры</i> . . . . .	156
<i>Глава VI. Социально-политическая роль римской армии в I в. до н. э.</i> . . . .	174
<i>Глава VII. Проблема римского гражданства</i> . . . . .	198
<i>Глава VIII. Диктатура Цезаря</i> . . . . .	224
<i>Заключение</i> . . . . .	264
<i>Указатели</i> . . . . .	272
Указатель имен . . . . .	272
Предметный указатель . . . . .	272
Список сокращений . . . . .	287

*С. Л. Утченко*

## **Кризис и падение Римской республики**

*Утверждено к печати Институтом истории Академии наук СССР*

Редактор *В. М. Смирин*  
Редактор издательства *Ф. Н. Арский*  
Художник *Г. Семиреченко*  
Технический редактор *Р. М. Денисова*

Темплан 1965 № 71. Сдано в набор 4/I 1964 г. Подписано к печати 17/II 1965 г.  
Формат 60 × 90<sup>1</sup>/<sub>16</sub>. Печ. л. 18. Уч.-изд. л. 18,4. Тираж 2000 экз. Т-00613. Изд. № 4111/04.  
Тип. зак. № 5430.

*Цена 1 р. 32 коп.*

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21